

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ**

**INTERNATIONAL LAW
AND
INTERNATIONAL
ORGANIZATIONS**

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 08-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2454-0633

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 08-10-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shinkaretskaya Galina Georgievna, doktor yuridicheskikh nauk,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2454-0633

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509.

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Алимов Кадыр Захидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, главный редактор журнала «Узбекский журнал международного права», вице-президент Ассоциации юристов-международников Узбекистана (Узбекистан, 700174, г. Ташкент, ВУЗ городок)

Бальмон Луи — доктор права, профессор университета Ницца-София Антиполис (Франция, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, Франция)

Александр Белоглазев — профессор юридического факультета Пражского университета /Чехия/, арбитр Международного арбитражного суда Международной торговой палаты /Париж/, президент Всемирной ассоциации юристов /г. Вашингтон/ (Jana Zajice 32, CZ-17000, Praha-7, Czech Republic)

Буроменский Михаил Всеволодович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, профессор кафедры международного права Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (Украина, 61024, г. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77).

Голицын Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, судья Международного трибунала по морскому праву, профессор кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Даниленко Денис Васильевич — доктор права, Университет Экс-Марсель /Aix-Marseille Universite, France/, главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа" (115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211)

Денисов Владимир Наумович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (01601, м. Киев, ул. Трёхсвятительская, д. 4)

Исполинов Алексей Станиславович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Камиллери Энрико — профессор юридического факультета Палермского университета /Италия/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Ассоциации международного права (117218, г. Москва, ул. Большая Черемушнская, д. 34)

Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации /1999-2012/ (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Саул Бен — доктор права, профессор, директор Сиднейского центра международного и глобального права (Room 635 Sydney Law School, Australia)

Стоун Петер Алан — профессор юридического факультета Эссекского университета /Великобритания/ (stonp@essex.ac.uk)

Толстомятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76)

Шинкарецкая Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, руководитель группы международно-правовых проблем в отношениях между странами-членами Содружества Независимых Государств Института государства и права Российской академии наук (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Штиблар Франьо — профессор юридического факультета Люблянского университета /Словения/, профессор Болонского университета /Италия/ (Emonska, 10, 1000, Ljubljana, Slovenia)

Юмашев Юрий Михайлович — доктор юридических наук, заведующий сектором правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Брызгалин Аркадий Викторович - кандидат юридических наук, директор ЗАО «Центр «Налоги и финансовое право». 620027. Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 77.

Винницкий Данил Владимирович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральской государственной юридической академии, член Президиума Международной ассоциации финансового права, Председатель Уральского отделения. 620137. Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Ерпылева Наталия Юрьевна - доктор юридических наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права, 109028, Россия, г. Москва, пер. Б. Трехсвятительский, 3, оф. 411а, natasha.erpyleva@rambler.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской

Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Мезяев Александр Борисович - доктор юридических наук, Университет управления ТИСБИ, зав.кафедрой международного права, профессор, 420012, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, 13, оф. 248, alexmezyaev@gmail.com

Никитина Ирина Эдуардовна - доктор юридических наук, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, 141080, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Легостаева, 4, кв. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Самович Юлия Владимировна - доктор юридических наук, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 421001, Россия, республика Республика Татарстан, г. Казань, ул. Чистопольская, 73, кв. 123, juliasamovich@gmail.com

Скаридов Александр Станиславович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова», Заведующий кафедрой международного и морского права, Общество с ограниченной ответственностью "Агентство морского права", Директор, 190121, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, пер. Калинин, 4, корп.1, оф. 1-Н, alexskar@oceanlaw.ru

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Council of Editors

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509.

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Alimov Kadyr Zahidovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Editor-in-Chief of the journal "Uzbek Journal of International Law", Vice-President of the Association of International Lawyers of Uzbekistan (Uzbekistan, 700174, Tashkent, University town)

Balmont Louis — Doctor of Law, Professor at the University of Nice-Sofia Antipolis (France, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, France)

Alexander Beloglavek — Professor of the Faculty of Law of Prague University /Czech Republic/, arbitrator of the International Arbitration Court of the International Chamber of Commerce /Paris/, President of the World Bar Association / Washington/ (Jana Zajice 32, CZ-17000, Praha-7, Czech Republic)

Buromensky Mikhail Vsevolodovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Professor of the Department of International Law of the National Law University. Yaroslav the Wise (Ukraine, 61024, Kharkiv, Pushkinskaya str., 77).

Golitsyn Vladimir Vladimirovich — Doctor of Law, Professor, Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea, Professor of the Department of International Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, p. 13 /4th Academic Building/)

Denis Vasilyevich Danilenko — Doctor of Law, University of Aix-Marseille /Aix-Marseille Universite, France/, Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC (115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, building 6A, office 211)

Vladimir Naumovich Denisov — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the

Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Head of the Department of International Law and Comparative Jurisprudence of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatytelska Str., Kyiv, 01601)

Alexey Stanislavovich Ispolinov — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, p. 13 /4th Academic Building/)

Camilleri Enrico — Professor of the Faculty of Law of the University of Palermo /Italy/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Anatoly Yakovlevich Kapustin — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, President of the Association of International Law (34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218)

Kovler Anatoly Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Judicial Power of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Judge of the European Court of Human Rights from the Russian Federation /1999-2012/ (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1, p. 13 /4th academic building/)

Saul Ben — Doctor of Law, Professor, Director of the Sydney Center for International and Global Law (Room 635 Sydney Law School, Australia)

Stone Peter Alan — Professor at the Faculty of Law of the University of Essex /UK/ (stonp@essex.ac.uk)

Tolstopyatenko Gennady Petrovich — Doctor of Law, Professor, Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) The Ministry of Foreign Affairs of Russia (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454)

Galina Georgievna Shinkaretskaya — Doctor of Law, Chief Researcher, Head of the Group of International Legal Problems in Relations between the member Countries of the Commonwealth of Independent States of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Stiblar Franjo — Professor at the Faculty of Law of the University of Ljubljana /Slovenia/, Professor at the University of Bologna /Italy/ (Emonska, 10, 1000, Ljubljana, Slovenia)

Yuri Mikhailovich Yumashev — Doctor of Law, Head of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Public and Private Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics" (10 Znamenka Str., Moscow, 119019)

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Korobeev Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Arkady Viktorovich Bryzgalin - Candidate of Law, Director of the Center for Taxes and Financial Law CJSC. 620027. Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lunacharsky str., 77.

Vinnitsky Danil Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law Academy, member of the Presidium of the International Association of Financial Law, Chairman of the Ural Branch. 620137. Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21.

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Natalia Yurievna Erpyleva - Doctor of Law, National Research University "Higher School of Economics", Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, 109028, Russia, Moscow, B. Trekhsvyatitsky Lane, 3, office 411a, natasha.erpyleva@rambler.ru

Kezhutin Andrey Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, M. Gorky str., 160, sq. 58, kezhutin@rambler.ru

Mezyaev Alexander Borisovich - Doctor of Law, TISBI University of Management, Head of the Department of International Law, Professor, 420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str., office 248, alexmezyaev@gmail.com

Nikitina Irina Eduardovna - Doctor of Law, FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Chief Researcher, 141080, Russia, Moscow region, Korolev, Legostaeva str., 4, sq. 293, irinanitina23@rambler.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control Staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Yulia Vladimirovna Samovich - Doctor of Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Kazan), Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 421001, Russia, Republic of the Republic of Tatarstan, Kazan, 73 Chistopolskaya str., 123 sq., juliasamovich@gmail.com

Skaridov Alexander Stanislavovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and River Fleet", Head of the Department of International and Maritime Law, Limited Liability Company "Agency of Maritime Law", Director, 190121, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, trans . Kalinkin, 4, building 1, of. 1-N, alexskar@oceanlaw.ru

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

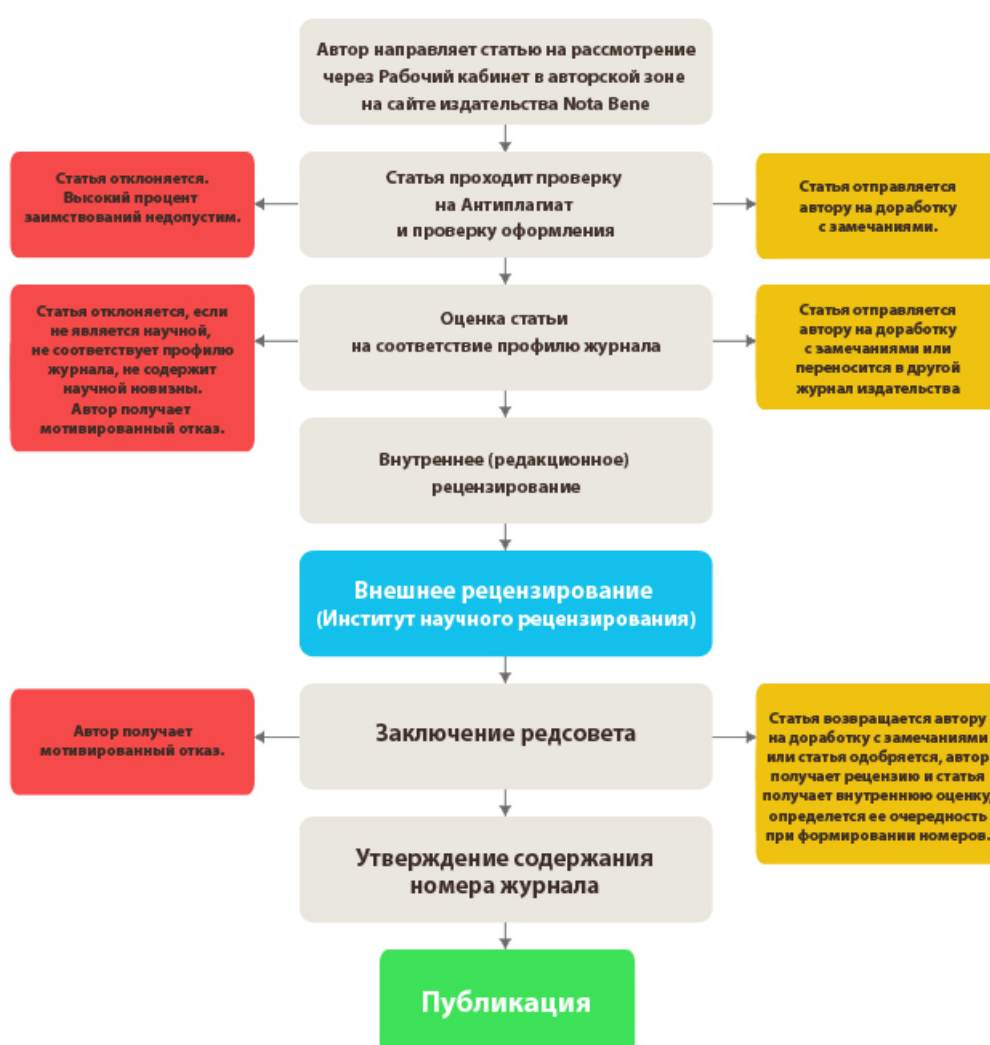
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Козлов А.В. Изменение вектора использования энергоносителей в странах ЕС: особенности реализации программы REPowerEU	16
Залесны Я., Савченко М.С., Потапенко С.В., Чешин А.В., Гончаров В.В. Общественный контроль за международными неправительственными организациями: современное состояние и перспективы развития	28
Поярков С.Ю. Международно-правовой правопорядок и трансформация парадигмы конституционализма: от внутреннего суверенитета к глобальной нормативности	43
Балычевский Д.Н. К вопросу о международно-правовых принципах использования космических ресурсов	60
Кулов С.С. Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации	78
Дегтерев Д.А., Степанова В.С. Валютные отношения Франции со странами Западной Африки: база документов по «последней колониальной валюте» Африки	93
Свецкий А.В. Проблемы и перспективы международного и национального правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта	110
Андрианова Н.Г. Подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта	125
Поярков С.Ю. Влияние процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правопорядках	143
Черных И.А., Протасевич Ф.А., Дмитриева М.М. Вклад международных организаций в разрешение вопроса о тёмном и тихом небе для науки и общества	165
Петухов Д.В. Формирование международных норм по охране окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов: опыт конца XX – начала XXI веков.	181
Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «Jus cogens» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка	195
Гончаров В.В., Поярков С.Ю., Савченко М.С. Конституционные системы под международными санкциями: правовая устойчивость и пределы автономии	216
Англоязычные метаданные	236

Contents

Kozlov A.V. Change in the energy usage in EU countries: features of the implementation of the REPowerEU	16
Zalesny Y., Savchenko M.S., Potapenko S.V., Cheshin A.V., Goncharov V.V. Public control over international non-governmental organizations: current state and development prospects	28
Poyarkov S.Y. International legal order and the transformation of the paradigm of constitutionalism: from internal sovereignty to global normativity	43
Balichevsky D. On the issue of international legal principles regarding the use of space resources.	60
Kulov S.S. New forms of intervention in the freedom of beliefs: international legal doctrine in the context of digital transformation	78
Degterev D.A., Stepanova V.S. Monetary Relations of France with the Countries of West Africa: Full-Texts Database on the "Last Colonial Currency" of Africa	93
Svetskiy A.V. Problems and prospects of international and national legal regulation of technologies using artificial intelligence	110
Andrianova N.G. Approaches of international organizations to the regulation of artificial intelligence	125
Poyarkov S.Y. The influence of the constitutionalism transformation on the implementation of international humanitarian law norms in national legal orders	143
Chernykh I.A., Protasevich F.A., Dmitrieva M.M. Contributions of International Organizations to Addressing Dark and Quiet Skies for Science and Society	165
Petuhov D.V. The formation of international environmental standards in the context of armed conflict: the experience of the late XX – early XXI centuries	181
Poyarkov S.Y., Goncharov V.V. "Jus cogens" and constitutional law: Transformation of the hierarchy of norms and institutions in the context of global law and order	195
Goncharov V.V., Poyarkov S.Y., Savchenko M.S. Constitutional systems under international sanctions: legal resilience and limits of autonomy	216
Metadata in english	236

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Козлов А.В. Изменение вектора использования энергоносителей в странах ЕС: особенности реализации программы REPowerEU // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.73954 EDN: TMQZXX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73954

Изменение вектора использования энергоносителей в странах ЕС: особенности реализации программы REPowerEU

Козлов Альберт Валерьевич

аспирант; кафедра интеграционного и европейского права; МГЮА им. О.Е. Кутафина
Ведущий юрист; ООО "Скиф Консалтинг"

129345, Россия, г. Москва, Лосиноостровский р-н, ул. Тайнинская, д. 8, кв. 85

✉ albertkozlov27@gmail.com

[Статья из рубрики "Интеграционное право и наднациональные объединения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.73954

EDN:

TMQZXX

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2025

Дата публикации:

10-04-2025

Аннотация: В данной статье рассматривается энергетическая политика Европейского союза и ее трансформация, в связи с меняющейся геополитической ситуацией. Приводятся ключевые вызовы, с которыми сталкивается система энергоснабжения Европейского союза, которая обуславливает необходимость создания систем обеспечения надежности и повышения энергоэффективности и энергетической безопасности. Особое внимание автором уделяется анализу существующего рынка энергопотребления в Европейском союзе и существующих, в зависимости от конкретных источников энергии, проблем. В статье также анализируются особенности осуществления программы REPowerEU, которая направлена на ускорение перехода к возобновляемым источникам энергии и повышение энергоэффективности, влияние

геополитической ситуации на эти процессы. При подготовке настоящего исследования автором использовались формально-юридический и системный методы, а также метод индукции, дедукции и анализа. Автор статьи также делает выводы о потенциальном воздействии внутренних мер, предпринимаемых в рамках этой программы, на международное сообщество. Автор статьи также подчеркивает на необходимость эффективного управления и контроля над этими процессами, а также приходит к выводам о необратимом характере действующего энергетического курса Европейского союза. Так, Автор среди наиболее важных рекомендаций выделяет необходимость в нормализации деловых отношений с мировыми державами, а также необходимость в более сбалансированном переходе на возобновляемые источники. Особого внимания заслуживает рекомендация по учету интересов, как внутренних государств-участников Европейского союза, так и интересов ближайших-стран партнеров при реализации действующего энергетического курса, в том числе анализу потенциальных последствий, которые принимаемы Европейским союзом внутренних мер для мирового энергетического сообщества.

Ключевые слова:

энергетическая политика ЕС, энергетическая безопасность, трансформация, возобновляемые источники энергии, программа REPowerEU, диверсификация поставок газа, Зеленая сделка, энергетический курс ЕС, энергоэффективность, зеленая повестка

В современном мире энергетический сектор имеет первостепенное значение для экономического развития государств и благосостояния их населения.

Энергетическая политика, одна из важнейших политик деятельности Европейского союза, ставит своей целью обеспечение энергетической безопасности своих государств-участников за счет диверсификации источников энергии и сокращения зависимости от импорта энергоносителей. В то же время статьей 2 Договора о функционировании Европейского союза «энергия» и «трансъевропейские сети» отнесены к совместной компетенции Союза и стран-участниц.

Вопросы, связанные с энергетической политикой Европейского союза становились предметом исследования таких отечественных ученых, как С.В. Жуков, И.В. Гудков, Э. М. Фазельянов, И. А. Чувычкина, И.Г. Пашковская, С. А. Рогинко, О.И. Ковтун и др. Целью настоящего исследования является анализ изменения потребления энергоресурсов в странах Европейского союза и принимаемых в связи с этим мер, результатом которого станут рекомендации и заключения по более эффективному осуществлению действующего энергетического курса.

Топливо-энергетический сектор всегда являлся наиболее уязвимым элементом экономики стран Западной Европы. Именно поэтому основой европейской интеграции в первую очередь стали Европейское сообщество угля и стали (ЕОУС) и Европейское атомное сообщество (Евратом).

Нефтяной кризис 1973 г., вызванный недостатком энергетических ресурсов, вновь актуализировал вопрос о необходимости тесной кооперации стран-участниц сообщества в сфере энергетики. Тем не менее, к реализации масштабных практических шагов по интеграции в сфере энергетики государства-члены приступили лишь после создания единого внутреннего рынка [\[1, с.134\]](#).

В последнее время положения статей 170-172 XVI раздела «Трансъевропейские сети» Договора о функционировании Европейского союза приобретают особую значимость в контексте энергетической политики. Несмотря на не вполне ясные формулировки, эти статьи предусматривают поддержку ЕС проектов развития трансъевропейской энергетической инфраструктуры.

Статья 194 Раздела XXI «Энергия» закрепляет общие положения о взаимодействии национального и наднационального уровней в энергетической сфере, отдельно выделяет наличие «духа солидарности» взаимодействия. Из текста статьи становится очевидна неразрывная связь энергетической политики ЕС с экологической политикой ЕС. Так, энергетическая политика ЕС должна реализовываться «с учетом потребности в сохранении и улучшении окружающей среды».

Современная структура рынка энергоснабжения определяет ключевые направления правового регулирования в этой сфере. В странах ЕС приоритет отдается обеспечению снабжением электроэнергией, газом и нефтью, что приводит к маргинализации других инфраструктурных элементов, включая рынок угля.

Ключевыми направлениями правового обеспечения энергетической сферы являются: обеспечение стабильных поставок электроэнергии на территории Евросоюза, стимулирование роста энергоэффективности и рационального использования ресурсов, а также продвижение внедрения инновационных и возобновляемых источников энергии.

Современная система энергоснабжения ЕС сталкивается с двумя ключевыми вызовами, обуславливающими необходимость создания систем обеспечения надежности и повышения энергоэффективности.

Европейский союз, являясь крупнейшим потребителем энергетических ресурсов, импортирует 70% своей потребности из стран, не входящих в блок. Это создаёт экономическую и политическую зависимость от внешних поставщиков.

Привычные для Европейского союза модели энергопотребления оказывают негативное воздействие на окружающую среду. Необходима разработка и реализация альтернативных, экологически чистых источников энергии для обеспечения устойчивого развития.

В 2019 году в ЕС был запущен проект «Зеленая сделка», направленный на глубокую трансформацию социально-экономической системы Европы, начиная с энергетического сектора. Целью проекта является достижение углеродной нейтральности европейской экономики к 2050 году. Для достижения поставленной цели планируется ужесточение норм выбросов парниковых газов, ускорение темпов их снижения, повышение доли возобновляемых источников энергии до 40% к 2030 году. Также предусматривается введение налогообложения на энергоносители с целью достижения нулевого уровня выбросов к 2050 году. Так, например, в 2023 г. был введен «углеродный налог» для поставщиков, экспортирующих товары в ЕС. Некоторые авторы характеризуют «зеленую» политику, как политику неопределенности, «порождающую волну перемен с неясными результатами» и приводящую к внутренним и внешним вызовам для энергетической безопасности [\[2\]](#).

В дополнение к «Зеленой сделке» Европейский парламент принял Европейский закон о климате, который устанавливает более амбициозную цель сокращения чистых выбросов парниковых газов не менее чем на 55% к 2030 году (по сравнению с нынешними 40%) и делает ее юридически обязательной. [\[3\]](#).

Среди ученых существует мнение о причинах увеличившегося к энергетической политике ЕС внимания. Так, А.В. Дрыночкин отмечает, что усиление внимания к энергетической сфере обусловлено стремлением к усилению и расширению власти наднациональных (европейских) органов, когда рычаги управления маскируются «под общие цели» ^[4].

На наш взгляд, существует объективная необходимость к увеличению внимания к энергетической и экологической безопасности для стран ЕС и для всего мира в целом, особенно учитывая геополитическую обстановку и глобальное повышение температуры, связанное с использованием загрязняющих окружающую среду энергоресурсов. В то же время данная необходимость не исключает стремление европейских чиновников к расширению и укреплению власти над национальными участниками.

Снижение зависимости ЕС от поставок энергоресурсов из государств, не являющихся членами ЕС, в том числе из России, связано с геополитической ситуацией. В последнее время энергетический сектор ЕС претерпевает существенные изменения, обусловленные геополитическими изменениями. После 2022 года ЕС стремится к снижению зависимости от российских энергоносителей и развитию альтернативных источников энергии. По данным Еврокомиссии, в первой половине 2024 года наблюдалось значительное сокращение доли российского газа в общем объеме импорта ЕС. Если в 2021 году доля российского газа, как трубопроводного, так и сжиженного (СПГ), составляла 45%, то к середине 2024 года этот показатель снизился до 18%. В 2010-ые годы Россия занимала второе место по поставкам сжиженного газа в ЕС ^[5]. На данный момент основными поставщиками газа в ЕС стали Норвегия, осуществляющая поставки по трубопроводам, и США, поставляющие сжиженный газ.

В отчете European Electricity Review 2024 (CC BY-SA 4.0), подготовленном EMBER ^[6], представлены статистические данные по производству и потреблению электроэнергии в ЕС за 2023 год. Согласно данным отчета, 2023 год ознаменовался беспрецедентным снижением потребления угля и газа, а также выбросов CO₂. Доля ископаемого топлива в производстве электроэнергии в ЕС упала до рекордно низкого уровня - 19%, что на 209 ТВтч меньше, чем в предыдущем году. В то же время доля возобновляемых источников энергии достигла рекордных 44%, что свидетельствует о прогрессе региона в сфере энергетического перехода.

Ветровая и солнечная энергия вместе выработали рекордные 27% электроэнергии ЕС в 2023 году, увеличив свой вклад на 90 ТВтч по сравнению с предыдущим годом. Это свидетельствует о продолжающемся росте доли возобновляемых источников энергии.

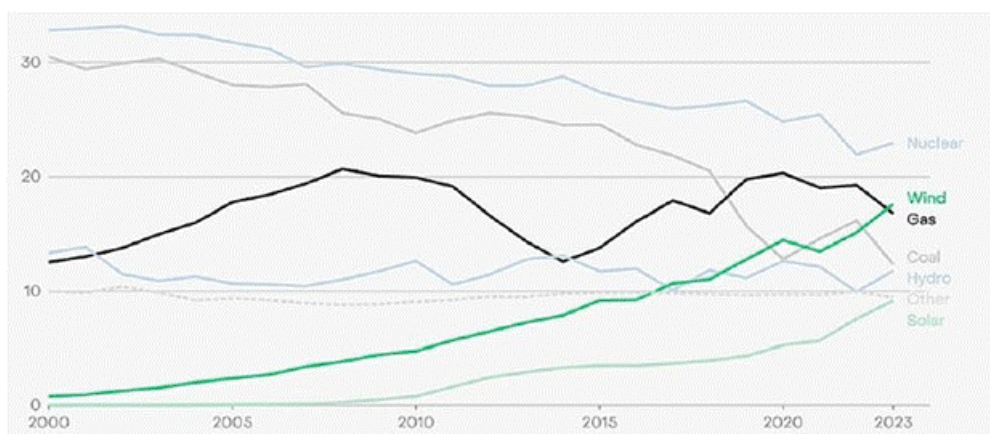

Рисунок 1 – Доля производства электроэнергии в ЕС в разбивке по источникам (%) ^[1]

Согласно представленным данным, производство электроэнергии за счет ветряных установок впервые превысило газовое производство. Зафиксирован беспрецедентный годовой рост выработки ветровой энергии на 55 ТВтч (13%). Общий объем производства ветровой энергии достиг 475 ТВтч, что составляет 18% от общего объема, в то время как газовое производство составило 452 ТВтч. Наблюдается тенденция к снижению газового производства на протяжении последних четырех лет.

В настоящий момент ЕС рассматривает возможность постепенного отказа от использования угля. Первоначально большинство стран Союза планировало завершить этот процесс к 2038 году. Однако в связи с текущей геополитической ситуацией обсуждается корректировка сроков и увеличение допустимого объема выработки электроэнергии на угольных ТЭС с 168 до 273 ТВт в год. Некоторые государства, такие как Германия, Австрия, Франция и Нидерланды, уже объявили о планах по перезапуску ранее остановленных угольных электростанций. В результате, в ближайшие 3-4 года спрос на уголь может даже возрасти, что отмечают и отечественные ученые [7].

Тем не менее, это не повлияет на долгосрочную стратегию ЕС, направленную на полное прекращение использования угля в энергетике. После кратковременного увеличения потребления ожидается его постепенное снижение [8]. Из этого, как справедливо отмечает В.О. Гришина, вытекает проблема отсутствия единого мнения о том, какие энергоносители можно считать экологически чистыми, а от каких необходимо отказаться [9].

Изменения касаются и развития атомной энергетики. Страны, такие как Франция, уже сделали ставку на развитие атомной энергетики, что может снизить долгосрочные риски энергозависимости. Президент Франции объявил о плане построить в стране шесть ядерных реакторов нового поколения, начиная с 2028 года.

Атомная энергетика прочно утвердилась в Европе, в 13 из 27 государств-членов ЕС действуют АЭС. Они обеспечивают около четверти всей электроэнергии в Европе.

Несмотря на очевидные преимущества, развитие атомной энергетики сталкивается с проблемами:

- экономические – значительные финансовые затраты на строительство и эксплуатацию АЭС отпугивают потенциальных инвесторов;
- отсутствие рабочих прототипов – у европейских регуляторов есть множество стартапов, но нет даже рабочего прототипа малого модульного реактора, который можно было бы протестировать. Так, С.В. Жуков и О.Б. Резникова одной из причин энергетического кризиса в Европейском союзе выделяют структурные проблемы генерации атомной энергии, обусловленные прогрессивным устареванием и отказами оборудования [10].

В ближайшем будущем строительство АЭС в сотрудничестве с «Росатомом» планируется в Венгрии. В настоящее время Венгрия ведет переговоры с российской государственной корпорацией «Росатом» о корректировке договора на реализацию проекта атомной электростанции «Пакш-2», в том числе, касающейся финансовых условий. Сроки ввода в эксплуатацию новых энергоблоков, как ожидается, сохранятся на первоначальном уровне – начало 2030-х годов.

Все проекты строительства АЭС за рубежом выполняются в плановом режиме, за исключением проекта АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии, который финский заказчик

прекратил в одностороннем порядке по политическим причинам.

Скорее всего, включение атомной энергетики в «зелёный реестр» спровоцирует продолжение дискуссии о перспективном развитии этой отрасли в регионе. Со временем она будет обогащена опытом стран, эксплуатирующих атомные электростанции, а также государств, стремящихся к полному переходу на возобновляемые источники энергии. Это позволит провести сравнительный анализ эффективности различных моделей и послужит основой для пересмотра и корректировки принимаемых решений.

В ЕС предполагается увеличение показателей экономического роста при сокращении потребления энергоресурсов за счёт более эффективных технологий и мер по энергосбережению.

Европарламент принял цели по сокращению энергопотребления в ЕС к 2030 году как минимум на 11,7% по сравнению с прогнозами 2020 года. Страны ЕС должны сокращать конечное потребление энергии в среднем на 1,5% в год [\[11\]](#).

Меры, которые предусмотрены для достижения этих целей:

1. Снижение энергопотребления зданий. На здания в ЕС приходится 40% энергопотребления и 36% выбросов парниковых газов. Жилые здания должны быть модернизированы до уровня D к 2033 году, а для нежилых и общественных зданий крайний срок — 2030 год.
2. Использование солнечных технологий. Страны ЕС обязаны обеспечить использование солнечных технологий в новых зданиях к 2028 году, когда это технически и экономически возможно. Для жилых домов срок до 2032 года.
3. Переоборудование общественных зданий. Страны ЕС должны обеспечить ежегодную модернизацию не менее 3% общественных зданий в здания с почти нулевым энергопотреблением или зданиями с нулевым уровнем выбросов.

Для реализации этой цели на региональном и национальном уровнях разрабатываются и внедряются комплексные меры, охватывающие различные секторы экономики: государственное управление, строительство, промышленность, центры обработки данных и другие.

Программа REPowerEU, принятая в ответ на вторжение России в Украину, является стратегией ЕС по прекращению зависимости от импорта ископаемого топлива из России. Целями плана являются диверсификация поставок энергоносителей, повышение энергоэффективности и ускорение внедрения возобновляемых источников энергии. Для поддержки необходимых инвестиций и в соответствии с межведомственным соглашением, подписанным в декабре 2022 года, государства-члены могут запросить дополнительное финансирование, представив в Европейскую комиссию разделы REPowerEU для финансирования конкретных мер. Фонды ЕС доступны для поддержки предприятий, домашних хозяйств и критически важной инфраструктуры, необходимой для безопасного перехода к энергетике [\[12\]](#).

Особенностями реализации программы REPowerEU являются:

1. Диверсификация поставок газа. Предусмотрена повышенная роль сжиженного природного газа (СПГ) и других трубопроводных поставок от нероссийских поставщиков. Планируется увеличить производство и диверсификацию возобновляемого водорода и биогаза. К 2030 году цель — удвоить производство биометана до 35 млрд кубических

метров. Так, например, с целью диверсификации поставок в 2022 году была учреждена Энергетическая платформа ЕС, упрощающая подписание меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве с такими странами энергоэкспортерами как США, Азербайджан, Египет, Норвегия, в основном в области поставок газа.

2. Ускорение перехода к возобновляемым источникам энергии и повышение энергоэффективности. Планируется увеличить долю возобновляемых источников энергии в европейском энергобалансе с 40% до 45% к 2030 году. В целях снижения зависимости от ископаемого топлива планируется ускорить внедрение электрических тепловых насосов. Предполагается, что в течение следующих пяти лет будет установлено 10 миллионов таких устройств, что позволит им постепенно вытеснить с рынка традиционные отопительные котлы, работающие на ископаемом топливе.

3. Изменение поведения граждан в плане потребления энергии. Планируется провести просветительскую работу по экономии энергии и повысить вовлечённость граждан в этот процесс.

Для достижения поставленных целей к 2030 году необходимы инвестиции в размере 300 миллиардов евро, причём 210 миллиардов евро должны быть направлены на реализацию проектов до 2027 года.

Главная цель REPowerEU — сокращение зависимости Европы от российских нефти и газа.

Отказ от доступных российских поставок газа в пользу дорогих и пока нестабильных возобновляемых источников энергии, требующих резервных угольных и газовых электростанций, не получил поддержки у европейского общества. В государствах Евросоюза всё больше популярности набирают правые политические силы, выступающие за адекватную зелёную политику. Они выступают за частичное сохранение традиционных видов топлива и сотрудничество с Россией в энергетической сфере.

В настоящее время инициативы в области охраны окружающей среды сталкиваются со значительными трудностями. Более трети целей устойчивого развития, определенных Парижским соглашением 2015 г., показывают менее успешную динамику по сравнению с показателями десятилетней давности. Наблюдается недостаточность финансирования и внимания адаптации к изменениям климата. Несмотря на это, специалисты подчеркивают, что отказ от достигнутых результатов не является приемлемым решением. Переход к «зелёной» экономике должен быть осуществлен таким образом, чтобы минимизировать негативное воздействие на экономическую сферу. Так, некоторые ученые говорят о необходимости трансформации европейских моделей торговли [\[13\]](#). Пример Китая, который одновременно финансирует возобновляемые источники энергии и продолжает использовать традиционные ресурсы, раскрывает эффективность сбалансированного подхода к зеленому переходу. Однако для реализации такого подхода требуются существенные финансовые затраты.

В ЕС наблюдается увеличение доли возобновляемых источников энергии в общей структуре производства электроэнергии. Однако этот рост обусловлен не только факторами, связанными с развитием «зелёной» энергетики самой по себе, но и внешними обстоятельствами. К ним относятся, во-первых, снижение объёмов промышленного производства, являющегося крупнейшим потребителем электроэнергии, и, во-вторых, вынужденный отказ от российских энергоносителей в результате санкций.

В 2023 году Германия смогла обеспечить до 40% своего энергопотребления за счет возобновляемых источников энергии – ветра и солнца. Несмотря на это, в стране был

введен режим жесткой экономии электроэнергии, а также ограничены производственные мощности в энергоемких отраслях экономики.

Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен отмечает, что отказ от поставок российских энергоресурсов ввиду «войны санкций» привел к существенному подъему цен на электроэнергию для европейских потребителей. По её словам, этот фактор оказывает значительное влияние на бюджетный дефицит стран Евросоюза, который стремительно растет. Такая ситуация негативно отражается как на уровне благосостояния граждан, так и на обороноспособности стран ЕС. Значительные проблемы «зеленой повестки» отмечает и С.А. Рогинко, отмечая «беспрецедентную дискредитацию ее главных организаторов, неспособных соответствовать своим обязательствам» [\[14\]](#).

Вследствие сбоев в поставках оборудования и повышения цен на электроэнергию, инвестиции в «зелёную» энергетику стали менее привлекательными, что привело к убыткам для компаний в этой сфере. Возникший экономический кризис в Европе побудил Еврокомиссию к пересмотру своих обязательств по «Зелёной сделке», включая снятие ограничений на двигатели внутреннего сгорания и отказ от преимуществ для возобновляемых источников энергии, таких как ядерная генерация.

Зарубежные ученые отмечают, что реализация плана RePowerEU затронет не только отношения России и ЕС, но также повлечет за собой «колебания цен на энергоносители на мировом уровне, которые нарушат глобальную экономическую стабильность и поставят под угрозу национальную безопасность стран с низким уровнем энергетической безопасности» [\[15\]](#).

Несмотря на значительные субсидии, предоставляемые на Западе, альтернативные источники энергии не смогли полностью заменить уголь, газ и атомную энергетику в силу своей большей стоимости и недостаточной надежности.

Европейские чиновники предложили включить возобновление поставок российского трубопроводного газа в Европу в текст будущего соглашения об урегулировании конфликта на Украине. Идею одобрили несколько официальных лиц Германии, Венгрии и еще некоторых государств. Они считают, что поставки газа из России позволят снизить цены на энергоносители в ЕС и «дадут обеим сторонам повод придерживаться соглашения о прекращении огня». Однако чиновники стран Восточной Европы данные предложения не поддержали.

Таким образом, процессы диверсификации энергетического сектора ЕС в рамках программы RePowerEU, инициированные в целях снижения зависимости от российских энергоносителей, приобретут необратимый характер. Несмотря на то, что первоначально эти процессы были вызваны стремлением к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, нынешняя геополитическая ситуация существенно ускорила их реализацию. Даже после урегулирования политического конфликта и отмены санкций, Евросоюз продолжит активно развивать альтернативные источники энергии.

«Зелёная сделка» ЕС является комплексной стратегией развития, затронет все политики Европейского союза, а в контексте энергетической политики ЕС затронет мировые рынки энергоресурсов, страны-экспортеры углеводородов вблизи ЕС, энергетическую безопасность Европы. Некоторые из этих изменений могут негативно сказаться на экономике стран-партнеров.

В этой связи ЕС должен быть готов к анализу и учету последствий введения внутренних

мер для международного сообщества, к управлению геополитическими аспектами сделки.

Развитие деловых отношений с ключевыми региональными партнерами, в том числе с Россией и Алжиром, а также с ведущими мировыми державами, такими как США, Китай и Саудовская Аравия, должно быть признано приоритетным направлением внешней политики ЕС.

[\[1\]](#) Годовые данные по электроэнергии, EMBER

Библиография

1. Кашкин, С. Ю. Право Европейского союза: учебник для вузов / С. Ю. Кашкин; под редакцией С. Ю. Кашкина. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 172 с.
2. Фазельянов, Э. М. Энергетический кризис в Европе и поставки российского газа // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 4. DOI: 10.15211/vestnikieran42022133142 EDN: OQNIXW.
3. Клименко, Д. В. Энергетическая политика Европейского союза // Геоэкономика энергетики. 2023. № 4 (24). - С. 101-118. DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_101 EDN: SAFHWU.
4. Дрыночкин, А. В. "Коммунитаризация" энергетической политики ЕС // Вестник РГГУ. Серия "Экономика. Управление. Право". 2022. № 3. Ч. 2. - С. 216-228. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-216-228 EDN: NFARRS.
5. Ковтун, О. И. Энергетическая политика ЕС через призму вопросов безопасности // ЦИТИСЭ. 2024. № 3. - С. 25-39. EDN: AQPKNY.
6. European Electricity Review 2024 // [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.apren.pt/contents/publicationsothers/ember-european-electricity-review-2024-compressed-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
7. Чувычкина, И. А. Трансформация российско-европейских отношений в энергетике в контексте санкционной политики // ЭСПР. 2023. № 2 (54).
8. Будущее угольной индустрии: рынок России до 2050 г. // [Электронный ресурс]. - URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/c18/2nb7m91f5ghtb62dp0m50e3hj0hssvnu/May_2023_coal_part_2.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
9. Гришина, В. О. Проблемы и перспективы развития возобновляемых источников энергии в Европейском союзе // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. - С. 26-29. EDN: BUFMPL.
10. Жуков, С. В., Резникова, О. Б. Кризис электроэнергетики в странах Евросоюза: динамика, движущие силы и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1. DOI: 10.47711/0868-6351-202-90-104 EDN: MQZWFU.
11. Энергосбережение: действия ЕС по снижению энергопотребления // [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.eureporter.co/energy/2023/08/23/energy-saving-eu-action-to-reduce-energy-consumption/> (дата обращения: 13.03.2025).
12. REPowerEU - a new opportunity to finance energy transformation // [Электронный ресурс]. - URL: https://bankwatch.org/wp-content/uploads/2023/03/2023-03-24_REPowerEU-factsheet.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
13. Леонард, М., Пизани-ферри, Ж., Шапиро, Д., Тальяпиетра, С., Вульф, Г. Геополитика "зеленой сделки" Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. № 2. - С. 204-235. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10 EDN: MDGPXJ.
14. Рогинко, С. А. Климатическая повестка в современной ситуации: советы для экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. №

4. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465 EDN: SOAZZA.

15. Azis, A., Andrian, T. M., & Akhrianti, D. N. The REPowerEU: An EU Climate Ambitions and Its Implications On Russian-European Energy Geopolitics Stability. Journal of International Studies on Energy Affairs. 2022. Vol. 3. No. 2. - P. 152-165. DOI: 10.51413/jisea.vol3.iss2.2022.152-165 EDN: TXPFXA.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, изменение вектора использования энергоносителей в странах ЕС. Автор сосредоточил внимание на изучении особенностей реализации программы REPowerEU. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В современном мире энергетический сектор имеет первостепенное значение для экономического развития государств и благосостояния их населения.

Энергетическая политика, одна из важнейших политик деятельности Европейского союза, ставит своей целью обеспечение энергетической безопасности своих государств-участников за счет диверсификации источников энергии и сокращения зависимости от импорта энергоносителей. В то же время статьей 2 Договора о функционировании Европейского союза «энергия» и «трансевропейские сети» отнесены к совместной компетенции Союза и стран-участниц". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Вопросы, связанные с энергетической политикой Европейского союза становились предметом исследования таких отечественных ученых, как С.В. Жуков, И.В. Гудков, Э. М. Фазельянов, И. А. Чувычкина, И.Г. Пашковская, С. А. Рогинко, О.И. Ковтун и др."

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "На наш взгляд, существует объективная необходимость к увеличению внимания к энергетической и экологической безопасности для стран ЕС и для всего мира в целом, особенно учитывая геополитическую обстановку и глобальное повышение температуры, связанное с использованием загрязняющих окружающую среду энергоресурсов. В то же время данная необходимость не исключает стремление европейских чиновников к расширению и укреплению власти над национальными участниками. Снижение зависимости ЕС от поставок энергоресурсов из государств, не являющихся членами ЕС, в том числе из России, связано с геополитической ситуацией. В последнее время энергетический сектор ЕС претерпевает существенные изменения, обусловленные геополитическими изменениями. После 2022 года ЕС стремится к снижению зависимости от российских энергоносителей и развитию альтернативных источников энергии"; "Скорее всего, включение атомной энергетики в «зелёный реестр» спровоцирует продолжение дискуссии о перспективном развитии этой отрасли в регионе. Со временем она будет обогащена опытом стран, эксплуатирующих атомные электростанции, а также государств, стремящихся к полному переходу на возобновляемые источники энергии. Это позволит провести сравнительный анализ эффективности различных моделей и послужит основой для пересмотра и корректировки принимаемых решений"; "... процессы диверсификации энергетического сектора ЕС в рамках программы RePowerEU, инициированные в целях снижения зависимости от российских энергоносителей, приобретут необратимый характер. Несмотря на то, что первоначально эти процессы

были вызваны стремлением к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, нынешняя геополитическая ситуация существенно ускорила их реализацию. Даже после урегулирования политического конфликта и отмены санкций, Евросоюз продолжит активно развивать альтернативные источники энергии. «Зелёная сделка» ЕС является комплексной стратегией развития, затронет все политики Европейского союза, а в контексте энергетической политики ЕС затронет мировые рынки энергоресурсов, страны-экспортеры углеводородов вблизи ЕС, энергетическую безопасность Европы. Некоторые из этих изменений могут негативно сказаться на экономике стран-партнеров. В этой связи ЕС должен быть готов к анализу и учету последствий введения внутренних мер для международного сообщества, к управлению геополитическими аспектами сделки" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует изменения потребления энергоресурсов в странах Европейского союза и принимаемые в связи с этим меры, а также дает рекомендации по более эффективному осуществлению действующего энергетического курса. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Вопросы, связанные с энергетической политикой Европейского союза становились предметом исследования таких отечественных ученых, как С.В. Жуков, И.В. Гудков, Э. М. Фазельянов, И. А. Чувычкина, И.Г. Пашковская, С. А. Рогинко, О.И. Ковтун и др." - "Вопросы, связанные с энергетической политикой Европейского союза, становились предметом исследования таких отечественных ученых, как С. В. Жуков, И. В. Гудков, Э. М. Фазельянов, И. А. Чувычкина, И. Г. Пашковская, С. А. Рогинко, О. И. Ковтун и др." (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки (пропущенные пробелы) и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 15 источниками (научными статьями, учебником, аналитическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. В. Дрыночкин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, процессы диверсификации энергетического сектора ЕС в рамках программы RePowerEU, инициированные в целях снижения зависимости от российских энергоносителей, приобретут необратимый характер. Несмотря на то, что первоначально эти процессы были вызваны стремлением к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, нынешняя геополитическая ситуация существенно ускорила их реализацию. Даже после урегулирования политического конфликта и отмены санкций, Евросоюз продолжит активно развивать альтернативные источники энергии. «Зелёная сделка» ЕС является комплексной стратегией развития, затронет все политики Европейского союза, а в контексте энергетической политики ЕС затронет мировые рынки энергоресурсов, страны-экспортеры углеводородов вблизи ЕС, энергетическую безопасность Европы. Некоторые из этих изменений могут негативно сказаться на

экономике стран-партнеров. В этой связи ЕС должен быть готов к анализу и учету последствий введения внутренних мер для международного сообщества, к управлению геополитическими аспектами сделки. Развитие деловых отношений с ключевыми региональными партнерами, в том числе с Россией и Алжиром, а также с ведущими мировыми державами, такими как США, Китай и Саудовская Аравия, должно быть признано приоритетным направлением внешней политики ЕС"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, энергетического права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Залесны Я., Савченко М.С., Потапенко С.В., Чешин А.В., Гончаров В.В. Общественный контроль за международными неправительственными организациями: современное состояние и перспективы развития // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.72927 EDN: UXCKWK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72927

Общественный контроль за международными неправительственными организациями: современное состояние и перспективы развития

Залесны Яцек

доктор юридических наук

профессор; Институт политических исследований; Варшавский университет

00927, Польша, г. Варшава, ул. Новы Свят, 67

✉ zalesny.yatsek@mail.ru

Савченко Марина Станиславовна

доктор юридических наук

зав. кафедрой; кафедра государственного и международного права; Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук

декан; юридический факультет; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ gw2025gw@mail.ru

Чешин Андрей Владимирович

кандидат экономических наук

доцент кафедры экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет"

462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15-а

✉ gw2025gw@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

ORCID: 0000-0003-3029-4727

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, оф. 4

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.72927

EDN:

UXCKWK

Дата направления статьи в редакцию:

02-01-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу современного состояния и перспектив развития общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций. Обосновывается необходимость организации и осуществления общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств в отдельных государствах. Общественному контролю в отношении международных неправительственных организаций препятствует ряд проблем: отсутствие закрепления и детализации института общественного контроля в Уставе ООН; не разработанность в научной правовой доктрине проблематики, связанной с организацией и осуществлением общественного контроля за международными неправительственными организациями; дискуссионный характер относительно оснований и пределов осуществления вышеназванного общественного контроля; отсутствие в национальном законодательстве (на примере России) закрепления правовых основ организации и осуществления общественного контроля как за самими международными неправительственными организациями, так и за их филиалами и представительствами в России; слабые полномочия субъектов общественного контроля; неразвитость международных ассоциаций и союзов общественного контроля. В настоящей статье использован ряд научных методов исследования, в частности: формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический. Решение указанных проблем потребует: закрепления в международном законодательстве института общественного контроля (контроля гражданского общества); проведения при поддержке ООН, а также подконтрольных ему структур, научно-практических исследований, посвященных проблематике организации и осуществления общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств; закрепления в российском законодательстве в качестве объектов общественного контроля деятельности, актов и решений международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России; предоставления субъектам общественного контроля реальных полномочий в отношении контроля за вышеназванными объектами (вплоть до возможности временного приостановления деятельности указанных организаций); принятия федеральных программ, посвященных развитию международных ассоциаций и союзов общественного

контроля и участию в них Общественной палаты России.

Ключевые слова:

общественный контроль, международные, неправительственные организации, современное состояние, перспективы развития, Российская Федерация, иностранный агент, ООН, филиалы, представительства

Введение.

Проблематика организации и функционирования международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств в отдельных национальных государствах, детально исследуются в работах А. В. Авдаляна, [\[1, с. 25-29\]](#) Х. М. Джантаева, [\[8, с. 149-152\]](#) А. Н. Домрина, [\[9, с. 24-50\]](#) Д. Б. Казаринова, [\[10, с. 116-132\]](#) Н. Р. Каншаовой, [\[11, с. 178-182\]](#) О. М. Кокоревой, [\[12, с. 52-59\]](#) В. А. Коновалова, [\[13, с. 26-29\]](#) О. В. Неженец, [\[15, с. 230-235\]](#) А. В. Нефедьева, [\[16, с. 174-175\]](#) Е. Г. Петренко, [\[17, с. 86-89\]](#) В. В. Сутырина, [\[19, с. 39-61\]](#) А. В. Тиховодовой, [\[20, с. 63-69\]](#) А. В. Шитовой, [\[24, с. 749-759\]](#) а также ряда иных авторов. В свою очередь вопросы организации общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом, а также на международном уровне, анализируются в произведениях А.А. Маркова, [\[2, с. 3454-3463\]](#) Г. А. Багирян, [\[3, с. 180-194\]](#) В. В. Гончарова, [\[4, с. 94-99; 5, с. 80-91\]](#) С. Ю. Пояркова, [\[6, с. 76-79\]](#) А. А. Борисовой, [\[7, с. 78-91\]](#) Т. Н. Михеевой, [\[14, с. 26-29\]](#) В. М. Редкоус, [\[18, с. 147-149\]](#) Г. Г. Фастович, [\[21, с. 8-10\]](#) Г. Н. Чеботарева, [\[22, с. 23-26\]](#) Ю. В. Шилова, [\[23, с. 2421-2425\]](#) а также некоторых других ученых. В тоже время доля работ, посвященных изучению вопросов организации и осуществления общественного контроля в отношении международных организаций (правительственных и неправительственных), невелика. Этим обстоятельством обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает, с одной стороны, обоснование необходимости и целесообразности организации и осуществления общественного контроля в отношении как самих международных организаций, так и их филиалов, а также представительств, на территории Российской Федерации, а с другой стороны, формализация и анализ основных проблем, которые препятствуют данным процессам общественного контроля, с выработкой системы мероприятий по их разрешению. Достижение указанной цели предполагает решения ряда научных задач: а) обоснование роли и места института общественного контроля в системе юридических гарантий реализации, охраны и защиты как всей системы правовых принципов, так и прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц; б) выявление роли и значимости международных неправительственных организаций в системе негосударственных некоммерческих организаций в России; в) обоснование необходимости и целесообразности осуществления постоянного контроля со стороны гражданского общества за деятельностью, актами и решениями как самих международных неправительственных организаций, так и их филиалов, а также представительств; г) формализацию и анализ основных проблем, которые препятствуют организации и осуществлению общественного контроля за вышеназванными организациями; д) разработку и обоснование системы мероприятий по разрешению указанных проблем.

Методы и методология исследования. Эмпирическая база исследования.

В настоящей статье использован ряд научных методов исследования, в частности: формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический. Эмпирическую основу исследования составили: а) международное и российское законодательство, составляющее правовую основу регулирования институтов гражданского общества, в том числе - института общественного контроля; б) материалы, связанные с практической деятельностью субъектов общественного контроля; в) материалы, связанные с практической деятельностью международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств; г) материалы научной правовой доктрины в области общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств на территории отдельных национальных государств.

Основной текст.

Ключевым вектором развития современного международного права выступает укрепление демократических начал в правовом регулировании его субъектов. Существование и развитие любого современного демократического правового государства невозможно без, с одной стороны, развития принципов народовластия и участия населения в управлении государственными делами, а с другой стороны, создания оптимальных условий для реализации прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. При этом вся система правовых принципов (предусмотренных как международным, так и национальным законодательством), а также система вышеуказанных прав, свобод и законных интересов, нуждается в сложной конструкции юридических гарантий, обеспечивающих их реализацию, охрану и защиту.

Данная система юридических гарантий представлена: а) системой правовых запретов на захват власти и ее удержание вне законных демократических процедур; б) системой международных правительственных организаций, чья деятельность направлена, с одной стороны, на поддержание мира и безопасности человечества, а с другой стороны, на недопущение политических режимов в отдельных государствах, которые систематически нарушают общепризнанные нормы и принципы международного права, а также права и свободы человека; в) системой органов публичной власти в национальных государствах, чья деятельность направлена на защиту конституционного строя, прав, свобод и законных интересов юридических и физических лиц (в Российской Федерации к таковым, например, относится Президент России как гарант Конституции, права и свобод человека и гражданина, Конституционный Суд Российской Федерации как высший и единственный на сегодняшний день орган конституционного правосудия в России); г) системой многочисленных институтов гражданского общества (включая и субъектов общественного контроля).

Важнейшей разновидностью субъектов международного права выступают международные неправительственные организации.

На уровне национальных государств данные организации (их филиалы и представительства) играют важнейшую роль в системе негосударственных некоммерческих организаций в по ряду причин.

Во-первых, данные организации достаточно многочисленны. По данным открытых источников на конец 2024 года в мире насчитывалось свыше 6000 реально действующих международных неправительственных организаций (у которых есть сотрудники, которые проводят те или иные мероприятия, имеют филиалы или представительства,

зарегистрированные в отдельных национальных государствах в соответствии с нормами национального и международного права).

Во-вторых, указанные организации располагали значительными материальными ресурсами. По данным ряда социологических и статистических исследований совокупный бюджет (по расходам) международных неправительственных организаций в 2023 году превышал, например, бюджет Российской Федерации за 2023 год (расходную часть) в 1,1 раза! [\[25, с. 89-90\]](#) И это только по данным, которые официально указанные организации представляли в те или иные контролирующие органы в национальных государствах, а также в виде отчетности в соответствующие структуры ООН.

В-третьих, международные неправительственные организации имеют возможность аккумулировать свои усилия (прежде всего – материальные ресурсы, кадровый потенциал) в отдельных странах для решения определенных уставных задач, достижения целей своей деятельности (как формальных, указанных в программных документах, так и скрытых).

В-четвертых, анализ, проведенный нами, в отношении деятельности 100 наиболее крупных (по расходной части своих бюджетов на 2023 год) международных неправительственных организаций, показал, что 78 из них финансируется преимущественно (на 51 и более процентов) из средств транснациональных корпораций, либо бюджетных и внебюджетных источников тех или иных национальных государств (прежде всего – США), а также иных международных неправительственных организаций.

В этой связи, представляется очевидной необходимость и целесообразность организации и осуществления контроля институтов гражданского общества за деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств в отдельных национальных государствах.

Применительно к Российской Федерации речь идет о необходимости и целесообразности включения деятельности, актов и решений указанных организаций в перечень объектов общественного контроля.

Во-первых, значительная часть международных неправительственных организаций, чьи филиалы и представительства функционируют в России, так или иначе принимали участие в подготовке, финансировании, проведении так называемых «оранжевых революций» в отдельных национальных государствах. Например, еще в 2013-2014 годах крупнейшая международная неправительственная организация - Национальный фонд в поддержку демократии, - получающая финансирование в том числе напрямую из федерального бюджета США по статье «Государственный департамент зарубежных операций и соответствующих программ», направила российским коммерческим и некоммерческим структурам (в лице своего филиала) финансовую помощь на сумму около 5,2 млн долл. Учитывая общую направленность деятельности фонда, российская прокуратура сделала вывод о том, что данная организация представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства. Распоряжением Минюста России от 29.07.2015 № 1076-р Национальный фонд в поддержку демократии был включен в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. [\[26\]](#) В свою очередь скандальная деятельность Алексея Навального, пытавшегося организовать в России «оранжевую революцию» в 2011-2013 годах (уличные беспорядки в дальнейшие годы), по данным ряда исследований финансировалась 28 различными международными неправительственными

организациями, перечислившими до его смерти на счета подконтрольных Навальному организаций (а также на электронные кошельки для крипто валют) более 180 миллионов долларов США в современном эквиваленте. [\[25, с. 114\]](#) Российский законодатель частично обезопасил страну от подобных явлений, введя институт «иностранных агентов» (закрепив его на уровне федеральных законов). Поэтому государственный контроль за их деятельностью следует дополнить постоянным и неусыпным контролем российского гражданского общества в лице субъектов общественного контроля.

Во-вторых, деятельность штаб-квартир большинства подобных организаций находится, с одной стороны, вне российского правового поля, а с другой стороны, на территории стран вероятного противника. В этой связи, представляется необходимым задействовать институты российского гражданского общества, их связи с международными ассоциациями и союзами субъектов гражданского общества (например, в части выявления реальных целей и задач деятельности филиалов и представительств международных неправительственных организаций на территории Российской Федерации).

В-третьих, источники финансирования филиалов и представительств международных неправительственных организаций остаются зачастую непрозрачными для соответствующих государственных контролирующих структур. И дополнительный контроль субъектов общественного контроля позволит отчасти решить эту проблему.

Однако, организация и осуществление общественного контроля в отношении деятельности, актов и решений международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств (в частности, на территории России), связаны с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие:

Во-первых, крупной проблемой выступает то обстоятельство, что институт общественного контроля не инкорпорирован в Устав ООН и важнейшие акты международного права, что несколько снижает его авторитет и значимость. Решение данной проблемы видится во внесении соответствующих изменений и дополнений в указанные международные акты.

Во-вторых, проблема состоит и в слабой разработанности в научной правовой доктрине вопросов необходимости, целесообразности и пределов организации и осуществления общественного контроля в отношении деятельности, актов и решений международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств (в частности, на территории России). Решение указанной проблемы видится в организации проведения соответствующих исследований по инициативе Российской Федерации и при поддержке ООН (ее соответствующих структур).

В-третьих, применительно к Российской Федерации имеется и проблема, связанная с тем, что деятельность, акты и решения международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России, не включены российским законодательством об общественном контроле в список его объектов. Решение данной проблемы видится во внесении соответствующих изменений в Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в части закрепления перечня объектов общественного контроля, одним из которых следует указать деятельность, акты и решения международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России).

В-четвертых, традиционно крупной проблемой в Российской Федерации выступают и слабые полномочия субъектов общественного контроля. Решение этой проблемы

(применительно к вышеназванным объектам общественного контроля) видится в наделении субъектов общественного контроля полномочиями по приостановке деятельности (актов и решений) международных неправительственных организаций (из филиалов и представительств), функционирующих на территории России (до решения этого вопроса по существу соответствующим судом).

В-пятых, определенная проблема состоит и в том, что российские субъекты общественного контроля слабо участвуют в деятельности международных ассоциаций и союзов субъектов гражданского общества (за исключением, пожалуй, профсоюзных объединений). Решение данной проблемы видится, например, в создании на территории Российской Федерации международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (штаб-квартиры которых следует расположить в городе Москве).

Заключение.

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля занимает ключевое место в системе юридических гарантий реализации, охраны и защиты всей системы правовых принципов, а также прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, потому что он позволяет осуществлять контроль за полномочиями, делегированными народом органам публичной власти, за деятельностью, актами и решениями указанных органов власти и любых иных структур, которые наделены законодательством отдельными публичными полномочиями.

2. Международные неправительственные организации (их филиалы и представительства на уровне национальных государств) играют исключительную роль в системе негосударственных некоммерческих организаций в силу ряда причин: а) их многочисленности; б) наличия у них значительных материальных и денежных ресурсов; в) возможности аккумулирования ими своих усилий на территории отдельных стран; г) их зависимости от учредителей (в качестве которых зачастую выступают транснациональные корпорации, а также отдельные страны, либо иные международные неправительственные организации).

3. Представляется необходимым и целесообразным на территории Российской Федерации осуществлять общественный контроль за деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств по ряду причин: а) учредителями данных организаций являются преимущественно структуры, с одной стороны, не находящиеся в российском правовом поле, а с другой стороны, часть из них может преследовать цели, противоположные целям и задачам, стоящим перед российским государством; б) практика деятельности указанных организаций в России и ряде иных стран показала, что они могут быть использованы для организации и проведения так называемых «оранжевых революций»; в) финансирование данных организаций носит непрозрачный характер и в качестве источников указанного финансирования могут выступать денежные средства, полученные незаконным или преступным (с точки зрения российского законодательства) путем; г) решения филиалов и представительств международных организаций, чьи штаб-квартиры находятся за пределами Российской Федерации, принимаются без учета интересов России.

4. Организация и осуществление общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств на

территории национальных государств, сопряжены с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие: а) отсутствие закрепления и детализации института общественного контроля в Уставе ООН; б) не разработанность в научной правовой доктрине проблематики, связанной с организацией и осуществлением общественного контроля за международными неправительственными организациями; в) дискуссионный характер относительно оснований и пределов осуществления вышеназванного общественного контроля; г) отсутствие в национальном законодательстве (на примере России) закрепления правовых основ организации и осуществления общественного контроля как за самими международными неправительственными организациями, так и за их филиалами и представительствами в России; д) слабые полномочия субъектов общественного контроля; е) неразвитость международных ассоциаций и союзов общественного контроля.

5. Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить следующие: а) закрепление в международном законодательстве института общественного контроля (контроля гражданского общества); б) инициирование Российской Федерацией проведения при поддержке ООН, а также подконтрольных ему структур, научно-практических исследований, посвященных проблематике организации и осуществления общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств; в) закрепление в российском законодательстве в качестве объектов общественного контроля деятельности, актов и решений международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России; г) предоставление субъектам общественного контроля реальных полномочий в отношении контроля за вышеназванными объектами (вплоть до возможности временного приостановления деятельности указанных организаций); д) принятие федеральных программ, посвященных развитию международных ассоциаций и союзов общественного контроля и участию в них Общественной палаты России.

Библиография

1. Авдалян А. В. Роль международных неправительственных организаций в современных политических процессах // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 3 (32). С. 25-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26940597_87375008.pdf.
2. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. Т. 12. № 4. С. 3454-3463.
3. Багирян Г. А. Гражданское общество в конституциях зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3 (160). С. 180-194. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194>.
4. Гончаров В. В. Общественный контроль за филиалами и представительствами международных неправительственных организаций на территории России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 7 (120). С. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
5. Гончаров В. В. Международное сотрудничество субъектов общественного контроля: к постановке проблемы // Международное право и международные организации. 2023. № 4. С. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Гончаров В. В., Максимова С. М., Петренко Е. Г., Поярков С. Ю. О проблемах и перспективах развития информационного обеспечения общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С.

76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.

7. Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.

8. Джантаев Х. М. Статус российских неправительственных организаций в свете международных и внутригосударственных норм права // Актуальные проблемы современной науки. 2013. № 6 (74). С. 149-152.

9. Домрин А. Н. Гражданское общество в России в контексте глобального кризиса неправительственных организаций // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 2. С. 24-50.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21480179_69978158.pdf.

10. Казаринова Д. Б. Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 116-132.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15273740_29261453.pdf.

11. Каншаова Н. Р. Международные неправительственные организации как институт гражданского общества: концептуальные подходы исследования // Современная наука и инновации. 2016. № 1 (13). С. 178-182.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26186817_79639260.pdf.

12. Кокорева О. М. Некоммерческие и неправительственные организации как институты гражданского общества и соотношение этих понятий в юридической науке, национальном законодательстве и международном праве // Гуманитарная планета. 2009. № 2. С. 52-59.

13. Коновалов В. А. Неправительственные правозащитные организации в становлении и развитии гражданского общества Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 26-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38555374_14094827.pdf.

14. Михеева Т. Н. Общественный контроль: «второе дыхание» (к 10-летию принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 26-29.

URL: <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2024-3-26-29>.

15. Неженец О. В., Петренко Е. Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. 2020. № 35. С. 230-235.

16. Нефедьев А. В. Неправительственные общественные организации в глобальном международном гуманитарном взаимодействии // Власть. 2010. № 7. С. 174-175.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15115649_10386941.pdf.

17. Петренко Е. Г., Кулешова Е. Д. Проблемы защиты жертв военного конфликта на Востоке Украины // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 86-89.

18. Редкоус В. М. Законодательное регулирование общественного контроля в государствах-участниках СНГ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 147-149. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_147.

19. Сутырин В. В. Неправительственные организации в международных отношениях: закат концепции гражданского общества // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 3. С. 39-61.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43067650_65834939.pdf.

20. Тиховодова А. В. Функции институтов глобального гражданского общества // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 2. С. 63-69.

URL: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.020>.

21. Фастович Г. Г. К вопросу о роли государственной политики в системе общественного контроля // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 8-10. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_8.
22. Чеботарев Г. Н., Петелин А. Л. Участие граждан в осуществлении общественного контроля государственных и муниципальных закупок // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 23-26. URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-23-26>.
23. Шилов Ю. В. Общественный контроль через призму повышения эффективности деятельности в системе публичной власти // Научный аспект. 2024. Т. 19. № 4. С. 2421-2425. URL: <https://na-journal.ru/4-2024-pravo/10565-obshchestvennyi-kontrol-cherez-prizmu-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-v-sisteme-publichnoi-vlasti>.
24. Шитова А. В. Международные неправительственные организации (МНПО) в событиях «арабской весны» в Египте: роль, механизмы вмешательства и результаты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 749-759. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759>.
25. Якименко А. А. Международные неправительственные организации. Монография. Луганск. 2025. 190 с.
26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/89340-kto-finansiruet-cvetnye-revolyucii-na-postsovetskom-prostranstve.html?ysclid=m5gqtqtoa2353873916> (дата обращения: 03.01.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, общественный контроль за международными неправительственными организациями. Автор сосредоточил свое внимание на анализе его современного состояния и перспектив развития. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "В настоящей статье использован ряд научных методов исследования, в частности: формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Проблематика организации и функционирования международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств в отдельных национальных государствах, детально исследуются в работах А. В. Авдаляна, [1, с. 25-29] Х. М. Джантаева, [8, с. 149-152] А. Н. Домрина, [9, с. 24-50] Д. Б. Казаринова, [10, с. 116-132] Н. Р. Каншаовой, [11, с. 178-182] О. М. Кокоревой, [12, с. 52-59] В. А. Коновалова, [13, с. 26-29] О. В. Неженец, [15, с. 230-235] А. В. Нефедьева, [16, с. 174-175] Е. Г. Петренко, [17, с. 86-89] В. В. Сутырина, [19, с. 39-61] А. В. Тиховодовой, [20, с. 63-69] А. В. Шитовой, [24, с. 749-759] а также ряда иных авторов. В свою очередь вопросы организации общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом, а также на международном уровне, анализируются в произведениях А. А. Маркова, [2, с. 3454-3463] Г. А. Багирян, [3, с. 180-194] В. В. Гончарова, [4, с. 94-99; 5, с. 80-91] С. Ю. Пояркова, [6, с. 76-79] А. А. Борисовой, [7, с. 78-91] Т. Н. Михеевой, [14, с. 26-29] В. М. Редкоус, [18, с. 147-149] Г. Г. Фастович, [21, с. 8-10] Г. Н. Чеботарева, [22, с. 23-26] Ю. В. Шилова, [23, с. 2421-2425] а также некоторых других ученых. В тоже время доля работ, посвященных изучению вопросов организации и

осуществления общественного контроля в отношении международных организаций (правительственных и неправительственных) невелика. Этим обстоятельством обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает, с одной стороны, обоснование необходимости и целесообразности организации и осуществления общественного контроля в отношении как самих международных организаций, так и их филиалов, а также представительств, на территории Российской Федерации, а с другой стороны, формализация и анализ основных проблем, которые препятствуют данным процессам общественного контроля, с выработкой системы мероприятий по их разрешению". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Применительно к Российской Федерации речь идет о необходимости и целесообразности включения деятельности, актов и решений указанных организаций в перечень объектов общественного контроля. Во-первых, значительная часть международных неправительственных организаций, чьи филиалы и представительства функционируют в России, так или иначе принимали участие в подготовке, финансировании, проведении так называемых «оранжевых революций» в отдельных национальных государствах. Российский законодатель частично обезопасил страну от подобных явлений, введя институт «иностранных агентов» (закрепив его на уровне федеральных законов). Поэтому государственный контроль за их деятельностью следует дополнить постоянным и неусыпным контролем российского гражданского общества в лице субъектов общественного контроля. Во-вторых, деятельности штаб-квартир большинства подобных организаций находится, с одной стороны, вне российского правового поля, а с другой стороны, на территории стран вероятного противника. В этой связи, представляется необходимым задействовать институты российского гражданского общества, их связи с международными ассоциациями и союзами субъектов гражданского общества (например, в части выявления реальных целей и задач деятельности филиалов и представительств международных неправительственных организаций на территории Российской Федерации). В-третьих, источники финансирования филиалов и представительств международных неправительственных организаций остаются зачастую непрозрачными для соответствующих государственных контролирующих структур. И дополнительный контроль субъектов общественного контроля позволит отчасти решить эту проблему"; "Во-первых, крупной проблемой выступает то обстоятельство, что институт общественного контроля не инкорпорирован в Устав ООН и важнейшие акты международного права, что несколько снижает его авторитет и значимость. Решение данной проблемы видится в внесении соответствующих изменений и дополнений в указанные международные акты. Во-вторых, проблема состоит и в слабой разработанности в научной правовой доктрине вопросов необходимости, целесообразности и пределов организации и осуществления общественного контроля в отношении деятельности, актов и решений международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств (в частности, на территории России). Решение указанной проблемы видится в организации проведения соответствующих исследований по инициативе Российской Федерации и при поддержке ООН (ее соответствующих структур). В-третьих, применительно к Российской Федерации имеется и проблема, связанная с тем, что деятельность, акты и решения международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России, не включены российским законодательством об общественном контроле в список его объектов. Решение данной проблемы видится во внесении соответствующих изменений в Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах

общественного контроля в Российской Федерации» (в части закрепления перечня объектов общественного контроля, одним из которых следует указать деятельность, акты и решения международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств, функционирующих на территории России)" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. В основной части работы автор обосновывает необходимость осуществления общественного контроля в отношении международных организаций, их филиалов, а также представительств на территории РФ, выявляет основные проблемы, которые препятствуют процессам общественного контроля, разрабатывает систему мероприятий по их разрешению. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "При этом, вся система правовых принципов (предусмотренных как международным, так и национальным законодательством), а также система вышеназванных прав, свобод и законных интересов, нуждается в сложной конструкции юридических гарантий, обеспечивающих их реализацию, охрану и защиту" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "В этой связи, представляется очевидным необходимость и целесообразность организации и осуществления контроля институтов гражданского общества за деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств в отдельных национальных государствах" - первая запятая является лишней; "очевидной".

Автор указывает: "Во-вторых, деятельности штаб-квартир большинства подобных организаций находится, с одной стороны, вне российского правового поля, а с другой стороны, на территории стран вероятного противника" - "деятельность".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки.

Ученому необходимо привести конкретные примеры деструктивной деятельности международных неправительственных организаций, что позволит наглядно проиллюстрировать некоторые положения работы и усилить аргументацию.

Библиография исследования представлена 25 источниками (монографией и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Институт общественного контроля занимает ключевое место в системе юридических гарантий реализации, охраны и защиты всей системы правовых принципов, а также прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, потому что он позволяет осуществлять контроль за полномочиями, делегированными народом органам публичной власти, за деятельностью, актами и решениями указанных органов власти и любых иных структур, которые наделены законодательством отдельными публичными полномочиями. 2. Международные неправительственные организации (их филиалы и представительства

на уровне национальных государств) играют исключительную роль в системе негосударственных некоммерческих организаций в силу ряда причин: а) их многочисленности; б) наличия у них значительных материальных и денежных ресурсов; в) возможности аккумуляции ими своих усилий на территории отдельных стран; г) их зависимости от учредителей (в качестве которых зачастую выступают транснациональные корпорации, а также отдельные страны, либо иные международные неправительственные организации). 3. Представляется необходимым и целесообразным на территории Российской Федерации осуществлять общественный контроль за деятельностью, актами и решениями международных неправительственных организаций, их филиалов и представительств по ряду причин: а) учредителями данных организаций являются преимущественно структуры, с одной стороны, не находящиеся в российском правовом поле, а с другой стороны, часть из них может преследовать цели, противоположные целям и задачам, стоящим перед российским государством; б) практика деятельности указанных организаций в России и ряде иных стран показала, что они могут быть использованы для организации и проведения так называемых «оранжевых революций»; в) финансирование данных организаций носит непрозрачный характер и в качестве источников указанного финансирования могут выступать денежные средства, полученные незаконным или преступным (с точки зрения российского законодательства) путем; г) решения филиалов и представительств международных организаций, чьи штаб-квартиры находятся за пределами Российской Федерации принимаются без учета интересов России" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее доработки: углублении отдельных положений работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Общественный контроль за международными неправительственными организациями: современное состояние и перспективы развития» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере организации и осуществления общественного контроля за международными неправительственными организациями, осуществляющими свою деятельность на территории РФ.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных научных методов, таких как формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический, социологический и др., позволило сформировать собственную авторскую позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения.

Автор правильно отмечает, что «ключевым вектором развития современного международного права выступает укрепление демократических начал в правовом

регулировании его субъектов. Существование и развитие любого современного демократического правового государства невозможно без, с одной стороны, развития принципов народовластия и участия населения в управлении государственными делами, а с другой стороны, создания оптимальных условий для реализации прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. При этом вся система правовых принципов (предусмотренных как международным, так и национальным законодательством), а также система вышеуказанных прав, свобод и законных интересов, нуждается в сложной конструкции юридических гарантий, обеспечивающих их реализацию, охрану и защиту». Можно согласиться с автором, что «институт общественного контроля занимает ключевое место в системе юридических гарантий реализации, охраны и защиты всей системы правовых принципов, а также прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, потому что он позволяет осуществлять контроль за полномочиями, делегированными народом органам публичной власти, за деятельностью, актами и решениями указанных органов власти и любых иных структур, которые наделены законодательством отдельными публичными полномочиями». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок в сфере организации и осуществления общественного контроля за международными неправительственными организациями, осуществляющими свою деятельность на территории РФ.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: «организация и осуществление общественного контроля в отношении международных неправительственных организаций, а также их филиалов и представительств на территории национальных государств, сопряжены с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие: а) отсутствие закрепления и детализации института общественного контроля в Уставе ООН; б) не разработанность в научной правовой доктрине проблематики, связанной с организацией и осуществлением общественного контроля за международными неправительственными организациями; в) дискуссионный характер относительно оснований и пределов осуществления вышеуказанного общественного контроля; г) отсутствие в национальном законодательстве (на примере России) закрепления правовых основ организации и осуществления общественного контроля как за самими международными неправительственными организациями, так и за их филиалами и представительствами в России; д) слабые полномочия субъектов общественного контроля; е) неразвитость международных ассоциаций и союзов общественного контроля». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. Тема раскрыта. Соблюдены автором требования по объему материала. Материал изложен последовательно и ясно. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Вместе с тем, на взгляд рецензента, не всегда корректно используются специальные термины, например, «национальные государства». Автором предпринята попытка структурировать статью. Статья состоит из введения, в котором обоснована актуальность темы исследования, основной части и заключения, содержащего итоги проделанной автором работы. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на имеющиеся источники

оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования. Анализируя разные точки зрения, автор высказывает собственное аргументированное мнение.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Общественный контроль за международными неправительственными организациями: современное состояние и перспективы развития» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области международного права, государственного права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Международно-правовой правопорядок и трансформация парадигмы конституционализма: от внутреннего суверенитета к глобальной нормативности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.74437
EDN: UXFMUN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74437

Международно-правовой правопорядок и трансформация парадигмы конституционализма: от внутреннего суверенитета к глобальной нормативности

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Международные организации и развитие отдельных отраслей МПП"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.74437

EDN:

UXFMUN

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Современные процессы глобализации и расширения транснациональных правовых взаимодействий обостряют дискуссию о пределах суверенитета и легитимности власти в условиях усиливающейся международной нормативности. В центре внимания оказывается международно-правовой правопорядок, который постепенно утрачивает черты исключительно межгосударственной регуляции и всё активнее влияет на внутренние правовые системы. Конституционализм, традиционно опирающийся на идею внутреннего суверенитета, претерпевает качественную трансформацию, под влиянием норм международного права, включая soft law и практику международных юрисдикций. Предметом исследования является парадигмальный сдвиг в понимании

конституционализма: от замкнутой государственной формы к открытой модели, ориентированной на универсальные принципы прав человека, правовую справедливость и глобальную легитимность. Особое внимание уделяется пересмотру соотношения национального и международного права в практике конституционных судов государств Европы. Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления происходящих изменений и выработки новых подходов к оценке легитимности и суверенности в условиях постнационального правопорядка. Методологическую основу исследования составили диалектический и системно-структурный подходы, позволяющие проанализировать взаимодействие различных уровней правового регулирования. Использовались сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы, а также кейс-анализ практики международных и национальных судов. Новизна исследования заключается в концептуализации международно-правового правопорядка как формы постсуверенного регулирования, в которой конституционализм приобретает наднациональные черты. Выявлено, что нормы международного права становятся не просто внешними ограничителями, а внутренне значимыми элементами национального правосудия. Впервые показана роль *soft law* в формировании транснационального конституционного канона, влияющего на внутренний правопорядок вне формальных механизмов имплементации. Автор приходит к выводу о формировании модели «открытого конституционализма», предполагающей диалог правовых систем на основе универсальных стандартов. Обоснована необходимость переосмысления понятия суверенитета в терминах взаимодействия, а не противопоставления. Исследование демонстрирует, что международная аргументация становится неотъемлемой частью легитимации конституционных решений. Результаты могут быть использованы в правотворческой и экспертной деятельности, ориентированной на гармонизацию национальных правовых систем с международными стандартами.

Ключевые слова:

международно-правовой порядок, конституционализм, суверенитет, глобальная нормативность, *soft law*, транснациональное право, правовая легитимность, права человека, международные суды, правовая интеграция

Введение

В последние десятилетия правовая наука всё острее фиксирует фундаментальные изменения в структуре и природе публичной власти, её легитимации, а также в источниках, формах и содержании правовых норм, регулирующих отношения между индивидом и государством. Эти изменения особенно ярко проявляются в трансформации конституционализма — той правовой и политической доктрины, которая на протяжении двух последних столетий служила основой современного государства и ориентиром для его развития. Традиционно конституционализм мыслился как сугубо национальный феномен, соотносимый, прежде всего, с волей народа как носителя суверенитета, с национальным правотворчеством, с определённым историко-культурным контекстом, который формировал уникальные модели конституционного регулирования.

Однако в условиях глобализации и интернационализации права, границы между внутренним и международным нормативным пространством стремительно размываются. Формируется новый контекст правовой реальности, в котором прежняя модель конституционализма — иерархичная, суверенно-замкнутая, национально-центричная — сталкивается с вызовами иного порядка. Международное право, наднациональные

институты, трансграничные юридические обязательства, а также разнообразные формы soft law всё в большей степени вторгаются в сферу традиционно внутреннего правового регулирования, тем самым оказывая глубокое влияние на содержание, источники и практику реализации конституционных норм.

В этом контексте становится очевидным, что само понятие «конституционализм» более не может быть рассмотрено исключительно сквозь призму национального конституционного текста или формальных структур государственного устройства. Оно нуждается в переосмыслении с учётом транснационального правового взаимодействия, в рамках которого создаются, интерпретируются и имплементируются правовые нормы, способные оказывать влияние на фундаментальные основы публичной власти. Возникает особый феномен — «транснациональный конституционализм», опосредованный международно-правовым правопорядком, который выступает не как внешняя по отношению к государству система, а как имманентный элемент его правовой ткани.

При этом следует учитывать, что международно-правовой правопорядок сам по себе не является ни иерархически организованной, ни централизованно управляемой системой. Он носит плюралистский, фрагментированный и полицентричный характер ^[11]. Его нормы создаются не только государствами, но и международными организациями, квазисудебными институтами, транснациональными корпорациями, а также неправительственными актёрами, влияние которых на международную правовую действительность с каждым годом возрастает. Такое разнообразие субъектов и источников международного права ставит под сомнение устоявшуюся в доктрине конституционного права иерархическую модель правопорядка, в которой Конституция признаётся «высшим законом» и не подлежит внешнему пересмотру.

Особую значимость приобретают механизмы имплементации международных норм в национальные правовые системы. Здесь возникают многочисленные вопросы, касающиеся соотношения международных обязательств и конституционной идентичности, пределов интерпретации норм с учётом международной практики, а также конфликта между международным и внутренним конституционным правопорядком. Примером может служить практика Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно выстраивавшего позицию о верховенстве Конституции РФ в случае противоречия между её положениями и решениями международных органов, включая Европейский суд по правам человека (см., например, Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П; от 19 января 2017 г. № 1-П).

В то же время в ряде зарубежных государств, напротив, наблюдается стремление к интеграции международных норм в структуру национального конституционного регулирования. Так, Конституционный суд Федеративной Республики Германия в своём решении по делу *Görgülü* (BVerfG, 2 BvR 1481/04, 2004) признал необходимость учитывать практику ЕСПЧ, даже если она не совпадает с предыдущими подходами немецкой юстиции, подчёркивая тем самым ценностную взаимосвязанность правовых систем. Подобная логика прослеживается и в юриспруденции Конституционного совета Франции, где нередко наблюдается тенденция к интерпретации конституционных норм в свете международных обязательств страны.

В свете вышеуказанных процессов, предметом научного интереса становится не столько само существование международного права как такового, сколько степень и характер его влияния на трансформацию конституционализма как доктрины и практики. Здесь встаёт принципиальный вопрос: остаётся ли конституционализм в рамках исключительно национального нарратива или он подвержен глобальной нормативной переориентации, в

рамках которой конституционные принципы формируются и за пределами конкретного государства, в диалоге с международным правопорядком?

Исходя из этого, целью настоящей статьи является исследование того, каким образом международно-правовой правопорядок воздействует на сущностные основания современного конституционализма, изменяя его парадигму и трансформируя его понятийный аппарат, аксиологическую структуру и институциональное выражение. Особое внимание при этом уделяется тому, каким образом международные нормы и стандарты интегрируются в национальные правовые системы, влияют на переосмысление суверенитета, иерархии источников права и механизмов защиты прав и свобод личности.

Методологически статья опирается на междисциплинарный подход, включающий в себя элементы сравнительно-правового анализа, позволяющего сопоставить различные национальные модели соотношения международного и конституционного права; системного подхода, раскрывающего взаимосвязь между правовыми институтами на национальном и международном уровнях; а также интерпретативной методологии, основанной на *hermeneutic reading* нормативных и доктринальных источников. В качестве эмпирической базы использованы решения конституционных судов, международных инстанций, тексты международных договоров, положения конституций различных государств, а также труды отечественных и зарубежных исследователей, включая Т.Я. Хабриеву [\[2\]](#), A. Peters [\[3\]](#), M. Kumm [\[4\]](#), M. Rosenfeld [\[5\]](#) и других.

Таким образом, исследование, предпринятое в рамках данной статьи, направлено на выявление тех глубинных изменений, которые происходят в современной парадигме конституционализма под влиянием международно-правового правопорядка, и на формулирование теоретических оснований для дальнейшего осмысления этих трансформаций в условиях меняющейся архитектуры глобального правового пространства.

Теоретико-методологические основания конституционализма и международно-правового правопорядка

Современное правовое мышление немыслимо без обращения к истокам и основополагающим признакам конституционализма, как идеи, выходящей за рамки формального закрепления устройства государственной власти. Будучи порождением эпохи Просвещения, конституционализм изначально формировался как правовая и философская реакция на произвол абсолютной монархии, в стремлении поставить пределы власти и обеспечить пространство свободы личности. Этот архетипический конфликт между властью и свободой, между произволом и законом, между суверенитетом и правами человека сформировал ядро классического понимания конституционализма, к которому в юридической теории традиционно относят несколько взаимосвязанных элементов.

Во-первых, это принцип ограничения власти, предполагающий, что любая публичная власть должна действовать в рамках заранее установленных правовых норм, закреплённых в конституции. При этом конституция мыслится не как декларативный документ, а как нормативный акт высшей юридической силы, регулирующий фундаментальные основы политического и правового порядка.

Во-вторых, идеология верховенства права, предполагающая приоритет права над политической целесообразностью и произволом. Речь идёт не просто о формальной законности, но о содержательной правовой справедливости, подчинённой идеям достоинства, свободы и равенства. В этом смысле конституционализм выступает как

проект нормативного гуманизма, в котором человек рассматривается не как объект власти, а как её субъект, обладающий неотчуждаемыми правами.

Третьим краеугольным основанием является признание и гарантирование прав и свобод личности как центрального смысла конституционного регулирования. Здесь вновь проявляется влияние просветительской традиции, закрепившей в праве идею о естественном происхождении человеческих прав, предшествующем любому акту законодательного признания. Именно поэтому концепция прав человека в рамках конституционализма выступает не как производная от государства, а как ограничитель его власти [\[6\]](#).

Наконец, принцип народного суверенитета, согласно которому именно народ, а не монарх или партия, является источником публичной власти. В этом аспекте конституционализм тесно связан с идеей демократии, хотя и не исчерпывается ею: можно говорить о формально демократических, но не конституционалистских режимах, если в них отсутствуют реальные гарантии прав личности или независимый контроль над властью.

Становление и развитие этих принципов в национальных правовых порядках создало устойчивое представление о конституции как юридической и ценностной вершине всей правовой системы. Однако в условиях всё более плотного переплетения национального и международного начал, особенно в свете универсализации прав человека и глобализации институтов публичной власти, данная картина начинает испытывать давление. Международное право, изначально развивавшееся как сфера, регулирующая отношения между государствами, стало активно проникать в сферу индивидуальных прав и национального правотворчества, формируя особый феномен — международно-правовой порядок [\[7\]](#).

Последний, в отличие от иерархизированной и относительно централизованной национальной правовой системы, носит децентрализованный, полицентричный характер. Его структура включает разнообразные субъекты — от государств и международных организаций до транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций и даже отдельных индивидов, в определённых случаях наделённых правами и обязанностями в международном праве. Важнейшей особенностью этой структуры является наличие многоуровневых источников норм — от международных договоров и обычаев до резолюций, рекомендаций и заключений международных органов, не обладающих формально обязывающим характером, но оказывающих существенное нормативное влияние. Именно в этом контексте всё большую значимость приобретает феномен *soft law*, вызывающий особый интерес у исследователей, таких как J. Brunnée и S. Тооре, подчёркивающих, что именно нормы мягкого права задают вектор развития «твёрдого» международного регулирования [\[8\]](#).

Такое разнообразие субъектов и форм нормативности делает международно-правовой правовой порядок принципиально отличным от классической модели конституционного регулирования. Прежде всего, встаёт методологически острый вопрос о соотношении между идеей «высшей юридической силы Конституции» и признанием примата международного права. Суть конфликта заключается в том, что в традиционной национальной правовой доктрине Конституция рассматривается как верховный акт, которому должны соответствовать все иные источники, включая международные договоры. Между тем, в международном праве устоялось противоположное понимание: обязательства, принятые государством, подлежат неукоснительному исполнению, даже

если они противоречат внутреннему законодательству, включая конституцию (см. ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Этот дуализм особенно обостряется в правовых порядках, где конституции прямо закрепляют верховенство своего текста над международными актами. Так, в Конституции Российской Федерации (статья 15, ч. 4) провозглашается приоритет международных договоров над федеральными законами, но не уточняется их статус по отношению к самой Конституции. Это создало основу для развитой и последовательной позиции Конституционного Суда РФ, утверждающего, что международные нормы применимы лишь постольку, поскольку они не противоречат конституционно значимым положениям Основного закона (см. Постановления от 14 июля 2015 г. № 21-П, от 19 января 2017 г. № 1-П). Такая позиция демонстрирует стремление сохранить суверенитет конституционного правового порядка, не отвергая при этом значимости международных обязательств.

В противоположность этому ряду европейских государств присущ иной подход. В немецкой и французской доктринах нередко подчёркивается идея «открытого конституционализма», предполагающего восприятие международных норм не как угрозы, а как источника ценностного обогащения и развития национального конституционного правового порядка. А. Peters, анализируя концепцию глобального конституционализма, утверждает, что конституционное мышление должно быть открыто миру, иначе оно рискует впасть в самоизоляцию и утратить актуальность [\[9\]](#).

Этот методологический спор указывает на необходимость переосмысления самих оснований правового мышления: возможно ли совместное существование примата конституции и верховенства международного права, или же речь идёт о двух несовместимых нормативных логиках? Ответ на этот вопрос, по-видимому, не может быть дан в рамках традиционной иерархии источников. Скорее, речь идёт о формировании новой модели правового взаимодействия — модели диалога, а не соподчинения, в рамках которого конституционные и международные нормы вступают не в жёсткое соперничество, а в сложное взаимное истолкование, при котором каждый уровень нормативности признаёт легитимность и обоснованность другого.

Эрозия суверенитета и изменение юридической иерархии: от вертикали к полицентризму

Традиционное представление о суверенитете как неограниченной и неделимой власти государства, концентрированной в его верховных органах, на протяжении веков служило фундаментом международного правового порядка в его вестфальской конфигурации. Эта модель предполагала чёткую вертикаль власти: государство — как исключительный субъект права, выступающее в роли единственного источника и гаранта нормативности, а правовая система — как закрытая и самодостаточная конструкция, базирующаяся на верховенстве национальной конституции. Однако в условиях усиливающейся взаимозависимости государств, транснационализации прав человека, развития наднациональных судебных и квазисудебных институтов такая картина подвергается серьёзной трансформации, затрагивающей сами основания юридической иерархии.

Современные научные дискуссии фиксируют отход от понимания суверенитета как абсолютной прерогативы государства в пользу его функционализации и контекстуализации. То, что в XX веке трактовалось как незыблемое качество, сегодня всё чаще рассматривается как переменная категория, зависящая от способности государства реализовывать публичные функции, прежде всего — обеспечивать соблюдение прав человека и поддерживать внутреннюю стабильность. В работах D. Held

[\[10\]](#), М. Koskenniemi [\[11\]](#) и ряда других исследователей подчёркивается, что суверенитет более не является абсолютной нормой, но вписан в сеть международных обязательств и подлежит переоценке в свете глобальной справедливости и международной легитимности.

Юридическим выражением этой трансформации становится изменение конституционной доктрины в сторону признания международного права как источника, стоящего в иерархии не ниже, а зачастую — выше внутренних актов. Конституции многих государств прямо закрепляют примат международного права, что демонстрирует сдвиг от иерархии, основанной на государственном централизме, к правовому плюрализму и полицентризму. Так, в ст. 25 Основного закона Германии (Grundgesetz) зафиксировано, что общепризнанные нормы международного права являются частью федерального права, они имеют приоритет над законами и создают непосредственно права и обязанности для жителей федеральной территории. В конституции ЮАР (ст. 39) подчёркивается, что при толковании Билля о правах суд должен учитывать международное право, а в случае противоречия — отдавать приоритет международным стандартам, особенно в сфере прав человека.

Французская правовая система, хотя формально не признаёт верховенство международного права над конституцией, на практике демонстрирует гибкость: Конституционный совет Франции в своём решении от 15 января 1975 г. (дело «IVG») указал, что контроль за соответствием международных договоров Конституции не входит в его компетенцию, передавая приоритетную роль суду кассационной инстанции и Государственному совету. Конституция Колумбии прямо устанавливает, что международные договоры, ратифицированные и соответствующие конституционным ценностям, имеют силу закона (ст. 93), при этом нормы международного гуманитарного и правозащитного характера обладают превалирующим статусом. В российской доктрине и судебной практике прослеживается более осторожная позиция: ст. 15 Конституции РФ утверждает приоритет международных договоров над федеральными законами, но не над самой Конституцией, что получило развитие в ряде решений Конституционного Суда, особенно после 2015 года.

При этом особое значение в процессе трансформации юридической иерархии приобретает деятельность международных институтов, формирующих нормы не только через классические договорные процедуры, но и через решения, рекомендации, заключения и иные формы правотворческой практики. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), действуя на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, выработал обширную квазиправовую практику, де-факто обладающую нормативной силой в правовых порядках государств — участников Совета Европы. Его решения, как подчёркивают ряд исследователей, всё более воспринимаются как обязательный компонент национального конституционного правового порядка, несмотря на отсутствие прямой иерархической зависимости [\[12\]](#).

Подобную же функцию выполняет Комитет по правам человека ООН, несмотря на ограниченные полномочия, имеющий глобальный охват и авторитет при оценке соблюдения Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Его заключения по индивидуальным жалобам, хотя и не имеют формального юридического обязательства, всё чаще воспринимаются государствами как значимые ориентиры в области права. Примерами служат кейсы «Тоонен v. Australia» (1994), повлиявший на отмену дискриминационных норм, или «Länsman v. Finland» (1994), касавшийся прав коренных народов.

Дилемма между суверенитетом конституционного правопорядка и международными обязательствами проявляется наиболее остро в ситуациях, когда международные решения вступают в прямое противоречие с внутренними нормами. В этом контексте показателен спор о приоритете решений ЕСПЧ над конституционными положениями в ряде стран. В России, начиная с 2015 года, Конституционный Суд прямо утверждает, что обязательность исполнения решений ЕСПЧ ограничена положениями Конституции РФ (Постановление № 21-П от 14 июля 2015 г.), что вызвало критику со стороны Совета Европы и правозащитных организаций. Аналогичным образом, в Германии Федеральный конституционный суд (дело *Görgülü*, 2004) указал, что решения международных органов не могут изменять основ конституционного строя, а в Великобритании Верховный суд в деле «*Nicklinson v. Ministry of Justice*» (2014) отказался исполнять решение ЕСПЧ, сославшись на внутренние демократические процедуры.

Таким образом, можно наблюдать постепенное смещение от вертикальной модели, основанной на исключительном национальном суверенитете, к системе полицентричного правопорядка, где источники норм исходят из множества взаимосвязанных центров — национальных, международных и транснациональных. Это не означает исчезновения суверенитета, но свидетельствует о его изменении: от замкнутой юридической монополии к динамическому участию в правотворческой сети. Суверенитет не отменяется — он преобразуется, становясь частью более сложного нормативного ландшафта, в котором государство утрачивает монополию на производство юридически значимых смыслов, но не свою субъектность.

Глобальная нормативность и универсализация конституционных ценностей

Современное развитие международного правопорядка всё более отчётливо демонстрирует тенденцию к универсализации фундаментальных конституционных ценностей, исходящих за рамки традиционного государственного суверенитета. Особое место в этой трансформации занимает категория прав человека, которая постепенно перестаёт быть исключительно внутренним делом национальных юрисдикций и приобретает статус универсального стандарта, обладающего трансграничной нормативной силой. В этом контексте международные механизмы защиты прав человека — включая деятельность Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, а также Комитетов ООН, осуществляющих надзор за выполнением международных пактов, — становятся не просто институциональными формами контроля, но и своеобразными каналами «мягкого конституционализма» (*soft constitutionalism*), переносящего общие принципы и стандарты в национальные правопорядки [\[13\]](#).

В этой связи следует признать, что права человека ныне не только юридическая категория, но и культурный код глобального правопорядка, определяющий вектор трансформации конституционного права в условиях наднациональных вызовов. В свою очередь, зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что универсальные права человека постепенно конституируются в качестве «транснационального канона», который, независимо от уровня внутреннего правового развития, накладывает императивные требования на государства — в том числе в аспекте соответствия конституционного дизайна этим глобальным стандартам [\[14..15\]](#)

Однако универсализация конституционных ценностей не ограничивается сферой прав человека. Новейшие вызовы, связанные с климатической, технологической и цифровой повесткой, формируют качественно новый уровень нормативных ожиданий и обязательств. Так, Парижское соглашение 2015 года стало не только юридическим

механизмом климатического регулирования, но и зафиксировало в международной правовой системе идею экологической ответственности как конституционной обязанности государства, подлежащей закреплению и на уровне национальных правовых актов. Примеры таких имплементаций можно наблюдать в решениях Конституционного суда Германии (BVerfG), признавшего климатическую политику частью реализации основного права на достойное будущее. Аналогичные тенденции прослеживаются в практике Конституционного совета Франции и Верховного суда Колумбии.

Цифровая трансформация, ускоренная развитием технологий искусственного интеллекта, Big Data и биометрических систем, также требует переосмысления конституционных основ. Проблематика защиты персональных данных, права на цифровую идентичность и информационную автономию всё чаще становится предметом рассмотрения как национальных, так и наднациональных органов, включая Суд Европейского Союза. В условиях, когда данные становятся новой формой власти, их защита приобретает значение структурного элемента конституционной легитимности. Европейский регламент GDPR и проекты ОЭСР по цифровым правам демонстрируют стремление к формированию универсальных стандартов, подчиняющих как частные субъекты, так и государственные органы общим принципам цифровой этики и ответственности.

Особое внимание в этой связи заслуживает феномен *soft law* и связанных с ним гибридных регуляторных механизмов, которые, оставаясь вне рамок жесткой юридической обязательности, оказывают реальное воздействие на содержание национального права [\[16\]](#). Добровольные кодексы корпоративной ответственности, ESG-стандарты, международные гайдлайны в области искусственного интеллекта и устойчивого развития формируют особую нормативную среду, где границы между публичным и частным, юридическим и этическим, обязательным и рекомендательным стираются. Такие документы, как Руководящие принципы ООН по предпринимательской деятельности и правам человека, принятые в 2011 году, стали примером того, как нормы мягкого права превращаются в эталон корпоративной и институциональной практики, внедряемый в обязательные национальные положения через механизмы комплаенса и публичной отчётности.

Влияние частных транснациональных акторов, таких как рейтинговые агентства, глобальные корпорации и платформенные регуляторы (например, Meta, Google, Microsoft), на процессы нормативного структурирования стало настолько значимым, что они фактически конкурируют с государствами в вопросах установления правил поведения в трансграничной среде. Исследователь Н. Krisch обоснованно утверждает, что в условиях современного конституционализма именно нелегитимные, но высокоэффективные формы частного регулирования играют решающую роль в трансформации нормативного пространства [\[17\]](#).

Таким образом, современная парадигма конституционализма расширяется за пределы классического государственно-центристского понимания и постепенно обретает транснациональный характер, в котором глобальные нормы, частные акты и универсальные ценности сосуществуют в сложной нормативной экосистеме. Это требует от правовых систем нового уровня гибкости и открытости, а от юриспруденции — готовности мыслить категориями не только нормы, но и процесса её глобального сотворения.

Влияние международного правопорядка на трансформацию институтов национального конституционализма

Современные трансформационные процессы в сфере международного права оказывают не только нормативное, но и институциональное воздействие на национальные системы конституционного регулирования. В условиях укрепления международного правопорядка как источника универсальных норм и стандартов происходит переформатирование базовых механизмов конституционного контроля внутри государств, прежде всего в деятельности конституционных судов. Речь идёт не просто о заимствовании правовых конструкций, но о глубинной интернационализации юридической аргументации, всё более активно использующей положения международных договоров, заключения органов ООН, решения межгосударственных трибуналов и прецеденты региональных судов по правам человека. Особенно отчётливо это проявляется в юрисдикциях с развитой правовой доктриной, таких как Германия, Италия, Южная Африка и Канада, где конституционные суды оперируют международным правом не как внешним источником, а как частью правовой среды, в которой формируется содержание и смысл национальных норм.

В российской правовой традиции данное явление получило развитие в ряде решений Конституционного Суда РФ, в частности по делам, связанным с соотношением международных обязательств и норм Конституции Российской Федерации. Несмотря на определённые ограничения, установленные в результате поправок 2020 года, следует отметить, что сама практика обращения к международным источникам права — будь то Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, правовые позиции Европейского суда по правам человека или решения Комитета ООН по правам человека — укоренилась в методологии судебной интерпретации. Это подтверждает тезис о нарастающей интеграции международной аргументации в национальный конституционный дискурс. В связи с чем можно согласиться, что подобная трансформация свидетельствует о развитии «открытого конституционализма», в котором легитимность национального правосудия всё чаще зависит от его способности соотнести себя с международными стандартами правовой справедливости [\[18\]](#).

Однако такая интернационализация неизбежно приводит к феномену «двойной лояльности», ставящего национальные органы правоприменения, особенно конституционные суды, в ситуацию напряжения между необходимостью быть верными внутреннему правопорядку и одновременно учитывать авторитет и обязательность норм международного права. Этот вопрос особенно остро встает в тех случаях, когда между национальными и международными нормами возникает противоречие, как, например, в делах «Константин Маркин против России» (2010) или «Анчугова и Гладкова против России» (2013), где Европейский суд по правам человека поставил под сомнение отдельные положения российской правовой системы. В ответ Конституционный Суд РФ разработал концепцию «правового суверенитета», согласно которой международные обязательства подлежат исполнению лишь при условии их соответствия Основному закону государства. Сходные подходы демонстрируют и другие государства, в том числе Германия (решение по делу *Görgülü*, BVerfG, 2004) и Италия (дело *Frontini*, Corte Costituzionale, 1973), где суды утверждают приоритет конституционных норм при конфликте с международными положениями, несмотря на их общее признание и ратификацию.

Тем самым возникает новое измерение лояльности — не как выбор между правовыми системами, но как необходимость обеспечить согласование разноуровневых нормативных систем. Иными словами, речь идет не об отказе от международного влияния, а о формировании механизма «конституционного фильтра», через который международные стандарты проходят адаптацию с учетом базовых конституционных

ценностей и суверенного выбора общества. Эта тенденция формирует специфическую модель «диалога судебных систем» (judicial dialogue), в рамках которой национальные суды не пассивно следуют международным требованиям, но вступают в равноправный дискурс с наднациональными инстанциями, утверждая ценность собственной правовой идентичности.

Одновременно с этим трансформации подвергаются и традиционные механизмы защиты прав человека, которые в условиях глобализации утрачивают свою исключительно внутригосударственную природу и становятся элементом многоуровневой системы правовой защиты. В этой связи полагаем, что современный конституционализм всё более склонен рассматривать права человека не как юридически обеспеченную свободу, гарантированную лишь в пределах конкретной территории, а как универсальную категорию, подлежащую защите одновременно на национальном, региональном и международном уровнях. В этой связи показателен пример Латинской Америки, где межамериканская система прав человека, функционирующая через суд в Сан-Хосе, оказывает реальное влияние на судебную и законодательную практику государств — от Мексики до Аргентины, — формируя новые параметры правовой ответственности.

Следовательно, многоуровневая система защиты прав человека требует иного подхода к институциональной архитектуре: национальные омбудсмены, конституционные суды, административные органы и международные структуры формируют сеть взаимосвязанных гарантий, где эффективность определяется не иерархией, а степенью взаимодействия и согласованности. Особенно важным здесь становится принцип субсидиарности, согласно которому международные органы вмешиваются лишь в случае неэффективности внутренних механизмов, тем самым сохраняя баланс между уважением суверенитета и необходимостью транснациональной защиты.

При этом следует отметить и обратную тенденцию — использование международных механизмов в условиях дефицита доверия к национальной судебной системе. Для многих субъектов, особенно в странах с нестабильной правовой системой или авторитарными тенденциями, обращение к международным судам становится единственно возможным способом защиты прав и свобод. Однако это, в свою очередь, порождает риск «юридического экспорта», когда внутренние конфликты переносятся в международную плоскость, порой с политической инструментализацией правовых процедур. Подобное явление указывает на необходимость выработки устойчивых механизмов координации между уровнями правовой защиты, чтобы исключить как правовой изоляционизм, так и безусловную зависимость от внешних юридических инстанций.

Таким образом, влияние международного правопорядка на национальные институты конституционализма не ограничивается формальным соблюдением международных обязательств. Оно ведет к качественным изменениям в самой логике функционирования конституционных судов, в структуре судебной аргументации и в понимании природы прав человека как универсальных и неделимых. Возникает новая модель конституционной идентичности, в которой национальные правовые системы всё чаще выступают не замкнутыми структурами, а открытыми аренами правового взаимодействия в глобальном нормативном пространстве.

Кризис национальной нормативной автономии и новые модели взаимодействия

Современная эволюция международного правопорядка сопровождается углубляющимся кризисом традиционной модели нормативной автономии национальных государств,

основанной на идее полной юрисдикционной самодостаточности и исключительного верховенства внутренней правовой воли. В условиях нарастающего нормативного давления со стороны транснациональных акторов, включая международные суды, наднациональные организации и частных глобальных регуляторов, государства сталкиваются с необходимостью пересмотра устоявшихся доктрин, определявших границы взаимодействия между внутренним правом и международными нормами. Эта ситуация рождает амбивалентные реакции: от стремления к интеграции международных обязательств в национальную правовую систему — до попыток восстановить контроль над интерпретацией и применением внешнепринятых норм через механизмы, условно обозначаемые как «деконституционализация» международного влияния.

Наиболее показательные примеры таких реакций можно наблюдать в странах Восточной и Центральной Европы, где первоначально отмечалась высокая степень рецепции международных правовых стандартов, но в дальнейшем, в условиях политической и нормативной турбулентности, стали формироваться механизмы защиты национального правового суверенитета. Польский Конституционный Трибунал в решении от 7 октября 2021 года прямо поставил под сомнение приоритет права Европейского союза, утверждая, что отдельные положения Договора о ЕС (в частности, статья 1 и 19) несовместимы с польской Конституцией [\[19\]](#). Аналогичным образом Венгерский Конституционный суд, особенно в своих решениях 2016–2021 годов, начал формировать доктрину «конституционного самоограничения» в ответ на миграционные директивы ЕС, указывая на недопустимость вмешательства в «национальную идентичность» как защищаемую категорию Основного закона. Особенно значимо решение ВКС от 5 декабря 2016 года (№ 22/2016 (XII. 5.)), в котором суд провозгласил концепцию «конституционной идентичности» как средство защиты национального суверенитета от вмешательства со стороны ЕС [\[20\]](#).

Россия, в свою очередь, последовательно развивала правовую концепцию приоритета Конституции РФ над международными договорами, кульминацией чего стала норма статьи 79 в новой редакции Конституции (введённая в 2020 году), прямо запрещающая исполнение решений межгосударственных органов, если они противоречат Основному закону. Данная норма была развёрнута в ряде решений Конституционного Суда РФ, включая постановление по делу «Якубович» (№ 21-П/2017), где было зафиксировано, что решения Европейского суда по правам человека могут не подлежать исполнению, если они затрагивают конституционную идентичность России. Подобные правовые и политические действия не являются уникальными — они отражают общую тенденцию к переосмыслению границ нормативной зависимости и восстановлению контроля над конституционной интерпретацией как актом суверенного волиопределения.

Тем не менее кризис автономии вовсе не означает отказ от взаимодействия, а скорее — его трансформацию. На этом фоне существенно меняется и сама природа конституционного контроля, который более не может быть изолированным процессом, основанным исключительно на положениях национального текста Конституции. Возникает необходимость учитывать международные правовые стандарты не как внешнюю силу, а как часть многоуровневой нормативной среды, в которой конституционный суд оказывается посредником между разными уровнями правовых притязаний. Именно в этом контексте следует понимать усилия таких судов, как Федеральный Конституционный суд Германии или Верховный суд Канады, которые в своих решениях не только ссылаются на международные и наднациональные источники, но и интерпретируют их в свете национальных конституционных ценностей, формируя таким образом правовую синергию.

В этой связи следует согласиться с тем, что современная модель конституционного контроля становится пространством «перевода» между системами — переводом, не столько юридическим, сколько политико-правовым, где каждое решение выступает актом баланса между международной правоммерностью и внутренней легитимностью [\[21\]](#). Этот баланс требует от судов высокой степени автономии в интерпретации, но одновременно — открытости к диалогу с внешними правовыми источниками. Важно подчеркнуть, что такое положение дел разрушает дихотомию «международное–национальное», подменяя её логикой взаимного признания и переработки норм.

Однако именно в этой точке и проявляется одна из наиболее дискуссионных тем современного конституционализма — проблема конституционного плюрализма. Вопрос заключается в том, следует ли воспринимать конкуренцию между правопорядками как угрозу правовой целостности, либо, напротив, как возможность формирования гибридной правовой системы, объединяющей лучшие черты различных уровней регулирования. Исследователь Н. Walker предлагает понимать плюрализм не как конфликт, а как состояние постоянной нормативной напряжённости, в рамках которой каждый правопорядок признаёт автономность другого, не отказываясь при этом от собственных притязаний на верховенство [\[22\]](#).

Такой подход позволяет интерпретировать конституционный плюрализм как форму правовой взаимосвязанности, при которой различия между системами не устраняются, а институционализируются. Национальные суды, международные организации, наднациональные трибуналы и даже частные нормативные структуры вступают в сложный и зачастую нескоординированный диалог, результатом которого становится не гармонизация, а контекстуализация норм. Это особенно ярко проявляется в делах, касающихся миграционной политики, цифровых прав или биоэтики, где универсальные стандарты сталкиваются с локальными политическими установками, а исход решений зависит от способности судов к интеллектуальному посредничеству.

Существуют и скептические оценки подобных процессов. Так, J. Habermas выражает сомнение в возможности устойчивого плюралистического конституционализма, указывая на риск разрушения нормативной целостности и подмены демократической легитимации экспертной [\[23\]](#). В то же время В. Fassbender рассматривает глобальный конституционализм как путь к «мировой общественной власти», где взаимодействие правопорядков лишь предваряет их возможную интеграцию на основе общих ценностей [\[24\]](#). Внутри российской доктрины также существует напряжение между концепцией «правового суверенитета» (А. Л. Кононов) [\[25\]](#) и идеей нормативного универсализма, получившей развитие в трудах А. Н. Медушевского [\[26\]](#).

Следовательно, кризис нормативной автономии не следует воспринимать исключительно в негативном ключе. Он открывает пространство для формирования новых моделей взаимодействия, в которых каждый правопорядок сохраняет свою субъектность, но признаёт необходимость учета других. Вопрос заключается не столько в том, кто «победит» в этом столкновении — национальный или международный уровень, — сколько в том, смогут ли системы права выработать механизмы взаимного уважения, без которых невозможна правовая стабильность в глобализованном мире.

Заключение

Развитие международно-правового правопорядка на современном этапе сопряжено с радикальным пересмотром базовых категорий классического конституционализма,

прежде всего идеи внутреннего суверенитета как замкнутой, непреодолимой и единственной легитимной формы государственной власти. На протяжении большей части XX века суверенитет в конституционно-правовой парадигме трактовался как фундаментальный признак государственности, предполагавший нормативную автономию, исключительное право на производство, интерпретацию и защиту правовых норм. Однако в условиях глобализации, интенсификации трансграничного взаимодействия и институционализации международных и наднациональных правовых структур, концепция суверенитета утрачивает однозначность, становясь предметом критического анализа со стороны как юридической доктрины, так и практики конституционного регулирования.

Одним из центральных вызовов традиционной модели суверенитета стало то, что правовые нормы всё чаще рождаются вне границ конкретного государства, но при этом претендуют на универсальность, обязательность и прямое применение. Речь идёт не только о классических международных договорах и нормах *jus cogens*, но также о решениях международных судов, рекомендациях *soft law*, принципах корпоративного регулирования, экологических и цифровых стандартах, вырабатываемых в рамках негосударственных институтов. Эти нормы формируют особую категорию транснационального регулирования, к которому государства всё чаще вынуждены апеллировать не в силу политической воли, а по причине институционального давления или функциональной необходимости. В подобной ситуации национальные правопорядки теряют монополию на нормативное определение своих конституционных основ, а суверенитет превращается не в исходную предпосылку, а в переменную, подлежащую согласованию в рамках более широкой правовой экосистемы.

Возникающая на этом фоне правовая полицентричность предполагает существование множества источников правотворчества, между которыми не существует единого иерархического порядка. В данной конструкции значение приобретает не столько происхождение нормы, сколько её содержательная легитимность, ценностная нагрузка и способность к признанию в разных правовых системах. Конституционные нормы и решения, ранее обладавшие авторитетом исключительно в пределах национальной юрисдикции, сегодня неизбежно соотносятся с универсальными стандартами прав человека, принципами устойчивого развития, цифровой этики и климатической справедливости. Это приводит к радикальному смещению акцентов: от юридического источника нормы — к её легитимирующему потенциалу.

Подобная трансформация юридического мышления требует отказа от жёсткой иерархии нормативных актов в пользу более гибкой и ценностно ориентированной модели, в которой ключевым становится не правовая форма, а нормативное содержание. Именно в этой парадигме развиваются современные концепции «ценностного конституционализма» (*value-based constitutionalism*) и «глобального нормативного порядка» (*global normative order*), где понятие легитимности связывается не с государственной волей, а с международно признанными принципами достоинства, свободы и равенства. При этом правовая наука сталкивается с необходимостью переосмысления фундаментальных категорий: понятия источника права, границ юрисдикции, субъектности, нормативной силы и механизма интерпретации.

В этих условиях очевидна необходимость разработки новой теоретической модели, способной не только описывать происходящие изменения, но и предлагать концептуальные ориентиры для их правового осмысления. Такая модель должна учитывать многослойность современного правового пространства, где внутреннее и внешнее право более не могут функционировать автономно, но обязаны взаимодействовать на основе принципов взаимного признания, функционального

соответствия и ценностной комплементарности. Модель эта не может быть сведена к традиционной рецепции международного права или механическому заимствованию норм — речь идёт о подлинной интеграции, предполагающей диалог и адаптацию, переработку и институциональное закрепление.

Следовательно, необходим не отказ от суверенитета, а его переопределение в терминах взаимосвязанности, открытости и ответственности. Суверенитет XXI века — это не барьер, а шлюз, регулирующий движение между уровнями правовых систем, обеспечивая при этом идентичность, легитимность и устойчивость национального правопорядка. Конституционализм в таком контексте предстает не как завершённая система, а как постоянно развивающаяся форма юридической рефлексии, открытая к новым смыслам, источникам и субъектам нормативного взаимодействия.

Библиография

1. Widlak, T. Polycentric vs. fragmented: a Neo-Kelsenian order of global law // *Transnational Legal Theory*. 2019. Vol. 10, No. 2. Pp. 229-251.
2. Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: поиск национальной идентичности // *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90, № 3. С. 273-282.
3. Peters, A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16, No. 2. Pp. 397-411.
4. Kumm, M. Global Constitutionalism: History, Theory and Contemporary Challenges // *Revista Direito e Práxis*. 2022. Vol. 13, No. 4. Pp. 2732-2773. DOI: 10.1590/2179-8966/2022/70784 EDN: KPOFJU.
5. Rosenfeld, M. Is Global Constitutionalism Meaningful or Desirable? // *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25, No. 1. Pp. 177-199.
6. Локк, Дж. Два трактата о правлении: монография / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. - 4-е изд. - Москва ; Челябинск : Социум, 2020. - 496 с.
7. Анциферова, Н.А. Международно-правовой порядок: теоретико-правовая характеристика // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2009. № 4. С. 131-134. EDN: PXYRPP.
8. Brunnée, J., Toope, S. J. *Legitimacy and Legality in International Law: An Interactional Account*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
9. Peters, A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16, No. 2. Pp. 397-411.
10. Held, D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press, 1995. 324 p.
11. Koskeniemi, M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870-1960*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
12. Seibert-F, A., Villiger, M.E. *Judgments of the European Court of Human Rights - Effects and Implementation*. Farnham: Ashgate Publishing, 2015.
13. Sandholtz, W. Human rights courts and global constitutionalism: Coordination through judicial dialogue // *Global Constitutionalism*. 2020. Vol. 10. Pp. 1-26.
14. Besson, S. Human Rights as Transnational Constitutional Law // *Handbook on Global Constitutionalism* / ed. by S. Besson, J. T. V. P. Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 234-247.
15. Hailbronner, M. Constructing the Global Constitutional Canon: Between Authority and Criticism // *University of Toronto Law Journal*. 2019. Vol. 69, No. 2. Pp. 248-274.
16. Ștefan, O. Preserving the Rule of Law Through Transnational Soft Law: The Cooperation and Verification Mechanism // *Hague Journal on the Rule of Law*. 2024. Vol. 16, No. 3. Pp. 671-692.
17. Krisch, N. Entangled Legalities in the Postnational Space // *International Journal of*

Constitutional Law. 2022. Vol. 20, No. 3. Pp. 476-506. DOI: 10.1093/icon/moac018 EDN: XMBGUC.

18. Choudhry, S. Globalization in Search of Justification: Toward a Theory of Comparative Constitutional Interpretation // Indiana Law Journal. 1999. Vol. 74, No. 3. Pp. 819-892.

19. Kucina, I. Polish Constitutional Tribunal's Judgement Regarding Supremacy of the Polish Constitution Over EU Law: The Next-Level Debate on the "Last Word" // Journal of the University of Latvia. Law. 2022. Vol. 15. Pp. 204-214.

20. Drinóczi, T. Hungarian Constitutional Court: The Limits of EU Law in the Hungarian Legal System // ICL Journal. 2016. Pp. 139-151.

21. Gliszczyńska-Grabias, A., Sadurski, W. Is It Polexit Yet? Comment on Case K 3/21 of 7 October 2021 by the Constitutional Tribunal of Poland // European Constitutional Law Review. 2023. Vol. 19. Pp. 1-19.

22. Walker, N. The Idea of Constitutional Pluralism // The Modern Law Review. 2002. Vol. 65, No. 3. Pp. 317-359.

23. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 674 p.

24. Fassbender, B. The United Nations Charter as Constitution of the International Community // Columbia Journal of Transnational Law. 1998. Vol. 36, No. 3. Pp. 529-619.

25. Кононов, А.П. Проблемы сущности, типа и формы правления постсоциалистического российского государства: Учебное пособие. - М., 2005.

26. Медушевский, А.Н. Насколько универсальны "универсальные стандарты" прав человека: переоценка критической школы международного права // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 3-31. EDN: AFXICR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Международно-правовой правопорядок и трансформация парадигмы конституционализма: от внутреннего суверенитета к глобальной нормативности» для опубликования в журнале «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations».

Статья посвящена анализу трансформации классического конституционализма под влиянием международно-правового правопорядка. Автор исследует: сдвиг от национального суверенитета к полицентричной системе права, роль международных норм (включая soft law) в переопределении конституционных ценностей, конфликты и диалог между национальными и наднациональными правовыми системами (на примере решений Конституционных судов России, Германии, ЕСПЧ).

К предмету исследования применены методы сравнительно-правового анализа (в части сопоставления практики разных стран: РФ, Германия, Франция, Польша); системного подхода (в части изучения взаимодействия национальных и международных правовых институтов); интерпретативной герменевтики (в части анализа текстов конституций, решений судов, доктринальных источников); междисциплинарных исследований (в части сочетания юриспруденции, политологии и философии права).

Тема является актуальной в условиях глобализации права (климатические соглашения, цифровые стандарты), роста конфликтов между национальными конституциями и международными обязательствами (например, дела ЕСПЧ против РФ и Польши), появления новых акторов (корпорации, НКО), формирующих транснациональные нормы. Выявленную проблематику автор наглядно иллюстрирует необходимостью

совершенствования законодательства (приведены в пример поправки 2020 г. к Конституции РФ, провозгласившие приоритет национальных механизмов правового регулирования над международными нормами), а также глубоким анализом практики (например, решение польского Конституционного Трибунала (2021) о верховенстве национального права над ЕС).

Научная новизна исследования следует из авторской концепции «транснационального конституционализма» как синтеза национальных и международных норм; анализе «мягкого конституционализма» (soft law) как инструмента глобального влияния; критике классического понимания суверенитета через призму полицентризма (ссылки на Уокера, Криша). Заслуживает внимания интересное авторское умозаключение о суверенитете XXI века: «...не барьер, а шлюз, регулирующий движение между правовыми системами». Практическая ценность исследования заключается в авторских инструментах по разрешению конфликтов между ЕСПЧ и национальными конституциями

Стиль, структура, содержание статьи соответствуют требованиям, предъявляемым к данного вида научным исследованиям. Стиль работы академический, но доступный. Структура текста четкая и логичная, материал изложен от исторического контекста к конфликтам и к новым моделям взаимодействия. Содержание основано на авторитетных теоретических исследованиях (Локк, Хабермас), практических кейсах (ЕСПЧ, решения Конституционных судов).

Библиография представлена 26 источниками, включая классические исследования (Локк, Хабермас), современные зарубежные работы (Питерс, Кумм), исследования российских авторов (Хабриева, Кононов). Автор соблюден разумный баланс между западной и российской доктриной. Однако, на взгляд рецензента, работе не достает исследования новейших публикаций 2023-2025гг., к примеру, о цифровом суверенитете. Автор активно полемизирует с сторонниками жесткого суверенитета (например, позиция Конституционного Суда РФ), критиками глобализации права (Хабермас о рисках «экспертократии»), приверженцами иерархической модели (Фассбендер о «мировой конституции»). Поэтому выводы и результаты исследования об эволюции конституционализма от замкнутости к диалогу, прогнозе о будущем конституционализма в гибридных моделях (например, «конституционный фильтр») и других, - будут интересны юристам-международникам, судьям и законодательным органам, политологам, изучающим глобализацию.

Таким образом, статья представляет собой вклад в теорию конституционного права и может быть рекомендована к опубликованию.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Балычевский Д.Н. К вопросу о международно-правовых принципах использования космических ресурсов // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.74659 EDN: ZDXJQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74659

К вопросу о международно-правовых принципах использования космических ресурсов

Балычевский Дмитрий Николаевич

Аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2 стр. 1

✉ d-balichevskiy1996@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации и развитие отдельных отраслей МПП"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.74659

EDN:

ZDXJQU

Дата направления статьи в редакцию:

31-05-2025

Дата публикации:

09-06-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает система международно-правовых принципов использования космических ресурсов в контексте современных вызовов развития коммерческой космической деятельности. Объектом исследования являются международные правоотношения, возникающие в процессе применения универсальных принципов международного права, отраслевых принципов международного космического права и формирующихся специальных принципов к регулированию деятельности по извлечению и эксплуатации космических ресурсов. Исследование направлено на систематизацию трехуровневой структуры международно-правовых принципов, выявление их регулятивного потенциала в условиях пробельности специального международно-правового регулирования и обоснование концептуальных основ будущего международно-правового режима космических ресурсов. Особое

внимание уделяется анализу попыток обхода ключевых принципов международного космического права через национальное законодательство и региональные соглашения, а также разработке системы специальных принципов, способных обеспечить баланс между коммерческими интересами и императивами общего блага человечества. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, включая системный подход к анализу принципов международного права, сравнительно-правовой анализ различных подходов к регулированию космических ресурсов, а также формально-юридический метод при исследовании содержания международно-правовых норм. Научная новизна исследования определяется формированием концепции трехуровневой системы международно-правовых принципов использования космических ресурсов и разработкой авторской системы специальных принципов данной сферы деятельности. Впервые проведен комплексный анализ применимости универсальных принципов международного права к использованию космических ресурсов с выявлением системных нарушений в современной государственной практике. Обоснована концепция функционального неприсвоения как эволюции классического запрета присвоения применительно к современным формам космической деятельности. Установлено, что современная практика государств демонстрирует попытки обхода принципа неприсвоения через наделение частных субъектов правомочиями собственности, что противоречит системному толкованию Договора по космосу. Предложены практические механизмы реализации специальных принципов, включая создание международного органа по координации и лицензированию деятельности. Делается вывод о необходимости формирования международно-правового режима космических ресурсов исключительно в рамках универсальных международных организаций с участием всех государств-участников Договора по космосу.

Ключевые слова:

международное космическое право, космические ресурсы, принципы международного права, Договор по космосу, национальное присвоение, функциональное неприсвоение, международное сотрудничество, космическая деятельность, международно правовое регулирование, суверенное равенство

Введение

Актуальность исследования определяется происходящей трансформацией космической деятельности, которая из сферы исключительно государственных интересов превращается в область активной коммерческой эксплуатации. Современные технологические достижения делают реальностью то, что еще недавно казалось научной фантастикой - извлечение полезных ископаемых с астероидов и небесных тел становится экономически обоснованным проектом ближайшего будущего.

Однако правовое обеспечение этой новой реальности существенно отстает от технологических возможностей. Корни проблемы уходят в историю формирования международного космического права. Когда в 1960-х годах создавалась правовая основа освоения космоса, человечество только делало первые шаги за пределы земной атмосферы. Добыча ресурсов на Луне или астероидах воспринималась как далекое будущее, поэтому международные договоры того времени не содержали детального регулирования данных вопросов. Сегодня эта историческая неопределенность превратилась в серьезную правовую проблему [\[1\]](#).

Договор по космосу 1967 г., являющийся фундаментом международного космического права, установил общие принципы освоения космического пространства - его использование в интересах всего человечества и запрет национального присвоения небесных тел (URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (Дата обращения: 28.05.2025)). Однако эти нормы сформулированы настолько общо, что допускают противоположные интерпретации в вопросе о статусе космических ресурсов. Последующая попытка конкретизировать правовой режим через Соглашение о Луне 1979 г. потерпела неудачу - документ поддержало лишь 17 государств, причем ни одна из космических сверхдержав к нему не присоединилась (URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon.shtml (Дата обращения: 28.05.2025)).

Сложившаяся ситуация приобретает критический характер в связи с тем, что отдельные государства начинают самостоятельно определять правила игры в космосе, не дожидаясь международного консенсуса. Законодательные инициативы США (URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262>, дата обращения: 25.05.2025)), Люксембурга (URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 25.05.2025)), ОАЭ (URL: moj.gov.ae/space-law-2019 (дата обращения: 25.05.2025)) и Японии (URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en> (дата обращения: 25.05.2025)), легализующие частные права на космические ресурсы, фактически ставят под сомнение действующие международные договоренности и угрожают единству международного космического права. Параллельно США инициировали Артемидские соглашения, которые, хотя формально и не являются международным договором, уже объединили около 50 государств и содержат спорное утверждение о том, что коммерческая добыча космических ресурсов не противоречит запрету на национальное присвоение (URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Translated-Versions-of-the-Accords.pdf?emrc=6839b37a197b4> (дата обращения: 25.05.2025)).

Международное сообщество пытается реагировать на эти вызовы. С 2017 г. в рамках ООН ведется работа по выработке согласованных подходов к регулированию космических ресурсов, в 2021 г. создана специальная рабочая группа и приступила к пятилетнему плану работы. Активно работают и неофициальные экспертные объединения, включая Гаагскую рабочую группу, предложившую собственный вариант регулирования. Однако эти усилия пока не привели к выработке единой позиции.

В данных условиях критическое значение приобретает комплексное исследование системы международно-правовых принципов использования космических ресурсов. Принципы международного права составляют фундаментальную основу международного правопорядка, определяя направления развития правового регулирования и обеспечивая системность применения международно-правовых норм в условиях пробельности специального регулирования. В сфере космических ресурсов принципы призваны выполнить регулятивную функцию, обеспечив правовую определенность и стабильность международных отношений до формирования детального договорного регулирования, а также послужить концептуальной основой для создания будущего международно-правового режима, сочетающего потребности коммерческого освоения космоса с императивами общего блага человечества.

Степень научной разработанности темы свидетельствует о том, что различные аспекты международно-правового регулирования использования космических ресурсов

исследовались в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди зарубежных исследователей следует выделить работы С. Горова, Ф. де Мана, С. Хобе, А. Мидзусимы, Т. Чени и других. В отечественной доктрине данной проблематикой занимались А.Н. Вылегжанин, М.Р. Юзбашян, М.А. Алексеев, А.Х. Абашидзе, И.А. Черных, Г.П. Жуков, О.А. Киселева, И.Ю. Штодина, Ю.М. Колосов, О.А. Попова, Е.П. Каменецкая и другие исследователи. В процессе исследования автор также обращался к работам по теории международно-правовых принципов С.В. Черниченко и Г.И. Тункина.

Вместе с тем следует отметить, что существующие исследования в области международно-правовых принципов использования космических ресурсов носят преимущественно фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах данной проблематики. Представляется, что в современной доктрине международного права недостаточно представлены работы, предлагающие системный анализ трехуровневой структуры международно-правовых принципов (универсальных, отраслевых и специальных) применительно к использованию космических ресурсов с учетом их взаимосвязи и практического воздействия на формирование международно-правового режима. Комплексное исследование принципов имеет важное значение для понимания современного состояния международно-правового регулирования данной сферы и определения концептуальных основ его дальнейшего развития.

Научная новизна исследования заключается в формировании концепции трехуровневой системы международно-правовых принципов использования космических ресурсов, включающей универсальные принципы международного права, отраслевые принципы международного космического права и специальные принципы использования космических ресурсов; в обосновании содержания и структуры специальных принципов использования космических ресурсов как самостоятельной группы международно-правовых норм; в выявлении особенностей применения универсальных и отраслевых принципов международного права к регулированию деятельности по использованию космических ресурсов и определении их регулятивного потенциала в условиях пробельности специального международно-правового регулирования.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации международно-правовых принципов использования космических ресурсов и обосновании их роли в формировании эффективного международно-правового режима данной сферы деятельности.

1. Общие положения

В системе международно-правового регулирования принципы международного права выполняют базисную роль, формируя основные параметры развития и функционирования международного права. По мнению С.В. Черниченко, международно-правовые принципы обладают характером *jus cogens* и включают обязательства *erga omnes* [\[2, С. 102\]](#). Г.И. Тункин, также отмечает, что они определяют направления развития международного права и методологию интерпретации действующих норм [\[3, С. 140\]](#).

Регулятивная функция принципов в международном праве носит комплексный характер: они направляют нормотворческие процессы, служат основой для толкования существующих норм и непосредственно воздействуют на международные отношения при отсутствии специального регулирования. Помимо универсальных принципов, применимых ко всем областям межгосударственных отношений, в отдельных отраслях международного права складываются специфические принципы, учитывающие особенности соответствующих правоотношений. В некоторых сферах международного сотрудничества возможно формирование особых принципов, отражающих специфику

конкретной деятельности.

Освоение космических ресурсов представляет собой динамично развивающуюся область межгосударственного общения, характеризующуюся высокой степенью правовой сложности. Специфика данной сферы обуславливает необходимость комплексного применения как основополагающих международно-правовых норм, так и специализированных принципов космического права. В связи с этим представляется обоснованным выделение трех взаимодополняющих групп международно-правовых принципов: универсальных принципов международного права, отраслевых принципов международного космического права и специальных принципов использования космических ресурсов. Каждая группа принципов выполняет определенную регулятивную функцию, а их системное применение должно обеспечить правовую определенность в использовании космических ресурсов.

2. Использование космических ресурсов сквозь призму общих принципов международного права

Освоение космических ресурсов как элемент системы международных отношений должно соответствовать основополагающим принципам международного права, зафиксированным в Уставе ООН (*URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 25.05.2025)*), Декларации о принципах международного права 1970 г. (*URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 25.05.2025)*) и Заключительном акте СБСЕ 1975 г. (*URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_2.pdf (дата обращения: 25.05.2025)*). Игнорирование данных принципов в столь чувствительной сфере может привести к дестабилизации глобального правопорядка и возникновению межгосударственных противоречий.

Императив соблюдения универсальных международно-правовых норм в процессе освоения космического пространства, включая деятельность по использованию космических ресурсов, был впервые зафиксирован в Декларации правовых принципов, регламентирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства 1963 г. (*URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outerspace_principles.shtml (дата обращения: 25.05.2025)*), получил развитие в ст. III Договора по космосу, устанавливающей обязательность осуществления всей деятельности по освоению космического пространства в полном соответствии с международным правом, включая Устав ООН, и подтвержден в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 51/122 от 13 декабря 1996 г., посвященной международному сотрудничеству в космической сфере (*URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-51-122> (дата обращения: 25.05.2025)*).

1. Принцип суверенного равенства государств (ст. 2 Устава ООН) предусматривает юридическое равенство всех государств вне зависимости от их экономического потенциала или технологического уровня. В сфере космических ресурсов данный принцип означает равные права государств на участие в их исследовании и использовании без предоставления привилегированного статуса отдельным субъектам международного права. Юридическое равенство не предполагает фактического равенства возможностей освоения космоса, учитывая объективные различия в научно-техническом развитии. Однако все государства должны обладать равными правами на участие в формировании международно-правового режима космических ресурсов и

получение выгод от их эксплуатации. Вместе с тем, современная государственная практика демонстрирует отступления от данного принципа. Национальные законы, предоставляющие частным субъектам права собственности на добытые космические ресурсы, представляют попытку односторонней интерпретации международного космического права в узкогосударственных интересах. М.А. Алексеев, А.Н. Вылегжанин и М.Р. Юзбашян справедливо характеризуют подобную практику как стратегическую попытку формирования альтернативного международному консенсусу правового режима [4, с. 26-27.]. Российская Федерация систематически акцентирует внимание на неприемлемости произвольной интерпретации международно-правовых норм (URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1444448/> (дата обращения: 25.05.2025)).

2. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*) обязывает государства соблюдать принятые международные обязательства, включая положения Договора по космосу. Особое значение данный принцип приобретает в контексте различных интерпретаций ст. II Договора по космосу о запрете национального присвоения космического пространства. Односторонняя интерпретация международных договоров в собственных интересах противоречит требованиям добросовестности толкования международных договоров, закрепленного в ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров (URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.05.2025)). Обход запрета национального присвоения через предоставление прав собственности частным лицам, по мнению автора, фактически приводит к тому же результату, что и прямое государственное присвоение, нарушая дух и букву международных обязательств. Как отмечают А.Х. Абашидзе и И.А. Черных, США отказываются добросовестно следовать букве и духу Договора по космосу, что создает угрозу для универсального характера международного космического права [5, с. 176].

3. Принцип мирного разрешения международных споров (ст. 2 Устава ООН, Декларация 1970 г.) приобретает актуальность в связи с потенциальными конфликтами при освоении космических ресурсов. Отсутствие четкого международно-правового режима создает предпосылки для возникновения споров между государствами. Эффективная реализация данного принципа требует активизации сотрудничества в рамках ООН и создания специализированных механизмов урегулирования споров, возникающих в процессе использования космических ресурсов. Думается, что на перспективу целесообразно было бы рассмотреть возможность учреждения международного органа по координации деятельности в области космических ресурсов, который мог бы выполнять функции регулятора и арбитра.

4. Принцип недопустимости применения силы (ст. 2 Устава ООН) имеет критическое значение в контексте возможной милитаризации процессов освоения космических ресурсов. Государства обязаны исключить силовые методы при обеспечении доступа к космическим ресурсам. Думается, что потенциальная высокая ценность космических ресурсов может создать стимулы для использования силовых методов. Тенденции к милитаризации космоса, наблюдаемые в современной практике, создают предпосылки для нарушения принципа неприменения силы в космическом пространстве.

5. Принцип международного сотрудничества (Декларация 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г.) также имеет важное значение для использования космических ресурсов. Извлечение и эксплуатация космических ресурсов объективно требуют кооперации государств в силу невозможности монополизации всех космических ресурсов одним субъектом международного права. Реализация данного принципа должна основываться

на понимании космических ресурсов как общего достояния человечества (ст. I Договора по космосу). Это не означает необходимости коллективной собственности, но требует справедливого распределения выгод от использования ресурсов, включая механизмы передачи технологий развивающимся государствам.

Таким образом, основополагающие принципы международного права в полной мере применимы к деятельности по использованию космических ресурсов и должны составлять фундаментальную основу соответствующего международно-правового режима. Попытки ослабить действие данных принципов неизбежно приведут к подрыву международного правопорядка и созданию предпосылок для межгосударственных конфликтов.

3. Отраслевые принципы международного космического права как регулятивная основа использования космических ресурсов

Отраслевые принципы международного космического права, закрепленные преимущественно в Договоре по космосу, формируют специализированную нормативную систему, адаптирующую фундаментальные международно-правовые начала к особенностям космической деятельности. Г.П. Жуков обоснованно указывает на производность принципов космического права от общепризнанных международно-правовых норм при одновременном отражении специфики космического регулирования [\[6, с. 19\]](#). В сфере космических ресурсов взаимосвязь основополагающих и отраслевых принципов проявляется особенно ярко в силу отсутствия специального международно-правового регулирования.

1. Принцип недопустимости национального присвоения (ст. II Договора по космосу) составляет основу архитектуры международного космического права, определяя правовой статус космического пространства. Принцип взаимосвязан с принципом суверенного равенства государств, запрещая установление исключительного контроля над космическими объектами. Применительно к космическим ресурсам принцип порождает фундаментальные проблемы толкования: распространяется ли запрет присвоения на природные ресурсы небесных тел и охватывает ли понятие «национального присвоения» частное присвоение. Ю.М. Колосов также обоснованно указывает на проблематичность отсутствия официального толкования норм Договора по космосу применительно к деятельности по использованию космических ресурсов [\[7, с. 239\]](#). Данная проблематика уже являлась предметом анализа в другом исследовании автора, где было выявлено существование ограничительной и расширительной концепции интерпретации Договора по космосу [\[8\]](#).

Современная практика свидетельствует о попытках обхода принципа через наделение частных субъектов правомочиями собственности на извлеченные ресурсы. Национальные законы США, Люксембурга, ОАЭ и Японии устанавливают комплекс правомочий по владению, транспортировке и реализации космических ресурсов, что, по нашему мнению, противоречит императиву неприсвоения и принципу добросовестного исполнения международных обязательств, в том числе принципу добросовестного толкования международных договоров. Указанные государства исходят из разрешительного подхода, согласно которому запрет присвоения охватывает исключительно небесные тела как пространственные образования, не затрагивая природные ресурсы. Такой подход находит поддержку в доктрине. Например, А. Мидзусима и другие зарубежные исследователи утверждают, что освоение космических ресурсов не связано с присвоением территорий, а представляет собой исключительно их

извлечение и коммерческую эксплуатацию [\[9\]](#). Россия последовательно следует ограничительному подходу к интерпретации Договора по космосу, ссылаясь на неприемлемость произвольной интерпретации международно-правовых норм. Отечественные исследователи А.Н. Вылегжанин, О.А. Киселева, И.Ю. Штодина в этой связи обоснованно указывают на угрозу фрагментации международного космического права [\[10, С. 150-151\]](#). Стоит также согласиться с зарубежным исследователем Ф. де Маном, который анализируя применение принципа неприсвоения к космическим ресурсам, обоснованно указывает, что данный принцип распространяется на космическое пространство, небесные тела и все находящиеся в них природные ресурсы [\[11, P. 25\]](#).

2. Принцип использования космоса на благо всего человечества (ст. I Договора по космосу) интегрирован с императивами межгосударственного сотрудничества и равноправия субъектов международного права. Принцип устанавливает, что космическая деятельность должна осуществляться как достояние человечества, создавая основу для справедливого распределения выгод от использования космических ресурсов. Применительно к космическим ресурсам принцип порождает вопросы о механизмах обеспечения участия всех государств в получении выгод. Думается, что необходим баланс между справедливым распределением выгод и созданием экономических стимулов для инвестирующих в космические технологии субъектов. Достижение баланса, как представляется, возможно через механизмы передачи технологий, совместное финансирование и справедливые системы распределения доходов.

3. Принцип свободного исследования и освоения космоса (ст. I Договора по космосу) закрепляет равноправные возможности доступа к космическому пространству независимо от научно-технического развития государств. С. Хобе отмечает, что понятие «общее наследие человечества» базируется на концепции «достояние всего человечества», при этом центральной идеей обеих является введение ограничений свобод деятельности государств исходя из интересов всего человечества [\[12, P. 95\]](#). В контексте космических ресурсов реализация принципа сталкивается с практическими ограничениями. В рамках вышеназванного разрешительного подхода США и союзники толкуют принцип как право на беспрепятственную коммерческую эксплуатацию ресурсов. Ограничительный подход предполагает осуществление свободы использования в рамках коллективных интересов человечества без частного присвоения ресурсов. Особую озабоченность вызывает, например, концепция «зон безопасности» в Соглашениях Артемиды. Формально предназначенные для предотвращения вредного вмешательства, такие зоны могут стать инструментом фактического закрепления контроля над ценными участками небесных тел, создавая систему приоритетов «кто первый пришел».

4. Принцип международной ответственности государств (ст. VI Договора по космосу) приобретает системообразующее значение в эпоху коммерциализации космической деятельности. Принцип устанавливает безусловную ответственность государств за космическую деятельность субъектов их юрисдикции независимо от организационно-правовой формы. Исследователь С. Горов обращает внимание на неразрывную связь между обязанностями государств по контролю за национальной космической деятельностью и принципом использования космоса в общих интересах человечества, что исключает возможность частного присвоения космических ресурсов независимо от того, осуществляется ли соответствующая деятельность государственными или негосударственными организациями [\[13, P. 102\]](#). Актуальная практика показывает попытки

использования принципа для легитимации сомнительных действий. Принятие национальных законов о легализации добычи космических ресурсов частными лицами может рассматриваться как попытка переложить ответственность на частных субъектов. По мнению автора, системное толкование ст. II и VI приводит к выводу, что государство не может освободиться от международной ответственности путем делегирования функций частным лицам.

5. Принцип демилитаризации космоса (ст. IV Договора по космосу) образует комплексную нормативную конструкцию ограничений военного присутствия в космосе и развивает положения основополагающего международно-правового принципа о недопустимости применения силы в межгосударственных отношениях. О.А. Попова обоснованно указывает, что принцип представляет собой основополагающую программную установку для совершенствования международно-правового регулирования сотрудничества государств в космическом пространстве [14, с. 135]. В контексте космических ресурсов принцип приобретает особую актуальность, поскольку, как отмечалось ранее, экономическая ценность небесных тел может провоцировать попытки силового метода для отстаивания коммерческих интересов. Важно обеспечить, чтобы добыча ресурсов не стала предлогом для размещения военной инфраструктуры под видом защиты коммерческих интересов. Международное сообщество должно разработать критерии разграничения между мирной коммерческой деятельностью по использования космических ресурсов и запрещенным военным использованием.

6. Принцип предотвращения вредного загрязнения космоса (ст. IX Договора по космосу) обуславливает необходимость комплексного обеспечения экологической безопасности при освоении космических ресурсов. Интенсивная эксплуатация ресурсов небесных тел при игнорировании экологических императивов способна привести к необратимым деформациям космической среды и генерированию дополнительных объемов космического мусора. Эффективная реализация принципа требует формирования специализированных экологических критериев, балансирующих коммерческие интересы с долгосрочной сохранностью космической среды. Содержание принципа должно включать не только ограничения по привнесению земных загрязнителей, но и императив поддержания природного состояния небесных тел.

Современная интерпретация принципа должна соотноситься с глобальными Целями устойчивого развития ООН (URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 25.05.2025)). Экологическая защита космического пространства коррелирует с ЦУР № 12 «Ответственное потребление и производство» и ЦУР № 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития». Критическую значимость приобретает проблематика космического мусора. Так, согласно данным Европейского космического агентства, околоземное орбитальное пространство содержит более 140 миллионов микрочастиц мусора (1-10 мм), около 1,2 миллиона фрагментов средних размеров (1-10 см) и приблизительно 54 тысячи крупных обломков (свыше 10 см) (URL: https://www.esa.int/Space_Safety/Space_Debris/Space_debris_by_the_numbers (дата обращения: 25.05.2025)). Ресурсодобывающие операции должны включать императивные требования по управлению отходами и реабилитации поврежденных участков небесных тел.

7. Принцип международного сотрудничества (ст. IX Договора по космосу) устанавливает специфические обязательства, выходящие за рамки общего принципа сотрудничества. Стоит согласиться с Е.П. Каменецкой, которая концептуализировала международное сотрудничество в космосе как системное взаимодействие в политико-правовой,

экономической и научно-технической сферах [15, с. 18]. Данный принцип исключает привилегированное использование космических ресурсов при игнорировании интересов других государств. Например, ст. IX обязывает государства консультации перед деятельностью, способной причинить вредное вмешательство. Следовательно, односторонние законодательные инициативы в области космических ресурсов демонстрируют пренебрежение требованиями о предварительных консультациях, что противоречит процедурным обязательствам Договора по космосу.

Таким образом, отраслевые принципы международного космического права в полной мере применимы к деятельности по использованию космических ресурсов и должны составлять нормативную основу соответствующего международно-правового режима. Современная государственная практика демонстрирует попытки обхода ключевых принципов, что создает угрозы фрагментации международного космического права и подрывает его универсальный характер. Эффективная реализация отраслевых принципов в первую очередь требует согласованной интерпретации Договора по космосу в рамках универсальных международных механизмов, а не в одностороннем порядке.

4. Концептуальные основы специальных международно-правовых принципов использования космических ресурсов

Следует констатировать отсутствие в современном международном праве специализированных принципов регулирования использования космических ресурсов, что, как представляется, создает правовой пробел, который явно не способствует эффективному развитию данной перспективной сферой деятельности. Коммерциализация космической отрасли и активизация частного сектора обостряют потребность в принципах, способных адаптировать классические нормы космического права к новым реалиям.

Международные усилия по выработке соответствующих принципов развиваются по нескольким направлениям. Как уже отмечалось ранее, формализация обсуждений в рамках Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу в формате специальной рабочей группы, создала институциональную платформу для выработки принципов регулирования космических ресурсов. На наш взгляд, именно ЮПК Комитета ООН по космосу должен оставаться площадкой для диалога в данном направлении. Международные усилия по выработке соответствующих принципов выявили фундаментальные разногласия в подходах государств, что наглядно продемонстрировали дискуссии в рамках Рабочей группы по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами, на 64 сессии ЮПК Комитета ООН по космосу, прошедшей в Вене с 5 по 16 мая 2025 г. ([URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/2025/index.html](https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/2025/index.html) (дата обращения: 25.05.2025)) Например, США отстаивают либеральный подход, утверждая, что добыча и использование космических ресурсов не составляют национального присвоения по смыслу статьи II Договора по космосу, поддерживая Соглашения Артемиды и выступая за общий свод не имеющих обязательной силы принципов высокого уровня. Россия придерживается консервативного подхода, поддерживая строгое соблюдение существующих норм международного космического права, подчеркивая важность принципа неприсвоения и требуя усиления надзора за негосударственными субъектами. Китай демонстрирует умеренно-прагматичный подход, рассматривая космические ресурсы как неотъемлемую часть космического пространства и предлагая уточнить понятия космических ресурсов и создать механизм мониторинга связанной с ними деятельности.

Альтернативный вектор развития принципов представлен Соглашениями Артемиды, которые закрепляют комплекс специализированных принципов космической деятельности, включая принципы мирного использования, транспарентности и взаимной совместимости. Особую значимость имеет раздел 10 Соглашений, посвященный космическим ресурсам, в котором содержится категорическое утверждение о том, что «извлечение космических ресурсов по своей сути не является национальным присвоением в смысле статьи II Договора по космосу». Однако данная формулировка представляется юридически проблематичной, поскольку оставляет неопределенным правовой статус добытых ресурсов и не разъясняет механизмы предотвращения де-факто присвоения. Дополнительные вопросы вызывает концепция «зон безопасности», которая, несмотря на декларации о временном характере, может создать систему преимущественного доступа для государств-участников Соглашений.

Как верно отмечается в российской науке, помимо официальных международных площадок активное участие в обсуждении правовых аспектов использования космических ресурсов принимают различные академические и экспертные объединения [\[16\]](#). Например, Гагская рабочая группа по управлению космическими ресурсами в 2019 г. представила концептуальный документ, упоминавшийся ранее, предлагающий систему «приоритетных прав» на осуществление деятельности, легитимацию частной собственности на извлеченные ресурсы и механизмы справедливого распределения выгод. Несмотря на конструктивные элементы, включая концепцию адаптивного управления и устойчивого развития, предложения вызывают вопросы совместимости с принципом неприсвоения, поскольку «приоритетные права» могут фактически ограничить равный доступ государств к небесным телам.

Вместе с тем, анализ существующих подходов и практических потребностей регулирования позволяет выделить систему специализированных принципов использования космических ресурсов. Предлагаемая концептуальная модель основывается на синтезе универсальных международно-правовых норм, отраслевых принципов космического права и современных доктринальных разработок. Данная система представляет результат авторского исследования и не претендует на окончательность, оставляя пространство для дальнейшего развития и корректировки в процессе международного нормотворчества и доктринальных дискуссий.

Базовым элементом нового правового режима, как представляется, должен стать принцип международно-правового статуса космических ресурсов, который органично вытекает и развивает положения ст. I и II Договора по космосу. Современные противоречия проистекают именно из неопределенности правовой природы космических ресурсов. Необходимо дифференцировать статус неизвлеченных ресурсов, остающихся под действием международно-правового режима, и добытых ресурсов, подлежащих специальному регулированию. Такая дифференциация должна исключать как тотальные запреты, так и неконтролируемое присвоение. Следует согласиться с Т. Чени, который считает, что высокие финансовые затраты на освоение космических ресурсов обуславливают необходимость четких правовых гарантий для частных инвесторов как условие привлечения необходимого капитала [\[17\]](#).

Ключевое значение приобретает принцип функционального неприсвоения, направленный на модернизацию классического запрета присвоения по ст. II Договора по космосу применительно к современным формам деятельности. Эволюция технологий порождает новые способы фактического установления контроля без формального объявления суверенитета. Концепции «приоритетных зон», «эксклюзивных участков» и

аналогичные механизмы могут обходить традиционные запреты, создавая де-факто присвоение. Принцип должен блокировать подобные практики независимо от их юридической формы.

Операциональную основу регулирования составляет по мнению автора принцип международной координации деятельности и международного лицензирования. Комплексность и высокие риски космической деятельности требуют централизованной координации для предотвращения конфликтов и обеспечения безопасности. Создание специализированного международного органа по координации и лицензированию деятельности в области лицензирования деятельности в данной сфере обеспечит эффективное управление лицензированием, мониторингом и контролем, а также разрешением споров.

Принципиальное значение имеет принцип распределения выгод и компенсаций, конкретизирующий положение ст. I Договора по космосу об использовании космического пространства в интересах всех государств. Объективные различия в технологических возможностях государств не должны приводить к концентрации всех выгод от освоения космических ресурсов в руках ограниченного числа космических держав. Необходимы практические механизмы обеспечения участия всех государств в получении выгод, включая систему отчислений от коммерческой деятельности, льготные условия для развивающихся стран и программы передачи технологий.

Принцип устойчивого освоения космических ресурсов направлен на предотвращение негативного воздействия на космическую среду. Крупномасштабная добыча ресурсов на небесных телах может привести к необратимым изменениям в космическом пространстве, включая увеличение количества космического мусора и нарушение естественного состояния небесных тел. Принцип предусматривает обязательность экологической оценки планируемой деятельности, применение технологий, минимизирующих экологический ущерб, и меры по восстановлению поврежденных участков. Реализация данного принципа должна осуществляться в соответствии с ЦУР ООН.

На наш взгляд стоит также обратить внимание на принцип адаптивного международного регулирования, который будет отражать необходимость гибкого правового ответа на эволюцию космических технологий. Стремительное развитие частной космонавтики и появление новых способов добычи ресурсов обгоняют существующие правовые рамки. Эффективное регулирование должно предусматривать механизмы корректировки нормативных требований по мере появления новых технологических возможностей и накопления опыта практической деятельности. Такой подход позволит избежать как устаревания правовых норм, так и их чрезмерной жесткости, препятствующей инновационному развитию.

Принцип информационной транспарентности и предварительного уведомления обеспечит открытость планируемых операций по освоению космических ресурсов. Секретность намерений и действий в космосе традиционно порождает международную напряженность и подозрения в нарушении договорных обязательств. Операторы должны раскрывать информацию о местах планируемой деятельности, применяемых методах извлечения ресурсов и потенциальных экологических рисках. Формирование единой международной базы данных о текущих и планируемых операциях создаст основу для координации деятельности и предотвращения интерференции.

Принцип коллективной безопасности при использовании космических ресурсов, будет являться логичным развитием ст. IX Договора по космосу и будет препятствовать

использованию военной силы в связи с освоением космических ресурсов. Возрастающая коммерческая ценность небесных тел может спровоцировать попытки их силовой защиты или захвата под предлогом обеспечения экономических интересов. Необходимо исключить возможность оправдания военного присутствия на небесных телах коммерческими соображениями и предотвратить использование добывающего оборудования в военных целях. Разработка международных стандартов разграничения гражданского и военного назначения космической техники станет важным элементом поддержания мирного характера космической деятельности.

Воплощение рассмотренных принципов в практику международных отношений нуждается в соответствующих правовых инструментах. Наиболее эффективным стартовым механизмом представляется резолюция ГА ООН, которая может зафиксировать согласованную позицию международного сообщества по ключевым вопросам регулирования космических ресурсов. Подобный подход имеет успешные прецеденты: принятая в 1963 г. Декларация о космических принципах заложила доктринальную базу для последующего согласования и принятия Договора по космосу. Резолюция ГА ООН будет де-факто являться актом «мягкого» регулирования на начальном этапе и будет способна выполнить двойную функцию: с одной стороны, консолидировать международное мнение по спорным вопросам, с другой - создать морально-политическое давление на государства, практикующие односторонние решения. Последующая трансформация согласованных принципов в юридически обязательный договор потребует дополнительных переговоров, но резолюция может стать их концептуальной основой.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1 . Деятельность по использованию космических ресурсов должна регулироваться трехуровневой системой международно-правовых принципов: универсальными принципами международного права, отраслевыми принципами международного космического права и специальными принципами использования космических ресурсов. Каждый уровень дополняет и конкретизирует предыдущий, обеспечивая комплексное правовое регулирование данной сферы деятельности. Принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения международных обязательств, мирного разрешения споров, неприменения силы и международного сотрудничества составляют фундаментальную основу любого международно-правового режима космических ресурсов.
2. Современная практика государств демонстрирует системные попытки обхода ключевых принципов международного космического права, особенно принципа неприсвоения. Законотворческие инициативы ряда государств потенциально могут нарушать принципы суверенного равенства государств и международного сотрудничества, создавая угрозу фрагментации международного космического права и превращения космического пространства в арену геополитического противостояния.
- 3 . Отсутствие специально сформулированных принципов использования космических ресурсов создает правовую неопределенность и позволяет государствам произвольно интерпретировать действующие международно-правовые нормы. На основе анализа международной практики и доктрины обоснована необходимость системы из восьми специальных принципов: международно-правового статуса космических ресурсов; функционального неприсвоения; международной координации и лицензирования;

распределения выгод; устойчивого освоения; адаптивного международного регулирования; информационной прозрачности; коллективной безопасности в космосе.

4 . Формирование международно-правового режима использования космических ресурсов должно осуществляться исключительно в рамках универсальных международных организаций, прежде всего ООН, с участием всех государств-участников Договора по космосу. Любые альтернативные соглашения, как представляется, подрывают универсальный характер международного космического права и создают преференциальные режимы для ограниченного круга государств, что противоречит принципам равноправия и справедливости.

5 . Оптимальным механизмом первоначального закрепления специальных принципов является принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по аналогии с Декларацией 1963 г., которая впоследствии стала основой Договора по космосу 1967 г. Это обеспечит международный консенсус и создаст основу для будущего обязательного договора. Последующая разработка специального международного договора об использовании космических ресурсов должна предусматривать создание международного органа по координации и лицензированию деятельности, механизмы справедливого распределения выгод и экологические стандарты устойчивого освоения.

Библиография

1. Балычевский Д. Н. Актуальные тенденции в области формирования международно-правового режима использования космических ресурсов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 17-21. EDN: AMYVDG.
2. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Научная книга, 2014. 592 с.
3. Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права: монография. М.: Зерцало-М, 2016. 416 с. EDN: XMZJRD.
4. Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Р., Алексеев М. А. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 3. С. 6-30. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.5 EDN: СТАWХО.
5. Абашидзе А. Х., Черных И. А. Политика и законодательство США в области освоения природных ресурсов небесных тел (международно-правовые аспекты) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 1. С. 158-180. DOI: 10.21638/spbu14.2022.109 EDN: GIEJAD.
6. Международное космическое право: учебник / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. 2-е изд. М.: Юрайт, 2025. 466 с.
7. Колосов Ю. М. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел / Международно-правовые основы недропользования // Отв. редактор Вылегжанин А. Н. – М.: НОРМА, 2007.
8. Балычевский Д.Н. Ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов // Международное право. 2025. № 3. С. 13-31. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74629 EDN: WABNVN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74629
9. Mizushima A. What is an Appropriate Interaction between International Law and Domestic Legal Systems to Promote Space Resources Development? // Air and Space Law. – 2017. – Vol. 42. – № 11. – URL: <https://www.nishimura.com/en/knowledge/publications/20171101-22946> (Дата обращения: 28.05.2025).
10. Вылегжанин А. Н., Киселева О. А., Штодина И. Ю. Состязательное соблюдение Россией и США Договора по космосу 1967 г. // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 3. С.

145-154. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).145-154 EDN: UEJSDN.

11. De Man P. Interpreting the UN Space Treaties as the basis for a sustainable regime of space resource exploration / Philip De Man // The Space Treaties at Crossroads: Considerations de Lege Ferenda / ed. by George D. Kyriakopoulos, Maria Manoli. – Cham: Springer, 2019. – P. 15-33.

12. Hobe S. Article I / Stephan Hobe // Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty. Vol. 1 / ed. by Stephan Hobe, Bernhard Schmidt-Tedd, Kai-Uwe Schrogl. – Berlin: De Gruyter, 2009. – P. 93-122.

13. Gorove S. Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. – 1971. – Vol. 1, № 1. – P. 93-107.

14. Попова О. А. Международно-правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях: основные концепции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7. С. 129-144. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.129-144 EDN: QRQODQ.

15. Каменецкая Е. П. Сотрудничество государств в освоении космоса в рамках международных организаций (международно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 201 с.

16. Черных И. А. Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне // RUDN Journal of Law. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 215-230. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230 EDN: RBDTEL.

17. Cheney T. There's No Rush: Developing a Legal Framework for Space Resource Activities // Space Law Journal. – 2019. – URL: <https://oro.open.ac.uk/69653/1/Cheney%20-%20J%20Space%20Law%20Article%20-%20202.9.19.pdf> (Дата обращения: 28.05.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, международно-правовые принципы использования космических ресурсов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Актуальность исследования определяется происходящей трансформацией космической деятельности, которая из сферы исключительно государственных интересов превращается в область активной коммерческой эксплуатации. Современные технологические достижения делают реальностью то, что еще недавно казалось научной фантастикой - извлечение полезных ископаемых с астероидов и небесных тел становится экономически обоснованным проектом ближайшего будущего. Однако правовое обеспечение этой новой реальности существенно отстает от технологических возможностей. Корни проблемы уходят в историю формирования международного космического права. Когда в 1960-х годах создавалась правовая основа освоения космоса, человечество только делало первые шаги за пределы земной атмосферы. Добыча ресурсов на Луне или астероидах воспринималась как далекое будущее, поэтому международные договоры того времени не содержали детального регулирования данных вопросов. Сегодня эта историческая неопределенность превратилась в серьезную правовую проблему [1]" и др. Ученым

раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Степень научной разработанности темы свидетельствует о том, что различные аспекты международно-правового регулирования использования космических ресурсов исследовались в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди зарубежных исследователей следует выделить работы С. Горова, Ф. де Мана, С. Хобе, А. Мидзусимы, Т. Чени и других. В отечественной доктрине данной проблематикой занимались А.Н. Вылегжанин, М.Р. Юзбашян, М.А. Алексеев, А.Х. Абашидзе, И.А. Черных, Г.П. Жуков О.А. Киселева, И.Ю. Штодина, Ю.М. Колосов, О.А. Попова, Е.П. Каменецкая и другие исследователи. В процессе исследования автор также обращался к работам по теории международно-правовых принципов С.В. Черниченко и Г.И. Тункина. Вместе с тем следует отметить, что существующие исследования в области международно-правовых принципов использования космических ресурсов носят преимущественно фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах данной проблематики. Представляется, что в современной доктрине международного права недостаточно представлены работы, предлагающие системный анализ трехуровневой структуры международно-правовых принципов (универсальных, отраслевых и специальных) применительно к использованию космических ресурсов с учетом их взаимосвязи и практического воздействия на формирование международно-правового режима. Комплексное исследование принципов имеет важное значение для понимания современного состояния международно-правового регулирования данной сферы и определения концептуальных основ его дальнейшего развития".

Научная новизна работы заключается "... в формировании концепции трехуровневой системы международно-правовых принципов использования космических ресурсов, включающей универсальные принципы международного права, отраслевые принципы международного космического права и специальные принципы использования космических ресурсов; в обосновании содержания и структуры специальных принципов использования космических ресурсов как самостоятельной группы международно-правовых норм; в выявлении особенностей применения универсальных и отраслевых принципов международного права к регулированию деятельности по использованию космических ресурсов и определении их регулятивного потенциала в условиях пробельности специального международно-правового регулирования". Она проявляется в ряде заключений автора: "Юридическое равенство не предполагает фактического равенства возможностей освоения космоса, учитывая объективные различия в научно-техническом развитии. Однако все государства должны обладать равными правами на участие в формировании международно-правового режима космических ресурсов и получение выгод от их эксплуатации. Вместе с тем, современная государственная практика демонстрирует отступления от данного принципа. Национальные законы, предоставляющие частным субъектам права собственности на добытые космические ресурсы, представляют попытку односторонней интерпретации международного космического права в узкогосударственных интересах"; "Обход запрета национального присвоения через предоставление прав собственности частным лицам, по мнению автора, фактически приводит к тому же результату, что и прямое государственное присвоение, нарушая дух и букву международных обязательств"; "Думается, что на перспективу целесообразно было бы рассмотреть возможность учреждения международного органа по координации деятельности в области космических ресурсов, который мог бы выполнять функции регулятора и арбитра"; "Таким образом, основополагающие принципы международного права в полной мере применимы к деятельности по использованию космических ресурсов и должны составлять фундаментальную основу соответствующего международно-правового режима. Попытки ослабить действие данных принципов неизбежно приведут к подрыву международного

правопорядка и созданию предпосылок для межгосударственных конфликтов"; "Таким образом, отраслевые принципы международного космического права в полной мере применимы к деятельности по использованию космических ресурсов и должны составлять нормативную основу соответствующего международно-правового режима. Современная государственная практика демонстрирует попытки обхода ключевых принципов, что создает угрозы фрагментации международного космического права и подрывает его универсальный характер. Эффективная реализация отраслевых принципов в первую очередь требует согласованной интерпретации Договора по космосу в рамках универсальных международных механизмов, а не в одностороннем порядке" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. В основной части работы автор выявляет и систематизирует международно-правовые принципы использования космических ресурсов, обосновывает их роль в формировании эффективного международно-правового режима данной сферы деятельности. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Актуальность исследования определяется происходящей трансформацией космической деятельности, которая из сферы исключительно государственных интересов превращается в область активной коммерческой эксплуатации" - пропущен пробел.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 17 источниками (монографией, диссертационной работой, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. Мидзусима и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Деятельность по использованию космических ресурсов должна регулироваться трехуровневой системой международно-правовых принципов: универсальными принципами международного права, отраслевыми принципами международного космического права и специальными принципами использования космических ресурсов. Каждый уровень дополняет и конкретизирует предыдущий, обеспечивая комплексное правовое регулирование данной сферы деятельности. Принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения международных обязательств, мирного разрешения споров, неприменения силы и международного сотрудничества составляют фундаментальную основу любого международно-правового режима космических ресурсов. 2. Современная практика государств демонстрирует системные попытки обхода ключевых принципов международного космического права, особенно принципа неприсвоения. Законотворческие инициативы ряда государств потенциально могут нарушать принципы суверенного равенства государств и международного сотрудничества, создавая угрозу фрагментации международного космического права и превращения космического

пространства в арену геополитического противостояния. 3. Отсутствие специально сформулированных принципов использования космических ресурсов создает правовую неопределенность и позволяет государствам произвольно интерпретировать действующие международно-правовые нормы. На основе анализа международной практики и доктрины обоснована необходимость системы из восьми специальных принципов: международно-правового статуса космических ресурсов; функционального неприсвоения; международной координации и лицензирования; распределения выгод; устойчивого освоения; адаптивного международного регулирования; информационной прозрачности; коллективной безопасности в космосе" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, международного космического права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Кулов С.С. Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.74730 EDN: XHOVJO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74730

Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации

Кулов Станислав Сергеевич

аспирант; кафедра международного права; Дипломатическая академия МИД РФ
адвокат; Карачаево-Черкесская республиканская коллегия адвокатов

115035, Россия, г. Москва, р-н Якиманка, 3-й Кадашевский пер., д. 5 стр. 5

✉ staskulov@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные организации и развитие отдельных отраслей МПП"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.74730

EDN:

XHOVJO

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Дата публикации:

12-06-2025

Аннотация: В статье исследуются новые формы вмешательства в свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, с точки зрения международного права. Особое внимание уделяется анализу изменений в понимании *forum internum* — внутренней сферы убеждений, которая по международным стандартам подлежит абсолютной защите. Автор рассматривает влияние цифровых технологий — поведенческой аналитики, алгоритмов персонализации, массовой слежки, нейротехнологий и систем распознавания эмоций, на способность личности свободно формировать и сохранять свои убеждения. На основе анализа доктрины, практики международных органов и последних рекомендаций выявляется, что существующая международно-правовая система сталкивается с необходимостью адаптации к новым

рискам, связанным с искусственным интеллектом и цифровым надзором. Объект исследования — международно-правовые стандарты и доктрина свободы убеждений; предмет — новые формы цифрового вмешательства и реакция международных органов и научного сообщества. В работе обосновывается необходимость введения новых категорий, таких как когнитивная свобода и ментальная автономия, и предлагаются направления совершенствования международных механизмов защиты свободы убеждений. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов. Использованы материалы из докладов ООН, доктрина «нейроправ» и разработки по когнитивной свободе. Впервые в научной литературе проводится комплексный анализ цифровых угроз *forum internum* как международно-правовой категории. Научная новизна статьи заключается в комплексном международно-правовом анализе цифровых угроз свободе убеждений и обосновании необходимости разработки новой категории — «когнитивных прав» — как ответа на вызовы ИИ и алгоритмического надзора. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины — доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Предложены подходы к уточнению содержания *forum internum* в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова:

свобода убеждений, *forum internum*, цифровая трансформация, искусственный интеллект, нейроправа, свобода мысли, международное право, вмешательство, ментальная автономия, когнитивные права

Введение

Современная цифровая трансформация ставит новые вызовы перед охраной фундаментальных прав человека, в том числе права на свободу убеждений. В классическом понимании международного права данная свобода включает в себя право каждого человека придерживаться своих убеждений (идеологических, религиозных или иных) и мыслей без внешнего вмешательства. Это право зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 18, 19) и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст.18, 19) [\[1\]](#). Причём внутренний аспект свободы мыслей, совести, религии и убеждений (*forum internum*) является абсолютным и не подлежит каким-либо ограничениям. Ни при каких обстоятельствах государство или другие акторы не вправе принуждать человека принять определённые убеждения или отказаться от них. Комитет ООН по правам человека в Замечаниях общего порядка №22 (1993) и №34 (2011) подчёркивает, что никто не должен подвергаться принуждению, ущемляющему свободу придерживаться убеждений своего выбора, а право на свободное мнение не допускает никаких ограничений.

Долгое время считалось, что вмешательство во внутренние убеждения личности практически невозможно, поскольку мысли человека недоступны внешнему воздействию. Однако бурное развитие цифровых технологий опровергает эту уверенность. Появляются новые методы косвенного «чтения» и даже воздействия на внутренние убеждения через

анализ данных и информационное влияние. Международно-правовая доктрина столкнулась с необходимостью оценить эти феномены сквозь призму абсолютной защиты *forum internum*. Особую актуальность эти вопросы приобрели после принятия Чили конституционной поправки о защите нейроправ в 2021 году, что стало первым в мире прецедентом конституционного закрепления защиты мозговых данных [16]. Аналогичные инициативы развиваются в других юрисдикциях: штат Колорадо в 2024 году принял первый в США закон о нейроприватности [15], а Европейский союз включил ограничения на системы распознавания эмоций в Регламент об искусственном интеллекте 2024 года [19]. Однако в научном сообществе нет единого мнения относительно необходимости новых прав: критики утверждают, что существующие правовые рамки достаточны для защиты от нейротехнологических угроз [12][20]. В данной статье предпринимается научный анализ новых форм вмешательства в свободу убеждений в цифровую эпоху и рассматриваются ответы международного права на эти вызовы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов, в частности КПЧ ООН и Совета Европы. Используются материалы из докладов ООН, доктрина «нейроправ» и разработки по когнитивной свободе.

Международно-правовые стандарты свободы убеждений

Право на свободу убеждений базируется на ряде универсальных норм. Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу придерживаться религии или иных убеждений по своему выбору, и никто не может подвергаться принуждению, способному нарушить его свободу иметь или принять убеждение по своему выбору. Эта норма охватывает как религиозные, так и нерелигиозные, теистические и атеистические убеждения. Аналогичные положения содержатся в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Важной особенностью является деление права на свободу мысли, совести и убеждений на внутренний аспект (собственно свобода иметь убеждения) и внешний аспект (свобода проявлять, распространять свои убеждения). Внутренний аспект (*forum internum*) защищён безусловно, тогда как внешний аспект (*forum externum*) может подлежать законным ограничениям при соблюдении строгих критериев необходимости и соразмерности (например, ст. 18(3) МПГПП ограничивает проявление убеждений лишь интересами общественной безопасности, порядка, здоровья, морали и прав других лиц).

Международно-правовая доктрина исторически исходила из того, что прямое посягательство на внутреннюю свободу убеждений недопустимо и практически трудноосуществимо. Право свободно мыслить и иметь убеждения считается абсолютным и неотчуждаемым. Комитет ООН по правам человека в Замечании общего порядка №34 разъясняет, что свобода мнения (убеждений) не допускает никаких отклонений или приостановления даже в чрезвычайных обстоятельствах. В судебной практике также закреплено, что попытки государственного давления с целью изменить убеждения личности нарушают статьи 18 и 19 МПГПП. Так, например, Европейский суд по правам человека подчёркивал, что право исповедовать или менять религию и убеждения является одним из основополагающих в демократическом обществе, и недопустимо принуждение, затрагивающее внутренние убеждения личности (*case Kokkinakis v. Greece*, 1993) [2]. В более широком плане любые меры государства, создающие у человека обоснованный страх свободно мыслить или принимать убеждения, могут

рассматриваться как нарушение *forum internum*.

Таким образом, по международным стандартам запрещено любое прямое или косвенное воздействие, способное лишить человека свободы сформировать собственные убеждения. Однако классические нормы формулировались в эпоху, когда угрозы носили в основном явный характер (идеологическое принуждение, религиозные преследования, цензура печати и т.п.). В цифровую же эпоху возникли качественно новые формы воздействия на сознание, которые труднее распознать, но которые ставят под сомнение прежнее понимание ненарушимости внутренней свободы мысли. Ниже рассмотрены основные из этих новых форм вмешательства, выявленные к настоящему времени. Международно-правовая доктрина *forum internum*, как абсолютной и неприкосновенной категории, ставится под угрозу, когда алгоритмы предсказывают и формируют убеждения на основе поведенческого профиля пользователя [\[9, с. 513\]](#).

Новые формы вмешательства в условиях цифровой трансформации

Новые формы вмешательства в свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, становятся серьёзным вызовом для международного права. Современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, персонализированная реклама и нейроинтерфейсы, воздействуют не только на *forum externum*, но и на *forum internum* — внутреннюю сферу убеждений и мышления человека.

Как отмечает С. Алегре, традиционные правовые механизмы защиты не учитывают возможности цифрового воздействия на когнитивную сферу личности, что требует обновления подходов к трактовке свободы убеждений в международном праве [\[6, с. 5\]](#).

1 . Поведенческий анализ больших данных и микротаргетинг. Распространение интернета и социальных сетей привело к беспрецедентному накоплению данных о предпочтениях, поисковых запросах, «лайках» и другом онлайн-поведении людей. Современные алгоритмы позволяют строить детальные психологические профили пользователей, фактически заглядывая во внутренний мир их убеждений и наклонностей. Широко известным примером стала «кампания *Cambridge Analytica*» (2016), когда аналитики, используя данные соцсетей, сумели сегментировать избирателей по психологическим типам и адресно воздействовать на их мнение с помощью специально подобранной рекламы. По сути, имело место скрытое вмешательство в процесс формирования политических убеждений граждан через цифровые технологии. Данный скандал наглядно показал, что представление о недостижимости мыслей для внешнего воздействия устарело. Микротаргетированная агитация, опирающаяся на большие данные (*Big Data*), способна незаметно манипулировать мнением человека, обходя его осознанный критический контроль. Это ставит вопрос о том, не нарушается ли принцип запрета вмешательства в свободу иметь мнение без внешнего воздействия (закреплённый в ст.19 МПГПП). Ведь если технологические алгоритмы целенаправленно формируют информационное окружение индивида таким образом, чтобы навязать определённые убеждения, то можно говорить о новой форме *принуждения* к мнению, пусть и мягкого, скрытого характера. Международные эксперты отмечают, что право не подвергаться манипулированию мыслей следует рассматривать как неотъемлемую часть свободы убеждений в цифровом веке.

2 . Алгоритмическая фильтрация информации и «пузырь фильтров». Платформы вроде Facebook (компания Meta признана экстремистской и запрещена в РФ), YouTube, TikTok с помощью алгоритмов персонализации контента формируют для каждого

пользователя уникальную ленту новостей. Эти алгоритмы, оптимизированные под максимизацию вовлечённости, часто показывают контент, усиливающий уже имеющиеся убеждения и эмоциональные реакции. В результате пользователь может оказаться в своеобразном информационном коконе, который искажает его картину мира. Феномен «пузыря фильтров» (*«filter bubble»*) ведёт к тому, что человеку всё труднее получать объективную разностороннюю информацию, необходимую для самостоятельного формирования мнения. Более того, исследования показали, что изменение алгоритмом порядка выдачи новостных сообщений способно влиять на эмоциональное состояние и поведение пользователей. В известном эксперименте небольшая манипуляция лентой новостей Facebook привела к измеримому изменению настроения пользователей, что было интерпретировано как доказательство возможности алгоритмического воздействия на эмоции и, следовательно, на мыслительные процессы людей. Таким образом, непрозрачные алгоритмы могут опосредованно вмешиваться в свободу убеждений, определяя, какие идеи получают отклик в сознании человека. С точки зрения международного права, здесь возникает коллизия между свободой выражения (права интернет-платформ распространять контент) и правом индивида на неприкосновенность его когнитивной автономии (*cognitive autonomy*) – способности самостоятельно формировать взгляды. Цифровые платформы, будучи негосударственными субъектами, всё чаще выступают в роли новых посредников в вопросах реализации и ограничения *forum externum*, что ставит вопрос о распространении международных обязательств по правам человека на частные технологические корпорации [\[10, с. 21\]](#). Пока эта проблема остаётся больше в поле этических дискуссий, но очевидна необходимость правовых гарантий против злоупотреблений алгоритмической персонализацией, подрывающих автономность мысли.

3. Массовое цифровое наблюдение и анализ мыслительной активности. Технологии слежения в цифровой среде достигли высокой степени развития: государственные органы и корпорации могут отслеживать онлайн-активность, историю запросов, местоположение, биометрические данные. Анализ цифровых следов способен выявлять интимные аспекты личности, в том числе политические взгляды, религиозную принадлежность, психологический профиль. Возникает риск так называемого «мысленного слежения» – когда по совокупности внешних цифровых данных делаются выводы о внутренних убеждениях человека. Например, алгоритмы могут с большой долей вероятности определить чьи-то политические предпочтения по лайкам и подпискам в социальных сетях, даже если сам человек открыто не заявляет о своих взглядах. В ряде случаев такая информация затем используется для дискриминационных решений, затрагивающих права человека. Так, было задокументировано, что большие технологические компании и финансовые учреждения на основе поведенческих профилей ограничивали людям доступ к услугам (кредитованию, найму и т.д.). Если причиной подобных решений становятся предположения об убеждениях или настроениях человека (выявленных алгоритмом из больших данных), то имеет место косвенное наказание за мысли – явление, прямо противоречащее международным стандартам. Право не подвергаться наказанию за свои внутренние убеждения является одним из краеугольных элементов свободы мысли. Его нарушение может проявляться в новых формах: например, отказ в приёме на работу, основанный на скрытом психологическом профиле кандидата, который указывает на «нежелательные» убеждения. Международно-правовая доктрина пока не выработала специальных норм на этот счёт, но подобные случаи вызывают серьёзную обеспокоенность у правозащитных организаций. Они указывают, что механизм «презумпции невиновности мыслей» должен быть сохранён: никто не может терпеть ограничения прав только из-за приписываемых ему взглядов,

без конкретных противоправных действий.

4. Технологии распознавания эмоций и нейротехнологии. Среди наиболее тревожных аспектов цифровой трансформации выделяется использование нейротехнологий, о чём подробно говорится в работе Рафаэля Юсте и соавторов: они обосновывают необходимость признания так называемых «нейроправ» как новой категории прав человека [\[12, с. 29–30\]](#). Весьма тревожным с точки зрения вмешательства в *forum internum* выглядят разработки в области искусственного интеллекта, направленные на распознавание и воздействие на эмоционально-психологические состояния. Речь идёт о системах анализа мимики, голоса, физиологических показателей для определения чувств и намерений человека. Например, некоторые работодатели уже экспериментировали с камерами, впускающими сотрудников в офис только если те улыбаются (случай компании Canon в Китае). Полиция в отдельных странах тестирует полиграфы с ИИ и системы «детекции лжи» по микровыражениям лица. Эти технологии претендуют на проникновение во внутреннюю сферу переживаний личности, пытаются считывать истинные эмоции и мысли без согласия человека. Более того, на горизонте появляются нейротехнологии, способные напрямую взаимодействовать с мозгом – так называемые мозгокомпьютерные интерфейсы (*brain-computer interfaces*, *интерфейс мозг-компьютер*). Крупные корпорации инвестируют в разработки устройств, которые могут потенциально считывать нейросигналы (например, проекты Facebook по «мысленной печати» текста прямо из мозга). Пока такие технологии далеки от широкого применения, но уже сегодня возникает вопрос правовой защиты «ментальной неприкосновенности». Если ИИ-системы смогут узнавать или даже транслировать мысли человека, это станет прямым вызовом абсолютному характеру свободы мысли. Аналитики подчёркивают, что необходимы упреждающие меры – «*право на ментальную(духовную) неприкосновенность*», запрет на несанкционированное считывание и влияние на мозговую активность. В 2021 г. Чили первым в мире принял поправку к Конституции о защите так называемых нейроправ. Этот акт направлен на охрану психического здоровья, ментальной неприкосновенности и свободы воли граждан от злоупотреблений нейротехнологиями. Закон приравнивает данные мозговой активности к неотчуждаемым частям тела, запрещая их продажу, передачу или манипулирование ими. Такой прецедент свидетельствует о признании на государственном уровне, что в цифровую эпоху требуются новые гарантии для охраны внутренней свободы личности. Международное право, вероятно, будет развиваться в том же направлении, закрепляя принципы *когнитивной свободы* и *ментальной автономии* человека. Некоторые исследователи предлагают ввести категорию «когнитивной свободы», как развитие *forum internum*, отражающую современные реалии ментального вмешательства цифровых архитектур [\[11, с. 172\]](#).

5. Цифровая цензура и информационные «пузыри» как препятствие для свободы убеждений. Хотя цензура сама по себе не нова, в цифровом обществе она приобретает новые формы – от алгоритмической модерации контента до государственно санкционированных блокировок интернет-ресурсов. К примеру, в некоторых государствах доступ к оппозиционным или религиозным сайтам фильтруется и запрещается. Ограничивая доступ к информации, особенно в интернете, власти фактически вмешиваются в процесс формирования мнений граждан. Специальный докладчик ООН по свободе религии или убеждений отмечал, что законы о богохульстве и апостасии, а также цензура в интернет-среде, создают атмосферу страха и самоцензуры, препятствуя свободному мышлению. Люди боятся искать информацию или высказывать неверные с точки зрения власти взгляды, что подавляет их способность «свободно исследовать круг идей». Таким образом, цифровые барьеры на пути

информации могут рассматриваться как форма вмешательства в свободу убеждений, поскольку без свободного доступа к разнообразным идеям человек лишается возможности самостоятельно выбирать и менять убеждения. Международные органы высказывают обеспокоенность по этому поводу: в «Докладе о свободе мысли» (A/76/380, 2021) под эгидой ООН подчёркивается, что свободный интернет-доступ является условием реализации свободы думать и критически оценивать информацию. Поэтому чрезмерная интернет-цензура не только нарушает свободу выражения мнений, но и подрывает саму свободу мыслить, что переводит проблему в плоскость абсолютных запретов (ведь внутреннюю мысль ограничивать нельзя). В свете этого международно-правовая доктрина всё чаще говорит о необходимости *«прав человека в цифровой среде»*, где право на информацию и право на свободу убеждений взаимосвязаны [3].

Реакция международно-правовой доктрины и практики

Международные организации и эксперты осознают серьёзность возникших вызовов и предпринимают шаги для их осмысления в правовом поле. Комитет ООН по правам человека в новейшей практике уже сталкивается с делами, затрагивающими цифровой аспект свободы убеждений. Хотя прямых прецедентов, где бы заявитель ссылался именно на нарушение права на свободу мысли в связи с цифровыми технологиями, пока немного, тенденция к их появлению очевидна. В 2021 г. Специальный докладчик ООН по свободе религии или убеждений Ахмед Шахид представил Генеральной Ассамблее ООН тематический отчет, специально посвященный праву на свободу мысли в современном контексте [3]. В этом первом детальном международном обзоре проблемы свободы мысли отмечается, что она является «первым правом», лежащим в основе других свобод, и требует обновлённого понимания в условиях цифрового мира. Доклад Шахида подчёркивает необходимость защиты пространства мысленной автономии личности от посягательств как со стороны государства, так и частных корпораций. В числе прочего, рекомендуется разработать руководящие принципы по защите свободы мысли при регулировании интернета, больших данных и искусственного интеллекта.

Европейские региональные структуры также начинают реагировать. В рамках Совета Европы обсуждается вопрос, нужны ли новые нормы для защиты прав человека перед лицом нейротехнологий и алгоритмического воздействия [4]. Европейский парламент и национальные правительства рассмотрели концепцию «когнитивных свобод» как части правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Существенный вклад в повестку внёс Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS) и Европейский совет по защите данных (EDPB). В их совместном Мнении №5/2021 о предлагаемом Регламенте ЕС об искусственном интеллекте прямо указано, что использование ИИ для распознавания эмоций человека является крайне нежелательным и должно быть запрещено как противоречащее основополагающим ценностям. Призыв к запрету систем, вторгающихся во внутренний мир личности (например, технологий эмоциональной аналитики), поддержан на наднациональном уровне ЕС, что свидетельствует о растущем понимании важности охраны *forum internum*. Фактически, европейские регуляторы соглашались с мнением исследователей вроде С. Алегри о том, что проникновение ИИ в сферу мыслей должно пресекаться на корню правовыми мерами. В проекте Регламента ЕС об ИИ (2023) уже предусмотрены ограничения на системы социального рейтинга и «детекторы эмоций» в правоохранительных органах, исходя из этических и правовых рисков для прав человека. Это можно расценивать как зарождающуюся норму *jus cogens* нового поколения, защищающую свободу человеческого разума.

Практическая реализация нейроправ продемонстрировала как возможности, так и ограничения нового подхода. В августе 2023 года Верховный суд Чили вынес историческое решение, обязав американскую компанию Emotiv удалить все данные мозговой активности, собранные у бывшего сенатора Гидо Жирарди, что стало первым практическим применением конституционной поправки о нейроправах [\[4\]\[5\]](#). Однако это решение также выявило практические трудности в определении границ применения нейроправ и их соотношения с существующими правами на защиту персональных данных [\[5\]](#). Развитие нейротехнологического регулирования в различных юрисдикциях демонстрирует разнообразие подходов. Европейский союз в Регламенте об ИИ 2024 года сосредоточился на запрете систем, предназначенных для искажения человеческого поведения через подсознательные компоненты, не вводя специальных нейроправ [\[19\]](#). Колорадо выбрал путь включения нейронных данных в категорию чувствительной информации в рамках существующего закона о защите частной жизни [\[15\]](#).

Академическое сообщество и неправительственные организации также активно исследуют эти проблемы. Появился термин «нейроправа» (neurorights), включающий право на ментальную неприкосновенность, право на личную идентичность и свободу воли в условиях нейротехнологий. Группа экспертов при ООН предлагает дополнить Международный Билль о правах человека положениями о защите нейроконфиденциальности (neuro-privacy). В ряде статей высказывается идея о введении самостоятельного права на когнитивную свободу, которое бы дополнило существующие гарантии свободы мысли и мнений. Пока что эти идеи находятся на стадии обсуждения, однако практика отдельных стран (упомянутая поправка к Конституции Чили о нейроправах) указывает, что их реализация возможна.

Концепция нейроправ, активно продвигаемая Фондом нейроправ и исследователями во главе с Рафаэлем Юсте, вызывает значительные дискуссии в научном сообществе. Критики указывают на несколько проблемных аспектов данного подхода [\[12\]\[20\]](#). Во-первых, существующие права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и свободу мысли, уже предоставляют достаточную защиту от потенциальных нейротехнологических угроз. Введение новых прав может создать правовую неопределённость и дублирование защитных механизмов [\[20\]](#). Во-вторых, как отмечают правоведы из Чилийского университета и представители организации Derechos Digitales, концепция нейроправ основана на «колониальной идее» о том, что до принятия нового законодательства не существовало правовой защиты мозговых данных [\[5\]](#). Эксперты также указывают на недостаточную проработанность технических аспектов: современные нейротехнологии ещё не достигли уровня точности, который позволял бы «читать мысли» в том смысле, как это представляется в популярных дискуссиях [\[12\]](#). Тем не менее, сторонники нейроправ настаивают на необходимости превентивного регулирования. Нита Фарахани из Университета Дьюка предлагает концепцию «когнитивной свободы» как зонтичного права, охватывающего право на самоопределение в отношении собственного мозга и ментальных переживаний [\[23\]](#). Данный подход предполагает обновление существующих прав человека для цифровой эпохи, а не создание принципиально новых правовых категорий.

Что касается практики международных судебных и квазисудебных органов, то она лишь начинает формироваться. Европейский суд по правам человека ещё не рассматривал дела напрямую о вмешательстве алгоритмов в убеждения, но в нескольких решениях затрагивал смежные вопросы. К примеру, в решениях по делам о массовой слежке (Big

Brother Watch v. UK, 2018 и др.) ЕСПЧ признал, что тотальная цифровая слежка создает «эффект давления» на свободу выражения мнений и может косвенно повлиять на свободу получать и распространять информацию. Аналогично, Комитет ООН по правам человека в своих обзорах указывает, что государственный надзор за интернет-активностью граждан может приводить к самоцензуре и охлаждающему эффекту, несовместимому со свободой мысли. Хотя эти замечания делаются в контексте права на частную жизнь и свободу выражения, по сути они признают: чрезмерный цифровой контроль подрывает и свободу человека мыслить без страха.

Важно отметить, что уже сейчас фиксируются конкретные кейсы, где цифровые технологии стали инструментом преследования за убеждения. Например, в ряде авторитарных государств используются данные о посещении тех или иных интернет-страниц или групп в социальных сетях для обвинений в «экстремизме» или «ереси». Представители религиозных меньшинств могут подвергаться преследованию на основе анализа их онлайн-переписки, связанной с религиозными темами. Такие случаи находятся на пересечении права на частную жизнь, свободы религии и свободы мысли. Международные механизмы (спецдокладчики ООН, рабочие группы) нарастающе обращают на них внимание. Например, в докладах Совета по правам человека ООН упоминаются случаи, когда государство принуждало граждан раскрывать пароли от аккаунтов или устанавливать на телефон программы слежения – подобные практики могут рассматриваться как нарушение и права на неприкосновенность частной жизни, и попытка контроля над убеждениями.

Реакцией международного сообщества на перечисленные вызовы стали и программные документы, утверждающие принципы защиты прав в цифровую эпоху. Так, ЮНЕСКО в 2021 г. приняла *Рекомендацию по этике искусственного интеллекта*, где отдельно подчёркивается необходимость гарантировать уважение к человеческому достоинству, автономии и мыслительной свободе при разработке и применении искусственного интеллекта (AI) ^[5]. Эта рекомендация призывает государства следить, чтобы ИИ-системы не вели к манипуляции поведением людей против их воли. Под эгидой ООН также проходит инициатива «Глобальный цифровой договор» (Global Digital Compact), одним из положений которой предлагается закрепить обязательство государств «поддерживать открытый и свободный Интернет и защищать права пользователей, включая свободу выражения и убеждений, в онлайн-среде». Всё это свидетельствует о формировании новой международно-правовой доктрины, адаптирующей фундаментальные права человека к цифровой реальности.

Заключение

Цифровая трансформация общества привела к возникновению *de facto* новых форм вмешательства во внутреннюю свободу убеждений, которые раньше не были известны классическому праву прав человека. Алгоритмическое воздействие на информационное пространство личности, поведенческий анализ данных, системы распознавания эмоций и зарождающиеся нейротехнологии – всё это создает неочевидные, но масштабные риски для свободы мысли, совести и убеждений. Международное право, провозглашающее абсолютный характер этой свободы, стоит перед задачей конкретизации и обеспечения ее соблюдения в новых условиях. Уже сейчас можно выделить несколько основных тенденций доктринального и нормативного ответа:

- Признание принципа «когнитивной свободы» как неотъемлемой части прав человека. Под этим подразумевается защита психической автономии индивида, запрет на недобровольное раскрытие или изменение его мыслей и убеждений. Международные

эксперты предлагают развивать этот принцип в договорах и мягком праве.

- Упреждающее регулирование новых технологий. Разрабатываются нормы, прямо запрещающие или ограничивающие технологии, способные вторгаться во внутренний мир человека (как пример – рекомендованный запрет на системы распознавания эмоций в Евросоюзе). Предлагается ввести строгий надзор за нейротехнологиями, идущими вразрез с правами человека.
- Обновление толкований существующих прав. Комитет ООН по правам человека и другие органы, вероятно, выпустят новые разъяснения (замечания общего порядка), учитывающие цифровой контекст. В них может быть отражено, что «*принуждение, ущемляющее свободу иметь убеждения*» включает не только физическое или прямое принуждение, но и манипулятивные информационные практики.
- Синергия права на частную жизнь и свободы мысли. В цифровую эпоху защита и конфиденциальность данных становится условием обеспечения свободы убеждений. Международное право всё чаще увязывает эти права: без приватности нет пространства для свободного формирования мыслей. Поэтому усиление требований к защите персональных данных (например, GDPR в ЕС) косвенно служит и охране *forum internum*.
- Практика кейсов и прецедентов. Ожидается, что судебные органы начнут формировать прецеденты по обращениям, связанным с цифровыми вмешательствами. Каждое такое решение будет уточнять границы допустимого. В перспективе возможно появление принципа *due diligence* для государств: обязанность предотвращать деятельность частных лиц (корпораций), направленную на недобросовестное влияние на убеждения граждан.

В заключение следует подчеркнуть: свобода убеждений остаётся краеугольным правом человека, от которого зависит смысл многих других свобод. Цифровая эпоха несёт не только угрозы, но и возможности для реализации этого права (расширение доступа к информации, обмен мнениями глобально). Задача международного права – максимизировать эти возможности и минимизировать угрозы. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины – доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Только так можно гарантировать, что даже в условиях стремительной цифровизации человек сохранит неприкосновенное право мыслить свободно – без страха, принуждения и скрытых манипуляций, какими бы изощрёнными они ни были.

Библиография

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О свободе совести и о религиозных объединениях" (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., Чернега О.А., Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. - М.: Славянский правовой центр, 2011. - 624 с.
2. Коккинакис против Греции - Kokkinakis v. Greece, ECtHR, Judgment of 25 May 1993 // Reports 1993. Series A, no. 260-A.
3. Shaheed A. Interim Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief: *Freedom of Thought*. U.N. Doc. A/76/380 (5 Oct 2021).
4. Alegre S. *Rethinking Freedom of Thought for the 21st Century*. - European Human Rights Law Review, 2017, No. 3, pp. 221-233.
5. Guzmán L. Chile: Pioneering the protection of neurorights // *The UNESCO Courier*, 21 March 2022.
6. Alegre S. Protecting Freedom of Thought in the Digital Age // CIGI Policy Brief. 2021. No.

165. 7 p.

7. EDPB-EDPS Joint Opinion 5/2021 on the proposal for an Artificial Intelligence Act, 18 June 2021.

8. Access Now. Submission to the UN Special Rapporteur on Freedom of Religion or Belief: *Freedom of Thought in the Digital Age* (2021).

9. Alegre S. Regulating around freedom in the 'forum internum' // ERA Forum. 2020. Vol. 21, No. 4. P. 511-527.

10. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum // CIGI Policy Brief. 2022. No. 176. 8 p.

11. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds. London: Atlantic Books, 2022. 320 p.

12. Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández. Neuro-Rights and New Charts of Digital Rights: A Dialogue Beyond the Limits of the Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. Indiana University Press. Volume 30, Issue 1, 2023. pp. 15-37.

13. Lighthart S. et al. Minding Rights: Mapping Ethical and Legal Foundations of 'Neurorights' // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. - 2023. - Publ. online 15 May. - P. 1-21. - DOI: 10.1017/S0963180123000245. EDN: HOIJVM.

14. Spichak S. The Controversial Push for New Brain and Neurorights / Spichak S. // JMIR Publications. - 2025. - Vol. 27, J Med Internet Res 2025;27:e72270.

15. Klosek J., Tene O., Krystal L. Colorado's Neural Privacy Law: A Game Changer for Tech / Goodwin Law. - 2024. - 25 September. - URL:

<https://www.goodwinlaw.com/en/insights/publications/2024/09/insights-technology-dpc-colorados-neural-privacy-law-is-a-game> (дата обращения: 10.06.2025).

16. Chessa S. Human rights: advances in neurotechnologies lead to calls for protection against abuse of 'brain data' / International Bar Association. - 2023. - 26 October. - URL: <https://www.ibanet.org/neurotechnologies-protection-against-abuse-of-brain-data> (дата обращения: 10.06.2025).

17. Romero O.G. Cognitive liberty and the psychedelic humanities / Frontiers in Psychology. - 2023. - Vol. 14. - Article 1128996.

18. Muñoz J.M., Marinaro J.A. Neurorights as reconceptualized human rights / Frontiers in Political Science. - 2023. - Vol. 5. - Article 1322922.

19. EU Artificial Intelligence Act | Regulation (EU) 2024/1689. - Brussels : European Commission, 2024. - URL: <https://artificialintelligenceact.eu> (дата обращения: 10.06.2025).

20. Hertz N. Neurorights - Do We Need New Human Rights? A Reconsideration of the Right to Freedom of Thought / Hertz N. // SSRN Electronic Journal. - 2024. - 13 March. - DOI: 10.2139/ssrn.4726652.

21. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum / S. Alegre // CIGI Policy Brief. - 2022. - № 176. - 8 p.

22. Ruiz S., Valera L., Ramos P., Sitaram R. Neurorights in the Constitution: from neurotechnology to ethics and law in Chile / Philosophical Transactions of the Royal Society B. - 2024. - Vol. 379. - Article 20230098.

23. Farahany N.A. Cognitive Liberty and the Need for New Human Rights Protections / N.A. Farahany // Submission to UN Human Rights Council Advisory Committee. - Geneva : OHCHR, 2023. - 15 July.

24. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds / S. Alegre. - London : Atlantic Books, 2023. - 400 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации» для опубликования в журнале «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья посвящена анализу новых форм вмешательства в свободу убеждений, возникающих в условиях цифровой трансформации. Автор исследует, как современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, микротаргетинг и нейротехнологии, воздействуют на внутреннюю сферу убеждений (*forum internum*), которая традиционно считалась неприкосновенной. Основное внимание уделяется международно-правовым стандартам и их адаптации к новым вызовам. Автор использует комплекс методов, включая сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ, а также кейс-анализ решений международных органов. Такой подход позволяет всесторонне изучить проблему, сочетая теоретический анализ с практическими примерами. Тема статьи является актуальной в условиях стремительного развития цифровых технологий, которые создают новые угрозы для фундаментальных прав человека. Вопросы защиты свободы убеждений от алгоритмического и нейротехнологического вмешательства активно обсуждаются в научной литературе, например, в работах S. Alegre (2022) и R. Yuste (2023). Статья вносит важный вклад в эту дискуссию, предлагая анализ с позиций международного права. Научная новизна исследования заключается в систематизации новых форм вмешательства в свободу убеждений, таких как «мысленное слежение» и «когнитивная свобода». Автор также предлагает обновленное понимание международно-правовых стандартов в контексте цифровых технологий, что соответствует современным тенденциям, отраженным в докладах ООН (A/76/380, 2021) и инициативах Евросоюза (Регламент об ИИ, 2023).

Стиль, структура, содержание работы в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным стилем, с четкой структурой и логичной аргументацией. Введение и заключение хорошо отражают основную проблему и выводы. Однако некоторые разделы, например, о нейротехнологиях, могли бы быть более детализированы. Также стоит отметить, что стиль изложения местами избыточно академичен, что может затруднить восприятие для широкой аудитории. Библиография статьи обширна и включает актуальные источники, такие как доклады ООН, работы S. Alegre и R. Yuste, а также решения международных судов. Однако можно было бы добавить больше современных исследований (2022-2024 гг.), например, работы по этике искусственного интеллекта или нейроправам, чтобы усилить научную базу. Из указанного периода автором использован только один источник (Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández, 2023). Всего в списке 12 источников, что несколько меньше заявленных в требованиях научного издания, искомого автором к опубликованию своей статьи. Между тем, апелляция к оппонентам в работе присутствует. Автор учитывает возможные контраргументы, например, о том, что цифровые технологии могут и расширять возможности для свободы убеждений. Однако критика существующих правовых рамок могла бы быть более глубокой, с привлечением альтернативных точек зрения, например, из работ критиков концепции «нейроправ».

Статья представляет значительный интерес для исследователей в области международного права, цифровых технологий и прав человека. Выводы автора о необходимости обновления международно-правовых стандартов для защиты *forum internum* актуальны и своевременны. Однако для привлечения более широкой аудитории, включая практиков, можно было бы добавить рекомендации по конкретным мерам регулирования. Статья является важным вкладом в изучение свободы убеждений

в цифровую эпоху. Она сочетает теоретическую глубину с практической значимостью, хотя некоторые аспекты требуют дальнейшей проработки. Работа будет полезна как для академического сообщества, так и для правозащитников, занимающихся вопросами цифровых прав. Для положительной рекомендации к опубликованию статья нуждается в некоторой доработке в части включения в библиографический перечень необходимого числа научных источников за последние 2-3 года, а также более детальной апелляции к возможным оппонентам.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, новые формы вмешательства в свободу убеждений. Автор анализирует соответствующую международно-правовую доктрину в условиях цифровой трансформации. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов, в частности КПЧ ООН и Совета Европы".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Долгое время считалось, что вмешательство во внутренние убеждения личности практически невозможно, поскольку мысли человека недоступны внешнему воздействию. Однако бурное развитие цифровых технологий опровергает эту уверенность. Появляются новые методы косвенного «чтения» и даже воздействия на внутренние убеждения через анализ данных и информационное влияние. Международно-правовая доктрина столкнулась с необходимостью оценить эти феномены сквозь призму абсолютной защиты *forum internum*. Особую актуальность эти вопросы приобрели после принятия Чили конституционной поправки о защите нейроправ в 2021 году, что стало первым в мире прецедентом конституционного закрепления защиты мозговых данных [16]. Аналогичные инициативы развиваются в других юрисдикциях: штат Колорадо в 2024 году принял первый в США закон о нейроприватности[15], а Европейский союз включил ограничения на системы распознавания эмоций в Регламент об искусственном интеллекте 2024 года [19]. Однако в научном сообществе нет единого мнения относительно необходимости новых прав: критики утверждают, что существующие правовые рамки достаточны для защиты от нейротехнологических угроз [12][20]. В данной статье предпринимается научный анализ новых форм вмешательства в свободу убеждений в цифровую эпоху и рассматриваются ответы международного права на эти вызовы". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, по международным стандартам запрещено любое прямое или косвенное воздействие, способное лишить человека свободы сформировать собственные убеждения. Однако классические нормы формулировались в эпоху, когда угрозы носили в основном явный характер (идеологическое принуждение, религиозные преследования, цензура печати и т.п.). В цифровую же эпоху возникли качественно новые формы воздействия на сознание, которые труднее распознать, но которые ставят под сомнение прежнее понимание ненарушимости внутренней свободы мысли"; "Новые формы вмешательства в

свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, становятся серьезным вызовом для международного права. Современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, персонализированная реклама и нейроинтерфейсы, воздействуют не только на *forum externum*, но и на *forum internum* — внутреннюю сферу убеждений и мышления человека"; "Призыв к запрету систем, вторгающихся во внутренний мир личности (например, технологий эмоциональной аналитики), поддержан на наднациональном уровне ЕС, что свидетельствует о растущем понимании важности охраны *forum internum*. Фактически, европейские регуляторы соглашаются с мнением исследователей вроде С. Алегри о том, что проникновение ИИ в сферу мыслей должно пресекаться на корню правовыми мерами. В проекте Регламента ЕС об ИИ (2023) уже предусмотрены ограничения на системы социального рейтинга и «детекторы эмоций» в правоохранительных органах, исходя из этических и правовых рисков для прав человека. Это можно расценивать как зарождающуюся норму *jus cogens* нового поколения, защищающую свободу человеческого разума"; " и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть статьи состоит из трех разделов: "Международно-правовые стандарты свободы убеждений"; "Новые формы вмешательства в условиях цифровой трансформации"; "Реакция международно-правовой доктрины и практики". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 24 источниками (монографией, научными статьями, комментарием, нормативными и эмпирическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Цифровая трансформация общества привела к возникновению *de facto* новых форм вмешательства во внутреннюю свободу убеждений, которые раньше не были известны классическому праву прав человека. Алгоритмическое воздействие на информационное пространство личности, поведенческий анализ данных, системы распознавания эмоций и зарождающиеся нейротехнологии – всё это создает неочевидные, но масштабные риски для свободы мысли, совести и убеждений. Международное право, провозглашающее абсолютный характер этой свободы, стоит перед задачей конкретизации и обеспечения ее соблюдения в новых условиях. Уже сейчас можно выделить несколько основных тенденций доктринального и нормативного ответа: Признание принципа «когнитивной свободы» как неотъемлемой части прав человека. Под этим подразумевается защита психической автономии индивида, запрет на недобровольное раскрытие или изменение его мыслей и убеждений. Международные эксперты предлагают развивать этот принцип в договорах и мягком праве. Упреждающее регулирование новых технологий. Разрабатываются нормы, прямо запрещающие или ограничивающие технологии, способные вторгаться во внутренний мир человека (как пример – рекомендованный запрет на системы распознавания эмоций в Евросоюзе). Предлагается ввести строгий надзор за нейротехнологиями, идущими вразрез с правами человека. Обновление

толкований существующих прав. Комитет ООН по правам человека и другие органы, вероятно, выпустят новые разъяснения (замечания общего порядка), учитывающие цифровой контекст. В них может быть отражено, что «принуждение, ущемляющее свободу иметь убеждения» включает не только физическое или прямое принуждение, но и манипулятивные информационные практики.

Синергия права на частную жизнь и свободы мысли. В цифровую эпоху защита и конфиденциальность данных становится условием обеспечения свободы убеждений. Международное право всё чаще увязывает эти права: без приватности нет пространства для свободного формирования мыслей. Поэтому усиление требований к защите персональных данных (например, GDPR в ЕС) косвенно служит и охране *forum internum*. Практика кейсов и прецедентов. Ожидается, что судебные органы начнут формировать прецеденты по обращениям, связанным с цифровыми вмешательствами. Каждое такое решение будет уточнять границы допустимого. В перспективе возможно появление принципа *due diligence* для государств: обязанность предотвращать деятельность частных лиц (корпораций), направленную на недобросовестное влияние на убеждения граждан.

В заключение следует подчеркнуть: свобода убеждений остаётся краеугольным правом человека, от которого зависит смысл многих других свобод. Цифровая эпоха несёт не только угрозы, но и возможности для реализации этого права (расширение доступа к информации, обмен мнениями глобально). Задача международного права – максимизировать эти возможности и минимизировать угрозы. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины – доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Только так можно гарантировать, что даже в условиях стремительной цифровизации человек сохранит неприкосновенное право мыслить свободно – без страха, принуждения и скрытых манипуляций, какими бы изощрёнными они ни были), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, информационного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания).

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Дегтерев Д.А., Степанова В.С. Валютные отношения Франции со странами Западной Африки: база документов по «последней колониальной валюте» Африки // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75036 EDN: NCQONC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75036

Валютные отношения Франции со странами Западной Африки: база документов по «последней колониальной валюте» Африки

Дегтерев Денис Андреевич

ORCID: 0000-0001-7426-1383

доктор политических наук, кандидат экономических наук

главный научный сотрудник; Центр изучения проблем переходной экономики; Институт Африки РАН

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

✉ ddegterevev@inafr.ru

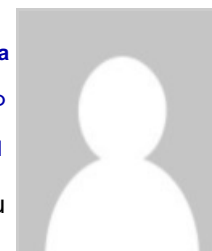

Степанова Вероника Сергеевна

бакалавр; кафедра международного права; Дипломатическая академия МИД РФ

119034, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

✉ stepanova_veronica@mail.ru

[Статья из рубрики "Региональные объединения и союзы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75036

EDN:

NCQONC

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2025

Дата публикации:

02-07-2025

Аннотация: Вопросы валютного сотрудничества Франции с государствами-членами

Западноафриканского валютного союза (ЮМОА) получили широкое освещение в зарубежной и отечественной научной литературе. Вместе с тем, феномен франка КФА как «последней колониальной валюты» Африки рассматривается преимущественно в публицистическом ключе, в политологическом и историческом, реже – в экономическом контексте. Для выявления реальных структурных рамок финансового неокOLONиализма, его «приводных ремней» необходим углубленный анализ правовых аспектов данного сотрудничества через призму теории неравноправных договоров. В этой связи была подготовлена база документов по отношениям Франции со странами ЮМОА в валютной сфере, размещенная на портале баз данных Института Африки РАН (<https://data.inafran.ru>), а в настоящей статье представлен ее аналитический обзор. В качестве методологической основы исследования использованы в т.ч. историко-правовой и формально-юридический подходы, позволившие проследить динамику правового регулирования валютных отношений в рамках зоны франка КФА на трёх ключевых этапах: колониальном, постколониальном и постбиполярном. На основе анализа обширной правовой базы показано, как гибкая адаптация к меняющимся экономико-правовым реалиям позволяет много лет «держаться на плаву» основной механизм финансового неокOLONиализма Франции в Африке. Сделан вывод о преимущественно политической природе ЮМОА, который, выступая одним из ключевых инструментов «ФрансАфрик», с экономической точки зрения мало соответствует основным критериям оптимальных валютных зон, что проявляется, например, в незначительной доле внутрирегиональной торговли в общем торговом обороте в рамках ЮМОА. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области экономики, истории, международного права и международных отношений. Полученные выводы будут особо ценны для экспертов в области африканской политики Франции и специалистов по валютным зонам Африки.

Ключевые слова:

франк КФА, финансовый неокOLONиализм, ЮМОА, Центробанк Западной Африки, валютная зона, операционный счет, ФрансАфрик, структурная власть, Западная Африка, Абиджанское соглашение

Франк КФА как одна из опор «ФрансАфрик»

Политика «ФрансАфрик» представляет систему неокOLONиальных отношений Пятой республики с бывшими французскими колониями, имеющей целью сохранить господствующее политическое, военное и экономическое влияние Франции на континенте [3, 12]. Политика «ФрансАфрик» имеет широкий спектр инструментов, сочетающий «жесткую» и «мягкую силу». Критики «ФрансАфрик» отмечают, что в нарушение принципа невмешательства во внутренние дела зона франка КФА позволяет Франции оказывать прямое влияние на валютную и денежно-кредитную политику стран ЮМОА. Централизация части золотовалютных резервов Центральным банком государств Западной Африки (ЦБГЗА) в Казначействе Франции, а также обеспечение выпуска франка КФА с 1945 г. типографией Банка Франции служат доказательством ограничения финансового суверенитета западноафриканских государств.

В советских исследованиях неокOLONиализма отмечается, что после крушения колониальной системы Франция, формально признав суверенитет стран ЮМОА и изменив юридическую основу зоны франка, продолжила оказывать жесткий контроль экономики

западноафриканских государств под видом взаимного сотрудничества [11]. В частности, Е.Г. Коренчук указывал на неравноправный характер Соглашения о сотрудничестве в валютной сфере между Францией и ЮМОА, ограничивающего валютный суверенитет африканских стран [7]. Теория неравноправных договоров получила детальное обоснование в советской доктрине международного права, прежде всего в трудах А.Н. Талалаева, который относил к признакам таких соглашений ограничение суверенитета одной из сторон, использование давления при их заключении и наличие односторонних преимуществ [11]. К теории неравноправных договоров сегодня обращается все большее число африканских правоведов, например, Д. Кунку [32].

Последовательная критика механизмов функционирования зоны франка КФА – «последней колониальной валюты Африки» [Pigeaud, Sylla 36] – представлена в работах С. Амина [14-16], У. Родни [9], Н.С. Силла [42], М.Б. Гадха [29], Й. Тэйлора [43]. Инструменты зоны франка КФА следует рассматривать как один из уровней структурной власти Франции в регионе, согласно концепции С. Стрэндж [41], наравне с властью в сфере безопасности, властью в производственной сфере через деятельность Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА) [5] и властью в сфере распространения знаний и идей [2]. Й. Тэйлор представлял несколько иную структуру неоколониальных инструментов Франции: 1) сеть французских экспертов в ключевых сферах деятельности африканских стран; 2) сеть военных баз на континенте и 3) зону франка КФА [43: р. 1066].

Структура базы данных

Валютные отношения Франции со странами Западной Африки прошли через три последовательных этапа эволюции — зона франка КФА (FCFA), претерпев значительную трансформацию, продолжила функционировать не только после завершения процесса деколонизации, но и после прекращения существования французского франка (FF). Примечательно, что при этом курс франка КФА практически не менялся на протяжении десятилетий (см. табл. 1), как и название самой валюты.

Таблица 1. Динамика курса франка КФА

Событие	Дата	Курс
Создание франка КФА	26 декабря 1945 г.	1 FCFA = 1,70 FF
Девальвация французского франка	17 октября 1948 г.	1 FCFA = 2,00 FF
Введение нового французского франка	1 января 1960 г.	1 FCFA = 0,02 FF
Девальвация франка КФА	12 января 1994 г.	1 FCFA = 0,01 FF
Переход к евро	1 января 1999 г.	655,957 FCFA = 1 €

Источник: [43, р. 1069]

Составленная авторами правовая база документов содержит структурированные в хронологическом порядке ключевые нормативные источники, которые отражают особенности взаимодействия сторон в колониальный и постколониальный периоды (см. табл. 2). Колониальный период представлен 6 документами, постколониальный (до 1991

г.) – 7 документами, постбиполярный период – наибольшим количеством документов (16). При этом Договор о создании ЮЕМОА и Соглашение о вступлении Гвинеи-Биссау в ЮЕМОА структурно близки к соглашениям 1970-1980-х гг.

Важно, что ряд документов в базе (**документ № 10, документ № 11, документ № 13**) де факто содержат по несколько документов, что отражается в их названиях (например, Договор о создании ЮМОА от 14.11.1973 и Устав ЦБГЗА). Соответственно, общее количество пунктов в базе (29 шт.) несколько меньше общего количества документов (32 шт.).

Помимо национальных (6 шт.) и международных нормативных актов (13 шт.), а также актов органов Европейского союза (8 шт.) база документов включает вторичные источники (доклады специальных комитетов Национального собрания и Сената Франции и др.), что позволяет учитывать политико-экономический контекст при заключении международных договоров.

Таблица 2. Структура правовой базы «Валютные отношения Франции со странами Западной Африки в колониальный и постколониальный периоды»

Категория документов	Количество	Краткая характеристика
Национально-правовые акты	6	Декреты, ордонансы, законы и административные акты, регулирующие валютную политику метрополии в ФЗА
Международно-правовые акты	13	Соглашения о сотрудничестве, конвенции, регулирующие отношения Франции и ЮМОА в валютной сфере; уставы ЦБГЗА
Акты органов Европейского союза	8	Решения, регламенты, рекомендации институтов ЕС, связанные с режимом франка КФА после вступления Франции в еврозону
Специальные доклады французских органов власти	4	Парламентские отчёты и оценки последствий, сопровождающие процесс ратификации соглашений
Судебные решения	1	Решение Конституционного суда Бенина по вопросам правового статуса франка КФА
Всего	32 документа	

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования формируют аналитическую основу для всестороннего анализа отношений финансового неокOLONIALИЗМА Франции со странами ЮМОА, а также перспектив реформирования валютной системы западноафриканского региона.

Полнотекстовая база данных размещена на специализированном портале Института Африки РАН (<https://data.inafran.ru/ru/>) и имеет свой Интернет-адрес (<https://data.inafran.ru/ru/materialy/valyutnye-otnosheniya-frantsii-so-stranami-zapadnoj-afriki-v-kolonialnyj-i-postkolonialnyj-periody-pravovye-osnovy>). В современных условиях

развития ИКТ именно такой формат (информационные базы данных) представляется более эффективным для размещения коллекций правовых инструментов, нежели бумажные издания. Он позволяет оперативно получать доступ к полному тексту любого из включенных в базу данных документов. Для обеспечения стабильности хранения документов, все они размещены непосредственно на портале Института Африки РАН.

Ниже проведем анализ основных документов из указанной правовой базы в соответствующем историческом контексте. При отсылке на документы базы данных каждый из них пронумерован (документ № 1, документ № 2 и т.д.) и выделен жирным шрифтом. Для визуализации политико-правовых конструкций, существовавших на момент принятия данных документов, будем использовать диаграммы Эйлера.

Валютный режим в африканских колониях: от французского франка к франку КФА

Колониальная экспансия Франции в западной части Африканского континента получила институциональное оформление с созданием в 1895 г. политико-административной единицы — Французской Западной Африки (ФЗА), в состав которой вошли следующие колонии: Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольты, Дагомея, Мавритания, Нигер, Сенегал, Того, Французская Гвинея и Французский Судан [\[18, p. 105\]](#). По мере расширения колониальных владений происходило оформление системы валютного контроля метрополии над зависимыми территориями – обращение иностранных и местных монет подлежало запрету, единственным законным платежным средством признавался французский франк. Обладая высшей юридической силой на всей территории Французской колониальной империи, королевские ордонансы определяли характеристики предназначенных для заморских владений монет и банкнот. Так, согласно Ордонансу короля Карла X от 17.08.1825 (**документ № 1**), чеканка монет для колонии Сенегал производилась Парижским монетным двором, ответственность за реализацию предписаний возлагалась на министерство финансов и министерство колоний [\[46, p. 108-113\]](#). Как отмечает сенегальский правовед Ло Диатта М., зона французского франка, охватывающая метрополию и колонии в Западной Африке, возникла после полного устранения из обращения конкурирующих местных и иностранных валют [\[33\]](#).

В 1851 г. после учреждения Банка Сенегала — первого французского колониального банка в Западной Африке — эмиссионная система Франции подверглась децентрализации. В 1853–1901 гг. Банк Сенегала обладал исключительным правом денежной эмиссии в пределах ФЗА. Передача указанных полномочий расположенному в Дакаре банку была продиктована прагматическими соображениями: издав в 1848 г. декрет об отмене рабства, французское правительство обязалось выплачивать в течение двадцати лет компенсации бывшим рабовладельцам, что потребовало создания региональных финансовых институтов [\[34, p. 599\]](#). Согласно Органическому закону от 11.07.1851 г. (**документ № 2**), выплаты осуществлялись колониальными банками Гваделупы, Мартиники, Реюньона, Гвианы и Сенегала [\[17, p. 17-23\]](#). Тем не менее начиная с 1901 г. штаб-квартира эмиссионных центров колоний ФЗА: Банк Западной Африки (1901-1955), Эмиссионный институт ФЗА и Того (1955-1959), располагалась в Париже [\[19, p. 81\]](#).

Франк КФА де-факто введен в обращение на территории ФЗА в 1939 г., единственное отличие от франка метрополии заключалось в указании на денежных знаках вместо национального девиза «Свобода, равенство, братство» наименования нововведённой

валюты – франк африканских колоний Франции [\[18\]](#). Однако юридическое оформление франк КФА получил только после окончания Второй мировой войны. В соответствии с декретом министерства финансов 1945 г. (**документ № 4**), начиная с 26 декабря 1945 г. валюта, находящаяся в обращении на территории ФЗА, официально переименована в франк КФА. Нормативное закрепление статуса франка КФА было обусловлено подготовкой Франции к ратификации Статей соглашения Международного валютного фонда, Французская Республика официально присоединилась к МВФ 26.12.1945 г. [\[35, п. 40\]](#).

Следовательно, в колониальный период валютные зоны (французского франка, с 1945 г. — франка КФА) представляли институт, регулируемый национальным законодательством Франции, с целью установления особого валютного режима между метрополией, с одной стороны, и колониями, с другой стороны (рис. 1).

Рис. 1. Зона франка КФА в колониальный период

Источник: составлено авторами.

Трансформация зоны франка КФА в условиях деколонизации

Несмотря на обретение независимости странами Западной Африки, зона франка КФА продолжила свое существование. Наименование денежной единицы было изменено на франк Африканского финансового сообщества, однако аббревиатура КФА, как это подчёркивается в докладе Комитета по финансам Сената Франции (**документ № 9**), была «искусно» сохранена.

Пятая республика заключила со странами бывшей ФЗА (кроме Гвинеи [\[8, с. 95-98\]](#)) на аналогичных условиях двусторонние соглашения о сотрудничестве в экономической, валютной и финансовой областях, что, впрочем, представляло временную меру. Французское правительство стремилось сохранить механизм обеспечения новых независимых государств валютой по принципу, получившему оформление в колониальную эпоху – денежная эмиссия для определенной группы заморских владений (в данном случае ФЗА) осуществлялась одним колониальным банком [\[27, п. 720\]](#). Например, из положений Договора о сотрудничестве с Республикой Кот-д'Ивуар от 24.04.1961 г. (**документ № 7**) следует, что страны, использующие в качестве денежной единицы франк КФА, заключают соглашение о создании валютного союза в течение шести месяцев с даты подписания Договора.

В 1962 г. указанное условие действительно было выполнено: Кот-д'Ивуар, Дагомей, Верхняя Вольта, Нигер, Сенегал, Мавритания и Того пришли к соглашению о создании ЮМОА с общим эмиссионным учреждением – ЦБГЗ. В соответствии со ст. 1 Устава ЦБГЗ (**документ № 8**) штаб-квартира Банка расположена в Париже, однако она могла быть перенесена на территорию одного из государств-членов Союза по решению

Административного совета. Первоначальный уставный капитал Банка определен в размере 500 млн франков КФА и внесен в качестве дотации со стороны правительства Франции.

При этом основы функционирования зоны франка КФА были заложены в Соглашении о сотрудничестве между Французской Республикой и государствами-членами ЮМОА от 12.05.1962 (**документ №8**). Во-первых, Франция гарантировала свободную и неограниченную конвертируемость франка КФА во французский франк. Во-вторых, страны ЮМОА обязались открыть на имя ЦБГЗА в Казначействе Франции специальный операционный счет, предназначенный для хранения национальных золотовалютных резервов в полном объеме. В-третьих, сохранялся режим фиксированного курса между французским франком и франком КФА. В-четвертых, за французскими представителями закреплялось 7 из 21 мест в составе Административного совета, высшего органа ЦБГЗА, осуществляющего следующие полномочия (включая, но не ограничиваясь): определение условий эмиссии денежных знаков, а также их изъятия из обращения; принятие решения об одобрении любых соглашений между ЦБГЗА и правительствами иностранных государств или международными организациями; определение процентной ставки. Устав ЦБГЗА устанавливал кворум для принятия решений органа – не менее две трети членов, из чего следует, что Франция обладала правом вето в отношении решений Административного совета ЦБГЗА.

Вместе с тем через десять лет после подписания соглашения с Францией страны ЮМОА инициировали его пересмотр, добиваясь «африканизации» управления, т.е. уменьшения числа французских представителей [\[27, p. 723-725\]](#). Как результат, 14 ноября 1973 г. Кот-д'Ивуар, Дагомея (ныне Бенин), Верхняя Вольты (ныне Буркина Фасо), Нигер, Сенегал и Того заключили новый Договор о создании ЮМОА (**документ №10**), полностью заменивший собой положения одноименного договора 1962 г. Основными органами Союза являются Конференция глав государств, Совет министров и ЦБГЗА. В ст. 2 Устава ЦБГЗА в новой редакции подчеркивается, что Банк расположен на территории одного из государств-членов Союза, а уставный капитал состоит из равных взносов каждой страны.

Соглашение о сотрудничестве между ЮМОА и Францией также подверглось пересмотру (**документ №11**). Представительство Франции в Административном совете ЦБГЗА сокращено до того же уровня, что и у государств-членов ЮМОА, т.е. до двух по сравнению с семью ранее. Операционный счет стал предметом отдельной конвенции между ЦБГЗА и Министерством экономики и финансов Франции, являющейся неотъемлемой частью Соглашения о сотрудничестве 1973 г.: государства-члены ЮМОА обязаны хранить на соответствующем счете в Казначействе Франции 65 % национальных валютных резервов. В 2005 г. стороны внесли изменения в Конвенцию об операционном счете 1973 г., предусматривающие обязательство по хранению 50 % валютных резервов ЦБГЗА [\[37\]](#).

Вышеперечисленные международные договоры, датируемые от 1973 г., являются действующими и, следовательно, представляют правовую основу сотрудничества в валютной сфере между Францией и государствами-членами ЮМОА. В условиях деколонизации институт валютной зоны был модифицирован, но сохранен — в настоящее время функционирование зоны франка КФА регулируется нормами международного права. Зона западноафриканского франка КФА – институционализированная форма сотрудничества стран Западноафриканского валютного союза с третьим государством (Франция), предполагающая взаимные права и обязанности сторон для поддержания

стабильности валютного режима, применимого в Союзе (рис. 2). По смыслу положений раздела 2(b) ст. IV Статьи соглашения МВФ, валютный режим ЮМОА – «режим сотрудничества, в рамках которого государства-члены поддерживают стоимость своих валют по отношению к стоимости валюты или валют других государств-членов» [\[10\]](#).

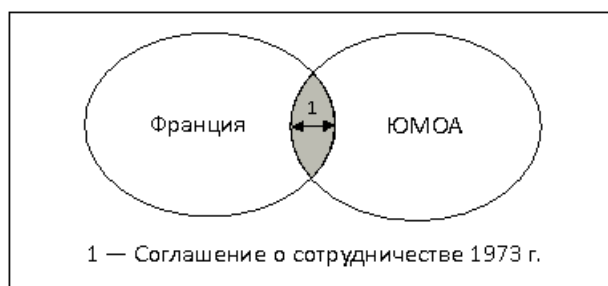

Рис. 2. Зона франка КФА в постколониальный период

Источник: составлено авторами.

Модификация механизмов зоны франка КФА в свете образования еврозоны

Вступивший в силу 1 ноября 1993 г. Договор о Европейском союзе де-юре определил создание единой европейской валюты с 1 января 1999 г. в качестве третьего этапа формирования экономического и валютного союза (ЭВС) [\[45, p. 79\]](#). В процессе подготовки текста Маастрихтского договора стороны исходили из того, что существующий механизм сотрудничества Франции в рамках зоны франка КФА полностью совместим с принципами и структурой ЭВС на основании ст. 234 Римского договора об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. [\[25, p. 12-13\]](#), содержащей отсылку к принципу *pacta sunt servanda*, а также к принципу «договоры не имеют обратной силы», воплощенному в ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Согласно пункту 1 указанной статьи, положения Договора не затрагивают права и обязанности, возникающие из соглашений, заключённых до его вступления в силу между государствами-членами Сообщества и третьими государствами [\[44, p. 155\]](#).

Французская Республика настаивала на том, что продолжение действия договора со странами ЮМОА после создания еврозоны не приведет к возникновению финансовых обязательств для ЕС и не окажет прямого влияния на денежно-кредитную политику Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ), объединяющей Европейский центральный банк (ЕЦБ) и национальные центральные банки государств-членов ЕС. Франция квалифицировала данный международный договор как «бюджетное соглашение», поскольку обязательства по покрытию расходов, возникающих в связи с поддержанием валютного паритета, возлагаются на Казначейство Франции, а не на входящий в ЕСЦБ Банк Франции [\[30, p. 5\]](#).

Впоследствии государства-члены ЕС пришли к соглашению, что дальнейшее сотрудничество Франции с ЮМОА в валютной сфере продолжит носить двухсторонний характер после получения одобрения органов Союза в соответствии с процедурой, определенной в п. 3 ст. 109 Маастрихтского договора, а именно: Совет ЕС по рекомендации Комиссии ЕС и после консультаций с ЕЦБ определяет условия заключения указанных соглашений [\[45, p. 15-16\]](#).

В Решении № 98/683/ЕС от 23.11.1998 г. (**документ № 19**) Совет ЕС постановил, что с учетом Рекомендации Комиссии ЕС (**документ № 17**) и Заключения ЕЦБ (**документ № 18**) после замены французского франка на евро Франция вправе продолжить

выполнение Соглашения по вопросам обменного курса с ЮМОА 1973 г. При этом ответственность за исполнение условий данного договора лежит исключительно на государствах-членах ЮМОА и Франции, последняя обязуется регулярно информировать Комиссию ЕС, ЕЦБ и ЭКОФИН о ходе реализации соглашения [\[22\]](#).

В связи с заменой французского франка на евро валютный паритет евро и франка КФА был установлен в следующем соотношении: 1 евро = 655,957 франков КФА. Данный курс основан на значении, зафиксированном на 31 декабря 1998 г., когда один евро обменивался на 6,55957 французских франков [\[23\]](#). Принцип неограниченной конвертируемости на основании фиксированного курса между франком КФА и евро был сохранен на тех же условиях, что и между французским франком и франком КФА [\[4\]](#).

Тем не менее представление о том, что вступление Франции в ЭВС привело к исключительно техническим изменениям в механизмах сотрудничества со странами ЮМОА, не учитывает политико-экономический контекст, в частности заинтересованность государств-членов ЕС и институтов Союза в расширении сферы влияния на Африканском континенте. Внимания заслуживают отдельные положения пояснительной записки Комиссии ЕС (**документ № 17**), в которых указывается, что сохранение тесных связей со странами ЮМОА согласуется с усилиями ЕС по укреплению регионального сотрудничества и стимулирования экономического роста за счет углубления взаимозависимости. Согласно позиции Еврокомиссии, привязка франка КФА к евро повысит эффективность поддержки, оказываемой Союзом африканским государствам, как в форме национальных целевых программ помощи и инициатив по структурной перестройке, так и посредством создания региональных фондов [\[39\]](#).

Более того, Европейский Парламент в резолюции по рекомендации для Решения Совета ЕС (**документ № 16**) подчеркнул, что развитие торгово-экономического взаимодействия со странами, «которые де-факто будут входить в зону евро», позволит минимизировать валютные риски для европейских компаний, специализирующихся на внешнеэкономической и инвестиционной деятельности [\[40\]](#). Равным образом африканские государства смогут увеличить и диверсифицировать сырьевой экспорт во все государства-члены ЕС. В апреле 1998 г. Комитет по развитию и сотрудничеству Европейского парламента представил доклад, в котором отмечалось, «насколько важно для стран-партнеров из Африки, Карибского бассейна и Тихого океана иметь конвертируемые валюты и развивать эффективные и стабильные валютные системы в свете проведения переговоров о заключении соглашения, призванного заменить IV Ломейскую конвенцию» [\[40\]](#).

В контексте введения единой европейской валюты в 1999 г., международно-правовое основы валютного сотрудничества Франции со странами ЮМОА де-юре не претерпели значительных изменений, за исключением замены французского франка на евро в качестве валютной привязки франка КФА. Между ЕС и ЮМОА отсутствуют прямые институциональные связи, однако вступление Франции в еврозону привело к возникновению дополнительных обязательств по регулярному информированию органов ЕС о ходе реализации соглашения с ЮМОА. Кроме того, внесение изменений в соглашение о валютном сотрудничестве требует обязательного согласования институтов ЕС. Следовательно, Решение Совета ЕС № 98/683/ЕС от 23.11.1998 по вопросу обменного курса франка КФА следует рассматривать как неотъемлемую часть Соглашение о валютном сотрудничестве Франции и ЮМОА 1973 г. (рис. 3).

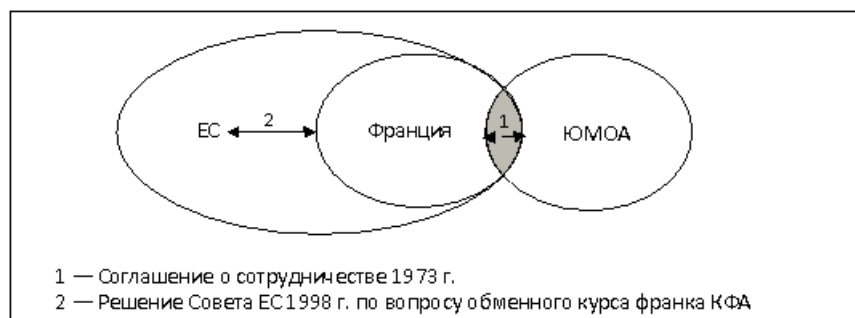

Рис. 3. Зона франка КФА в постбиполярную эпоху

Источник: составлено авторами.

Попытка реформирования зоны франка КФА в рамках Абиджанского соглашения 2019 г.

По прошествии более 45 лет с момента заключения Соглашения о сотрудничестве между Францией и государствами ЗАВС необходимость пересмотра условий договора стала очевидной. В специальном докладе Комитета по финансам французский сенатор Ж. Башер утверждал, что хотя такая стабильность отчасти отражает преимущества валютного сотрудничества для стран Западной Африки, действующие правила и принципы нуждаются в модернизации, особенно с учетом «символической критики», которой подвергается западноафриканский франк КФА [38].

В результате 21 декабря 2019 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар) стороны заключили обновленное соглашение о валютном сотрудничестве (**документ № 22**), которое призвано заменить положения одноименного договора 1973 г. Абиджанское соглашение предусматривает реформирование механизмов функционирования западноафриканской зоны франка КФА по ключевым направлениям, символизирующим отход от неокOLONIALной парадигмы построения отношений в валютной сфере.

Во-первых, наименование общей валюты Союза изменено на «эко», что согласовывалось с долгосрочной стратегией создания общего западноафриканского валютного союза в рамках Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). В указанную международную организацию наряду с государствами-членами ЮМОА (с 29.01.2025 г. Буркина-Фасо, Мали, Нигер не являются членами ЭКОВАС [20]) входят такие страны как Гамбия, Гана, Гвинея, Либерия, Нигерия, Сьерра-Леоне. Впервые идея создания общей валюты ЭКОВАС под названием «эко» была официально озвучена в 1999 г., однако срок введения новой денежной единицы неоднократно откладывался (2005, 2010, 2014, 2020 гг.) [2, 6]. В 2021 г. государства-члены ЭКОВАС приняли новую дорожную карту, согласно которой «запуск единой валюты эко» должен произойти в 2027 г. [28]. Данное стремление нашло отражение в преамбуле Абиджанского соглашения: «Договаривающиеся стороны принимают во внимание, с одной стороны, решимость государств-членов ЮМОА реализовать проект единой валюты ЭКОВАС, и, с другой – учитывают поддержку Французской Республики процесса региональной интеграции» [13].

Во-вторых, обязательство по депонированию валютных резервов ЮМОА на операционном счете в Казначействе Франции было отменено. Конвенция о гарантиях между ЦБГЗА и Французской Республикой 2020 г. (**документ № 23**) признает Договор об операционном счете 1973 г. утратившим силу. Ст. 5 Абиджанского соглашения предусматривает, что в целях отслеживания изменений уровня риска, покрываемом Францией как гарантом неограниченной конвертируемости эко в евро, ЦБГЗА обязуется

регулярно предоставлять соответствующие сведения французской стороне [\[13\]](#).

В-третьих, французские представители покинули органы управления Союза. Вместе с тем детальный анализ условий Абиджанского соглашения позволяет выявить, что данное изменение носит декларативный характер. В соответствии со ст. 4 договора, в состав Комитета по валютной политике ЦБГЗА входит независимое квалифицированное лицо, которое назначается *intuitu personae* (лат. – с учетом конкретной личности) Советом министров ЮМОА по согласованию с Францией [\[13\]](#). Кроме того, согласно ст. 4 Конвенции о гарантиях 2020 г., «в целях предотвращения или урегулирования кризиса Франция может в порядке исключения и на ограниченное время потребовать участия своих представителей без права голоса в заседаниях Административного Совета ЦБГЗА и Банковской комиссии Союза для изложения своей позиции» [\[21\]](#).

Особого внимания заслуживает ст. 3 Абиджанского соглашения, которая гласит, что «любые решения, направленные на изменение характера или объема предоставляемой гарантии, принимаются в соответствии с европейскими обязательствами Франции». После подписания Абиджанского соглашения Французское правительство инициировало одновременно две процедуры одобрения международного договора – национальным парламентом и институтами ЕС [\[13\]](#).

Согласие ЕС на заключение подобного соглашения было выражено в предусмотренном статьей 219(3) Договора о функционировании ЕС (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) порядке – аналогичным образом в 1998 г. в свете перехода на третий этап создания ЭВС ЕС санкционировал продолжение действия соглашения о сотрудничестве с ЮМОА. 25 января 2021 г. после получения Рекомендации Европейской Комиссии (**документ № 24**) и Заключения ЕЦБ (**документ № 25**) Совет ЕС вынес Решение о внесении изменений в Решение Совета ЕС № 98/683/ЕС от 23.11.1998 г. по вопросу обменного курса франка КФА (**документ № 26**). Поправки сводились преимущественно к изменениям используемых терминов: в тексте Решения наименование «франк КФА» было заменено на формулировку «валюта ЮЕМОА, СЕМАК и Комор».

Несмотря на то, что вышеперечисленные изменения в механизмах валютного сотрудничества в рамках зоны франка КФА, на первый взгляд, отвечают изложенным западноафриканскими лидерами требованиям, договор не вступил в силу, отношения между сторонами продолжают регулироваться положениями Соглашения 1973 г. По состоянию на 01.05.2025 г. указанное соглашение ратифицировали Бенин, Кот-д'Ивуар, Франция.

Среди государств-членов ЮМОА Кот-д'Ивуар принимал наиболее активное участие в переговорном процессе, предшествовавшем подписанию Абиджанского соглашения. Заключение договора состоялось в ходе официального визита французского президента в Кот-д'Ивуар, при этом в торжественной церемонии подписания соглашения участвовали только две стороны (из девяти) [\[31\]](#). В этой связи ряд исследователей региона охарактеризовали Абиджанское соглашение как «договор Уаттара-Макрона» [\[24\]](#), что отражает восприятие данного соглашения как результата двусторонних договорённостей, в рамках которых позиции остальных стран Союза не были учтены в полной мере. Данное обстоятельство может рассматриваться как одна из возможных причин отказа от ратификации Абиджанского соглашения.

Феномен франка КФА характеризуется чрезвычайной продолжительностью – несмотря на неоднократные радикальные изменения политической картины мира (распад колониальных империй, становление постбиполярного мира, развитие европейской интеграции и т.д.) «последняя колониальная валюта» Африки уже много десятилетий не меняет свое название и достаточно редко – свой курс. Данная особенность связана с преимущественно политической природой ЮМОА, который, выступая одним из ключевых инструментов «ФрансАфрик», с экономической точки зрения мало соответствует основным критериям оптимальных валютных зон. Так, доля внутрирегиональной торговли в странах ЮЕМОА минимальна [\[43\]](#). Гибкая адаптация к меняющимся экономико-правовым реалиям позволяет много лет «держаться на плаву» основной механизм финансового неокOLONIALИЗМА Франции в Африке. Созданная авторами база данных позволяет наглядно это продемонстрировать.

Библиография

1. Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р. и др. Советские исследования неокOLONIALИЗМА // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 671-687. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687. EDN: GYGFFS.
2. Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии "коллективного Запада" // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50-78. DOI: 10.31249/ape/2022.04.03. EDN: ZUUBRN.
3. Дегтерев Д. А., Абрамова Е. А. Архитекторы "ФрансАфрик"? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке // Современная Европа. 2024. № 5. С. 74-87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. EDN: KCHNTQ.
4. Дегтерев Д. А. Западноафриканская "восьмерка" набирает обороты // Азия и Африка сегодня. 2003. № 12. С. 28-31.
5. Дегтерев Д. А. ОХАДА – Организация по гармонизации коммерческого права в Африке // Московский журнал международного права. 2005. № 1. С. 95-106. DOI: 10.24833/0869-0049-2005-1-95-106. EDN: JQCNJM.
6. Жамбиков А. М. ЭКОВАС и введение единой валюты в Западной Африке: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 54-58. DOI: 10.31857/S032150750008721-5. EDN: HOOZNI.
7. Коренчук Е. Г. Идеологическая экспансия французского неокOLONIALИЗМА в Тропической Африке (1958–1972 гг.). М.: Университет дружбы народов, 1979. 103 с.
8. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012. 382 с. EDN: PHEMPV.
9. Родни У. Черная дыра. Как Европа сделала Африку нищей. М.: Родина, 2022. 320 с.
10. Статьи соглашения МВФ, приняты 22.07.1944 г. в Бреттон-Вудсе (с учетом поправок, вступивших в силу в 1969, 1978, 1992, 2009, 2011, 2016). 2020. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/pdf/aa.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Том 1. Общие вопросы. М.: Междунар. отношения, 1980. 312 с.
12. Филиппов В. Р. Феномен "ФрансАфрик" в зеркале французской историографии // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3(60). С. 73-87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87. EDN: AABVOM.
13. Accord de coopération entre la République française et les Républiques membres de l'Union monétaire ouest-africaine. La Banque de France. 2020. URL: <https://www.banque-france.fr/system/files/2023-08/Banque%20de%20France%20-%20Accord%20de%20coop%C3%A9ration%20France%20UMOA.pdf> (accessed: 16.04.2025).
14. Amin S. A Critique of the World Bank Report entitled "Accelerated Development in Sub-

- Saharan Africa". Africa Development / Afrique et Développement. 1982. Vol. 7. № 1/2. P. 23-30.
15. Amin S. La question du franc CFA. 2016. URL: https://gabrielperi.fr/wp-content/uploads/2019/03/CFA_SAMIR.pdf (accessed: 30.04.2025).
 16. Amin S. Neocolonialism in West Africa. New York: Monthly Review Press, 1973. 298 p.
 17. Banque du Sénégal et dépendances. Lois, statuts et documents divers. Paris: Imprimerie administrative de Paul Dupont, 1854. 169 p.
 18. BCEAO. Histoire de l'Union Monétaire Ouest Africaine. En 3 Vol. Vol. 1. Des origines à 1958. Paris: Georges Israël Editeur, 2000. 554 p.
 19. Bian S. A balance sheet analysis of the Banque de l'Afrique Occidentale. Turkish Economic Review. 2022. Vol. 9. № 2. P. 80-103. DOI: <https://doi.org/10.1453/ter.v9i2.2328>.
 20. Communiqué de presse. Le retrait du Burkina Faso, de la République du Mali et de la République du Niger de la CEDEAO prend effet à compter de ce jour, le 29 janvier 2025. X.com. ECOWAS-CEDEAO, 2025. URL: https://x.com/ecowas_cedeao/status/1884495077130522787 (accessed: 18.04.2025).
 21. Convention de garantie entre la Banque centrale des États de l'Afrique de l'Ouest et la République française. La Direction générale du Trésor. 2020. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/06d54ebb-0e82-402f-ac48-cc0206f1c923/files/59508a46-5ef3-40a7-ac7b-fbdf02147108> (accessed: 16.04.2025).
 22. Council Decision № 98/683/EC of 23 November 1998 concerning exchange rate matters relating to the CFA Franc and the Comorian Franc // Official Journal of the European Communities. 28 November 1998. Vol. 41. № L 320. P. 58-60.
 23. Council Regulation (EC) № 2866/98 of 31 December 1998 on the conversion rates between the euro and the currencies of the Member States adopting the euro // Official Journal of the European Communities. 31 December 1998. Vol. 41. № L 359. P. 2.
 24. Dembélé D. M. Colloque sur la réforme du franc CFA en Afrique de l'Ouest: La lutte pour la souverainete monetaire en Afrique de l'Ouest. Afronicslaw. 2022. URL: <https://www.afronicslaw.org/category/analysis/colloque-sur-la-reforme-du-franc-cfa-en-afrique-de-louest-la-lutte-pour-la> (accessed: 05.05.2025).
 25. Diallo O. L'arrimage du franc CFA à l'euro: Conséquences pour l'intégration sous-régionale ouest-africaine. Genève: Institut européen de l'Université de Genève, 2002. 96 p.
 26. Dupont S. Les Quinze s'engagent sur l'avenir du franc CFA. LesEchos. 1998. URL: <https://www.lesechos.fr/1998/09/les-quinze-sengagent-sur-lavenir-du-franc-cfa-799636> (accessed: 17.04.2025).
 27. Feuer G. La révision des accords de coopération franco-africains et franco-malgaches // Annuaire Français de Droit International. 1973. № 19. P. 720-739. DOI: 10.3406/afdi.1973.2234.
 28. Feuille de route pour la création de la monnaie unique de la CEDEAO. L'Agence Monétaire de l'Afrique de l'Ouest. 2020. URL: <https://amao-wama.org/wp-content/uploads/2022/02/Feuille-de-Route-pour-PCMC-2020-publication-19Jan22.pdf> (accessed: 17.04.2025).
 29. Gadha M. B., Kaboub F., Koddenbrock K., Mahmoud I., Sylla N. S. Economic and Monetary Sovereignty in 21st Century Africa. London: Pluto Press, 2021. 318 p. DOI: 10.2307/j.ctv244ssnb.
 30. Galy M., Hadjimichael M. T. The CFA Franc Zone and the EMU. Working Paper of the International Monetary Fund № WP/97/156. Washington DC: International Monetary Fund, 1997. 38 p.
 31. La signature de l'Accord de coopération entre le Gouvernement de la République française et les Gouvernements des Etats membres de l'Union monétaire ouest-africaine le 21 Décembre 2019 à Abidjan. La Présidence de la République française (L'Élysée), 2019.

- видеоверсия 00:32:07-00:33:46 (время воспроизведения). URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/21/a-abidjan-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-avec-alassane-ouattara-president-de-la-republique-de-cote-divoire> (accessed: 06.05.2025).
32. Le franc CFA toujours contrôlé par Paris. Ouvertures. 2009. URL: <https://www.ouvertures.net/le-franc-cfa-toujours-controle-par-paris/> (accessed: 30.04.2025).
33. Lô Diatta M. Les unions monétaires en droit international. Graduate Institute Publications. 2007. URL: <https://doi.org/10.4000/books.iheid.1109>. (accessed: 06.05.2025).
34. Masaki T. The Management of the Bank of Senegal and the Formation of a Colonial Economy, 1840s-1901 // African Studies Review. 2023. Vol. 66. № 3. P. 595-617. DOI: 10.1017/asr.2022.173. EDN: OEPPPOX.
35. Nana C. N. Currency Relations between the Global South and the Global North: The Case of the CFA France // Beijing Law Review. 2024. Vol. 15. № 1. P. 35-53. DOI: 10.4236/blr.2024.151002. EDN: PGHQDG.
36. Pigeaud F., Sylla N. N. Africa's Last Colonial Currency. The CFA Franc Story. London: Pluto Press, 2021.
37. Projet de loi de finances pour 2006. Notes de presentation par Charasse M. Le Sénat. 2006. URL: https://www.senat.fr/rap/np07_04ami/np07_04ami2.html (accessed: 05.04.2025).
38. Rapport № 289 du 20 janvier 2021 fait au nom de la commission des finances sur le projet de loi, adopté par l'Assemblée nationale, autorisant l'approbation de l'Accord de coopération entre le Gouvernement de la République française et les Gouvernements des États membres de l'Union monétaire ouest-africaine. Le Sénat, 2021. URL: <https://www.senat.fr/rap/l20-289/l20-2891.pdf> (accessed: 07.04.2025).
39. Recommendation of the Commission of the European Communities № COM(1998)412 of 1 July 1998 for a Council Decision concerning exchange rate matters relating to the CFA franc and the Comorian franc. EUR-lex. 1999. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51998PC0412> (accessed: 25.04.2025).
40. Resolution of the European Parliament on the recommendation for a Council Decision concerning exchange rate matters relating to the CFA franc and the Comorian franc (COM(98)0412-C4-0558/98) of 1 December 1998. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-4-1998-0484_EN.html#_part4_def2 (accessed: 25.04.2025).
41. Strange S. State and markets. London: Continuum, 1994. 256 p.
42. Sylla N. S. Fighting monetary colonialism in francophone Africa: Samir Amin's contribution // Review of African Political Economy. 2021. Vol. 48. № 167. P. 32-49. DOI: 10.1080/03056244.2021.1878123. EDN: JWEDEC.
43. Taylor I. France à fric: the CFA zone in Africa and neocolonialism // Third World Quarterly. 2019. № 40(6). P. 1064-1088. DOI: 10.1080/01436597.2019.1585183.
44. Traité instituant la Communauté Économique Européenne et documents annexes, signés le 25 mars 1957. EUR-lex. 2017. 345 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT> (accessed: 29.04.2025).
45. Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities. 29 July 1992. Vol. 35. № C 191. 121 p.
46. Zay E. Histoire monétaire des colonies françaises d'après les documents officiels avec 278 figures par le membre de la Société française de numismatique. Paris: Typographie de J. Montorier, 1892. 380 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является правовая база валютных отношений Франции со странами Западной Африки в рамках зоны франка КФА. Автор анализирует эволюцию этих отношений через призму нормативных документов трех исторических периодов: колониального, постколониального и постбиполярного. Центральное внимание уделяется механизмам функционирования франка КФА как инструмента неоколониальной политики "Франсафрик".

Методология исследования

Исследование основано на комплексном подходе, включающем:

Историко-правовой анализ нормативных актов и международных договоров

Хронологический метод для демонстрации эволюции валютных отношений

Сравнительно-правовой анализ документов различных периодов

Визуализацию правовых конструкций посредством диаграмм Эйлера

Особую ценность представляет создание структурированной базы данных из 32 документов, размещенной на портале Института Африки РАН. Методология является обоснованной и соответствует поставленным задачам исследования.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

Современными дебатами о деколонизации африканских валютных систем

Попытками реформирования зоны франка КФА (Абиджанское соглашение 2019 г.)

Растущей критикой неоколониальных механизмов со стороны африканских государств

Необходимостью правового анализа "последней колониальной валюты" Африки

Тема приобретает особую значимость в контексте текущих геополитических изменений в Западной Африке и выхода ряда стран из ЭКОВАС.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в:

Создании первой комплексной правовой базы документов по валютным отношениям Франции и стран Западной Африки

Систематизации правовых актов трех исторических периодов с их детальным анализом

Применении теории неравноправных договоров к анализу франко-африканских валютных соглашений

Правовой оценке неудавшейся реформы 2019 г. через призму документального анализа

Автор впервые представляет комплексный правовой анализ эволюции зоны франка КФА на основе первичных источников.

Стиль, структура, содержание

Статья характеризуется академическим стилем изложения с корректным использованием правовой терминологии. Структура работы логична и последовательна:

Теоретическое обоснование франка КФА как инструмента "Франсафрик"

Описание структуры базы данных

Анализ документов по периодам

Оценка попытки реформирования

Содержание богато фактическим материалом, включает полезные таблицы и диаграммы. Особенно ценными являются таблицы динамики курса франка КФА и структуры правовой базы.

Незначительные замечания:

Некоторые диаграммы Эйлера могли бы быть более детализированными

Отдельные фрагменты текста чрезмерно насыщены сносками, что затрудняет восприятие

Библиография

Библиографический аппарат является сильной стороной работы. Список литературы насчитывает 46 источников на русском, французском и английском языках, включая:

Классические работы по неокOLONиализму (С. Амин, У. Родни)

Современные исследования по тематике

Первичные правовые источники

Документы международных организаций

Библиография демонстрирует глубокое знание автором как российской, так и зарубежной научной литературы по проблематике.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения на проблему:

Критический подход советской школы неокOLONиализма

Позиция африканских исследователей (Д. Кунку, Н.С. Силла)

Официальная позиция французских и европейских институтов

Современные африканские критики системы

Однако более детальная полемика с апологетами зоны франка КФА могла бы усилить аргументацию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования:

Зона франка КФА представляет собой адаптивный механизм неокOLONиального контроля
Формальные изменения (1973, 1999, 2019 гг.) не затрагивают сущностные основы системы

Абиджанское соглашение 2019 г. носит скорее декларативный характер

Созданная база данных является важным научным ресурсом

Работа представляет интерес для:

Специалистов по международному праву и африканистике

Исследователей неокOLONиализма и валютных систем

Практиков в области международных экономических отношений

Студентов и аспирантов соответствующих специальностей

Общая оценка

Статья представляет собой качественное научное исследование, вносящее значительный вклад в изучение правовых аспектов валютных отношений Франции с африканскими странами. Создание документальной базы данных имеет важное научно-

практическое значение. Работа рекомендуется к публикации с учетом высокого уровня научной проработки и актуальности темы.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Свецкий А.В. Проблемы и перспективы международного и национального правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 110-124. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75010 EDN: NAOWGV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75010

Проблемы и перспективы международного и национального правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта

Свецкий Арсений Владимирович

ORCID: 0000-0002-0678-4841

младший научный сотрудник; сектор экологического, земельного и аграрного права; Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ arseniy1107@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75010

EDN:

NAOWGV

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2025

Дата публикации:

02-07-2025

Аннотация: В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта вопросы в сфере его правового регулирования на национальном и международном уровне приобретают особую актуальность. Статья посвящена анализу современных вызовов и перспектив формирования глобальных правовых стандартов в данной области. Рассматриваются ключевые проблемы, связанные с внедрением искусственного интеллекта, включая вопросы ответственности за действия автономных систем, защиту персональных данных, экологические последствия эксплуатации систем искусственного интеллекта, а также риски распространения дезинформации. Особое внимание уделяется противоречиям между необходимостью обеспечения прозрачности алгоритмов

и защитой интеллектуальной собственности разработчиков таких систем. Кроме того, обозревается этический аспект применения искусственного интеллекта, включая проблему алгоритмической дискриминации и риски применения автоматизированных систем в современных реалиях. В работе проводится анализ текущего состояние международного права в области искусственного интеллекта, включая инициативы таких органов, как ВОИС и ОЭСР, а также представлен сравнительный анализ национальных подходов к регулированию на примере ЕС, Китая и Франции. Подчеркивается значение принятого в 2024 году Европейского регламента об искусственном интеллекте, впервые установившего риск-ориентированную модель регулирования для технологии искусственного интеллекта. В работе сделан вывод, касающийся отсутствия единых международных стандартов, что создает правовые коллизии, особенно в трансграничных аспектах применения искусственного интеллекта. В качестве перспективных направлений развития предлагается: гармонизация законодательства, создание механизмов контроля, адаптация экологического права к современным тенденциям в цифровизации. Помимо названных недостатков в статье отмечаются положительные тенденции в развитии отрасли права в области применения искусственного интеллекта. Внимание акцентируется на важности международного сотрудничества для минимизации технологических и регуляторных разрывов между странами с разным уровнем развития цифровой инфраструктуры. Существующие различия в подходах к регулированию ИИ не должны становиться препятствием в сотрудничестве государств, которые имеют отличающиеся подходы, а, скорее, способствовать обмену опытом в данном вопросе.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, экологическая ситуация, правовое регулирование, национальное право, персональные данные, интеллектуальная собственность, цифровая трансформация, международные организации, экологическое право, информационные технологии

В контексте глобализации и цифровой трансформации общества проблема национального и международного правового регулирования использования абсолютно новых информационных технологий становится все более актуальной. Помимо этого, актуальность выбранной тематики заключается в необходимости учета возникающих рисков в процессе интегрирования систем искусственного интеллекта (далее также – ИИ) в различные сферы деятельности человека. Особенно стоит обратить внимание на внедрение ИИ на объектах критической инфраструктуры, а именно на то, затрагивают ли акты международных организаций и интеграционных объединений названные процессы. В связи с этим целью данной статьи является анализ текущего состояния международного права в области искусственного интеллекта, практика государств в национальном регулировании, выявление основных проблем и перспектив его развития, а также предложение возможных направлений дальнейшей работы в данной области.

Для выявления различных трудностей в правовой части регулирования технологий ИИ следует обратиться к практике тех международных организаций, которые в своей деятельности обращают внимание на данный вопрос в связи с активным использованием ИИ.

Технологии с применением ИИ внедряются во все сферы человеческой жизнедеятельности. Очевидным является наличие различных проблем и рисков, которые возникают при внедрении таких технологий, в том числе и для законодателя. Еще

большее количество проблем возникает, когда уровень внедрения и регулирования находится выше национального, то есть в деятельности участвуют международные организации и представительства различных стран.

Осознание того, что технологии искусственного интеллекта могут быть как полезными, так и вредными для общества, вызывает необходимость разработки системы правил, принципов и нормативных ограничений для создания и использования систем ИИ. Обычно искусственный интеллект используют для сложных математических расчетов и анализа больших объемов данных. В таких случаях интеллектуальная программа не принимает социально значимые решения.

Однако ситуация меняется, когда речь идет о проведении операции роботом-хирургом. С каждым годом растет популярность операций с использованием медицинских роботов. Например, в Москве за последние четыре года провели более 4,5 тысяч таких операций (<https://www.mos.ru/news/item/112032073/> (дата обращения: 31.05.2025)). А в 2022 году в Германии хирурги впервые провели полностью роботизированные операции (<https://www.uni-muenster.de/news/view.php?&cmdid=12768> (дата обращения: 31.05.2025)).

В мировой практике уже известны случаи некорректной работы хирургических роботов. Так, в 2020 году Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США отозвало медицинскую робототехническую систему Da Vinci SP из-за проблем с программным обеспечением (<https://www.accessdata.fda.gov/scripts/cdrh/cfdocs/cfRes/res.cfm?ID=180439> (дата обращения: 31.05.2025)).

Всегда остро стоял вопрос о том, кто будет нести ответственность за действия систем с искусственным интеллектом: разработчик системы, собственник или пользователь.

Для повышения безопасности систем искусственного интеллекта нужно сделать их более открытыми – использовать открытый исходный код (open source) и обеспечить доступность для разных форм контроля. Однако такой подход может негативно повлиять на эффективность, гибкость и скорость внедрения систем с ИИ. Кроме того, возникает угроза нарушения прав интеллектуальной собственности и раскрытия коммерческой тайны, что создает новые проблемы. Наконец, высокие требования к разработчикам и производителям систем с использованием ИИ могут создать трудности для небольших коммерческих компаний.

Все эти факторы значительно замедляют процесс внедрения технологии. Чтобы решить эту проблему, лучше всего повысить прозрачность только тех технологий искусственного интеллекта, от использования которых могут пострадать не только их владельцы, но и пользователи этих инновационных решений.

Кроме того, следует обращать внимание на область применения технологии ИИ, к примеру, в медицине, фармакологии, производстве пищевой продукции, сферах, которые могут негативно повлиять на экологическую ситуацию. Внедрение таких систем следует подвергать проверке с большим количеством этапов и с более строгими требованиями.

Применение технологии искусственного интеллекта в различных областях, как уже говорилось, порождает множество проблем. К ним следует отнести и нарушение неприкосновенности частной жизни, расширение неконкурентных рынков, распространение ложной информации, а также применение ИИ в мошеннических схемах, фишинге и других противоправных действиях в сети «Интернет». Решение вопроса о том,

как ИИ усиливает эти проблемы, начинается с рассмотрения базовых последствий самих цифровых действий.

На протяжении многих лет представители власти не могли решить главную проблему цифровой эпохи: как крупные цифровые компании собирают личные данные, превращают их в свою корпоративную собственность для сохранения рыночной власти и используют это положение на рынке, чтобы контролировать информацию, доступную потребителям.

Одним из основных методов при использовании цифровых технологий является сбор личной информации физических лиц. История онлайн-платформ связана с постоянным увеличением объема собираемых персональных данных для повышения детализации таргетинга, который компании продают рекламодателям. Современный и будущий искусственный интеллект характеризуется непрерывным расширением области сбора и обработки данных.

На данный момент, согласно информации на весну 2023 года, GPT-4 якобы имеет один триллион параметров, что в шесть раз больше, чем у GPT-3. Параметр измеряет объем входных данных для обучения, а увеличение параметров способствует повышению точности работы ИИ. Этот процесс включает сбор огромного количества информации, созданной пользователями онлайн-сервисов, таких как тексты, видео и голосовые записи. Практика вторжения в частную жизнь, которую разрешили использовать таким компаниям-платформерам, как Google, Meta, Microsoft и другим, создала хорошо известные проблемы сегодняшнего дня. В настоящее время, когда те же компании внедряют искусственный интеллект, нерегулируемые практики, связанные с ним, становятся основой для дальнейших вторжений в частную жизнь, таких как видеонаблюдение и прослушивание пользователей при помощи продуктов, поддерживаемых ИИ (<https://www.brookings.edu/articles/the-three-challenges-of-ai-regulation/> (дата обращения: 31.05.2025)).

В эпоху развития искусственного интеллекта возможности использования контроля данных для управления рынками становятся все более широкими. Точность моделей ИИ возрастает по мере увеличения объема данных, на которых они обучаются. Это означает, что компании, обладающие большим объемом данных, получают преимущество в конкурентной борьбе.

В условиях цифровой трансформации данные становятся ключевым ресурсом, который позволяет принимать обоснованные решения и разрабатывать эффективные стратегии. Компании, которые могут использовать большие объемы данных для обучения моделей ИИ, могут создавать более точные прогнозы, оптимизировать процессы и предлагать новые продукты и услуги.

Не случайно компании, занимающие лидирующие позиции в сфере услуг искусственного интеллекта, также получают большую прибыль от сбора и накопления информации о своих пользователях. Каждая компания имеет дополнительное конкурентное преимущество в виде огромной вычислительной мощности, созданной для обеспечения первоначальных услуг. Эта мощность, в свою очередь, служит основой для искусственного интеллекта, который требует большого количества математических операций. Отдельно здесь можно обратить внимание на вопрос влияния ИИ на экологическую ситуацию во всем мире, ведь развитие и эксплуатация ИИ требует значительных энергетических ресурсов, что усиливает нагрузку на экосистемы.

Мировые расходы на информационные технологии в 2024 г. выросли на 8 до \$ 5,26 трлн

(<https://www.interfax.ru/digital/971041> (дата обращения: 31.05.2025)). Ученые прогнозируют, что к концу десятилетия расходы на столь востребованные ИТ-технологии вырастут до \$ 8 трлн. Отмечается, что большая доля этих затрат приходится на центры обработки данных. Учитывая тенденции развития, технологий в целом, а также прогресс генеративного ИИ в частности, очевиден рост затрат на искусственный интеллект [11].

В контексте международного экологического права возникает необходимость модернизации текущего законодательства, которое будет регулировать углеродный след ИИ-инфраструктуры (Big Data и др.). Кроме того, отсутствие четкого правового механизма на глобальном уровне может привести к экологическому демпингу, когда коммерческие организации размещают дата-центры в юрисдикциях с менее строгими экологическими требованиями. Регулирование данного аспекта требует межгосударственной координации, включая пересмотр существующих договоров в области охраны окружающей среды и внедрение новых норм, учитывающих специфику рассматриваемых цифровых технологий [8].

В цифровую эпоху распространение недостоверной информации стало одной из актуальных проблем. Далеко не все платформы, которые стали основными источниками новостей и информации, смогли установить надежные журналистские стандарты.

Использование искусственного интеллекта в обработке данных может привести к созданию алгоритмов, которые будут генерировать или распространять ложную информацию. Это может происходить из-за ошибок в алгоритмах, предвзятости в данных или намеренного использования технологий для манипуляции общественным мнением.

«Мы отличаемся от медиакомпаний, – заявляла Шерил Сэндберг, когда была главным операционным директором Facebook, – по сути, мы технологическая компания, мы нанимаем инженеров. Мы не нанимаем репортеров» (<https://www.businessinsider.com/sheryl-sandberg-dodged-question-on-whether-facebook-is-a-media-company-2017-10> (дата обращения: 31.05.2025)). Также и другие крупные медиа, в том числе Forbes, еще несколько лет назад начали применять алгоритмы для автоматической генерации экономических сводок, результатов спортивных соревнований или прогнозов погоды. Narrative Science разработали алгоритмы, способные генерировать новостные материалы без прямого участия человека [1].

Для решения этой проблемы необходимо разработать новые подходы к управлению данными и их анализу, а также внедрить механизмы контроля за распространением информации. Важно обеспечить прозрачность алгоритмов и процессов обработки данных, чтобы предотвратить распространение дезинформации и защитить интересы пользователей.

При рассмотрении правовых вопросов, связанных с искусственным интеллектом и смежными технологиями, нельзя обойти вниманием проблемы интеллектуальной собственности, которые возникают в этой высокотехнологичной и инновационной области. Обсуждение прав на интеллектуальную собственность в контексте разработки и использования искусственного интеллекта охватывает два ключевых аспекта: права на технологии искусственного интеллекта и права на произведения, «созданные» самим ИИ [6].

Технологии искусственного интеллекта уже давно являются предметом обсуждения как среди профессионалов, так и в сфере интеллектуальных прав. Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) провела несколько крупных дискуссий

по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта. Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) также создала платформу для обсуждения политики в отношении технологий искусственного интеллекта.

Что касается первой организации, это международная организация, занимающаяся администрированием ряда ключевых международных конвенций в области интеллектуальной собственности, таких как Бернская Конвенция об охране литературных и художественных произведений, Парижская Конвенция об охране промышленной собственности. С 1974 года также выполняет функции специализированного учреждения ООН по вопросам творчества и интеллектуальной собственности. Российское Представительство ВОИС было учреждено в Москве в 2014 году.

В феврале 2018 года были обнародованы ответы национальных и региональных организаций, которые ведут деятельность в сфере интеллектуальной собственности.

Согласно этим ответам, по меньшей мере 17 из 35 ведомств начали использовать системы искусственного интеллекта в своей работе [\[5\]](#).

Патентные ведомства применяют искусственный интеллект в нескольких ключевых областях:

- классификация патентной документации;
- предварительная классификация заявок на изобретения и полезные модели для их дальнейшего распределения по отраслевым отделам;
- перевод текстов;
- классификация заявок на товарные знаки и промышленные образцы;
- автоматический поиск по базам данных товарных знаков и промышленных образцов, включая анализ изображений.

В этих сферах возможности искусственного интеллекта используются наиболее полно. Кроме того, патентные ведомства используют искусственный интеллект для патентного поиска, однако пока его возможности в этом направлении сильно ограничены.

Однако вопрос об интеллектуальных правах на искусственный интеллект остается открытым. Сейчас, когда нет специальных правил, статус ИИ в интеллектуальном праве зависит больше от его формы, чем от содержания. Например, система искусственного интеллекта, которая тесно связана с конкретным физическим устройством (например, корпусом робота), и система ИИ, которую можно распространять на разных носителях и использовать на различных вычислительных устройствах подобно традиционной компьютерной программе, будут иметь разный режим правовой защиты.

В научных кругах выдвигается гипотеза о том, что искусственный интеллект может столкнуться с аналогичной правовой ситуацией, что и компьютерные программы. Как отмечает в своей работе Талимончик В.П., несмотря на их колоссальный вклад в научно-технический прогресс и трансформацию общества, компьютерные программы не обладают специальной правовой защитой. Вместо этого они по-прежнему подпадают под авторско-правовой режим, который приравнивает их к литературным произведениям в контексте защиты интеллектуальных прав. Это может привести к ограничениям в развитии и внедрении искусственного интеллекта, если не будут приняты специальные правовые меры для его защиты [\[4\]](#).

Однако искусственный интеллект – это не просто компьютерные программы. Многие ученые разделяют понятие ИИ на сильный и слабый искусственный интеллект. Разделение было введено ещё в 1980-х года философом Джоном Серлом [13]. Под слабым ИИ подразумевался алгоритм, выполняющий конкретные задачи. Сильный ИИ – это ряд програмных решений, способных обучаться самостоятельно, выполнять сложные функции, схожие с когнитивными функциями человека. На сегодняшний день данная технология включает в себя технические решения, предназначенные для улучшения вычислительных и других технических задач с помощью современных методов и алгоритмов. Многие из этих технологий являются объектами патентных прав. По информации Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2019 году было подано около 340 тысяч патентных заявок, связанных с искусственным интеллектом. Более половины из них были опубликованы после 2013 года (https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 27.05.2025)).

Патентование разработок в области искусственного интеллекта становится все более актуальным направлением. Это связано с растущим интересом к инновационным технологиям и их применением в различных сферах деятельности. Патенты на изобретения в сфере искусственного интеллекта могут стать важным инструментом защиты интеллектуальной собственности и стимулирования инноваций. Они позволяют правообладателям получать вознаграждение за свои разработки и предотвращать несанкционированное использование своих технологий конкурентами.

Проблема регулирования искусственного интеллекта существует на разных уровнях, таких как: стадия разработки, внедрения технологии, а также непосредственного использования технических решений. И.В. Понкин и А.И. Редькина в своих работах до 2020 года отмечали отсутствие какой-либо регламентации применения технологии ИИ, а также определяли ИИ, как "сложную кибернетическую систему, сочетающую компьютерное программное и аппаратное обеспечение с когнитивной функциональной архитектурой и достаточной вычислительной мощностью для выполнения необходимых функций" [2]. На сегодняшний момент можно говорить о противоположной ситуации в вопросе регулирования. В апреле 2021 года Еврокомиссия опубликовала первый комплексный документ, регулирующий технологию ИИ.

В разных странах предпринимаются шаги по регулированию искусственного интеллекта (ИИ) в конкретных областях. За последнее десятилетие КНР добилась прогресса в стремлении стать технологической сверхдержавой, постоянно прилагая усилия для становления ведущим государством, в котором развиты разработка, производство и использование систем с применением ИИ. Для этого в КНР было издано множество правовых документов [10].

К примеру, В КНР за 2021 год были приняты и вступили в силу следующие нормативные акты, которые касаются регулирования технологии ИИ:

- Закон КНР о безопасности данных от 10 июня 2021 г., действующий с 1 сентября 2021 г.;
- Закон КНР о защите личной информации от 20 августа 2021 г., действующий с 1 ноября 2021 г.;
- Регламент о защите безопасности критической информационной инфраструктуры от 17 августа 2021 г., действующий с 1 сентября 2021 г. [3].

Отдельно следует отметить Закон КНР о защите персональных данных, который является рамочным законом, определяющим основные принципы, цели, полномочия и ответственность в области защиты личной информации, ценность которой возрастает в эпоху искусственного интеллекта. Однако конкретные частные вопросы данным законом не урегулированы.

Применение закона подробно регулируется государственными органами. Главным регулятором в сфере искусственного интеллекта стало Управление киберпространства Китая (CAC), которое, как правило, публикует подзаконные нормативные акты [\[7\]](#). Одним из таких актов, целью которого является предотвращение монополистического поведения платформ с искусственным интеллектом и защита права пользователей, является Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах сети «Интернет», вступившее в силу 1 марта 2022 г. (<https://goo.su/338U65> (дата обращения: 01.06.2025)).

Рассматривая европейский регион, можно выделить Францию, в которой активно развивается регулирование использования беспилотных транспортных средств. С сентября 2022 года на дорогах общего пользования допускается использование высоко автоматизированных транспортных средств (ВАТС). В правила дорожного движения и Транспортный кодекс Франции внесены соответствующие изменения. Одно из ключевых нововведений заключается в том, что управление может быть передано искусственному интеллекту. Кроме того, если ДТП произошло во время работы машины в автоматическом режиме, то водитель не будет нести уголовную ответственность при условии, что ВАТС использовался правильно [\[9\]](#).

В контексте разделения в регулировании, в зависимости от возникающих рисков, стоит отметить недавний акт Европейского союза – Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Основным нововведением Регламента является классификация систем ИИ в зависимости от риска, которые они несут.

Во-первых, запрещены системы с недопустимым риском, такие как использование подсознательных техник или уязвимостей человека.

Во-вторых, системы с высоким риском, включая те, которые влияют на способность людей зарабатывать на жизнь, связанные с биометрическими данными или объектами критической инфраструктуры, подлежат усиленному регулированию и контролю.

В-третьих, на системы с ограниченным риском распространяются упрощенные обязательства по прозрачности, чтобы конечные пользователи знали, что они взаимодействуют с искусственным интеллектом.

Регламент также содержит меры поддержки инноваций в области искусственного интеллекта, в том числе возможность установления регуляторных «песочниц» и меры по поддержке стартапов и малых компаний.

В итоге, перед законодателями стоит задача одновременно стимулировать развитие цифровых технологий и обеспечивать защиту прав и свобод человека (https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovay_a_ekonomika_/ (дата обращения: 07.06.2025)).

На данный момент правовое регулирование в области искусственного интеллекта активно развивается. Хотя и нельзя отметить единого подхода к определению и

классификации типов ИИ, а также нет общего понимания того, как следует регулировать создание и использование систем. Существует ряд документов, которые регулируют отдельные аспекты. Также следует отметить, что данные документы на международном уровне носят рекомендательный характер.

Проблема международного правового регулирования использования искусственного интеллекта (ИИ) является актуальной и сложной задачей, требующей междисциплинарного подхода. Однако стоит отметить развитие международного права в вопросах регулирования технологий ИИ. В марте 2024 года Европейский парламент большинством голосов одобрил Закон об искусственном интеллекте (AI Act), которому свойственен риск-ориентированный подход. Согласно документу, системы ИИ классифицируются по четырем уровням опасности: неприемлемый риск (например, социальное скоринговое наблюдение), высокий риск (использование в критических сферах, таких как медицина, сельское хозяйство, топливно-энергетический комплекс, а также транспортные связи), ограниченный риск (чат-боты с обязательной маркировкой) и минимальный риск (приложения, не требующие дополнительного регулирования). Принятие данного акта стало важным шагом в формировании глобальных стандартов, однако его реализация потребует гармонизации с нормами других государств, что подчеркивает необходимость дальнейшего развития международно-правовых механизмов в этой сфере.

Изучив различные источники можно выделить следующие основные аспекты изучаемой проблемы. Разнообразие сфер применения ИИ (от медицинской диагностики до автономного транспорта, финансового анализа и промышленного производства) обуславливается необходимостью правового регулирования, учитывающего отраслевую специфику и степень потенциального риска для конкретных задач. Как следствие, возникает потребность в разработке специализированных нормативных актов для каждой предметной области. Подобный подход в национальном регулировании будет соответствовать международной практике риск-ориентированного подхода.

Существуют международные различия в подходах к регулированию ИИ, то есть разные страны могут иметь различные подходы к регулированию искусственного интеллекта, что может привести к конфликтам интересов и правовым коллизиям. Из этого вытекает потребность в международном сотрудничестве. Для решения проблемы международного правового регулирования ИИ необходимо сотрудничество между странами и международными организациями, обмен опытом и проведение дискуссий, касающихся самых острых проблем.

Для эффективного управления развитием робототехники и ИИ некоторые отечественные ученые, такие как Наумов В.Б., предлагают создание национального центра, объединяющего усилия государства, бизнеса и науки, обеспечив при этом координацию и междисциплинарную экспертизу, минимизируя конкуренцию. Такой подход, успешно реализованный в Южной Корее, позволит выбрать единую стратегию и наладить взаимодействие между всеми участниками [\[12\]](#).

Также следует отметить, что трудно предсказать все возможные последствия использования искусственного интеллекта, что усложняет разработку эффективных правовых норм. Кроме того, внедрение ИИ может повлиять на рынок труда, структуру экономики и социальные отношения, что также требует правового регулирования.

Для решения всех перечисленных проблем необходима модернизация международных стандартов и норм исходя из современных вызовов, которые будут учитывать

особенности различных областей применения ИИ и обеспечивать баланс между инновациями и безопасностью. Это потребует совместных усилий представителей из разных государств, а также комплексности подхода в данном вопросе.

Библиография

1. Никишин В.В. Этапы и перспективы развития роботов // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10(78). С. 8. EDN: ZRERTR.
2. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109 EDN: YVXKVA.
3. Кримерс Р., Вебстер Г. Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации. Стэнфордский университет. 2021. 20 августа.
4. Талимончик В. Является ли искусственный интеллект объектом международно-правовой охраны? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 12. С. 17-24. EDN: VCSICO.
5. Горбунов А.В. Искусственный интеллект в работе патентных ведомств // Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях: тезисы докладов участников XXIV Международной конференции Роспатента, Москва, 20-21 октября 2020 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение "Федеральный институт промышленной собственности", 2020. С. 99-104. EDN: GSYDJA.
6. Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 48-63. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_48. EDN: CJMVTD.
7. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 46-73. DOI: 10.21202/jdtl.2024.4. EDN: AWEFAY.
8. Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Зеленая экономика. Глобальное развитие. Москва: Изд-во Проспект, 2016. С. 234. EDN: WCGNPB.
9. Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: специальность 12.00.10. Международное право; Европейское право: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Марченко Анна Юрьевна. Москва, 2022. С. 208. EDN: YNODSA.
10. Карцхия А.А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // Правовая информатика. 2024. № 1. С. 4-19. DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19. EDN: NONHLC.
11. Савенков А.Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 17-43. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-17-43. EDN: QMXTIM.
12. Наумов В.Б. Общие вызовы права и государственного управления в цифровую эпоху // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1(55). С. 43-57. EDN: POJRNG.
13. Серл Дж. Аргумент китайской комнаты. – Энциклопедия когнитивных наук Массачусетского технологического института. – MIT Press, 2001. – С. 115-116.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы и перспективы международного и национального

правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В контексте глобализации и цифровой трансформации общества проблема национального и международного правового регулирования использования абсолютно новых информационных технологий становится все более актуальной. Помимо этого, актуальность выбранной тематики заключается в необходимости учета возникающих рисков в процессе интегрирования систем искусственного интеллекта (далее также – ИИ) в различные сферы деятельности человека. Особенно стоит обратить внимание на внедрение ИИ на объектах критической инфраструктуры, а именно на то, затрагивают ли акты международных организаций и интеграционных объединений названные процессы". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Для повышения безопасности систем искусственного интеллекта нужно сделать их более открытыми – использовать открытый исходный код (open source) и обеспечить доступность для разных форм контроля. Однако такой подход может негативно повлиять на эффективность, гибкость и скорость внедрения систем с ИИ. Кроме того, возникает угроза нарушения прав интеллектуальной собственности и раскрытия коммерческой тайны, что создает новые проблемы. Наконец, высокие требования к разработчикам и производителям систем с использованием ИИ могут создать трудности для небольших коммерческих компаний.

Все эти факторы значительно замедляют процесс внедрения технологии. Чтобы решить эту проблему, лучше всего повысить прозрачность только тех технологий искусственного интеллекта, от использования которых могут пострадать не только их владельцы, но и пользователи этих инновационных решений. Кроме того, следует обращать внимание на область применения технологии ИИ, к примеру, в медицине, фармакологии, производстве пищевой продукции, сферах, которые могут негативно повлиять на экологическую ситуацию. Внедрение таких систем следует подвергать проверке с большим количеством этапов и с более строгими требованиями"; "В цифровую эпоху распространение недостоверной информации стало одной из актуальных проблем. Далеко не все платформы, которые стали основными источниками новостей и информации, смогли установить надежные журналистские стандарты. Использование искусственного интеллекта в обработке данных может привести к созданию алгоритмов, которые будут генерировать или распространять ложную информацию. Это может происходить из-за ошибок в алгоритмах, предвзятости в данных или намеренного использования технологий для манипуляции общественным мнением. ... Для решения этой проблемы необходимо разработать новые подходы к управлению данными и их анализу, а также внедрить механизмы контроля за распространением информации. Важно обеспечить прозрачность алгоритмов и процессов обработки данных, чтобы предотвратить распространение дезинформации и защитить интересы пользователей"; "Для решения всех перечисленных проблем необходима модернизация международных стандартов и норм исходя из современных вызовов, которые будут учитывать особенности различных областей применения ИИ и обеспечивать баланс между инновациями и безопасностью. Это потребует совместных усилий представителей из разных государств, а также комплексности подхода в данном вопросе" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет проблемы международного и национального правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта, предлагает пути их решения и определяет соответствующие перспективы. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков.

Так, автор пишет: "В связи с этим целью данной статьи является анализ текущего состояния международного права в области искусственного интеллекта, практика государств в национальном регулировании, выявление основных проблем и перспектив его развития, а также предложение возможных направлений дальнейшей работы в данной области" - цели исследования смешаны с его задачами.

Ученый отмечает: "Разнообразие областей применения ИИ – искусственный интеллект используется в различных областях, таких как медицина, транспорт, финансы, производство и т. д., что требует разработки специфических правовых норм для каждой из них" - налицо "незаконченность" предложения.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографией, диссертационной работой, научными статьями). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Разнообразие областей применения ИИ – искусственный интеллект используется в различных областях, таких как медицина, транспорт, финансы, производство и т. д., что требует разработки специфических правовых норм для каждой из них. С точки зрения этики использование ИИ может вызывать этические вопросы, связанные с конфиденциальностью данных, предвзятостью алгоритмов, ответственностью за ошибки и т. п. Существуют международные различия в подходах к регулированию ИИ, то есть разные страны могут иметь различные подходы к регулированию искусственного интеллекта, что может привести к конфликтам интересов и правовым коллизиям. Из этого вытекает потребность в международном сотрудничестве. Для решения проблемы международного правового регулирования ИИ необходимо сотрудничество между странами и международными организациями, обмен опытом и проведение дискуссий, касающихся самых острых проблем. Для эффективного управления развитием робототехники и ИИ некоторые отечественные ученые предлагают создание национального центра, объединяющего усилия государства, бизнеса и науки, обеспечив при этом координацию и междисциплинарную экспертизу, минимизируя конкуренцию. Такой подход, успешно реализованный в Южной Корее, позволит выбрать единую стратегию и наладить взаимодействие между всеми участниками [12]. Также следует отметить, что трудно предсказать все возможные последствия использования искусственного интеллекта, что усложняет разработку эффективных правовых норм. Кроме того, внедрение ИИ может повлиять на рынок труда, структуру экономики и социальные отношения, что также требует правового регулирования. Для решения всех перечисленных проблем необходима модернизация международных стандартов и норм исходя из современных вызовов, которые будут учитывать особенности различных областей применения ИИ и обеспечивать баланс между инновациями и безопасностью. Это потребует совместных

усилий представителей из разных государств, а также комплексности подхода в данном вопросе"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, гражданского права, административного права, информационного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Проблемы и перспективы международного и национального правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта. Автором делается попытка анализа некоторых правовых актов в данной сфере, обобщаются некоторые мнения ученых. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения правовых актов и мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «целью данной статьи является анализ текущего состояния международного права в области искусственного интеллекта, практика государств в национальном регулировании, выявление основных проблем и перспектив его развития, а также предложение возможных направлений дальнейшей работы в данной области». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся сравнительно-правовой метод, который позволил сопоставить законодательства разных государств. В частности, выделим следующий вывод автора: «К примеру, В КНР за 2021 год были приняты и вступили в силу следующие нормативные акты, которые касаются регулирования технологии ИИ: Закон КНР о безопасности данных от 10 июня 2021 г., действующий с 1 сентября 2021 г.; Закон КНР о защите личной информации от 20 августа 2021 г., действующий с 1 ноября 2021 г.; Регламент о защите безопасности критической информационной инфраструктуры от 17 августа 2021 г., действующий с 1 сентября 2021 г.».

При этом автором в ряде положений по статье не в полной мере корректно проводится анализ правовых положений, что явилось целью статьи. Например, отмечается, что «В контексте разделения в регулировании, в зависимости от возникающих рисков, стоит отметить недавний акт Европейского союза – Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте». При этом, удивительно, но анализа конкретных положений

указанного правового акта (который, безусловно, важен в контексте цели исследования не приводится). Следует сделать характеристику данного акта, привести и прокомментировать конкретные нормы.

Таким образом, выбранная автором методология не в полной мере адекватна цели исследования, не позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового регулирования технологий с применением искусственного интеллекта сложна и неоднозначна. Сейчас эти технологии активно применяются в самых разных сферах общественной жизни. Однако по поводу их регулирования нет ясности, не известно, как следует развивать международное и национальное законодательство. В этом плане в мире продолжаются дискуссии, известно, что существуют разные подходы. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «В контексте глобализации и цифровой трансформации общества проблема национального и международного правового регулирования использования абсолютно новых информационных технологий становится все более актуальной. Помимо этого, актуальность выбранной тематики заключается в необходимости учета возникающих рисков в процессе интегрирования систем искусственного интеллекта (далее также – ИИ) в различные сферы деятельности человека».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи требует уточнения. Многие выводы автора очевидны или следуют из мнений других ученых. Например, в качестве вывода по статье указано, что «Для решения всех перечисленных проблем необходима модернизация международных стандартов и норм исходя из современных вызовов, которые будут учитывать особенности различных областей применения ИИ и обеспечивать баланс между инновациями и безопасностью. Это потребует совместных усилий представителей из разных государств, а также комплексности подхода в данном вопросе». Сказанное известно всем, кто занимается проблемами права и цифровизации, неоднократно заявлялось на высшем государственном уровне. Автору следует уточнить, в чем новизна его подходов.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки, но только после уточнения научной новизны авторских подходов.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с правовым регулированием цифровых технологий на международном и национальном уровне.

Содержание статьи в целом соответствует названию, так как автор рассмотрел некоторые из заявленных проблем. В целом может быть рекомендовано уточнить предмет (и цель, название) работы, так как искусственный интеллект используется в самых разных сферах (управление, медицина, договорное право, игры, транспорт и многое другое). Сложно было бы рассматривать регулирование всех сфер. Это и стало некоторой проблемой по статье, ведь нельзя точно сказать, каким сферам использования искусственного интеллекта посвящена статья.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Наумов В.Б., Талимончик В., Никишин В.В., Карцхия А.А., Савенков А.Н. и другие). При этом следует сделать, как минимум, два замечания. Во-первых, не изучены наиболее известные и современные работы. Например, недавно вышла монография Ю.С. Харитоновой по искусственному интеллекту. Имеются работы и других авторов. В статье рекомендуется добавить мнения ученых за последние пару лет. Во-вторых, удивительно, но несмотря на сравнительно-правовую направленность статьи, нет ссылок на зарубежную литературу на иностранных языках. Представляется, это важно в контексте поставленной цели статьи.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам может быть решен после расширения библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития законодательства в сфере использования технологий искусственного интеллекта, но только после исправления сделанных в настоящей рецензии замечаний.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Андрианова Н.Г. Подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75882 EDN: ZCBHPX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75882

Подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта

Андрианова Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук

старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса;
Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75882

EDN:

ZCBHPX

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Дата публикации:

22-09-2025

Аннотация: Технология искусственного интеллекта является прогрессивной и прорывной технологией. Зарубежными и отечественными учеными активно исследуются вопросы регулирования использования искусственного интеллекта. Вместе с тем вопросы регулирования искусственного интеллекта на международном уровне до настоящего времени оставались недостаточно исследованными. В статье автором анализируются подходы Организации экономического сотрудничества и развития, Организации Объединенных Наций, Группы Всемирного банка, Содружества Независимых Государств в отношении регулирования искусственного интеллекта. Проанализированы основные документы, разработанные данными международными организациями в сфере регулирования искусственного интеллекта. Проведенный анализ подходов международных организаций к вопросам регулирования искусственного

интеллекта позволил установить, что на международном уровне разрабатываются общие терминологические подходы к пониманию технологии искусственного интеллекта и систем на основе искусственного интеллекта. При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический, сравнительно-правовой). Было установлено, что наряду с установлением терминологических основ, международными организациями разрабатываются правовые и этические принципы регулирования. Вместе с принципами правового регулирования в сфере использования искусственного интеллекта имеет большое значение этическое регулирование, разрабатываемое на национальном уровне при учете общих принципов, сформулированных на международном уровне. Соблюдение оптимального баланса между публичными и частными интересами является основной задачей в создании оптимального правового регулирования технологии искусственного интеллекта как на международном, так и на национальном уровнях. При этом следует отметить, что вопросам распределения ответственности при использовании технологии искусственного интеллекта по-прежнему не уделено достаточного внимания на международном уровне. Предложено на международном уровне создать общий подход к вопросу регулирования обязанностей при использовании искусственного интеллекта и вытекающей из нарушения предусмотренных обязанностей ответственности с пределами ее разграничения между участвующими в процессе функционирования технологии искусственного интеллекта лицами.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, правовое регулирование, публичные интересы, частные интересы, международные организации, цифровые технологии, цифровизация, мягкое право, международное право, право

Постановка проблемы

Технология искусственного интеллекта является прогрессивной и прорывной технологией. В связи с этим зарубежными и отечественными учеными активно исследуются вопросы регулирования использования искусственного интеллекта. Вместе с тем вопросы регулирования искусственного интеллекта на международном уровне до настоящего время оставались недостаточно исследованными. До настоящего времени исследуемые вопросы частично раскрывались в научных статьях И.Р. Бегишева [\[1\]](#), Г.Г. Лянного [\[2\]](#), А.В. Шамраева [\[3\]](#), А.И. Ястребовой [\[4\]](#).

Выбор международных организаций для проведения описанного в данной статье анализа основан на их передовом, лидирующем опыте в части создания подходов к регулированию технологии искусственного интеллекта.

При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический, сравнительно-правовой). В частности, использование методов анализа, индукции и дедукции позволило выявить особенности в подходах к

регулированию искусственного интеллекта в рамках каждой международной организации, сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы и сформировать авторские выводы по результатам проведенного исследования.

Искусственный интеллект — это технология общего назначения, которая может повысить благосостояние населения, способствовать повышению глобальной экономической активности, внедрению инноваций и повышению производительности, а также способствовать поиску эффективных ответов на ключевые глобальные вызовы. Уже не остается сомнений, что данная технология продолжит активное развитие и будет существенно изменять мир вокруг каждого из нас [\[5\]](#), [\[6\]](#), [\[7\]](#). Тем не менее, поскольку технология является довольно новой, то возникают достаточно противоречивые взгляды на позитивные и негативные аспекты данной технологии [\[8\]](#), [\[9\]](#). Проводимые исследования общественного мнения позволяют заключить, что процент доверия к технологии искусственного интеллекта у населения остается на достаточно низком уровне [\[10\]](#). Уже в настоящее время технология искусственного интеллекта используется во многих секторах, начиная от промышленного производства, образования, финансов и транспорта, заканчивая здравоохранением и безопасностью. Помимо преимуществ, появление и развитие технологии искусственного интеллекта также ставит перед обществом и экономикой проблемы, в частности, связанные с экономическими изменениями, потенциальным неравенством, конкуренцией, трансформацией функций на рынке труда и возможными последствиями для прав человека [\[11, с. 51-56\]](#). В связи с этим возникает вопрос: каковы должны быть пределы регулирования этой технологии? С.И. Носов указывает, что в эпоху цифровизации установление каких-либо четких, раз и навсегда данных границ, устанавливающих пределы правового регулирования, неких красных линий, заградительных барьеров не представляется возможным в силу сложности, многомерности, динамизма, а нередко и непредсказуемости общественных процессов [\[12\]](#). А.В. Савина отмечает, что искусственный интеллект может стать надежным инструментом реализации государственных задач, однако законодательство должно содержать четкие правовые рамки, чтобы обеспечить сбалансированные и устойчивые отношения в обществе [\[13\]](#). Представляется, что четкие правовые рамки в данной сфере все-таки необходимы.

Исследование вопросов правового регулирования искусственного интеллекта на национальном уровне позволило исследователям [\[14\]](#), [\[15\]](#), [\[16\]](#) сделать вывод, что в мире можно выделить государства - сторонники «жесткого» (ограничительного) подхода в регулировании искусственного интеллекта, основанного на создании императивных, юридически обязательных норм, разрабатываемых законодателем; «мягкого» регулирования, основанного на создании норм «мягкого права», издаваемых и поощряемых регулятором, но необязательных к применению; гибридного подхода, сочетающего в себе инструменты жесткого регулирования, мягкого регулирования и саморегулирования (стандарты, кодексы поведения, исходящие от участников рынка, созданные без взаимодействия с регулятором). Признается, что европейский подход является наиболее жестким в сравнении с концепциями регулирования искусственного интеллекта в Китае, Канаде и США, поскольку предполагает региональное и преимущественно централизованное регулирование многих аспектов применения искусственного интеллекта, стимулирующий подход свойственен таким государствам, как Великобритания и Сингапур. Сторонники «мягкого» подхода отмечают, что «жесткое» регулирование искусственного интеллекта может служить барьером, значительно тормозящим скорость развития этой технологии. Сторонники «жесткого» регулирования полагают, что «мягкое» регулирование не уберет человечество от рисков, которые

несет с собой развивающийся искусственный интеллект. Рассмотрим существующие подходы к регулированию технологии искусственного интеллекта на международном уровне.

Подход Организации экономического сотрудничества и развития к регулированию искусственного интеллекта

На международном уровне первый межправительственный документ в сфере регулирования искусственного интеллекта был принят на заседании Совета Организации экономического сотрудничества и развития (далее – «Совет ОЭСР») 22 мая 2019 года по предложению Комитета по цифровой политике. Этот документ получил название Рекомендации по искусственному интеллекту (Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, далее – «Рекомендации») [\[17\]](#). Рекомендации направлены на содействие инновациям и укреплению доверия к искусственному интеллекту путем поощрения ответственного управления искусственным интеллектом при обеспечении уважения прав человека и демократических ценностей. 8 ноября 2023 года Совет ОЭСР пересмотрел Рекомендации с целью обновления определения понятия «система искусственного интеллекта», чтобы обеспечить техническую точность Рекомендации и отражение всех последних технологических разработок, в том числе в отношении генеративного искусственного интеллекта.

Специалисты ОЭСР уже с 2016 года проводили мероприятия, направленные на изучение сферы искусственного интеллекта: Форум технологического прогнозирования в области искусственного интеллекта, международную конференцию по искусственному интеллекту «Интеллектуальные машины, умная политика». Кроме того, специалистами ОЭСР была проделана аналитическая работа, в ходе которой был проведен анализ технического ландшафта искусственного интеллекта, составлен обзор экономического и социального воздействия этой технологии и ее применения, определены основные политические соображения и описаны инициативы правительств и иных заинтересованных сторон. Эта работа продемонстрировала необходимость формирования единого подхода к регулированию искусственного интеллекта на международном уровне для укрепления доверия к технологии и обеспечения ее внедрения в обществе. Разработка Рекомендации носила коллективный характер, и на протяжении всего процесса учитывались материалы из широкого круга источников. В мае 2018 года Комитет по цифровой политике принял решение о создании экспертной группы для разработки принципов, способствующих укреплению доверия к технологии искусственного интеллекта и его внедрению, с целью дальнейшей разработки проекта Рекомендации в течение 2019 года. Впоследствии в ОЭСР была создана неофициальная группа экспертов по искусственному интеллекту, в которую вошли более 50 экспертов из различных сфер и секторов экономики [\[18\]](#). В период с сентября 2018 года по февраль 2019 года группа провела четыре встречи. Работа была выполнена благодаря усердию, вовлеченности и существенному вкладу экспертов, участвующих в работе группы, а также их многостороннему и междисциплинарному опыту. На основе итогового документа неофициальной группы Комитетом по цифровой политике и после консультаций с другими соответствующими органами ОЭСР был разработан проект Рекомендации, который был одобрен на специальном заседании 14-15 марта 2019 года. Совет ОЭСР принял Рекомендацию на своем заседании на уровне министров 22-23 мая 2019 года.

Рекомендации фокусируются на вопросах политики, характерных для искусственного интеллекта, и стремятся установить стандарт, который является достаточно реализуемым и гибким, чтобы выдержать испытание временем в быстро развивающейся области.

Рекомендации содержат пять ценностных принципов и пять рекомендаций в отношении национальной политики и международного сотрудничества в сфере искусственного интеллекта. В них предлагается общее понимание ключевых терминов, таких как «система искусственного интеллекта», «жизненный цикл системы искусственного интеллекта» и «субъекты в сфере искусственного интеллекта».

Система искусственного интеллекта — это машинная система, которая на основе получаемых входных данных формирует определенные выводы, такие как прогнозы, рекомендации или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду. Разные системы искусственного интеллекта различаются по уровню автономности и адаптивности.

Жизненный цикл системы искусственного интеллекта включает в себя несколько этапов: планирование и проектирование; сбор и обработку данных; создание модели (моделей) и адаптация существующей модели (моделей) к конкретным задачам; тестирование, оценку, проверку и подтверждение; подготовку для использования; эксплуатацию и контроль; вывод из эксплуатации. Эти фазы часто происходят итеративно и не обязательно являются последовательными. Решение о выводе системы искусственного интеллекта из эксплуатации может быть принято в любой момент на этапе эксплуатации и мониторинга.

Субъекты искусственного интеллекта – это те лица, которые играют активную роль в жизненном цикле системы искусственного интеллекта, в том числе организации и частные лица, которые внедряют или эксплуатируют такие системы.

Знания об искусственном интеллекте – это навыки и ресурсы, необходимые для понимания и участия в жизненном цикле системы искусственного интеллекта, включая вопросы управления рисками.

Заинтересованные стороны включают в себя все организации и отдельных лиц, прямо или косвенно вовлеченные в системы искусственного интеллекта или затронутые ими.

Рекомендации включают в себя два основных раздела:

1) Принципы ответственного управления надежным искусственным интеллектом: в первом разделе изложены пять взаимодополняющих принципов, актуальных для всех заинтересованных сторон:

- i) инклюзивный рост, устойчивое развитие и благосостояние;
- ii) уважение верховенства закона, прав человека и демократических ценностей, включая справедливость и неприкосновенность частной жизни;
- iii) прозрачность и объяснимость;
- iv) надежность, безопасность и защищенность;
- v) подотчетность. В этом разделе также содержится призыв к субъектам искусственного интеллекта продвигать и реализовывать эти принципы в соответствии со своей компетенцией.

2) Национальная политика и международное сотрудничество в интересах надежного искусственного интеллекта: в соответствии с пятью вышеупомянутыми принципами во втором разделе содержатся пять рекомендаций по реализации в национальной политике и международном сотрудничестве для государств-членов и государств, не являющихся

членами Рекомендации, но которые присоединились к ней:

- i) инвестирование в исследования и разработки в сфере искусственного интеллекта;
- ii) содействие созданию инклюзивной экосистемы, способствующей развитию искусственного интеллекта;
- iii) формирование благоприятной функционально совместимой среды управления и политики в области искусственного интеллекта;
- iv) наращивание человеческого потенциала и подготовка к трансформации рынка труда;
- v) международное сотрудничество в области надежного искусственного интеллекта.

Таким образом, в Рекомендациях, предложенных ОЭСР, были сформулированы определения основных понятий в сфере разработки и использования искусственного интеллекта, заложены основные принципы управления технологией искусственного интеллекта, а также предложены основные направления реализации названных принципов в национальной политике и при осуществлении международного сотрудничества.

Подход Организации Объединенных Наций к регулированию искусственного интеллекта

Организацией Объединенных Наций (далее – «ООН») была разработана дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству [\[19\]](#). Она включила в себя пять наборов рекомендаций относительно того, каким образом международное сообщество могло бы принять совместные меры в целях оптимизации использования цифровых технологий и снижения связанных с их использованием рисков. Основные направления предложенных рекомендаций включают в себя:

- 1) построение инклюзивной цифровой экономики и общества, в рамках которой поставлены задачи: обеспечения всеобщего подключения к Интернету; создания цифровых общественных благ; обеспечения всеобщего охвата цифровыми технологиями;
- 2) укрепление человеческого и институционального потенциала, в рамках которой поставлена задача наращивания потенциала в области цифровых технологий;
- 3) защита прав человека и их способности активно воздействовать на мир, в рамках которой обозначены инициативы трансформации прав человека в цифровом пространстве; вопросы защиты и обеспечения конфиденциальности данных; исследованы вопросы цифровой идентификации личности, включая разного рода технологии наблюдения, использующие системы распознавания лиц; необходимость управления контентом в онлайн пространстве; использование искусственного интеллекта;
- 4) содействие укреплению доверия, безопасности и стабильности в цифровом пространстве, в рамках которой обозначены инициативы трансформации подходов к доверию и безопасности в цифровом пространстве;
- 5) содействие глобальному цифровому сотрудничеству, в рамках которого описывается формат глобального цифрового сотрудничества.

Искусственному интеллекту в этом документе посвящена рекомендация 3С, включенная в раздел 3 «Защита прав человека и их способности активно воздействовать на мир».

Экспертами ООН отмечается, что в настоящее время искусственный интеллект уже применяется в различных сферах, а пандемия стала толчком для появления новых возможностей для автоматизации на основе искусственного интеллекта в промышленности, бизнесе и обществе. Тем не менее, искусственный интеллект может также существенно подорвать безопасность пользователей по всему миру и их способность самостоятельно воздействовать на окружающую действительность. Хотя интерес к искусственному интеллекту крайне высок, существуют пробелы в вопросах международной координации, сотрудничества и управления. Несмотря на то, что в последние годы было предпринято большое число инициатив в области искусственного интеллекта, следующие три проблемы остаются нерешенными:

а) недостаточная степень представленности развивающихся стран и инклюзии в глобальных дискуссиях. Развивающиеся страны в основном не представлены или недостаточно представлены в рамках большинства ведущих форумов по искусственному интеллекту несмотря на то, что использование искусственного интеллекта в значительной степени способствовало бы их экономическому и социальному развитию;

б) нынешним инициативам в области искусственного интеллекта не хватает общей координации, которая сделала бы их легкодоступными для других стран. Указывается, что во всем мире насчитывается уже достаточно большое количество сводов этических принципов и принципов управления в области искусственного интеллекта, принятых конкретными организациями, странами или согласованных на международном уровне. Однако общей платформы для объединения этих отдельных инициатив не существует;

в) в государственном секторе различных стран существует потребность в дополнительном потенциале и специалистах, для того чтобы осваивать технологии искусственного интеллекта конструктивным образом и обеспечить национальный надзор или управление при использовании таких технологий. В этой связи было бы полезно улучшить наше понимание того, как технологии искусственного интеллекта могут быть наилучшим образом задействованы для поддержки достижения целей в области устойчивого развития. В отсутствие более широких и систематических попыток в полной мере раскрыть потенциал искусственного интеллекта и уменьшить связанные с ним риски, возможности использовать эту технологию в интересах общественного блага остаются незадействованными. Кроме того, отдельно отмечается, что технологические новшества в сфере искусственного интеллекта, такие как программное обеспечение для распознавания лиц и цифровая идентификация личности, не должны использоваться для подрыва прав человека, углубления неравенства или обострения существующей дискриминации.

Таким образом, ООН указывает, что искусственный интеллект позволяет его пользователям получать существенные преимущества в цифровую эпоху, однако эта технология таит в себе и ряд рисков, особенно связанных с возможностью оказания влияния на безопасность и свободу действий пользователей. В связи с этим отмечается, что необходимо развитие глобального сотрудничества в сфере искусственного интеллекта, что позволит создать общий вектор для разработки и использования искусственного интеллекта таким образом, чтобы он был надежным, имел права человека за основу, был безопасным и устойчивым, а также способствовал укреплению мира и безопасности.

Подход Группы Всемирного банка к регулированию искусственного интеллекта

Группа Всемирного банка в 2022 году начала разработку инструментов и руководящих

указаний, необходимых для оказания поддержки в обеспечении адекватного устранения рисков, связанных с технологией искусственного интеллекта, в проектах, финансируемых Всемирным банком [\[20\]](#). В основу были положены принципы обеспечения прав человека, защиты данных. Разрабатываемые Группой Всемирного банка инструменты призваны помочь:

- (i) определить, когда элементы искусственного интеллекта, связанные с финансируемыми проектами, могут повлиять на права человека;
- (ii) применять в таких операциях надлежащие и соразмерные элементы «алгоритмической подотчетности», обеспечивающие защиту прав.

Особое значение имеет исследование и преодоление барьеров между теоретическими аспектами защиты прав человека и практическими подходами в части применения технологии искусственного интеллекта в связи с инициативами в таких секторах, как здравоохранение и системы социальной защиты. Основная цель проекта - обеспечение надежного и ответственного использования технологии искусственного интеллекта для достижения целей Всемирного банка по обеспечению устойчивого, жизнестойкого и инклюзивного развития, но это позволяет также осуществлять информирование других партнеров, организаций и заинтересованных сторон в области развития технологии. Кроме того, Группой Всемирного банка был подготовлен обзор национальных стратегий и политики в области искусственного интеллекта [\[21\]](#). В докладе исследуются подходы к технологии искусственного интеллекта в 11 странах, находящихся на разных этапах цифровой зрелости и экономического развития, сопоставляются инициативы с различными политическими сферами, определяются инструменты, которые необходимы для реализации стратегии развития искусственного интеллекта.

Таким образом, в фокусе внимания Группы Всемирного банка оказались вопросы обеспечения прав человека при использовании технологии искусственного интеллекта, предложены надлежащие и соразмерные элементы «алгоритмической подотчетности», обеспечивающие защиту прав. Кроме того, данной международной организацией было проведено исследование подходов к технологии искусственного интеллекта в ряде государств, определены инструменты для реализации стратегии развития искусственного интеллекта.

Подход Содружества Независимых Государств к регулированию искусственного интеллекта

Начиная с 2021 года в Содружестве Независимых Государств (далее – «СНГ») проходит работа по созданию единого подхода к внедрению и использованию технологии искусственного интеллекта [\[22\]](#). Данной организацией были разработаны и утверждены Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включающие этические стандарты для исследований и разработок (далее – «Рекомендации») [Постановление № 55-23 Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ «О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» (Принято в г. Санкт-Петербурге 14.04.2023) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (часть 3)].

Целью разработки Рекомендаций стало определение единых основ формирования системы правовых и этических норм, призванных стимулировать разработку и

применение систем искусственного интеллекта в различных отраслях экономики государств - участников СНГ с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства.

В Рекомендациях были предложены определения таких ключевых терминов, как «искусственный интеллект» и «система искусственного интеллекта»:

- 1) искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека;
- 2) система искусственного интеллекта - множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, которая содержит искусственный интеллект.

В Рекомендациях были предложены правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта.

К правовым принципам регулирования отнесены:

- 1) защита прав граждан – при разработке, обучении и внедрении систем искусственного интеллекта необходимо соблюдать права и свободы граждан, включая право на защиту персональных данных, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну;
- 2) минимизация рисков - лицам, участвующим в разработке, внедрении и использовании систем искусственного интеллекта, следует принимать меры, направленные на минимизацию рисков нарушения прав и свобод граждан, а также рисков для безопасности общества и государства;
- 3) открытость для технологического развития - следует создавать необходимые условия для развития отрасли искусственного интеллекта с учетом актуальных потребностей индустрии;
- 4) риск-ориентированный подход - при регулировании искусственного интеллекта не следует создавать необоснованные регуляторные барьеры для технологического развития;
- 5) профессиональная оценка - следует привлекать профильных специалистов по конкретному вопросу в сфере искусственного интеллекта для оценки потенциальных рисков, возникающих при использовании систем искусственного интеллекта;
- 6) баланс интересов - при разработке и принятии нормативных правовых актов следует соблюдать баланс интересов между технологическим развитием и защитой прав граждан, общества и государства. Государствам - участникам СНГ рекомендуется предусмотреть механизмы и процедуры, направленные на принятие сбалансированных решений при возникновении противоречий;
- 7) технологический суверенитет - государственную политику государств - участников СНГ в сфере искусственного интеллекта рекомендуется направить на развитие информационных технологий и обеспечение необходимого уровня технологического суверенитета на пространстве СНГ;
- 8) исключительность военной сферы - по вопросам применения систем искусственного

интеллекта и кооперации в военной сфере рекомендуется разрабатывать специальное регулирование, направленное на обеспечение безопасности и защиту государственных интересов;

9) поддержка конкуренции - рекомендуется обеспечить равные для всех субъектов предпринимательской деятельности экономические возможности по коммерциализации использования систем искусственного интеллекта;

10) расширение сферы саморегулирования - рекомендуется стимулировать применение добровольных стандартов и иных форм «мягкого права» по тем вопросам, которые не создают рисков или создают минимальные риски для прав и свобод граждан, интересов общества и государства;

11) гармонизация законодательства - государствам - участникам СНГ следует координировать развитие правового регулирования сферы искусственного интеллекта на основе единых подходов по ключевым вопросам для формирования единого рынка искусственного интеллекта.

К этическим принципам регулирования отнесены:

1) приоритет благополучия и безопасности человека, защиты его основополагающих прав и свобод;

2) запрет на причинение вреда человеку в результате работы систем искусственного интеллекта;

3) подконтрольность человеку в той мере, в которой это технически возможно;

4) проектируемое соответствие закону, в частности требованиям безопасности;

5) объяснимость функционирования систем искусственного интеллекта, включая критерии для принятия автоматизированных решений;

6) определение лиц, ответственных за действия конкретных систем искусственного интеллекта;

7) недопущение манипуляции поведением человека для противоправных целей;

8) недопущение дискриминации граждан при использовании систем искусственного интеллекта для противоправных целей.

Таким образом, на уровне СНГ сформулированы ключевые определения терминов, предложены правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта. Для обеспечения единого подхода к регулированию систем искусственного интеллекта на уровне государств – членов СНГ рекомендовано разработать единую терминологическую базу, обеспечить необходимый уровень безопасности систем искусственного интеллекта, проработать меры, направленные на повышение доверия к системам искусственного интеллекта, обеспечить доступ к данным для обучения и использования систем искусственного интеллекта, разработать регулирование, способствующее внедрению и использованию систем искусственного интеллекта.

Полученные в ходе исследования выводы

Проведенный анализ подходов международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта позволил установить, что на международном уровне разрабатываются общие терминологические подходы к пониманию технологии

искусственного интеллекта и систем на основе искусственного интеллекта. Единый терминологический подход позволит придерживаться общего подхода к регулированию названной технологии. Наряду с установлением терминологических основ, международными организациями разрабатываются правовые и этические принципы регулирования. Важность вопроса этического регулирования отмечают некоторые исследователи [\[23\]](#), так как этические принципы хоть и имеют рекомендательное значение, но, тем не менее, являются важной составляющей регулирования технологии искусственного интеллекта. Способом обеспечения исполнения этического регулирования выступают совесть, общественная оценка, осуждение - в отличие от мер государственного принуждения при правовом регулировании. Кроме того, в системе регулирования общественных отношений этика выполняет одновременно несколько крайне важных функций, являясь: базисом для разработки нормативной правовой базы и норм «мягкого» права, а также самостоятельным регулятором общественных отношений в тех областях, в которых вмешательство правовых регуляторов избыточно, например по причине незначительности рисков, либо недопустимо по причине внедрения в ту область личного; временным регулятором поведения людей в обществе для случаев, когда законодательное регулирование не успевает за социальными изменениями, в том числе вследствие технологического развития [\[24\]](#).

Таким образом, следует заключить, что наряду с принципами правового регулирования в сфере использования искусственного интеллекта имеет большое значение этическое регулирование, разрабатываемое на национальном уровне при учете общих принципов, сформулированных на международном уровне. Соблюдение оптимального баланса между публичными и частными интересами является основной задачей в создании оптимального правового регулирования технологии искусственного интеллекта как на международном, так и на национальном уровнях. При этом следует отметить, что вопросам распределения ответственности при использовании технологии искусственного интеллекта по-прежнему не уделено достаточного внимания на международном уровне. Представляется необходимым на международном уровне создать общий подход к вопросу регулирования обязанностей при использовании искусственного интеллекта и вытекающей из нарушения предусмотренных обязанностей ответственности с пределами ее разграничения между участвующими в процессе функционирования технологии искусственного интеллекта лицами.

Библиография

1. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. N 1. С. 37-40. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-37-40 EDN: YWSPLF.
2. Лянной Г.Г. Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2024. N 3. С. 336-352. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352 EDN: KODSGK.
3. Шамраев А.В. Международные подходы к регулированию виртуальных банков, систем алгоритмической торговли и искусственного интеллекта при совершении финансовых сделок // Банковское право. 2020. N 6. С. 58-72. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-6-58-72 EDN: EVBFMF.
4. Власова В.Ю., Ястребова А.И. Международно-правовые основы понятий "искусственный интеллект" и "нейросеть" // Современное право. 2024. N 6. С. 86-93. EDN: HKMSHY.
5. West D.M., Allen J.R. How artificial intelligence is transforming the world // URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-artificial-intelligence-is-transforming-the-world/>.

6. Tai M.C. (2020). The impact of artificial intelligence on human society and bioethics // Tzu Chi Med J. 32(4), 339-343. DOI: 10.4103/tcmj.tcmj_71_20 EDN: QMNOCS.
7. Adib B.R., Ashfakul K.K. (2024). AI revolutionizing industries worldwide: A comprehensive overview of its diverse applications // Hybrid Advances, Volume 7.
8. AI-The good, the bad, and the scary // URL: <https://eng.vt.edu/magazine/stories/fall-2023/ai.html>.
9. Hirsch-Kreinsen H. (2024). Artificial intelligence: a "promising technology" // AI & Soc. 39, 1641–1652.
10. In AI We Do Not Trust: Survey // URL: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2023/06/05/in-ai-we-do-not-trust-survey/?sh=2ee76a171794>.
11. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. EDN: DFEHIA.
12. Носов С.И. Изменение пределов и предмета правового регулирования в эпоху цифровизации // Юрист. 2021. N 12. С. 63-69.
13. Савина А.В. Особенности и пределы правового регулирования искусственного интеллекта в финансово-правовой сфере // Финансовое право. 2025. N 4. С. 9-12. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-4-9-12 EDN: CHGYHE.
14. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов (одобрены Советом директоров Банка России) // URL: <https://www.cbr.ru/>.
15. Томашевский К.Л. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта при трудовом найме (анализ Регламента Европейского союза 2024/1689) // Хозяйство и право. 2025. N 7. С. 85-97. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-7-85-97 EDN: EIZGUQ.
16. Рыбакова С.В. Платформенная экосистема как финансово-правовой феномен // Российский юридический журнал. 2024. N 1. С. 133-140. DOI: 10.34076/20713797_2024_1_133 EDN: JLOAIT.
17. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.
18. Membership list // URL: <http://www.oecd.org/going-digital/ai/oecd-aigo-membership-list.pdf>.
19. United Nations Secretary-General's Roadmap for digital cooperation // URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/>.
20. Tools for Identifying the Human Rights Impact and Algorithmic Accountability of Artificial Intelligence in World Bank Operations // URL: <https://globalpolicy.ai/en/wbg/>.
21. Harnessing Artificial Intelligence for Development on the Post-COVID-19 Era: A Review of National AI Strategies and Policies // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/54526b85-6e91-58f4-ac27-fe9cbbc6bdbb>.
22. В странах СНГ разрабатывают единые правила для искусственного интеллекта // URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-stranakh-sng-razrabatyvayut-edinye-pravila-dlya-iskusstvennogo-intellekta.html>.
23. Попова А.В. Мягкое право как структурная часть отрасли российского законодательства в сфере правовой регламентации искусственного интеллекта // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021.
24. Ибрагимов Р.С., Сурагина Е.Д., Чурилова Д.Ю. Этика и регулирование искусственного интеллекта // Закон. 2021. N 8. С. 85-95. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-8-85-95 EDN: UHZTMZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический, сравнительно-правовой)".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Технология искусственного интеллекта является прогрессивной и прорывной технологией. В связи этим, зарубежными и отечественными учеными активно исследуются вопросы регулирования использования искусственного интеллекта. Вместе с тем вопросы регулирования искусственного интеллекта на международном уровне до настоящего время оставались недостаточно исследованными". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, в Рекомендациях, предложенных ОЭСР, были сформулированы определения основных понятий в сфере разработки и использования искусственного интеллекта, заложены основные принципы управления технологией искусственного интеллекта, а также предложены основные направления реализации названных принципов в национальной политике и при осуществлении международного сотрудничества"; "Таким образом, ООН указывает, что искусственный интеллект позволяет его пользователям получать существенные преимущества в цифровую эпоху, однако эта технология таит в себе и ряд рисков, особенно связанных с возможностью оказания влияния на безопасность и свободу действий пользователей. В связи с этим отмечается, что необходимо развитие глобального сотрудничества в сфере искусственного интеллекта, что позволит создать общий вектор для разработки и использования искусственного интеллекта таким образом, чтобы он был надежным, имел права человека за основу, был безопасным и устойчивым, а также способствовал укреплению мира и безопасности"; "Таким образом, в фокусе внимания Группы Всемирного банка оказались вопросы обеспечения прав человека при использовании технологии искусственного интеллекта, предложены надлежащие и соразмерные элементы «алгоритмической подотчетности», обеспечивающие защиту прав. Кроме того, данной международной организацией было проведено исследование подходов к технологии искусственного интеллекта в ряде государств, определены инструменты для реализации стратегии развития искусственного интеллекта"; "Таким образом, на уровне СНГ сформулированы ключевые определения терминов, предложены правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта. Для обеспечения единого подхода к регулированию систем искусственного интеллекта на уровне государств – членов СНГ рекомендовано разработать единую терминологическую базу, обеспечить необходимый уровень безопасности систем искусственного интеллекта, проработать меры, направленные на повышение доверия к системам искусственного интеллекта, обеспечить доступ к данным для обучения и использования систем искусственного интеллекта, разработать регулирование,

способствующее внедрению и использованию систем искусственного интеллекта" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "Подход Организации экономического сотрудничества и развития к регулированию искусственного интеллекта"; "Подход Организации Объединенных Наций к регулированию искусственного интеллекта"; "Подход Группы Всемирного банка к регулированию искусственного интеллекта"; "Подход Содружества Независимых Государств к регулированию искусственного интеллекта". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В связи этим, зарубежными и отечественными учеными активно исследуются вопросы регулирования использования искусственного интеллекта" - "В связи С этим зарубежными и отечественными учеными активно исследуются вопросы регулирования использования искусственного интеллекта" (см. на пропущенный предлог; запятая является лишней).

Ученый отмечает: "Рекомендации фокусируются на вопросах политики, характерных для искусственного интеллекта, и стремится установить стандарт, который является достаточно реализуемым и гибким, чтобы выдержать испытание временем в быстро развивающейся области" - "стремятся" (опечатка).

Автор указывает: "Важность вопроса этического регулирования отмечают некоторые исследователи [15], так как этические принципы хоть имеют и рекомендательное значение, но, тем не менее, являются важной составляющей регулирования технологии искусственного интеллекта" - "Важность вопроса этического регулирования отмечают некоторые исследователи [15], так как этические принципы хоть и имеют рекомендательное значение, но, тем не менее, являются важной составляющей регулирования технологии искусственного интеллекта" (см. на порядок слов).

Ученый отмечает: "Способом обеспечения исполнения этического регулирования выступают совесть, общественная оценка, осуждение, в отличие от мер государственного принуждения при правовом регулировании" - "Способом обеспечения исполнения этического регулирования выступают совесть, общественная оценка, осуждение — в отличие от мер государственного принуждения при правовом регулировании" (см. на орфографию и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 16 источниками (научными статьями, аналитическими материалами, международными документами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. И. Носов), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенный анализ подходов международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта позволил установить, что на международном уровне разрабатываются общие терминологические подходы к пониманию технологии искусственного интеллекта и

систем на основе искусственного интеллекта. Единый терминологический подход позволит придерживаться общего подхода к регулированию названной технологии. Наряду с установлением терминологических основ, международными организациями разрабатываются правовые и этические принципы регулирования. Важность вопроса этического регулирования отмечают некоторые исследователи [15], так как этические принципы хоть имеют и рекомендательное значение, но, тем не менее, являются важной составляющей регулирования технологии искусственного интеллекта. Способом обеспечения исполнения этического регулирования выступают совесть, общественная оценка, осуждение, в отличие от мер государственного принуждения при правовом регулировании. Кроме того, в системе регулирования общественных отношений этика выполняет одновременно несколько крайне важных функций, являясь: базисом для разработки нормативной правовой базы и норм «мягкого» права, а также самостоятельным регулятором общественных отношений в тех областях, в которых вмешательство правовых регуляторов избыточно, например по причине незначительности рисков, либо недопустимо по причине внедрения в ту область личного; временным регулятором поведения людей в обществе для случаев, когда законодательное регулирование не успевает за социальными изменениями, в том числе вследствие технологического развития [16]. Таким образом, следует заключить, что наряду с принципами правового регулирования в сфере использования искусственного интеллекта имеет большое значение этическое регулирование, разрабатываемое на национальном уровне при учете общих принципов, сформулированных на международном уровне. Соблюдение оптимального баланса между публичными и частными интересами является основной задачей в создании оптимального правового регулирования технологии искусственного интеллекта как на международном, так и на национальном уровнях. При этом следует отметить, что вопросам распределения ответственности при использовании технологии искусственного интеллекта по-прежнему не уделено достаточного внимания на международном уровне. Представляется необходимым на международном уровне создать общий подход к вопросу регулирования обязанностей при использовании искусственного интеллекта и вытекающей из нарушения предусмотренных обязанностей ответственности с пределами ее разграничения между участвующими в процессе функционирования технологии искусственного интеллекта лицами"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, информационного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта» для опубликования в журнале «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Предметом исследования является анализ и систематизация подходов ключевых международных организаций (ОЭСР, ООН, Группа Всемирного банка, СНГ) к формированию принципов и рамок регулирования

искусственного интеллекта. Выбор объектов анализа релевантен теме исследования и охватывает как глобальные, так и региональные структуры, что позволяет получить комплексное представление о развитии «мягкого права» в данной сфере. Автор заявляет использование широкого спектра общенаучных (диалектический, системный, анализ, синтез) и специальных юридических (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Однако в тексте статьи применение заявленных методов эксплицитно не раскрыто. Фактически, работа построена на анализе и компаративном описании ключевых документов (рекомендаций, дорожных карт) международных организаций. Не хватает глубины анализа, отсутствует пояснения произведенной выборки организации. Методологический раздел требует более четкой увязки с фактическим содержанием работы. Актуальность темы не вызывает сомнений. Регулирование ИИ является одним из наиболее динамично развивающихся направлений международного права и политики. Работа выполнена на пике дискуссий: в 2023-2024 гг. были обновлены Рекомендации ОЭСР, активно развивается регулирование в рамках ЕС (ИИ Акт), UNESCO. Статья вносит вклад в осмысление этого процесса. Новизна заключается в попытке комплексного сравнительного анализа подходов четырех разноуровневых международных организаций в рамках одной работы. Автор справедливо указывает на недостаточную изученность международного уровня регулирования. Однако новизна несколько снижается тем, что каждый из этих подходов по отдельности уже становился предметом научного анализа, о чем свидетельствует библиография. Новизна могла бы быть усилена за счет выявления и анализа коллизий или, наоборот, точек соприкосновения между этими подходами. Стиль, структура и содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Стиль изложения соответствует научной статье. Структура логичная, в статье присутствует постановка проблемы, последовательный анализ подходов, выводы. Содержательно статья сильна в описательной части содержания ключевых документов. Однако ей не хватает критического осмысления, оценки эффективности предлагаемых моделей, выявления пробелов. Например, констатации отсутствия единого обязательного международно-правового инструмента недостаточно; требуется анализ причин такой ситуации и перспектив ее преодоления. Список литературы обширный и сочетает актуальные российские публикации (2023-2024 гг., с EDN и DOI) и международные источники. Однако присутствуют и недочеты. Источники под номерами 5, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18 являются не академическими публикациями, а интернет-ресурсами (URL). Их наличие оправдано для ссылок на первичные документы организаций (например, Рекомендации ОЭСР), но не для замены научных аналитических работ. Для усиления работы рекомендуется дополнение библиографии фундаментальными зарубежными исследованиями по теме исследования. Апелляция к оппонентам в статье слабая. Автор корректно ссылается на существующие точки зрения (Носов С.И. о невозможности установления четких границ, Савина А.В. о необходимости правовых рамок), занимая сторону последней. Однако нет дискуссии с критиками жесткого регулирования ИИ, которые опасаются его тормозящего эффекта на инновации. Учет этих позиций обогатил бы анализ. Выводы носят обобщающий характер и логически вытекают из текста статьи. Они подчеркивают важность терминологической унификации, сочетания правовых и этических норм, а также указывают на ключевую нерешенную проблему – распределение ответственности. Выводы будут интересны исследователям международного права, права IT и всем, кто интересуется формированием глобального правового порядка в цифровую эпоху. Таким образом, статья представляет собой своевременное и в целом качественное исследование. Ее основная ценность – в систематизированном представлении и компаративном анализе ключевых международных инициатив в области регулирования ИИ. При этом для однозначной

рекомендации к опубликованию статьи требуется устранение следующих замечаний. Во-первых, требуется углубление аналитической составляющей в части пояснений эффективности, противоречий и пробелов в описываемых подходах. Во-вторых, необходимо уточнить и детализировать, как именно применялись заявленные методы в тексте работы. В-третьих, необходимо заменить часть веб-ссылок на авторитетные академические источники. В-четвертых, текст требует незначительной стилистической и редакторской правки. Например, «такие же должны быть пределы регулирования» можно заменить на «каковы должны быть пределы регулирования»; «в отличии» на «в отличие». Статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Составляет регулирование (в том числе нормативное, директивное) вопросов применения технологий искусственного интеллекта в деятельности отдельных международных организаций (ОЭСР, ООН, Всемирного банка, СНГ). При постановке проблемы в статье указывается, что выбор указанных международных организаций обусловлен их передовым, лидирующим опытом к регулированию технологий искусственного интеллекта. Представляется, что это не совсем так. В аспекте предмета исследования также интересен опыт таких международных организаций, как Совет Европы, БРИКС, ВОИС, даже если ими еще не выработаны нормативные и директивные документы в изучаемой области.

Методология исследования. Предусматривает использование при проведении исследования четырнадцати заявленных в статье научных методов. Применение четырех из указанных методов раскрыто автором. Не совсем ясно как применялись при исследовании иные десять методов, и, в частности, метод наблюдения, формально-юридический метод и иные.

Актуальность. Не вызывает сомнения. Технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день применяются в различных сферах общественных отношений: науке, экономике, социальной сфере, образовании и др. Это связано с тем, что искусственный интеллект играет все более значимую роль в различных областях жизнедеятельности, а научные исследования помогают раскрыть его высокий потенциал и преодолеть существующие ограничения. Необходим поиск баланса применения указанных технологий и закрепление его на нормативном уровне, в том числе в рамках функционирования отдельных международных организаций.

Тем не менее национальное законодательство отдельно взятого государства может предусматривать самостоятельный подход к указанной проблеме.

Научная новизна. Определяется рассмотрением тематики не получившей достаточного освещения в научной литературе. Автор анализирует содержание нормативных и директивных документов разработанных и принятых рядом международных организаций по вопросам использования технологий искусственного интеллекта (ОЭСР, ООН, Всемирного банка, СНГ). Тем не менее, в большинстве случаев автор не проводит глубокого сравнительного анализа изучаемых документов, ограничиваясь лишь изложением их содержания. Критериям научной новизны исследования соответствует раздел научной статьи именуемый «полученные

в ходе исследования выводы». Здесь заслуживает внимания вывод автора о наметившейся в последнее время выработке единого терминологического подхода к регулированию использования и применения технологий искусственного интеллекта.

Тем не менее, в статье автор ничего не говорит о разработке международных стандартов в области искусственного интеллекта в рамках международного подкомитета ISO/IEC JTC 1 SC 42 «Искусственный интеллект» объединенного технического комитета ISO/IEC JTC 1 «Информационные технологии» в рамках деятельности Международной организацией по стандартизации (ISO) и Международной электротехнической комиссией (IEC). Между тем выработка единых глобальных стандартов и подходов к технологиям искусственного интеллекта на сегодняшний день жизненно необходима. В рамках статьи рассмотрен не весь положительный опыт международных организаций в вопросах регулирования технологий искусственного интеллекта. Здесь, например необходимо упомянуть Декларацию о глобальном управлении искусственным интеллектом, принятую на XVII саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро (6–7 июля 2025 года). Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье не всегда научный, а в отдельных фрагментах носит повествовательный характер больше напоминающий учебник или иные виды учебных изданий. Структура статьи предусматривает наличие обязательных элементов: «постановка проблемы» и «полученные в ходе исследования выводы». Основной раздел статьи включает анализ подхода четырех международных организаций к регулированию использования технологий искусственного интеллекта. В данном аспекте структура и содержание статьи представляются логичными.

Библиография. Включает 24 источника, изданные за последние пять лет. Некоторые из приведенных источников индексируются в ядре РИНЦ и международных базах цитирований. В целом соответствует необходимым требованиям.

Апелляция к оппонентам. В статье не приводится. Автор не анализирует подходы ученых к тем или иным вопросам регламентации использования технологий искусственного интеллекта в рамках международных организаций, не высказывает собственную позицию по данному вопросу, не смотря на достаточно «солидный» перечень научных источников, приведенных в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Международное право и международные организации», однако автору необходимо при дальнейшей научной проработке указанной тематики учесть пожелания рецензента по отдельным направлениям. Интерес читательской аудитории к заявленной в статье теме представляется весьма высоким.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Влияние процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правовых порядках // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 143-164. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.74361 EDN: KVCTDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74361

Влияние процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правовых порядках

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.74361

EDN:

KVCTDW

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Современные процессы трансформации конституционализма оказывают значительное влияние на динамику имплементации норм международного гуманитарного права (МГП) в национальные правовые порядки. В условиях глобализации, эрозии традиционных представлений о государственном суверенитете и растущего взаимодействия между международным и внутренним правом наблюдаются новые формы адаптации гуманитарных норм. Трансформация конституционного строя порождает как дополнительные гарантии соблюдения МГП, так и риски ослабления его положений в периоды конституционных реформ или политической нестабильности. Предметом настоящего исследования являются процессы взаимодействия норм международного

гуманитарного права и трансформирующихся конституционных систем современных государств. Конституционализм, традиционно воспринимавшийся как выражение стабильности государственности и правового порядка, в настоящее время претерпевает существенные преобразования, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Эти изменения затрагивают не только структуру и функции государственных институтов, но и механизмы восприятия и реализации международных обязательств, в том числе в сфере международного гуманитарного права (МГП). Влияние трансформации конституционализма на процессы имплементации норм МГП становится особенно значимым в условиях нарастающих вызовов, связанных с глобализацией, регионализацией и изменением характера современных вооружённых конфликтов. Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-правовой и историко-правовой подходы, позволяющие комплексно рассмотреть эволюцию конституционализма в контексте развития международного гуманитарного права. Новизна исследования заключается в выявлении устойчивых закономерностей трансформации конституционных механизмов имплементации международного гуманитарного права в различных правовых системах. Показано, что изменения в конституционном устройстве государств могут как способствовать, так и препятствовать эффективному исполнению гуманитарных обязательств. Выводы исследования акцентируют внимание на необходимости формирования устойчивых конституционных гарантий защиты норм МГП. Подчёркивается значение конституционной юстиции в поддержании международных гуманитарных стандартов в условиях реформ. В ходе данного исследования был проведён глубокий анализ трансформации национальных конституционных систем в контексте имплементации норм международного гуманитарного права (МГП), выявлены ключевые закономерности и факторы, определяющие эффективность этих процессов в различных правовых системах. На основе проведённого анализа был сделан вывод, что конституционное право в его нынешнем виде недостаточно эффективно решает проблему имплементации норм МГП.

Ключевые слова:

трансформация конституционализма, международное гуманитарное право, имплементация норм, глобализация, национальные правовые порядки, конституционные реформы, государственный суверенитет, правовая гармонизация, гуманитарные обязательства, конституционная юстиция

Введение

Современные тенденции развития правовых систем демонстрируют, что трансформация конституционализма становится неотъемлемым элементом глобальных изменений, затрагивающих все уровни публичного права. Конституционализм, традиционно воспринимавшийся как выражение стабильности государственности и правового порядка, в настоящее время претерпевает существенные преобразования, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Эти изменения затрагивают не только структуру и функции государственных институтов, но и механизмы восприятия и реализации международных обязательств, в том числе в сфере международного гуманитарного права (МГП). Влияние трансформации конституционализма на процессы имплементации норм МГП становится особенно значимым в условиях нарастающих вызовов, связанных с глобализацией, регионализацией и изменением характера современных вооружённых конфликтов.

Актуальность исследования обусловлена сложностью взаимодействия между глобальными и национальными правовыми процессами, порождающей необходимость глубокого осмысления их взаимного влияния. С одной стороны, нормы международного гуманитарного права обладают универсальной природой, призванной обеспечивать защиту человека в условиях вооружённых конфликтов вне зависимости от внутренней структуры государства. С другой стороны, эффективность применения этих норм в значительной степени зависит от конституционного устройства конкретных стран, степени их открытости международным обязательствам и готовности адаптировать национальное законодательство к требованиям международных актов. Таким образом, исследование трансформации конституционализма сквозь призму имплементации гуманитарных норм приобретает не только научное, но и значительное практическое значение.

В этой связи цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе влияния процессов изменения конституционного порядка на особенности имплементации норм международного гуманитарного права в национальных правовых системах. В рамках поставленной цели формулируются следующие задачи: во-первых, выявить ключевые характеристики трансформации конституционализма в современную эпоху; во-вторых, проанализировать механизмы взаимодействия международных гуманитарных норм с изменяющимися конституционными структурами; в-третьих, на примере конкретных национальных правовых порядков исследовать успешные и проблемные модели имплементации МГП; и, наконец, определить перспективные направления конституционной адаптации гуманитарных стандартов в условиях глобальных правовых изменений.

Выбор методологии исследования обусловлен необходимостью всестороннего анализа сложного феномена трансформации конституционализма и его влияния на сферу международного гуманитарного права. В работе применяются системный подход, позволяющий рассматривать национальные правовые порядки как элементы глобальной правовой системы, находящейся в состоянии постоянной динамики. Системный анализ необходим для выявления внутренних и внешних взаимосвязей между конституционными реформами и международными обязательствами в сфере защиты человека в условиях вооружённых конфликтов.

Кроме того, используется сравнительно-правовой метод, традиционно применяемый в исследованиях проблем имплементации международных норм. Он позволяет сопоставить различные модели адаптации норм МГП в национальные правовые порядки, выявить общие закономерности и специфические черты этих процессов в разных странах.

Историко-правовой метод обеспечивает возможность проследить эволюцию взаимосвязи между изменениями в конституционном строе и реализацией гуманитарных обязательств, начиная от ранних этапов становления современного международного права до текущего состояния. Такой подход позволяет увидеть не только механические изменения норм, но и глубокие трансформации концептуальных основ их восприятия в национальных системах.

Дополняет исследование интердисциплинарный метод анализа, предполагающий обращение к социологическим, политическим и философским аспектам рассматриваемых процессов. В условиях, когда конституционализм всё чаще интерпретируется не только как юридический, но и как социальный и политический феномен, интеграция различных научных перспектив становится насущной необходимостью. Применение указанного набора методологических подходов позволяет сформировать многогранное понимание сложного взаимодействия между изменениями в национальных конституционных

системах и процессами имплементации норм международного гуманитарного права, что особенно важно в условиях усиливающейся взаимозависимости правовых систем в XXI веке.

Теоретико-правовые основы трансформации конституционализма и международного гуманитарного права

Современный этап развития права ознаменован не просто эволюцией, а именно трансформацией конституционализма, то есть глубокими качественными изменениями в его доктринальных основах, институтах и правовых механизмах. Трансформация конституционализма представляет собой глобальный и многоуровневый процесс, отражающий адаптацию традиционных принципов верховенства конституции, разделения властей и защиты прав человека к новым вызовам глобализованного мира. Она выражается не в линейной замене одних элементов другими, а в переосмыслении ключевых категорий — суверенитета, легитимности, универсальности прав — с учётом полицентричного характера современного правопорядка.

В отличие от классической модели, сформировавшейся в эпоху становления национальных государств и опиравшейся на идею верховенства внутреннего права, трансформация конституционализма ориентирована на взаимопроникновение национальных и наднациональных правовых систем. Это находит выражение в смещении акцентов от замкнутой модели государственного суверенитета ^[1] к модели открытого правопорядка, где международные стандарты в области прав человека и гуманитарного права играют всё более важную роль. В этом контексте концепция «глобального конституционализма» P. S. Berman ^[2] обосновывает идею множественности правовых источников и децентрализации конституционной власти как отражение объективной правовой реальности.

При этом важно подчеркнуть, что трансформация конституционализма не означает универсального и однонаправленного процесса, охватывающего все государства по единой траектории. Она проявляется в различных формах: от интеграции международных норм в национальные правовые системы до реакционных форм правового изоляционизма, стремящегося сохранить традиционные представления о суверенитете. Именно это разнообразие форм и темпов не отменяет факта трансформации, а указывает на её сложный, адаптивный характер, отражающий столкновение глобальных универсалистских трендов и локальных конституционных традиций.

Следовательно, трансформация конституционализма в современном мире — это не единый вектор, а многомерное явление, в рамках которого сосуществуют как процессы открытости и интеграции, так и процессы локализации и реинтерпретации. Общим основанием для признания происходящих изменений трансформацией является то, что во всех случаях происходит переосмысление и институциональное обновление базовых принципов конституционного порядка, обусловленное изменением контекста — как внутреннего, так и международного. Это делает категорию трансформации аналитически продуктивной и методологически оправданной для описания современных изменений в области конституционного и гуманитарного права.

В свою очередь международное гуманитарное право, как система норм, регулирующих защиту лиц, вовлечённых в вооружённые конфликты, и ограничение методов ведения войны, также претерпевает значительную эволюцию под воздействием процессов глобализации. Первоначально оформившись в XIX веке в рамках Женевских конвенций

и Гаагских соглашений, международное гуманитарное право развивалось как система договорных обязательств между государствами. Однако современная практика показывает смещение акцентов от чисто межгосударственного характера к признанию автономной ценности защиты индивидов, вне зависимости от воли конкретных государств.

Глобализация усилила необходимость пересмотра классических принципов МГП в сторону универсализации и гуманизации. Как подчёркивает Ж.-М. Хенкертс, основная тенденция современного развития МГП заключается в признании того, что «основные гуманитарные принципы должны применяться независимо от характера конфликта и статуса участников [\[3\]](#). Таким образом, традиционное разграничение между международными и немеждународными вооружёнными конфликтами всё чаще подвергается пересмотру.

При этом важным вызовом для международного гуманитарного права становится адаптация к новым видам конфликтов — внутренним, асимметричным, трансграничным. Эти изменения требуют обновления понятийного аппарата и нормативных рамок, что неизбежно отражается на взаимодействии МГП с конституционными системами. Так, право на жизнь, запрет пыток, гуманное обращение с военнопленными и защита гражданского населения становятся не только нормами международного гуманитарного права, но и конституционными гарантиями, закрепляемыми в основных законах многих государств [\[4\]](#).

В условиях глобализации усиливается взаимосвязь между международными обязательствами и национальной конституционной практикой. Всё чаще международные суды, такие как Международный уголовный суд, а также региональные правозащитные механизмы (например, Европейский суд по правам человека) интерпретируют нормы МГП в свете общих стандартов прав человека [\[5\]](#), что требует от национальных судов и законодательных органов новой юридической чувствительности и готовности интегрировать международные гуманитарные нормы в национальное правоприменение.

В этой связи анализ взаимодействия международного гуманитарного права и конституционных систем различных государств выявляет ряд устойчивых закономерностей, отражающих как тенденции сближения этих сфер, так и сохраняющиеся противоречия.

Первая закономерность заключается в росте конституционных норм, прямо или косвенно отражающих принципы МГП. Так, современные конституции всё чаще содержат положения о недопустимости применения пыток, необходимости соблюдения гуманитарных стандартов в ходе вооружённых конфликтов и при чрезвычайных ситуациях.

Вторая закономерность связана с механизмами внутренней имплементации норм МГП. В ряде государств (например, Германия, Швейцария, Испания) международные нормы гуманитарного права интегрируются в национальное право автоматически на основании конституционных положений о примате международных обязательств. В других государствах (например, в США, Великобритании) имплементация требует специальной законодательной процедуры, что порождает потенциальные риски фрагментарности и задержки в применении норм МГП.

Третья закономерность проявляется в необходимости обеспечения согласования между международными гуманитарными обязательствами и принципами конституционной

демократии. Здесь возникает дилемма: с одной стороны, защита прав человека требует полной имплементации гуманитарных стандартов; с другой — некоторые государства могут воспринимать международные нормы как угрозу суверенитету и национальной правовой традиции. Этот конфликт особенно остро проявляется в контексте введения чрезвычайных положений или военного положения, где национальные конституции могут предусматривать ограничения прав и свобод, не всегда согласующиеся с международными стандартами.

Отдельного внимания заслуживает феномен «конституционализации международного гуманитарного права», описанный Р. Кольбом, который подчёркивает, что современные конституции всё чаще не только отражают базовые гуманитарные принципы, но и сами становятся источниками обязательств по их соблюдению [\[6\]](#). Это обстоятельство свидетельствует о нарастающем процессе взаимопроникновения двух правовых систем. При этом следует отметить, что успешность взаимодействия конституционных систем с международным гуманитарным правом зависит от зрелости правовой культуры общества, политической воли властей и эффективности национальных механизмов правосудия. Там, где существует устойчивая традиция уважения к правам человека и верховенству права, нормы МГП воспринимаются не как внешнее давление, а как органичная часть конституционного порядка.

Трансформация национальных конституционных систем: вызовы и возможности для имплементации норм международного гуманитарного права

Трансформация национальных конституционных систем в последние десятилетия стала важным объектом юридического анализа, поскольку именно в этой плоскости наиболее ярко проявляются напряжённость и взаимодействие между внутренним правопорядком государства и его международными обязательствами, в частности — в области международного гуманитарного права. Конституционные реформы, осуществляемые под воздействием политических, социальных, технологических изменений, неизбежно затрагивают и сферу имплементации международных норм, ставя перед правовыми системами новые вызовы и одновременно открывая возможности для более глубокого интегрирования универсальных стандартов гуманности в национальные правовые порядки.

Конституционные реформы традиционно воспринимались как внутренний акт суверенной воли государства, направленный на оптимизацию структуры власти, обновление системы гарантий прав и свобод, укрепление демократических институтов [\[7\]](#). Однако современная конституционная динамика всё чаще проходит под знаком необходимости учёта международных обязательств, что делает проблему соотношения конституционных изменений и норм международного права особенно острой. При этом международные обязательства, в том числе в области гуманитарного права, начинают рассматриваться не как внешнее давление, а как фактор внутреннего развития конституционного строя, способствующий усилению правозащитного компонента национального законодательства.

В условиях конституционных реформ государство сталкивается с дилеммой: с одной стороны, оно сохраняет за собой суверенное право определять содержание и направление изменений в основном законе, с другой — обязано обеспечивать добросовестное выполнение принятых на себя международных обязательств. Особенно это касается норм международного гуманитарного права, поскольку их нарушение может повлечь за собой международно-правовую ответственность государства и нанести ущерб его репутации на международной арене. В этой связи особое значение приобретает ст.

27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, запрещающая ссылку на положения внутреннего права в качестве оправдания невыполнения международных обязательств.

При этом существует множество примеров, когда конституционные реформы, напротив, способствовали более глубокой интеграции норм международного гуманитарного права в национальные правовые системы. Так, в Южной Африке после окончания апартеида новая Конституция 1996 года прямо закрепила обязательство государства уважать и исполнять международные обязательства в области прав человека и гуманитарного права, что стало одной из основ её демократического устройства [\[8\]](#). Противоположные тенденции можно наблюдать в ряде государств, где конституционные изменения использовались для ограничения сферы действия международных норм, что нередко сопровождалось усилением изоляционистских и суверенистских риторик.

Интеграция норм международного гуманитарного права в изменяющиеся конституционные тексты и практику представляет собой процесс сложный и противоречивый. В данном случае одной из ключевых проблем является необходимость адаптации международных стандартов к специфике национальной правовой культуры, особенностям конституционного строя и правоприменительной практики. Следовательно, без учёта национальной правовой идентичности формальное заимствование международных норм может остаться декларативным и не привести к реальному изменению правового статуса индивидов.

В условиях реформирования основного закона встает вопрос о конституционном механизме включения норм МГП в структуру внутреннего права. Некоторые государства придерживаются дуалистической доктрины и требуют специальной имплементации международных норм через законодательные акты [\[9\]](#), что порождает риск несвоевременного или неполного исполнения международных обязательств. Другие, как, например, Нидерланды или Мексика, закрепляют в своих конституциях примат международного права над национальными актами, тем самым упрощая процесс интеграции. Однако даже в таких случаях возникают вопросы о пределах допустимого влияния международных норм на внутренний конституционный строй, особенно в тех сферах, которые традиционно считаются «ядром» национальной идентичности и государственного суверенитета.

Особую сложность представляет применение норм международного гуманитарного права в периоды чрезвычайного положения или военного времени. Здесь выявляется потенциальное напряжение между стремлением государства к эффективному управлению кризисной ситуацией и необходимостью соблюдения гуманитарных стандартов. Примеры практики Европейского суда по правам человека, в частности в делах «*Aksoy v. Turkey*»(1996) и «*Al-Jedda v. United Kingdom*»(2011), показывают, что даже в условиях вооружённых конфликтов государства обязаны соблюдать фундаментальные права и свободы, что требует неукоснительного выполнения норм МГП, несмотря на внутренние вызовы и политические обстоятельства.

При этом конституционные принципы ограничения власти играют центральную роль в обеспечении защиты норм гуманитарного права на внутреннем уровне. Одним из ключевых механизмов является принцип верховенства конституции и права, предполагающий, что любые действия государственной власти, включая применение силы, должны осуществляться в рамках правовых норм и под надзором независимых судов. Как подчеркивают ряд исследователей, конституционные ограничения власти

направлены на предотвращение произвола, защиту личности и обеспечение соблюдения международных стандартов даже в условиях кризиса [\[10\]](#).

В этом контексте важную роль играет также принцип пропорциональности, широко применяемый в конституционном и международном праве [\[11\]](#). Его сущность заключается в необходимости обеспечения разумного баланса между целями государственной политики и ограничениями прав человека, что имеет особое значение при применении мер, затрагивающих права и свободы в период вооружённых конфликтов. Пропорциональность становится своеобразным мостом между требованиями эффективного государственного управления и обязанностями государства по соблюдению международных гуманитарных стандартов. Однако на практике реализация принципов ограничения власти в целях защиты норм МГП сталкивается с целым рядом трудностей. Политические интересы, соображения безопасности, внутренняя нестабильность могут приводить к попыткам обхода или ограничения гуманитарных стандартов. В этих условиях особо актуальным становится вопрос о роли конституционных судов и иных органов судебной власти, способных выступать гарантом соблюдения международных обязательств в национальной правовой системе.

Таким образом, трансформация конституционных систем порождает сложный и многоплановый процесс переосмысления места международного гуманитарного права в структуре национального правопорядка. Эта трансформация сопровождается как новыми возможностями для укрепления правовой защиты личности, так и серьёзными вызовами, требующими внимательного юридического анализа и развития эффективных правовых механизмов согласования национальных интересов и международных гуманитарных обязательств.

Роль конституционных судов и судебной практики в обеспечении имплементации норм международного гуманитарного права

В современном правовом пространстве роль конституционных судов и судебной практики в обеспечении имплементации норм международного гуманитарного права приобретает всё большую значимость [\[12\]](#). Это обусловлено не только возрастающим объёмом международных обязательств государств, но и необходимостью их эффективной реализации на национальном уровне, особенно в условиях вооружённых конфликтов и чрезвычайных ситуаций. Конституционные суды становятся важнейшими институтами, обеспечивающими баланс между суверенитетом государства и требованием уважения универсальных принципов гуманности, закреплённых в международных договорах и обычном праве.

Конституционный контроль над соблюдением международных гуманитарных обязательств проявляется в разных формах, зависящих от особенностей национальных правовых систем. В одних странах, таких как Германия, конституционные суды наделены прямыми полномочиями проверять соответствие национальных актов нормам международного права, включая международное гуманитарное право, что было подтверждено, например, в практике Федерального конституционного суда Германии (*BVerfGE 58, 1 – Solange I*). В других государствах, например во Франции, имплементация международных норм происходит через контроль за соответствием конституции международным договорам на стадии их ратификации (ст. 54 Конституции Франции 1958 года). При этом подходы к оценке приоритета норм международного гуманитарного права могут различаться: в одних юрисдикциях признаётся примат международных норм, в других — их согласование с конституционными требованиями.

Роль конституционного контроля становится особенно заметной в ситуациях, когда возникают конфликты между международными обязательствами государства и его внутренними нормами. Одним из ярких примеров является Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П, в котором суд подтвердил приоритет Конституции РФ над решениями международных органов, включая Европейский суд по правам человека, в случае их противоречия основополагающим нормам российского конституционного строя.

Судебная защита прав человека в условиях вооружённых конфликтов представляет собой отдельную сложную сферу, в которой проявляется напряжение между необходимостью обеспечения общественной безопасности и соблюдением международных гуманитарных стандартов. Анализ практики национальных и международных судов свидетельствует о разнообразии подходов. Так, Европейский суд по правам человека в ряде дел, таких как «*Isayeva v. Russia*»(2005) и «*Tagayeva and Others v. Russia*», сформулировал стандарты позитивных обязательств государств по обеспечению права на жизнь в условиях боевых действий и антитеррористических операций. Эти решения подчёркивают, что даже в условиях вооружённого противостояния государство обязано принимать меры для минимизации ущерба гражданскому населению и уважать фундаментальные права человека.

Вместе с тем в ряде национальных систем наблюдаются попытки ограничить действие международных стандартов в периоды чрезвычайного положения. Примером может служить практика Верховного суда Израиля, который в ряде решений признал допустимым ограничение некоторых прав граждан в интересах государственной безопасности, однако при этом подчёркивал необходимость соблюдения принципа пропорциональности и запрета на дискриминацию (см.: «HCJ 5100/94 Public Committee Against Torture in Israel v. The State of Israel»). Таким образом, судебные органы играют ключевую роль в установлении пределов допустимого ограничения прав человека и в обеспечении соблюдения гуманитарных стандартов даже в условиях угрозы национальной безопасности.

Влияние прецедентов конституционных судов на развитие национальной гуманитарной политики является одним из важнейших механизмов эволюции внутреннего права в сторону большей гармонизации с международными гуманитарными нормами. Решения конституционных судов нередко становятся не только реакцией на конкретные юридические коллизии, но и отправной точкой для формирования новых правовых доктрин, изменения законодательной практики и переосмысления подходов к защите прав личности в условиях вооружённых конфликтов.

Так, Конституционный суд Колумбии в решении C-291/07 признал нормы международного гуманитарного права непосредственно применимыми в национальной правовой системе, подчёркивая их особый характер как «*jus cogens*» и обосновывая необходимость их безусловного исполнения. Это решение оказало значительное влияние на политику Колумбии в сфере защиты внутренне перемещённых лиц и регулирования вооружённых конфликтов, приведя к принятию ряда программ, направленных на соблюдение гуманитарных стандартов. В этой связи интересно проследить и за практикой Конституционного суда ЮАР, который в деле «*S v Makwanyane and Another (CCT 3/94)*» (1995) при рассмотрении вопроса о смертной казни активно оперировал нормами международного гуманитарного права и общепризнанными принципами защиты человеческого достоинства, что сыграло важную роль в формировании гуманистической ориентации новой конституционной доктрины страны.

Таким образом, судебные прецеденты не только конкретизируют обязанности государства в области гуманитарного права, но и стимулируют развитие внутренней правовой политики в сторону большей открытости международным стандартам. При этом влияние конституционных судов на гуманитарную политику носит разнонаправленный характер: в одних случаях суды становятся авангардом интеграции международных норм, в других — выражают осторожность или даже сопротивление их применению, мотивируя это защитой конституционного суверенитета и национальных особенностей. Современные вызовы, связанные с гибридными конфликтами, терроризмом, миграционными кризисами, усиливают значение судебного контроля как механизма адаптации гуманитарных норм к изменяющейся реальности. Следовательно, конституционные суды в условиях глобальных изменений становятся не только арбитрами в вопросах соблюдения международных обязательств, но и активными субъектами процесса формирования правовых стандартов, отвечающих требованиям времени.

Сравнительно-правовой анализ имплементационных моделей: опыт различных государств

Имплементация норм международного гуманитарного права в национальные правовые порядки представляет собой сложный процесс, подверженный влиянию конституционно-правовых традиций, уровня развития правовой культуры и политико-правовой среды конкретных государств. Сравнительно-правовой анализ различных моделей имплементации позволяет выявить как универсальные закономерности, так и особенности, обусловленные историческими, культурными и институциональными факторами. Опыт различных регионов мира демонстрирует многообразие подходов к обеспечению эффективности норм гуманитарного права в национальных системах, что требует всестороннего и критического осмысления.

В этой связи Европейский опыт традиционно воспринимается как один из наиболее развитых в части имплементации международного гуманитарного права, где конституционные и судебные механизмы обеспечивают высокую степень интеграции международных обязательств в национальное законодательство. Германия, Франция и Испания демонстрируют различные, но в равной степени интересные модели взаимодействия с нормами международного гуманитарного права.

В Германии, благодаря нормам Основного закона (Grundgesetz), международные договоры после ратификации получают статус федеральных законов (§59 (2) GG), что обеспечивает их прямую применимость судами. Особую роль играет Федеральный конституционный суд, который в своих решениях, таких как *Görgülü* (BVerfG, 2 BvR 1481/04), последовательно подтверждает обязательность соблюдения международных стандартов, включая нормы международного гуманитарного права, при интерпретации национального законодательства. При этом немецкая правовая доктрина подчёркивает необходимость сохранения верховенства Конституции, что находит отражение в концепции "конституционной идентичности" [\[13\]](#).

Французский подход отличается определённой спецификой: Конституция 1958 года предусматривает возможность передачи норм международных договоров во внутреннее право при условии их ратификации и публикации (ст. 55). Однако Французский Конституционный совет придерживается позиции о необходимости предварительной конституционной проверки международных актов, что было ярко выражено в решении по поводу Договора о Европейской конституции (Décision n° 2004-505 DC). Таким образом, приоритет международных норм признаётся лишь в случае их соответствия

фундаментальным принципам французской конституционной идентичности, что позволяет сохранять баланс между открытостью международному праву и защитой суверенитета.

Испания, напротив, демонстрирует более интегративный подход. Конституция 1978 года в ст. 96.1 прямо предусматривает автоматическую инкорпорацию ратифицированных международных договоров в национальное право без необходимости их трансформации, что облегчает применение норм международного гуманитарного права судами. Конституционный суд Испании в своей практике последовательно утверждает прямую применимость норм международного гуманитарного права, придавая особое значение защите прав человека и соблюдению международных обязательств даже в условиях борьбы с терроризмом (см.: STC 237/2005).

Латиноамериканский опыт, представленный такими странами, как Аргентина и Колумбия, демонстрирует особую динамику в области имплементации международных гуманитарных норм, обусловленную как активным участием в международных соглашениях, так и сложной внутренней ситуацией, связанной с вооружёнными конфликтами и нарушением прав человека.

В Аргентине Конституция 1994 года в ст. 75 (22) придала особый статус международным договорам о правах человека, поставив их выше законов и в некоторых случаях наравне с Конституцией. В решении *Simón* (Corte Suprema de Justicia de la Nación, 2005) Верховный суд Аргентины прямо сослался на обязательность применения международных норм о борьбе с безнаказанностью в контексте преступлений времён диктатуры. Этот подход свидетельствует о высокой степени внутренней легитимации международного гуманитарного права как инструмента восстановления справедливости и укрепления правопорядка.

Колумбия пошла ещё дальше: Конституционный суд страны неоднократно признавал нормы международного гуманитарного права непосредственно применимыми и обязательными для органов власти. В решении C-291/07 суд утвердил приоритет норм международного гуманитарного права в делах, связанных с внутренним вооружённым конфликтом. Эта практика стала фундаментом для развития комплексных программ защиты прав жертв конфликта и внутренне перемещённых лиц, что соответствует требованиям, вытекающим из Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним.

Особенности имплементации в странах Азии и Африки отражают стремление адаптировать международные стандарты к местным условиям, сохраняя при этом ключевые гуманитарные принципы. Южная Африка и Филиппины иллюстрируют различные, но взаимодополняющие подходы.

В Южной Африке Конституция 1996 года закрепила принцип уважения международного права как одного из основополагающих начал внутреннего правопорядка (статьи 231–233). Конституционный суд ЮАР в деле *Glenister v. President of the Republic of South Africa* (2011) подчеркнул обязательность соблюдения международных обязательств, включая положения международного гуманитарного права, как составной части конституционной ценностной системы. Важной особенностью южноафриканской модели является прямое использование норм международного права при судебном разрешении споров, что способствует консолидации правового пространства на основе универсальных стандартов.

Филиппины, несмотря на колониальное прошлое и сложную политическую историю, проявляют последовательность в имплементации норм международного гуманитарного

права. Конституция 1987 года обязывает государство уважать принципы международного права (разд. II, ст. 2). Верховный суд Филиппин в деле *«Secretary of Justice v. Hon. Ralph C. Puno»* (2005) подтвердил обязательность исполнения норм международного гуманитарного права, ссылаясь на их непосредственное действие и авторитет международных договоров, таких как Женевские конвенции. Однако практическая реализация данных норм сталкивается с трудностями, связанными с внутренними вооружёнными конфликтами и особенностями правоприменительной практики.

Анализ представленных моделей позволяет выделить как универсальные, так и специфические элементы имплементации норм международного гуманитарного права. Универсальным элементом является стремление большинства государств придать международным гуманитарным обязательствам внутреннюю юридическую силу, что выражается либо в их автоматической инкорпорации, либо в трансформации через внутренние законодательные процедуры. Общим также является признание особого статуса норм международного гуманитарного права как части фундаментальных принципов правопорядка.

Кроме того специфическими элементами, напротив, выступают различия в степени прямого применения норм, роли конституционных судов, механизмах контроля за их соблюдением, а также в особенностях интерпретации принципа суверенитета и его соотношения с международными обязательствами. В странах с устойчивыми демократическими традициями конституционные суды, как правило, становятся активными защитниками норм международного гуманитарного права, тогда как в государствах с нестабильной политической обстановкой имплементация часто принимает фрагментарный или декларативный характер.

Перспективы развития конституционных механизмов имплементации международного гуманитарного права

Размышления о перспективах развития конституционных механизмов имплементации международного гуманитарного права неизбежно ведут к осмыслению фундаментальных оснований конституционного регулирования в условиях усиливающейся взаимозависимости национальных и международных правопорядков. Международное гуманитарное право (МГП), возникшее как совокупность норм, регулирующих поведение государств и иных субъектов в условиях вооружённых конфликтов, требует от национальных систем права не только механической инкорпорации норм, но и глубокого, институционально закреплённого признания его принципов на уровне конституционных установлений. Следовательно, первостепенное значение приобретает наличие устойчивых конституционных гарантий соблюдения норм МГП, выступающих не просто декларативной фиксацией обязательств, а действенным механизмом их реализации в правовой системе государства.

Устойчивость конституционных гарантий, обеспечивающих соблюдение норм МГП, требует не только их явного закрепления в текстах конституций, но и создания эффективных процедур контроля за их соблюдением. Как следует из Информации Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. «Методологические аспекты конституционного контроля», обеспечение гуманитарных стандартов на конституционном уровне возможно лишь при условии реального функционирования системы конституционного надзора и судебной защиты нарушенных прав. Подтверждением данной мысли служит зарубежная практика: например, в ЮАР суды, опираясь на конституционную норму о приоритете международного права, формируют практику, в которой нарушения норм МГП могут быть предметом судебного разбирательства

(*Glenister v. President of the Republic of South Africa* (2011)). Отсутствие же реальных механизмов имплементации, даже при наличии благозвучных конституционных норм, нередко приводит к профанации обязательств государства в гуманитарной сфере. Таким образом, перспектива развития конституционных механизмов неразрывно связана с институциональным укреплением систем конституционного контроля, независимости судебной власти и возможностями обеспечения индивидуальной защиты в случае нарушения норм МГП.

Наряду с необходимостью создания устойчивых гарантий соблюдения гуманитарных норм, перед современным конституционализмом встает сложнейшая проблема поиска баланса между национальным суверенитетом и международными обязательствами. Суверенитет государства традиционно воспринимался как неотъемлемый атрибут его конституционной идентичности, проявляющийся в верховенстве национальной Конституции на своей территории. Однако в условиях глобализации и возросшей роли международного права наблюдается постепенное изменение этого классического представления [14, 15]. Речь даже идет о том, что современный суверенитет трансформируется в сторону функциональной ограниченности, предполагающей признание приоритета универсальных правовых стандартов в ряде сфер, включая гуманитарное право.

Эта дилемма наиболее остро проявляется в случае, когда международные обязательства государства, вытекающие из Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, вступают в очевидное или предполагаемое противоречие с внутренними нормами. Как показала практика Федерального конституционного суда Германии в деле «*Solange II* (BVerfGE 73, 339)», возможен компромисс, основанный на признании приоритета международных норм при условии соблюдения фундаментальных национальных конституционных принципов. Подобный подход открывает путь для поиска динамического равновесия между требованиями международного гуманитарного права и защитой конституционной идентичности государства.

При этом необходимо отметить, что роль конституционного права в поддержании глобальных стандартов гуманитарной защиты значительно возрастает в современных условиях, характеризующихся увеличением числа негосударственных акторов, международных вооружённых конфликтов гибридного характера и асимметричных угроз. Конституционные механизмы способны и должны стать тем инструментом, который не только закрепляет гуманитарные обязательства государства, но и формирует внутреннюю правовую среду, ориентированную на уважение человеческого достоинства, принципов пропорциональности и необходимости, а также на недопустимость дискриминации в условиях конфликта.

В этой связи особого внимания заслуживает концепция "гуманитарной конституционализации", развиваемая в зарубежной доктрине [6], предполагающая инкорпорацию в конституционные тексты не только общих декларативных положений о приверженности международному праву, но и конкретных гуманитарных норм, принципов и механизмов их реализации. Внутригосударственное закрепление обязательств по соблюдению принципов ведения боевых действий, защиты гражданского населения, запрета пыток и жестокого обращения превращает гуманитарное право из внешнего императива в органическую часть национального правопорядка.

Проблема заключается в том, насколько современное конституционное право готово к столь глубоким изменениям. Конституционализация гуманитарных принципов требует серьёзной переработки традиционных категорий суверенитета, верховенства

Конституции, соотношения международного и внутреннего права. Наиболее ярким примером успешной гуманитарной конституционализации служит практика Латинской Америки: в Конституции Колумбии 1991 года содержатся прямые отсылки к обязательности соблюдения норм международного гуманитарного права (п.2 ст. 214). Вместе с тем универсальность подходов к гуманитарной конституционализации остаётся весьма относительной. В странах с консервативными конституционными традициями или авторитарными тенденциями внесение в Основной закон прямых обязательств по гуманитарным стандартам часто встречает сопротивление как со стороны правящих элит, опасаящихся ограничения своих дискреционных полномочий, так и со стороны традиционалистских юридических школ, воспринимающих международное гуманитарное право как угрозу для национальной правовой самобытности.

Таким образом, перспектива развития конституционных механизмов имплементации международного гуманитарного права обусловлена необходимостью создания эффективных конституционных гарантий, поиска баланса между требованиями суверенитета и международных обязательств, активного использования конституционного права как инструмента поддержания глобальных стандартов гуманитарной защиты и постепенного движения к конституционализации ключевых принципов МГП в национальных правовых системах. Этот процесс, с одной стороны, требует глубокого переосмысления традиционных доктрин, а с другой — открывает новые возможности для укрепления прав человека и защиты человеческого достоинства даже в самых сложных обстоятельствах вооружённых конфликтов.

Заключение

В ходе данного исследования был проведён глубокий анализ трансформации национальных конституционных систем в контексте имплементации норм международного гуманитарного права (МГП), выявлены ключевые закономерности и факторы, определяющие эффективность этих процессов в различных правовых системах. Исходя из проведённого анализа, можно выделить несколько важнейших выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что успешная имплементация норм МГП в национальные конституционные системы невозможна без должного уровня институциональной готовности государственных органов, включая конституционные суды и правозащитные институты. Особое внимание уделено необходимости создания устойчивых и действенных механизмов конституционного контроля, направленных на соблюдение международных гуманитарных обязательств. Прецедентная практика в странах, таких как ЮАР и Германия, подтверждает важность наличия чётко прописанных норм, которые бы обеспечивали прямое и обязательное применение норм МГП на уровне национального законодательства. Важнейшим фактором, влияющим на успешную имплементацию, является интеграция гуманитарных принципов в конституционные тексты, что позволяет не только формально закрепить обязательства, но и обеспечить их реальное соблюдение.

Кроме того, стало очевидно, что проблемы интеграции международных обязательств в рамках гуманитарного права тесно связаны с дилеммой баланса между суверенитетом государства и необходимостью соблюдения международных норм. В условиях глобализации и взаимозависимости правовых систем, отношение между этими двумя аспектами становится всё более сложным. Особенно остро эта проблема встаёт в странах, где традиционные представления о национальном суверенитете противостоят требованиям международного сообщества, что приводит к правовым коллизиям и

затрудняет практическую реализацию обязательств по МГП. В этом контексте, несмотря на наличие декларативных норм в конституциях, зачастую наблюдается отставание реальной правоприменительной практики от международных стандартов, что ставит под угрозу права человека и гуманитарную защиту в условиях вооружённых конфликтов.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что конституционное право в его нынешнем виде недостаточно эффективно решает проблему имплементации норм МГП. Это связано с тем, что многие национальные системы правления не обладают достаточной гибкостью для адекватной адаптации к меняющимся условиям международной безопасности и правозащиты. Особенно ярко это проявляется в странах с развивающимися демократиями, где политическая нестабильность и отсутствие прочных институтов правопорядка затрудняют встраивание международных гуманитарных норм в национальное законодательство. В то же время, опыт более зрелых демократий, таких как Германия и Франция, демонстрирует, что реализация обязательств по МГП требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и судебную практику, которая играет ключевую роль в гарантировании защиты прав человека в условиях вооружённых конфликтов.

Перспективы дальнейших научных разработок в области трансформации конституционализма и международного гуманитарного права видятся в продолжении углублённого анализа взаимодействия между международными обязательствами и национальными конституционными системами. Важным направлением является исследование моделей имплементации норм МГП в странах с различным политическим режимом и уровнем развития правовых институтов. Кроме того, необходимо продолжать изучение влияния новых глобальных угроз, таких как кибервойна и международный терроризм, на правовые системы и возможность имплементации гуманитарных норм в новых условиях. Особое внимание должно быть уделено развитию судебной практики в области прав человека, а также укреплению роли конституционных судов в обеспечении защиты международных стандартов правозащиты в рамках национальных правовых систем. Наконец, значительный интерес представляет дальнейшее изучение теоретических и практических аспектов гуманитарной конституционализации. Введение международных гуманитарных норм в национальные конституции, а также их применение на практике требуют комплексного подхода, который бы учитывал исторические, культурные и политические особенности различных стран. Такие исследования могут способствовать выработке универсальных рекомендаций по укреплению глобальных стандартов защиты прав человека, а также улучшению взаимодействия между национальными и международными правовыми системами.

Библиография

1. Loughlin, M. The Erosion of Sovereignty // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016. Vol. 45. P. 57-81.
2. Berman P.S. *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders*. Cambridge University Press, 2012. P. 3-33.
3. Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck. *Customary International Humanitarian Law*. Cambridge University Press, 2005.
4. Casey-Maslen S. The Prohibitions of Torture and Other Ill-Treatment in Armed Conflict under International Humanitarian Law // *The Prohibition of Torture and Ill-Treatment under International Law*. Cambridge University Press, 2025. P. 237-265.
5. Young R. Internationally recognized human rights' before the international criminal court // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2011. Vol. 60, No. 1. P. 189-208.
6. Kolb R. *Advanced Introduction to International Humanitarian Law*. Edward Elgar

Publishing, 2014. 232 p.

7. Hayo B., Voig S. Determinants of constitutional change: Why do countries change their form of government? // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38, Issue 3. P. 283-305.

8. Adegalu F., Mitchell T. The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level in South Africa // The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On. 2024. P. 1077-1146.

9. Спиркина Т.А. Техника имплементации норм и принципов международного права в законодательство Российской Федерации как инструмент глобализации // Контентус. 2019. № 8 (85). С. 21-30. EDN: RRHWWC.

10. Criddle E.J., Fox-Decent E. Human Rights, Emergencies, and the Rule of Law // Human Rights Quarterly. 2012. Vol. 34. P. 39-87.

11. Peters A. Proportionality as a Global Constitutional Principle // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper No. 2016-10, 2016.

12. Weill S. Building respect for IHL through national courts // International Review of the Red Cross. 2014. Vol. 96, No. 895/896. P. 859-879.

13. Calliess C. Die neue Europäische Union nach dem Vertrag von Lissabon. Mohr Siebeck, Tübingen, 2010. 525 p.

14. Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 5-19. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.1 EDN: WZYKHO.

15. Осветимская Ия.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 150-167. EDN: ZHASJP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Влияние процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правовых порядках»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие влияния процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правовых порядках. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, международно-правовая регламентация защиты прав человека, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, который позволил «сопоставить различные модели адаптации норм МГП в национальные правовые порядки, выявить общие закономерности и специфические черты этих процессов в разных странах»; системный подход, с учетом которого автор рассматривает «национальные правовые порядки как элементы глобальной правовой системы, находящейся в состоянии постоянной динамики».

Актуальность разработки заявленной темы высока в свете необходимости выстраивания

четкого механизма реализации норм международного гуманитарного права, особенно в условиях вооруженных конфликтов. Это неминуемо предполагает необходимость осмысления соотношения конституционных норм и норм международного гуманитарного права, выработки неких приемлемых как для сторонников решительной суверенизации, так и для приверженцев глобального миропорядка концептуальных моделей.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется влияние трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права. Вместе с тем сама авторская трактовка такого политико-правового явления, как «трансформация конституционализма», на наш взгляд, далеко не бесспорна, о чем будет более подробно указано далее.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Вызывает вопрос центральная для проведенного исследования категория – «трансформация конституционализма».

В русском языке слово «трансформация» имеет значение некоего процесса изменения:

1) Преобразование, превращение одной формы в другую (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.- Павленков Ф., 1907); 2) Перемена вида; преобразование, превращение (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910); 3) Преобразование, превращение, изменение вида чего-н. (Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М: Русский язык, 1998); 4) Перемена вида, формы чего-н., преобразование, превращение (книжн.) (Большой словарь иностранных слов.- Издательство «ИДДК», 2007). При этом изменение должно быть, как следует из значения слова, существенным и иметь какое-то общее направление.

Направление это автор характеризует сначала в общем виде: «Трансформация конституционализма представляет собой сложный многоуровневый процесс, связанный с переосмыслением базовых идей, структур и механизмов осуществления государственной власти и защиты прав человека в условиях меняющегося глобального и внутреннего правопорядка». Затем ключевое понятие раскрывается более конкретизировано в связи с целью исследования: «трансформация конституционализма в современных условиях выражается в смещении акцентов: от сосредоточения исключительно на внутренней организации власти к учёту международных стандартов, от вертикальной модели правового регулирования — к полицентричной, предполагающей взаимодействие различных уровней правовых норм». Затем он указывает на неоднородность трансформации конституционализма: «в одних государствах он сопровождается укреплением механизмов защиты прав человека через международное право, в других — приводит к росту тенденций к суверенизации и отстранению от универсалистских моделей». Не противоречит ли автор сам себе, поскольку вторая группа государств не идет по пути «смещения акцентов», заявленного в предыдущем предложении как обобщающему пути трансформации конституционализма? В этой связи возникает вопрос: можно ли сейчас говорить о какой-то происходящей в масштабах земного шара трансформации конституционализма или речь идет о разных путях его развития?

В этой связи авторское трансформации конституционализма требует дополнительной аргументации. Представляется, это придало бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-

правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, влияние процесса трансформации конституционализма на имплементацию норм международного гуманитарного права в национальных правовых порядках. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта достаточно подробно: "Выбор методологии исследования обусловлен необходимостью всестороннего анализа сложного феномена трансформации конституционализма и его влияния на сферу международного гуманитарного права. В работе применяются системный подход, позволяющий рассматривать национальные правовые порядки как элементы глобальной правовой системы, находящейся в состоянии постоянной динамики. Системный анализ необходим для выявления внутренних и внешних взаимосвязей между конституционными реформами и международными обязательствами в сфере защиты человека в условиях вооружённых конфликтов. Кроме того, используется сравнительно-правовой метод, традиционно применяемый в исследованиях проблем имплементации международных норм. Он позволяет сопоставить различные модели адаптации норм МГП в национальные правовые порядки, выявить общие закономерности и специфические черты этих процессов в разных странах. Историко-правовой метод обеспечивает возможность проследить эволюцию взаимосвязи между изменениями в конституционном строе и реализацией гуманитарных обязательств, начиная от ранних этапов становления современного международного права до текущего состояния. Такой подход позволяет увидеть не только механические изменения норм, но и глубокие трансформации концептуальных основ их восприятия в национальных системах. Дополняет исследование интердисциплинарный метод анализа, предполагающий обращение к социологическим, политическим и философским аспектам рассматриваемых процессов. В условиях, когда конституционализм всё чаще интерпретируется не только как юридический, но и как социальный и политический феномен, интеграция различных научных перспектив становится насущной необходимостью. Применение указанного набора методологических подходов позволяет сформировать многогранное понимание сложного взаимодействия между изменениями в национальных конституционных системах и процессами имплементации норм международного гуманитарного права, что особенно важно в условиях усиливающейся взаимозависимости правовых систем в XXI веке".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современные тенденции развития правовых систем демонстрируют, что трансформация конституционализма становится неотъемлемым элементом глобальных изменений, затрагивающих все уровни публичного права.

Конституционализм, традиционно воспринимавшийся как выражение стабильности государственности и правового порядка, в настоящее время претерпевает существенные преобразования, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Эти изменения затрагивают не только структуру и функции государственных институтов, но и механизмы восприятия и реализации международных обязательств, в том числе в сфере международного гуманитарного права (МГП). Влияние трансформации конституционализма на процессы имплементации норм МГП становится особенно значимым в условиях нарастающих вызовов, связанных с глобализацией, регионализацией и изменением характера современных вооружённых конфликтов. Актуальность исследования обусловлена сложностью взаимодействия между глобальными и национальными правовыми процессами, порождающей необходимость глубокого осмысления их взаимного влияния. С одной стороны, нормы международного гуманитарного права обладают универсальной природой, призванной обеспечивать защиту человека в условиях вооружённых конфликтов вне зависимости от внутренней структуры государства. С другой стороны, эффективность применения этих норм в значительной степени зависит от конституционного устройства конкретных стран, степени их открытости международным обязательствам и готовности адаптировать национальное законодательство к требованиям международных актов. Таким образом, исследование трансформации конституционализма сквозь призму имплементации гуманитарных норм приобретает не только научное, но и значительное практическое значение". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... трансформация конституционализма не означает универсального и однонаправленного процесса, охватывающего все государства по единой траектории. Она проявляется в различных формах: от интеграции международных норм в национальные правовые системы до реакционных форм правового изоляционизма, стремящегося сохранить традиционные представления о суверенитете. Именно это разнообразие форм и темпов не отменяет факта трансформации, а указывает на её сложный, адаптивный характер, отражающий столкновение глобальных универсалистских трендов и локальных конституционных традиций. Следовательно, трансформация конституционализма в современном мире — это не единый вектор, а многомерное явление, в рамках которого сосуществуют как процессы открытости и интеграции, так и процессы локализации и реинтерпретации. Общим основанием для признания происходящих изменений трансформацией является то, что во всех случаях происходит переосмысление и институциональное обновление базовых принципов конституционного порядка, обусловленное изменением контекста — как внутреннего, так и международного. Это делает категорию трансформации аналитически продуктивной и методологически оправданной для описания современных изменений в области конституционного и гуманитарного права"; "В этой связи анализ взаимодействия международного гуманитарного права и конституционных систем различных государств выявляет ряд устойчивых закономерностей, отражающих как тенденции сближения этих сфер, так и сохраняющиеся противоречия. Первая закономерность заключается в росте конституционных норм, прямо или косвенно отражающих принципы МГП. Так, современные конституции всё чаще содержат положения о недопустимости применения пыток, необходимости соблюдения гуманитарных стандартов в ходе вооружённых конфликтов и при чрезвычайных ситуациях. Вторая закономерность связана с механизмами внутренней имплементации норм МГП. В ряде государств (например, Германия, Швейцария, Испания) международные нормы гуманитарного права интегрируются в национальное право

автоматически на основании конституционных положений о примате международных обязательств. В других государствах (например, в США, Великобритании) имплементация требует специальной законодательной процедуры, что порождает потенциальные риски фрагментарности и задержки в применении норм МГП. Третья закономерность проявляется в необходимости обеспечения согласования между международными гуманитарными обязательствами и принципами конституционной демократии. Здесь возникает дилемма: с одной стороны, защита прав человека требует полной имплементации гуманитарных стандартов; с другой — некоторые государства могут воспринимать международные нормы как угрозу суверенитету и национальной правовой традиции. Этот конфликт особенно остро проявляется в контексте введения чрезвычайных положений или военного положения, где национальные конституции могут предусматривать ограничения прав и свобод, не всегда согласующиеся с международными стандартами"; "Таким образом, трансформация конституционных систем порождает сложный и многоплановый процесс переосмысления места международного гуманитарного права в структуре национального правопорядка. Эта трансформация сопровождается как новыми возможностями для укрепления правовой защиты личности, так и серьезными вызовами, требующими внимательного юридического анализа и развития эффективных правовых механизмов согласования национальных интересов и международных гуманитарных обязательств"; "Таким образом, судебные прецеденты не только конкретизируют обязанности государства в области гуманитарного права, но и стимулируют развитие внутренней правовой политики в сторону большей открытости международным стандартам. При этом влияние конституционных судов на гуманитарную политику носит разнонаправленный характер: в одних случаях суды становятся авангардом интеграции международных норм, в других — выражают осторожность или даже сопротивление их применению, мотивируя это защитой конституционного суверенитета и национальных особенностей. Современные вызовы, связанные с гибридными конфликтами, терроризмом, миграционными кризисами, усиливают значение судебного контроля как механизма адаптации гуманитарных норм к изменяющейся реальности. Следовательно, конституционные суды в условиях глобальных изменений становятся не только арбитрами в вопросах соблюдения международных обязательств, но и активными субъектами процесса формирования правовых стандартов, отвечающих требованиям времени" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "Теоретико-правовые основы трансформации конституционализма и международного гуманитарного права"; "Трансформация национальных конституционных систем: вызовы и возможности для имплементации норм международного гуманитарного права"; "Роль конституционных судов и судебной практики в обеспечении имплементации норм международного гуманитарного права"; "Сравнительно-правовой анализ имплементационных моделей: опыт различных государств"; "Перспективы развития конституционных механизмов имплементации международного гуманитарного права". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В работе применяются системный подход, позволяющий рассматривать национальные правовые порядки как элементы глобальной правовой

системы, находящейся в состоянии постоянной динамики" - "применяется" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (B. Hayo, S.Voig), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Прежде всего, следует подчеркнуть, что успешная имплементация норм МГП в национальные конституционные системы невозможна без должного уровня институциональной готовности государственных органов, включая конституционные суды и правозащитные институты. Особое внимание уделено необходимости создания устойчивых и действенных механизмов конституционного контроля, направленных на соблюдение международных гуманитарных обязательств. Прецедентная практика в странах, таких как ЮАР и Германия, подтверждает важность наличия чётко прописанных норм, которые бы обеспечивали прямое и обязательное применение норм МГП на уровне национального законодательства. Важнейшим фактором, влияющим на успешную имплементацию, является интеграция гуманитарных принципов в конституционные тексты, что позволяет не только формально закрепить обязательства, но и обеспечить их реальное соблюдение. Кроме того, стало очевидно, что проблемы интеграции международных обязательств в рамках гуманитарного права тесно связаны с дилеммой баланса между суверенитетом государства и необходимостью соблюдения международных норм. В условиях глобализации и взаимозависимости правовых систем, отношение между этими двумя аспектами становится всё более сложным. Особенно остро эта проблема встаёт в странах, где традиционные представления о национальном суверенитете противостоят требованиям международного сообщества, что приводит к правовым коллизиям и затрудняет практическую реализацию обязательств по МГП. В этом контексте, несмотря на наличие декларативных норм в конституциях, зачастую наблюдается отставание реальной правоприменительной практики от международных стандартов, что ставит под угрозу права человека и гуманитарную защиту в условиях вооружённых конфликтов. На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что конституционное право в его нынешнем виде недостаточно эффективно решает проблему имплементации норм МГП. Это связано с тем, что многие национальные системы правления не обладают достаточной гибкостью для адекватной адаптации к меняющимся условиям международной безопасности и правозащиты. Особенно ярко это проявляется в странах с развивающимися демократиями, где политическая нестабильность и отсутствие прочных институтов правопорядка затрудняют встраивание международных гуманитарных норм в национальное законодательство. В то же время, опыт более зрелых демократий, таких как Германия и Франция, демонстрирует, что реализация обязательств по МГП требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и судебную практику, которая играет ключевую роль в гарантировании защиты прав человека в условиях вооружённых конфликтов. Перспективы дальнейших научных разработок в области трансформации конституционализма и международного гуманитарного права видятся в продолжении углублённого анализа взаимодействия между международными обязательствами и национальными конституционными системами. Важным направлением является исследование моделей имплементации норм МГП в странах с различным политическим режимом и уровнем развития правовых

институтов. Кроме того, необходимо продолжать изучение влияния новых глобальных угроз, таких как кибервойна и международный терроризм, на правовые системы и возможность имплементации гуманитарных норм в новых условиях. Особое внимание должно быть уделено развитию судебной практики в области прав человека, а также укреплению роли конституционных судов в обеспечении защиты международных стандартов правозащиты в рамках национальных правовых систем. Наконец, значительный интерес представляет дальнейшее изучение теоретических и практических аспектов гуманитарной конституционализации. Введение международных гуманитарных норм в национальные конституции, а также их применение на практике требуют комплексного подхода, который бы учитывал исторические, культурные и политические особенности различных стран. Такие исследования могут способствовать выработке универсальных рекомендаций по укреплению глобальных стандартов защиты прав человека, а также улучшению взаимодействия между национальными и международными правовыми системами"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, международного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении статьи.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Черных И.А., Протасевич Ф.А., Дмитриева М.М. Вклад международных организаций в разрешение вопроса о тёмном и тихом небе для науки и общества // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 165-180. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75335 EDN: VJUDDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75335

Вклад международных организаций в разрешение вопроса о тёмном и тихом небе для науки и общества

Черных Ирина Алексеевна

ORCID: 0000-0002-5369-1736

кандидат юридических наук

доцент, кафедра международного права; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ chernykh_ia@pfur.ru

Протасевич Федор Александрович

Выпускник бакалавриата кафедры международного права РУДН

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ Finiklay2@gmail.com

Дмитриева Мария Михайловна

выпускник кафедры международного права РУДН, студент Toyo Language School (Япония)

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ dmitrieva_mm02@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации и развитие отдельных отраслей МПП"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75335

EDN:

VJUDDU

Дата направления статьи в редакцию:

29-07-2025

Дата публикации:

ДЛЯ НАУЧНОГО ПОСРЕДНИКА

08-10-2025

Аннотация: Астрономические исследования всегда были неотъемлемой частью изучения нашей Вселенной, за долго до выхода человека в космос. Однако, с началом активной космической деятельности, в частности развертыванием больших и мега-группировок спутников на низкой околоземной орбите, доступ к тёмному и тихому небу оказался под угрозой. В этой связи многие международные организации обратили своё внимание на данную проблему для предотвращения ухудшения ситуации. Международный астрономический союз (МАС) и Международный институт космического права (МИКП), а также ООН, представленная вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи – Комитетом по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС) – наиболее активные в этом отношении. Именно поэтому настоящее исследование посвящено изучению их инициатив для правовой оценки предлагаемых ими решений и выявлению дополнительных вариантов, которые могут быть реализованы на практике. Для достижения обозначенной цели были использованы общенаучные (анализ, синтез) и специально-юридические методы: формально-юридический (изучение документов международных организаций), сравнительно-правовой (сопоставление подходов МАС, ООН, МИКП), историко-правовой (эволюция дискуссий, начиная с 2007 г.) и прогнозирование (обоснование необходимости разработки специального правового режима). Данная тематика впервые комплексно проанализирована в отечественной науке международного права. Выявлено, что основным инициатором в обсуждении вопроса тёмного и тихого неба является МАС. КОПУОС начал изучение данной тематики с 2017 г. в рамках Научно-технического подкомитета и в настоящее время утвердил долгосрочный план действий до 2029 г. МИКП изложил своё видение в 2023 г. в своем итоговом отчете и в 2024 г. представил его обзор в Юридический подкомитет КОПУОС. При этом, авторы пришли к выводу, что прямая цель по разработке международного режима, учитывающего интересы всех сторон, на сегодняшний день не стоит. Также вопросы, связанные с правами коренных народов в отношении доступа к небу, обсуждаются в Научно-техническом подкомитете не на должном уровне. В статье при этом подчеркивается важная роль международных организаций в решении проблемы и обоснована необходимость разработки специального правового режима с акцентом на правозащитную тематику.

Ключевые слова:

тёмное небо, астрономия, тихое небо, группировки спутников, Международный астрономический союз, КОПУОС, МИКП, световое загрязнение, права коренных народов, космическая деятельность

Введение

Смотрите ли вы на ночное небо? Как часто и зачем? Данные вопросы вряд ли появлялись в обыденной жизни наших предков, которые активно использовали ночное небо как способ получения информации о своём местонахождении, для планирования сезонных сельскохозяйственных работ или для толкования происходящих климатических изменений. Отдельное значение ночное небо всегда занимало для астрономии, одной из старейших наук, уходящих своими корнями в древность. Именно тёмное ночное небо

давало возможность первым астрономам наблюдать небесные светила и выводить закономерности об их движении, влиянии друг на друга и, конечно, на Землю. Спустя столетия человек стал активным пользователем космического пространства, размещая на различных видах орбит космические аппараты для осуществления дистанционного зондирования Земли, навигации, метеорологии, предотвращения стихийных бедствий, изучения непосредственно космического пространства, а также для обеспечения национальной безопасности и предоставления высокоскоростного спутникового интернета. Однако получение тех или иных благ, как правило, несет в себе и сопутствующий негативный эффект. Активное исследование и использование космического пространства человеком привело к тому, что на низкой околоземной орбите (на высоте примерно от 160 до 2000 км) возник ряд практических проблем, связанных с образованием космического мусора, отсутствием режима управления движением в космосе и в целом экспоненциальным ростом числа спутников. В связи с большой нагрузкой на низкую околоземную орбиту для наблюдателя, находящегося на Земле, ночное небо сегодня уже не является «тёмным и тихим»: сотни космических объектов пролетают над нами со стремительной скоростью, отражая солнечный свет. Для непрофессионала возможно даже сложно будет отличить, что является искусственным объектом, а что – естественным небесным телом.

Всё это повлияло, в первую очередь, на профессиональную деятельность астрономического мирового сообщества. Особенно остро данный вопрос встал тогда, когда появились так называемые большие и мега-группировки спутников (например, спутники Starlink компании SpaceX). Передвигаясь по своей орбите, они стали создавать полосы света на изображениях и кадрах с длинной экспозицией, полученных на Земле и в космосе с помощью телескопов, а также вызывать непреднамеренные сигналы, которые начали загрязнять радиоастрономические частотные диапазоны [\[1, p. 180-181\]](#). По результатам последних исследований также были выявлены помехи на частотах, предназначенных для радиоастрономии, которые сложно распознать. При этом, они исходят, как предполагают, не от передаваемых сигналов, а от бортовой электроники спутников [\[2\]](#).

Для решения обозначенных проблем было выбрано два способа: на национальном уровне – путем установления прямого контакта астрономического сообщества с компаниями, занимающимися развертыванием группировок спутников (например, компания SpaceX сотрудничает исследовательскими институтами и американским астрономическим сообществом в этом вопросе [\[3\]](#) и на международном уровне – посредством привлечения внимания всего мирового сообщества к необходимости сохранения тёмного и тихого неба. Вторым направлением активно занялись различные участники космической деятельности: как государства в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (далее – Комитет ООН по космосу), так и физические и юридические лица, часто являющиеся индивидуальными членами международных неправительственных организаций, например, Международного астрономического союза (далее – МАС) или Международного института космического права.

Обозначенные способы являются исключительно важными для возможности продолжения исследования космического пространства и обеспечения визуального доступа к нему, который был у человека тысячелетиями. Однако для выработки возможных международно-правовых вариантов обеспечения тёмного и тихого неба для науки и общества требуется детализированное изучение инициатив обозначенных международных организаций, что и стало предметом настоящего исследования.

В качестве применимой методологии был использован комплекс общенаучных (анализ, синтез) и специально-юридических (формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой) научных методов. В частности, применение сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования позволило авторам выявить наиболее подходящие международно-правовые способы, предлагаемые Комитетом ООН по космосу, МАС и МИКП, для решения вопроса о тёмном и тихом небе. Отдельного внимания заслуживает метод прогнозирования, с помощью которого был обоснован вывод о необходимости разработки специального международно-правового режима обеспечения тёмного и тихого неба для науки и общества с особым учетом правозащитной тематики в отношении коренных народов, поскольку тёмное небо представляет собой часть их традиционной космологии и культуры, связанной с наблюдением звёзд, планет и других астрономических явлений, применяемых в их мифологии, навигации, временных расписаниях и ритуалах [\[4\]](#).

Подчеркнем при этом, что вопросы обеспечения тёмного и тихого неба являются малоизученными в отечественной науке как международного космического права, так и права международных организаций. Среди авторов, в чьих научных работах была упомянута вскользь обозначенная тематика, можно отметить Волинскую О. А. (с точки зрения астрономических исследований как вида космической деятельности) [\[5, с. 47\]](#) и Шинкарецкую Г. Г. (с точки зрения ограничения доступа к астрономическим исследованиям по причине образования космического мусора) [\[6, с. 110\]](#), а также некоторые работы по смежной тематике (например, Мурашкина С. И., Штеле О. Е. и Шульгин П. М. – специалисты в области географических и экономических наук в своём исследовании рассуждают об астрономическом наследии, находящимся под защитой ЮНЕСКО) [\[7\]](#). В то же время в зарубежной науке международного права большее количество авторов уделяют внимание обозначенной проблематике, например: Ротала Дж. и Уильямс Э. [\[8\]](#) На ежегодных Международных астронавтических конгрессах с 2019 г. в рамках междисциплинарных исследований данной тематике также отводится особое место [\[9, 10, 11, 12, 13, 14\]](#).

Основная часть исследования

Вопрос обеспечения тёмного и тихого неба в существующей на сегодняшний день формулировке появился не так давно (около 5-6 лет назад), когда активно стал обсуждаться на международных форумах и в рамках международных организаций. Однако некоторые организации внесли вклад в рассмотрение данной проблематики значительно раньше, ключевой из которых в этом вопросе является МАС.

Международный астрономический союз, являясь всемирной международной неправительственной организацией, созданной в 1919 г., включает в себя более 10 000 профессиональных астрономов из различных стран мира. Миссией МАС является продвижение и защита астрономической науки во всех её аспектах. С 1995 г. он является наблюдателем при Комитете ООН по космосу.

Положения касательно тёмного и тихого неба в рамках работы МАС появились в **2007 г.**, однако, на тот период обсуждение этой проблемы не было связано со спутниковыми группировками. Вопрос оказался в повестке МАС в связи с принятием Декларации в защиту качества ночного неба и права наблюдать звёзды (Декларация в защиту качества ночного неба и права наблюдать звёзды 2007 г., Ла-Пальма). Через 2 года была принята резолюция XXVII Генеральной Ассамблеи МАС В2 «Защита ночного неба и права на звездный свет», в п. 1 преамбулы которой сказано, что «ночное небо было и

остается источником вдохновения человечества, и что его созерцание представляет собой важный элемент развития научной мысли во всех цивилизациях» (IAU 2009 Resolution B5 in Defence of the Night Sky and the Right to Starlight. P. 8.). В документе также было предложено признать, что созерцание незагрязненного ночного неба должно расцениваться как основополагающее социально-культурное и экологическое право (п. 1), особенно в отношении коренных народов, являющихся активными «пользователями» ночного неба. К таким народам относят народы полинезийского происхождения (острова Полинезии, некоторые острова Микронезии и Меланезии), народ навахо (индейский народ, юго-запад США), австралийских аборигенов и жителей островов Торресова пролива [15, p. 10-12]. В этой связи отметим, что в настоящее время не существует международного договора на универсальном уровне, в котором были бы закреплены и раскрыты, в т.ч. с точки зрения правозащитной тематики, экологические права человека [16]. При этом, существуют акты рекомендательного характера (Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. (далее – Декларация Рио 1992 г.) и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 76/300 от 28 июля 2022 г. «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду»). Например, в Декларации Рио 1992 г. принцип 22 посвящен роли коренного населения и общин «в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики». Также в рамках Совета ООН по правам человека существует механизм Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среды, который в 2018 г. подготовил Рамочные принципы в области прав человека и окружающей среды. В этом документе несколько принципов посвящены защите прав коренных народов и традиционных общин на земли, территории и ресурсы, которыми они пользуются (рамочные принципы 14 и 15). Социальные и культурные права человека закреплены в Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ст. 1 которого закрепляет право народов «свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие», а также в Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., в котором в отношении этнических, религиозных и языковых меньшинств было установлено право «пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды» (ст. 27). Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г., являясь документом рекомендательного характера, прямо отмечает в ст. 11 (1), что «Коренные народы имеют право на соблюдение и возрождение своих культурных традиций и обычаев. Это включает в себя право на сохранение, защиту и развитие прежних, нынешних и будущих форм проявления их культуры, таких, как <...>, обряды...». Как справедливо отмечает в своём исследовании С. Финнеган [15, p. 12], несмотря на то, что в приведенных примерах документов прямо не говорится о праве коренных народов в отношении использования ночного неба, предполагаем, что использование тёмного и тихого неба, во-первых, можно было бы отнести к «ресурсам» с точки зрения экологических прав, которыми пользуются такого рода уязвимые группы населения для применения их традиционных знаний и различных видов практик, используемых ими на протяжении долгого периода времени. Во-вторых, в отношении социально-культурных прав использование коренными народами ночного неба связано с правом на устойчивое развитие и соблюдение и сохранение их культуры.

Спустя 10 лет после первого упоминания в работе МАС вопроса о тёмном и тихом небе работа была продолжена в Комитете ООН по космосу – вспомогательно органе Генеральной Ассамблеи ООН, в состав которого по состоянию на 1 января 2024 г. входит 104 государства-члена. В частности, по инициативе МАС вопрос о защите тёмного и тихого неба получил дальнейшее развитие в январе 2017 г. в рамках 54-го заседания

Научно-технического подкомитета (далее – НТПК) Комитета ООН по космосу (документ ООН от 26 января 2017 г. A/AC.105/C.1/2017/CRP.17), а затем в июне 2017 г. в рамках 60-й сессии Комитета ООН по космосу (документ ООН от 8 июня 2017 г. A/AC.105/2017/CRP.24). МАС представил своё мнение на тему «тёмного и тихого неба». В документах были обозначены конкретные действия ООН, которые способствовали бы решению данной проблемы, но в контексте охраны обсерваторий, находящихся на Земле, и сокращению загрязнения от городского освещения, т.е. наземному сегменту. Во-первых, для более подробного обсуждения данного вопроса было предложено разработать рекомендации для улучшения ситуации и провести совместную конференцию с Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) в части вопросов, входящих в её компетенцию (документ ООН от 26 января 2017 г. A/AC.105/C.1/2017/CRP.17, п. 18, с. 3). Для сведения отметим, что ЮНЕСКО с 2003 г. продвигает проект «Астрономия и всемирное наследие», направленный на сохранение памятников и объектов, связанных с астрономическими наблюдениями, которые при этом не подпадают под критерии Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [\[17\]](#). Во-вторых, Генеральная Ассамблея ООН в своей ежегодной резолюции «Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях», проект которой готовит Комитет ООН по космосу, также могла бы обратить внимание на данную проблему всего мирового сообщества.

Новый виток обсуждения проблема получила в 2019 г., когда SpaceX запустила свою первую партию из 60 спутников Starlink. Продуктом взаимодействия МАС и Комитета ООН по космосу в этой связи и на основании ранее обозначенных инициатив стало проведение двух мероприятий в онлайн формате. В октябре 2020 г. состоялся практикум под названием «Тёмное и тихое небо для науки и общества» при поддержке Управления ООН по вопросам космического пространства (выполняет функции секретариата Комитета ООН по космосу) и Испании. На мероприятии был подготовлен проект рекомендаций государствам и частным компаниям для снижения негативного эффекта технологических разработок на астрономические исследования [\[18\]](#). Эти же рекомендации были представлены делегациями Чили, Эфиопии, Иордании, Словакии, Испании и МАС в апреле 2021 г. на 58-й сессии НТПК (документ ООН от 19 апреля 2021 г. A/AC.105/C.1/2021/CRP.17*). В октябре 2021 г. была проведена конференция с тем же названием, что и в 2020 г., на которой разработанные рекомендации были рассмотрены с точки зрения их практической реализации в контексте влияния искусственного освещения, группировок спутников на низкой околоземной орбите и радиоволнового излучения на астрономические исследования [\[19\]](#). По итогам конференции в Комитет ООН по космосу было представлено несколько документов: итоговый доклад о работе Конференции (документ ООН от 5 ноября 2021 г. A/AC.105/1255) и резюме результатов обсуждения по данной теме (документ ООН от 6 декабря 2021 г. A/AC.105/1257).

Именно на 58-й сессии НТПК была обсуждена возможность и необходимость включения рассматриваемого вопроса в повестку последующих сессий НТПК (документ ООН от 26 мая 2021 г. A/AC.105/1240, п. 226). Потенциальное название для пункта повестки дня со стороны делегаций Канады, США и Японии было сформулировано как «Общий обмен мнениями о влиянии спутниковых систем на наземную астрономию» (General Exchange of Views regarding Satellite System Effects upon Terrestrial-Based Astronomy) (документ ООН от 27 апреля A/AC.105/C.1/2021/CRP.24). При этом, учитывая междисциплинарные аспекты, связанные с этим вопросом, его рассмотрение предлагалось осуществлять в контексте тематики устойчивости космической деятельности или в Международном союзе

электросвязи (далее – МСЭ) (документ ООН от 26 мая 2021 г. A/АС.105/1240, пп. 228, 229). Несмотря на это на 59-ой сессии, НТПК начал обсуждение пункта повестки дня под названием «Общий обмен мнениями по вопросу о тёмном и тихом небе для науки и общества» (документ ООН от 23 февраля 2022 г. A/АС.105/1258, ч. XV). В дальнейшем данный пункт сохранился и в рамках 60-й сессии в 2023 г. (документ ООН от 27 февраля 2023 г. A/АС.105/1279,

документ ООН от 20 июня 2023 г. A/78/20). Отдельно стоит отметить, что по итогам активного обсуждения данной проблематики в 2023 г. делегации Испании и Чили выдвинули инициативу под названием «Группа друзей темного и тихого неба в интересах науки и общества» ^[20] для дополнительного неофициального обсуждения влияния группировок спутников на астрономию.

На 61-й сессии НТПК (2024 г.) отдельного пункта повестки дня уже не было, однако, данная тематика все равно поднималась в ходе межсессионных мероприятий. В том числе по итогам рассмотрения данного вопроса за это время Подкомитет отметил и решил включить в предварительную повестку своих будущих сессий в 2025, 2026, 2027, 2028 и 2029 гг. в качестве отдельного вопроса для обсуждения более узкую трактовку ранее обсуждаемого вопроса под названием «Темное и тихое небо, астрономия и крупные группировки спутников: преодоление появляющихся проблем и трудностей» и указал, что сфера охвата пункта повестки дня должна быть тесно увязана с его названием и не должна выходить за рамки мандата Комитета ООН по космосу и исключительной сферы ведения Подкомитета. Подкомитет решил, что на своей сессии в 2029 г. он также рассмотрит вопрос о сохранении этого пункта в своей предварительной повестке дня и примет решение по нему (документ ООН от 21 февраля 2024 г. A/АС.105/1307, пп. 257-258).

В 2025 г. как на заседании НТПК, так и Комитета ООН по космосу государства-члены и наблюдатели начали обсуждение нового скорректированного пункта повестки дня (документ ООН от 20 февраля 2025 г. A/АС.105/1338, проект документа ООН от 23 июня 2025 г. A/АС.105/L.340/Add.2). Особого внимания заслуживает подготовленный «Группой друзей темного и тихого неба в интересах науки и общества» и представленный совместно несколькими делегациями на заседание Комитета документ с уже более детализированной проработкой вопроса и новыми в большей степени техническими рекомендациями государствам (документ ООН от 01 июля 2025 г. A/АС.105/2025/CRP.28/Rev.2).

Отдельно стоит отметить обсуждение вопроса вне Комитета, для привлечения более широкого круга заинтересованных сторон. Так, на декабрь 2025 г. запланировано проведение очередного мероприятия, посвященного тематике тёмного и тихого неба для науки и общества в штаб-квартире ООН в Вене (Австрия) совместно с «Обсерваторией с антенной решеткой в квадратный километр» ^[21]. Тематика семинара будет охватывать как теоретические, так и практические аспекты: вклад астрономии и спутниковых технологий в социально-экономическое развитие, национальный опыт в области регулирования снижения воздействия спутниковых технологий на астрономические исследования (например, путем лицензирования), результаты сотрудничества между астрономическим сообществом и производителями спутников, а также проблемы, остающиеся между ними ^[21].

Таким образом, за несколько лет обсуждения интерес в Комитете к данной теме значительно возрос, что подтверждается количеством участвующих в обсуждении

государств-членов и наблюдателей (Обсерватория с антенной решеткой в квадратный километр, Европейская организация по астрономическим исследованиям в Южном полушарии, Европейское астрономическое общество, Институт космического пространства, Консультативный совет представителей космического поколения, Африканское астрономическое общество, Международная академия астронавтики, Комитет по исследованию космического пространства) (документ ООН от 20.02.2025 г. A/AC.105/1338, с. 30-31).

Проделанная работа по инициативе МАС на полях ООН позволила сформулировать ряд выводов и достигнуть определенные результаты в разрешении нового вызова, появившегося перед астрономическим сообществом и ракетно-космической отраслью соответственно.

Первоочередно было отмечено, что несмотря на то, какой вид телескопа используется для наблюдений (с возможностью широкого или узкого поля зрения, широкоугольная астрофотография, наземная или космическая астрономическая техника), влияние группировок спутников всё равно будет ощутимо на результаты исследований в современных реалиях. Зоны радиотишины (радиомолчания), необходимые для проведения исследований в области радиоастрономии, в силу нагрузки на радиочастотный спектр со стороны спутниковых группировок, также могут быть затронуты как со стороны электромагнитного, так и микроволнового фонового излучения. Обозначенные ситуации происходят из-за большого количества группировок спутников и их расположения на низкой околоземной орбите. Ситуацию также усугубляют два взаимосвязанных вызова в области космической деятельности: предупреждение образования космического мусора и управление использованием радиочастот. Отчасти из-за этого в Комитете предлагалось рассматривать данный вопрос в контексте работы Рабочей группы и обсуждения пункта повестки дня по обеспечению долгосрочной устойчивости космической деятельности.

В качестве возможных способов по разрешению сложившейся ситуации были предложены международно- и национально-правовые, технические и экономические методы как для астрономического сообщества, так и для производителей и операторов спутников в целях сохранения пользы от их использования. Например, активнее использовать международное сотрудничество, планирование и превентивные меры перед размещением спутников на орбите. Было признано, что необходим баланс между научными потребностями астрономического сообщества и операционными требованиями спутниковых компаний.

Также для размещения группировок спутников предлагается выбирать высоты не более 600 км (т.к. чем выше орбита спутника, тем он ярче) или использовать спутники на низких орбитах только в периоды их активной работы для уменьшения уровня отражаемого солнечного света, особенно во время изменения их положения в пространстве (повышение/понижение). При этом, было выявлено, что необходим индивидуальный подход для оценки ситуации. Например, в зависимости от вида астрономических исследований, влияние группировок спутников, размещенных на тех или иных видах орбит, будет также различаться (для оптической астрономии более благоприятно, когда группировок спутников размещены на более низких видах орбит (документ ООН от 1 июля 2025 г. A/AC.105/2025/CRP.28/Rev.2, п. 13, стр. 4)).

С точки зрения проведения астрономических исследований была отмечена необходимость выделения финансирования на дополнительные технические нужды для разработки нового программного или аппаратного обеспечения, новых типов

телескопов, детекторов и приемников, а также создание специальных баз данных, содержащих характеристики орбит, используемых спутниками. Цель такого финансирования – смягчение негативных последствий эксплуатации спутников и активное сохранение первозданной видимости ночного неба. Это предложение подчеркивает необходимость ответственного подхода со стороны государств к управлению своими космическими активами (документ ООН от 27 февраля 2023 г. A/AC.105/1279, п. 285).

Особое внимание было уделено обсуждению звездной величины и её параметрам: для того, чтобы спутники не доставляли помех астрономическим исследованиям, она должна быть менее 7 единиц, что в настоящее время трудно достижимо. Возможным решением стало обозначение учета яркости космическим объектам при выдаче лицензии на национальном уровне с должным учетом интересов астрономического сообщества, а также разработка международных стандартов для её определения и последующего соблюдения предельных значений.

В ежегодном обсуждении вопроса неоднократно подчеркивалась возможность минимизации негативного воздействия на ночное небо за счет плотного сотрудничества между государственным и частным секторами (включая собственников, операторов и производителей спутников). Так, американские компании сотрудничают с Национальным научным фондом (National Science Foundation) и входящими в него астрономическими обсерваториями для заключения координационных соглашений, включающих, например, обязательства следовать рекомендациям, разработанным Сектором радиосвязи МСЭ. Некоторые частные компании на начальных этапах проектирования спутников принимают на себя добровольные обязательства учитывать потребности астрономического сообщества без существенного увеличения стоимости разрабатываемых космических объектов. В государствах стали разрабатываться и приниматься нормативно-правовые и технические документы, закрепляющие выше обозначенные способы координации и меры [\[22\]](#).

Актуальным видится предоставление открытого доступа к орбитальной информации. Эта информация позволяет астрономам планировать наблюдения в областях, свободных от спутников. Именно поэтому ценной видится инициатива МАС по созданию в 2022 г. Центра по защите тёмного и спокойного неба от помех, создаваемых спутниковыми группировками, а позднее – Центра инноваций и технологий при нём.

На начальных этапах обсуждения озвучивались идеи принять рекомендации, выработанные еще в 2020-2021 гг. в отношении передовой практики для низкоорбитальных спутниковых группировок и астрономического сообщества (документ ООН от 24 декабря 2021 г. A/AC.105/C.1/L.396, п. 24 (с)). По мере изучения вопроса рекомендации расширяются и детализируются. Однако, все они пока подготовлены не на площадке ООН.

Для системного подхода к вопросу некоторые делегации предлагали создание специализированной группы экспертов сроком на 3 года (документ ООН от 27 февраля 2023 г. A/AC.105/1279, п. 288-294). Данная группа должна заниматься оценкой проблем и разработкой адекватных решений. Для эффективности работы группы экспертов также было высказано мнение о необходимости сбалансированного представительства. В её состав должны входить представители заинтересованных государств-членов, операторы частных спутников, а также представители научного и академического сообщества. Такой подход позволит учитывать интересы всех сторон и способствовать разработке комплексных решений проблемы. При этом предлагаемая группа экспертов не должна

заниматься вопросами, связанными с искусственным освещением в ночное время, поскольку эта проблематика должна рассматриваться на национальном уровне.

Также стоит упомянуть **Международный институт космического права** (далее – МИКП), международную неправительственную организацию, являющуюся наблюдателем Комитета ООН по космосу. В 2021 г. специально созданной рабочей группой МИКП было проведено детализированное международно-правовое исследование, посвященное вопросу применения космического права, включая нормы рекомендательного характера, в рамках проблемы светового загрязнения ночного неба. Итоговый отчет МИКП опубликовал в июне 2023 г. [\[23\]](#), а в апреле 2024 г. представил на заседание Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу (документ ООН от 16 апреля 2024 г. A/AC.105/C.2/2024/CRP.28).

Основными документами, рассмотренными Рабочей группой, стали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. и Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности комитета по использованию космического пространства в мирных целях 2019 г. Рабочая группа МИКП также искала какие-либо уже существующие национальные правила, ограничивающие оптическую яркость космических объектов, но таковых найти не удалось. Несмотря на то, что, по мнению МИКП, существующая проблема носит технический характер и требует технических решений, в представленных документах ему удалось показать взаимосвязь с юридической стороной вопроса. МИКП озвучил несколько предложений, которые могли бы быть реализованы на практике. Например, закрепление нового фундаментального права человека, которое защищало бы наблюдение за тёмным небом или заключение соглашений на международном уровне, охраняющих ночное небо как всемирное наследие. Также было предложено в рамках Комитета ООН по космосу разработать руководящие принципы – документ «мягкого права» по аналогии с подобного рода документами, принятыми Комитетом ранее.

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что деятельность МАС, МИКП и Комитета ООН по космосу в вопросе разрешения проблемы тёмного и тихого неба демонстрирует комплексный подход.

МАС, выступая ключевым инициатором, сформулировал научные и экологические аспекты проблемы, предложив различные детализированные меры по снижению светового загрязнения и радиопомех.

Комитет ООН по космосу обеспечил платформу для международного диалога, включив вопрос в повестку своих сессий и способствуя разработке рекомендаций для государств и частного сектора. Во всех изученных документах подчеркивается ключевая роль Комитета для разрешения вызова, стоящего перед участниками космической и астрономической деятельности. Предлагаемые решения на площадке Комитета ООН по космосу, безусловно, являются ценными и практикоориентированными за счет участия в его работе большого количества наблюдателей.

МИКП как наблюдатель Комитета и профильная международная неправительственная организация в области космического права дополнил эти усилия правовым анализом, исследуя возможности международно-правового регулирования.

Однако несмотря на проделанную работу, поддержание баланса между процессом

создания и развертывания группировок спутников и защитой астрономической среды достаточно сложно, т.к. для урегулирования проблемы необходимо проделать колоссальную работу на национальном уровне как показывают результаты исследований, проведенных МАС и МИКП. Более того, поскольку вопрос включает как минимум три направления, каждое требует отдельного рассмотрения: влияние группировок спутников на астрономические наблюдения в целом, искусственного освещения в ночное время и радиочастотных помех. Особо стоит вопрос реализации прав коренных народов, в разрешении которого могло бы принимать участие большее количество заинтересованных сторон (специальные органы ООН, представители коренных народов).

Учитывая, что в настоящее время в Комитете ООН по космосу не стоит вопрос дальнейшей проработки руководящих принципов, предлагаемых некоторыми организациями по данному вопросу, именно поэтому важную роль будут играть неправительственные инициативы МАС и МИКП, а также иных организаций. Предлагаемые ими решения быстрее могут найти отклик на национальном уровне или применяться в добровольном порядке частными компаниями.

Также, на наш взгляд, представляется целесообразным в рамках 5-летнего обсуждения вопроса «Темное и тихое небо, астрономия и крупные группировки спутников: преодоление появляющихся проблем и трудностей», активнее привлекать к обсуждению и другие органы и механизмы ООН. Например, с точки зрения продвижения идеи охраны доступа к тёмному и тихому небу как права человека, можно было бы пригласить представителя Совета ООН по правам человека или Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среды. Для разработки технических стандартов возможно также привлечение такой международной организации, как Международная организация по стандартизации.

Обозначенными шагами помогут государствам прийти к универсальному решению на международном уровне и разработать в дальнейшем детализированный международно-правовой режим, учитывающий как потребности астрономической деятельности, так и деятельности по эксплуатации группировок спутников, включая смежные аспекты, связанные с правами человека. Учитывая особенности принятия решений в Комитете ООН по космосу, реалистичным представляется, что документ, содержащий технические рекомендации, будет принят в виде документа «мягкого права».

Библиография

1. Abashidze A., Chernykh I., Mednikova M. Satellite constellations: International legal and technical aspects // *Acta Astronautica*. 2022. Vol. 196. P. 176-185. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.04.019.
2. Waldek S. Scientists analyze 76 million radio telescope images, find Starlink satellite interference 'where no signals are supposed to be present'. July 28, 2025. // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.space.com/astronomy/scientists-analyze-76-million-radio-telescope-images-find-starlink-satellite-interference-where-no-signals-are-supposed-to-be-present?utm_term=6D6AF856-6544-4635-8181-BB010A74AD6B&lrh=8648cf867aa82cb370c7fccaadf74ca41c4ab520b64cbe1dfa51a8c1d6c2f017&utm_campaign=58E4DE65-C57F-4CD3-9A5A-609994E2C5A9&utm_medium=email&utm_content=93C796A9-5A50-4D66-9C7A-C7B180CF7312&utm_source=SmartBrief (дата обращения: 29.07.2025).
3. SETI Institute and SpaceX Collaborate to Minimize Satellite Interference on Radio Astronomy // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.seti.org/news/seti-institute-and->

- spacex-collaborate-to-minimize-satellite-interference-on-radio-astronomy/?utm_source=ActiveCampaign&utm_medium=email&utm_content=Starship%20explodes%20on%20the%20test%20stand&utm_campaign=FIRST%20UP%202025-06-19 (дата обращения: 13.06.2025).
4. Watson F. Dark and Quiet Skies: An Australian perspective // UNOOSA, 2023.
 5. Волынская О. А. Космос и бизнес: международно-правовые проблемы // Право и государство. 2022. № 3(96). С. 33-54. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_3_33.
 6. Шинкарецкая Г. Г. Обеспечение безопасности государств и негосударственных акторов в процессе космической деятельности // Современное право. 2021. № 5. С. 105-112. DOI: 10.25799/NI.2021.56.56.018.
 7. Мурашкина С. И., Штеле О. Е., Шульгин П. М. Астрономическое наследие в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Наследие и современность. 2020. № 3(1). С. 7-29.
 8. Rotola G., Williams A. Regulatory Context of Conflicting Uses of Outer Space: Astronomy and Satellite Constellations // Air & Space Law. 2021. № 4&5. P. 545-568. DOI: 10.54648/aila2021031.
 9. Downer B., Gonzalez J. R., Canas L., Russo P., Cheung S.-L., van Dishoeck E., Ivanova N. Public Engagement Strategies for Global Projects of the International Astronomical Union's 100th Anniversary Celebrations (IAU100) // International Astronautical Congress 2019. ID Paper 50005.
 10. Bharadwaj T. Protecting the Dark skies of the Earth from Satellite Constellations under International Space Law // International Astronautical Congress 2020. Paper ID 60406.
 11. Walker C. The impacts of satellite constellations on optical astronomy: the good, the bad and the ugly // International Astronautical Congress 2021. Paper ID 67137.
 12. Brouma P., Liameti Th. Sky Full of Stars or Satellites: The Impact of Mega-Constellations on Ground-based Astronomy // International Astronomical Congress 2022. Paper ID 73791.
 13. Skinner M. A., Coursey C., George E. Dark and Quiet Skies: A predictive technique to mitigate the impact of satellite reflections on astronomical observatories // International Astronautical Congress 2023. Paper ID 75559.
 14. Von Der Ohe M., Jah M., Jorgenson C., Caraveo P. A Transdisciplinary Approach to Protect the Dark and Quiet Sky: A New IAA Study // 37th IAA Symposium on Space Policy, Regulations and Economics. 14-18 October 2024, Milan, Italy. P. 317-324. DOI: 10.52202/078380-0033.
 15. Finnegan C. Indigenous Interests in Outer Space: Addressing the Conflict of Increasing Satellite Numbers with Indigenous Astronomy Practices // Laws. 2022. Vol. 11, № 2. P. 26. DOI: 10.3390/laws11020026.
 16. Защита экологических прав человека : Учебное пособие / под ред. А. М. Солнцева. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : РУДН, 2015. – 468 с.
 17. Astronomy and World Heritage Thematic Initiative // [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/astronomy/> (дата обращения: 13.06.2025).
 18. Dark and Quiet Skies for Science and Society // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2020/2020_dark_skies.html (дата обращения: 13.06.2025).
 19. Dark and Quiet Skies for Science and Society // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2021/2021_dark_skies.html (дата обращения: 13.06.2025).
 20. Group of Friends // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cps.iau.org/group-of-friends/> (дата обращения: 13.06.2025).
 21. UN/SKAO Workshop on Dark and Quiet Skies for Science and Society 2025 // [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2025/UN-SKAO-dark-and-quiet-skies-2025.html> (дата обращения: 13.06.2025).

22. Regan D. DarkSky endorses the Dark and Quiet Skies Act. September 4, 2024. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://darksky.org/news/darksky-endorses-the-dark-and-quiet-skies-act/> (дата обращения: 13.06.2025).

23. IISL Working Group on Light Pollution // [Электронный ресурс]. – URL: <https://iisl.space/iisl-working-group-on-light-pollution/> (дата обращения: 13.06.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, вклад международных организаций в разрешение вопроса о тёмном и тихом небе для науки и общества. Заявленные границы исследования соблюдены учеными.

Методология исследования раскрыта: "В качестве применимой методологии был использован комплекс общенаучных (анализ, синтез) и специально-юридических (формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой) научных методов. В частности, применение сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования позволило авторам выявить наиболее подходящие международно-правовые способы, предлагаемые Комитетом ООН по космосу, МАС и МИКП, для решения вопроса о тёмном и тихом небе. Отдельного внимания заслуживает метод прогнозирования, с помощью которого был обоснован вывод о необходимости разработки специального международно-правового режима обеспечения тёмного и тихого неба для науки и общества с особым учетом правозащитной тематики в отношении коренных народов, поскольку тёмное небо представляет собой часть их традиционной космологии и культуры, связанной с наблюдением звёзд, планет и других астрономических явлений, применяемых в их мифологии, навигации, временных расписаниях и ритуалах [4]".

Актуальность избранной авторами темы исследования несомненна и обосновывается ими достаточно подробно: "Спустя столетия человек стал активным пользователем космического пространства, размещая на различных видах орбит космические аппараты для осуществления дистанционного зондирования Земли, навигации, метеорологии, предотвращения стихийных бедствий, изучения непосредственно космического пространства, а также для обеспечения национальной безопасности и предоставления высокоскоростного спутникового интернета. Однако получение тех или иных благ, как правило, несет в себе и сопутствующий негативный эффект. Активное исследование и использование космического пространства человеком привело к тому, что на низкой околоземной орбите (на высоте примерно от 160 до 2000 км) возник ряд практических проблем, связанных с образованием космического мусора, отсутствием режима управления движением в космосе и в целом экспоненциальным ростом числа спутников. В связи с большой нагрузкой на низкую околоземную орбиту для наблюдателя, находящегося на Земле, ночное небо сегодня уже не является «тёмным и тихим»: сотни космических объектов пролетают над нами со стремительной скоростью, отражая солнечный свет. Для непрофессионала возможно даже сложно будет отличить, что является искусственным объектом, а что – естественным небесным телом. Всё это

повлияло, в первую очередь, на профессиональную деятельность астрономического мирового сообщества. Особенно остро данный вопрос встал тогда, когда появились так называемые большие и мега-группировки спутников (например, спутники Starlink компании SpaceX). Передвигаясь по своей орбите, они стали создавать полосы света на изображениях и кадрах с длинной экспозицией, полученных на Земле и в комосе с помощью телескопов, а также вызывать непреднамеренные сигналы, которые начали загрязнять радиоастрономические частотные диапазоны [1, р. 180-181]. По результатам последних исследований также были выявлены помехи на частотах, предназначенных для радиоастрономии, которые сложно распознать. При этом, они исходят, как предполагают, не от передаваемых сигналов, а от бортовой электроники спутников [2]. Для решения обозначенных проблем было выбрано два способа: на национальном уровне – путем установления прямого контакта астрономического сообщества с компаниями, занимающимися развертыванием группировок спутников (например, компания SpaceX сотрудничает исследовательскими институтами и американским астрономическим сообществом в этом вопросе [3] и на международном уровне – посредством привлечения внимания всего мирового сообщества к необходимости сохранения тёмного и тихого неба. Вторым направлением активно занялись различные участники космической деятельности: как государства в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (далее – Комитет ООН по космосу), так и физические и юридические лица, часто являющиеся индивидуальными членами международных неправительственных организаций, например, Международного астрономического союза (далее – МАС) или Международного института космического права. Обозначенные способы являются исключительно важными для возможности продолжения исследования космического пространства и обеспечения визуального доступа к нему, который был у человека тысячелетиями. Однако для выработки возможных международно-правовых вариантов обеспечения тёмного и тихого неба для науки и общества требуется детализированное изучение инициатив обозначенных международных организаций, что и стало предметом настоящего исследования". Учеными раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Подчеркнем при этом, что вопросы обеспечения тёмного и тихого неба являются малоизученными в отечественной науке как международного космического права, так и права международных организаций. Среди авторов, в чьих научных работах была упомянута вскользь обозначенная тематика, можно отметить Волинскую О. А. (с точки зрения астрономических исследований как вида космической деятельности) [5, с. 47] и Шинкарецкую Г. Г. (с точки зрения ограничения доступа к астрономическим исследованиям по причине образования космического мусора) [6, с. 110], а также некоторые работы по смежной тематике (например, Мурашкина С. И., Штеле О. Е. и Шульгин П. М. – специалисты в области географических и экономических наук в своём исследовании рассуждают об астрономическом наследии, находящимся под защитой ЮНЕСКО) [7]. В то же время в зарубежной науке международного права большее количество авторов уделяют внимание обозначенной проблематике, например: Ротала Дж. и Уильямс Э. [8] На ежегодных Международных астронавтических конгрессах с 2019 г. в рамках междисциплинарных исследований данной тематике также отводится особое место [9, 10, 11, 12, 13, 14]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений авторов: "Таким образом, за несколько лет обсуждения интерес в Комитете к данной теме значительно возрос, что подтверждается количеством участвующих в обсуждении государств-членов и наблюдателей (Обсерватория с антенной решеткой в квадратный километр, Европейская организация по астрономическим исследованиям в Южном полушарии, Европейское астрономическое общество, Институт космического пространства, Консультативный совет

представителей космического поколения, Африканское астрономическое общество, Международная академия астронавтики, Комитет по исследованию космического пространства) (документ ООН от 20.02.2025 г. А/АС.105/1338, с. 30-31)"; "В качестве возможных способов по разрешению сложившейся ситуации были предложены международно- и национально-правовые, технические и экономические методы как для астрономического сообщества, так и для производителей и операторов спутников в целях сохранения пользы от их использования. Например, активнее использовать международное сотрудничество, планирование и превентивные меры перед размещением спутников на орбите. Было признано, что необходим баланс между научными потребностями астрономического сообщества и операционными требованиями спутниковых компаний"; "Актуальным видится предоставление открытого доступа к орбитальной информации. Эта информация позволяет астрономам планировать наблюдения в областях, свободных от спутников. Именно поэтому ценной видится инициатива МАС по созданию в 2022 г. Центра по защите тёмного и спокойного неба от помех, создаваемых спутниковыми группировками, а позднее – Центра инноваций и технологий при нём"; "Также, на наш взгляд, представляется целесообразным в рамках 5-летнего обсуждения вопроса «Темное и тихое небо, астрономия и крупные группировки спутников: преодоление появляющихся проблем и трудностей», активнее привлекать к обсуждению и другие органы и механизмы ООН. Например, с точки зрения продвижения идеи охраны доступа к тёмному и тихому небу как права человека, можно было бы пригласить представителя Совета ООН по правам человека или Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среды. Для разработки технических стандартов возможно также привлечение такой международной организации, как Международная организация по стандартизации" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан авторами в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученые обосновывают актуальность избранной ими темы исследования, раскрывают его методологию. В основной части работы авторы анализируют вклад международных организаций в разрешение вопроса о тёмном и тихом небе для науки и общества с целью выработки возможных международно-правовых вариантов обеспечения такого состояния. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, авторы пишут: "Отдельное значение ночное небо всегда занимало для астрономии, одной из старейших наук, уходящих своими корнями в древность" - "Отдельное значение ночное небо всегда имело для астрономии, одной из старейших наук, уходящих своими корнями в древность" (см. на стилистику).

Ученые отмечают: "Спустя 10 лет после первого упоминания в работе МАС вопроса о тёмном и тихом небе работа была продолжена в Комитете ООН по космосу – вспомогательно органе Генеральной Ассамблеи ООН, в состав которого по состоянию на 1 января 2024 г. входит 104 государства-члена" - "вспомогательном" (опечатка).

Авторы указывают: "Однако несмотря на проделанную работу, поддержание баланса между процессом создания и развертывания группировок спутников и защитой астрономической среды достаточно сложно, т.к. для урегулирования проблемы необходимо проделать колоссальную работу на национальном уровне как показывают результаты исследований, проведенных МАС и МИКП" - "Однако несмотря на

проделанную работу, поддержание баланса между процессом создания и развертывания группировок спутников и защитой астрономической среды достаточно сложно, т.к. для урегулирования проблемы необходимо проделать колоссальную работу на национальном уровне - как показывают результаты исследований, проведенных МАС и МИКП" (см. на пунктуацию).

Ученые пишут: "Обозначенными шагами помогут государствам прийти к универсальному решению на международном уровне и разработать в дальнейшем детализированный международно-правовой режим, учитывающий как потребности астрономической деятельности, так и деятельности по эксплуатации группировок спутников, включая смежные аспекты, связанные с правами человека" - "Обозначенные" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки.

Инициалы авторов в тексте статьи ставятся перед их фамилиями.

Библиография исследования представлена 23 источниками (научными статьями, аналитическими материалами, учебным пособием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Авторам удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется авторами корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итоги, стоит отметить, что деятельность МАС, МИКП и Комитета ООН по космосу в вопросе разрешения проблемы тёмного и тихого неба демонстрирует комплексный подход. МАС, выступая ключевым инициатором, сформулировал научные и экологические аспекты проблемы, предложив различные детализированные меры по снижению светового загрязнения и радиопомех. Комитет ООН по космосу обеспечил платформу для международного диалога, включив вопрос в повестку своих сессий и способствуя разработке рекомендаций для государств и частного сектора. Во всех изученных документах подчеркивается ключевая роль Комитета для разрешения вызова, стоящего перед участниками космической и астрономической деятельности. Предлагаемые решения на площадке Комитета ООН по космосу, безусловно, являются ценными и практикоориентированными за счет участия в его работе большого количества наблюдателей. МИКП как наблюдатель Комитета и профильная международная неправительственная организация в области космического права дополнил эти усилия правовым анализом, исследуя возможности международно-правового регулирования. Однако несмотря на проделанную работу, поддержание баланса между процессом создания и развертывания группировок спутников и защитой астрономической среды достаточно сложно, т.к. для урегулирования проблемы необходимо проделать колоссальную работу на национальном уровне как показывают результаты исследований, проведенных МАС и МИКП. Более того, поскольку вопрос включает как минимум три направления, каждое требует отдельного рассмотрения: влияние группировок спутников на астрономические наблюдения в целом, искусственного освещения в ночное время и радиочастотных помех. Особо стоит вопрос реализации прав коренных народов, в разрешении которого могло бы принимать участие большее количество заинтересованных сторон (специальные органы ООН, представители коренных народов)" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, космического права, конституционного права при условии ее небольшой доработки:

устранении нарушений в оформлении статьи.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Петухов Д.В. Формирование международных норм по охране окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов: опыт конца XX – начала XXI веков // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 181-194. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.76051 EDN: VZFDSZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76051

Формирование международных норм по охране окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов: опыт конца XX – начала XXI веков.

Петухов Данила Витальевич

Лаборант-исследователь; Институт государства и права РАН

г Москва, Чистопрудный б-р, д 7/2, кв 26

✉ pdv982002@gmail.com

[Статья из рубрики "Нормотворческая и правоприменительная деятельность международных организаций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.76051

EDN:

VZFDSZ

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является эволюция международно-правовых норм, регулирующих охрану окружающей среды в условиях вооружённых конфликтов. Объектом исследования является совокупность международных договоров, резолюций и практики международных организаций, направленных на защиту природной среды в условиях войн. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как закрепление экологических норм в международном гуманитарном праве 1970-х гг., включая войну во Вьетнаме и её последствия, принятие Конвенции ENMOD и Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Особое внимание уделяется анализу крупных экологических катастроф конца XX века – поджогу нефтяных скважин в Кувейте в 1991 г. и бомбардировкам промышленных объектов в Югославии в 1999 г., а также их влиянию на

развитие международного права. Рассматриваются положения Римского статута Международного уголовного суда, а также деятельность ООН и Международного комитета Красного Креста в сфере защиты окружающей среды в условиях войн. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой анализ, позволивший выявить эволюцию правовых норм, и сравнительно-правовой метод, обеспечивший сопоставление различных международных договоров и механизмов их реализации. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к рассмотрению международных норм, регулирующих охрану окружающей среды в условиях вооружённых конфликтов. Автор обобщает опыт второй половины XX века, показывая, что отдельные международные договоры и резолюции, несмотря на важность их формального закрепления, на практике нередко остаются декларативными и недостаточно эффективными. В статье выявляются пробелы в международном праве, включая отсутствие общепринятых критериев оценки экологического ущерба и слабость механизмов принуждения к исполнению обязательств. В то же время подчёркивается значение практики Компенсационного комитета ООН как примера успешной реализации международного механизма возмещения ущерба. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития международного права в данной сфере, включая выработку унифицированных методик оценки ущерба и усиление роли международных организаций в обеспечении защиты окружающей среды во время войн.

Ключевые слова:

международное право, вооруженные конфликты, охрана окружающей среды, Конвенция Е N M O D, Женевские конвенции, Римский статут, экологический ущерб, Кувейт, Югославия, экоцид

Вопрос охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов остается одной из наиболее дискуссионных проблем международного права. Несмотря на наличие специальных договоров и гуманитарно-правовых норм, фактическое применение положений, связанных с защитой природы во время войн, остается ограниченным. Анализ исторического опыта показывает, что именно экологические последствия вооруженных конфликтов второй половины XX века стали катализатором появления международно-правовых норм, регулирующих данный вопрос. Современные вооружённые конфликты наносят серьёзный ущерб экологии, разрушая экосистемы, загрязняя почвы и воду, провоцируя выбросы парниковых газов ^[1]. По данным Программы ООН по окружающей среде (UNEP), война в Газе вызвала беспрецедентные уровни загрязнения воздуха, воды и почв, а также риск длительной деградации биоразнообразия [*Environmental impacts of the war in Gaza are unprecedented // UNEP. 2024. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/damage-gaza-causing-new-risks-human-health-and-long-term-recovery>(дата обращения: 16.09.2025)]]. Аналогичная ситуация наблюдается и в Восточной Европе: по оценке исследователей, за три года конфликта на Украине выбросы парниковых газов, связанные с военными действиями, достигли около 230 млн тонн CO₂-эквивалента, из которых 55 млн тонн пришлось только на 2024 год; при этом площадь лесных пожаров составила около 92 100 гектаров, что более чем вдвое превышает средние показатели предыдущих лет [*Forest fires push up greenhouse gas emissions from war in Ukraine // The Guardian. 24.02.2025. U R L : <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/24/forest-fires-push-up-greenhouse-gas-emissions-from-war-in-ukraine>(дата обращения: 16.09.2025)]].**

Особенно остро экологические последствия проявились в результате разрушения Каховской гидроэлектростанции. В результате подрыва дамбы было высвобождено около 16,4 км³ воды, что привело к масштабным наводнениям, затоплению десятков тысяч зданий и угрозе жизни, и здоровью примерно 110 000 человек. Помимо гуманитарных последствий, разрушение дамбы вызвало деградацию почв, загрязнение пресной воды и угрозу для морских экосистем Чёрного моря (*Water war: long-term environmental consequences of destruction of Kakhovka dam, Ukraine* // *PreventionWeb*. 2023. URL: <https://www.preventionweb.net/news/water-war-long-term-environmental-consequences-d-estruction-kakhovka-dam-ukraine> (дата обращения: 16.09.2025)).

Африканский континент также остаётся регионом, где экологические последствия вооружённых конфликтов приобретают разрушительный характер. По данным Центра по экологической безопасности в условиях конфликтов (CEOBS), утрата лесов в зонах боевых действий в Африке возросла на 8 % с 2019 года, особенно в Демократической Республике Конго, где население вынуждено активно использовать древесину для производства угля в условиях нестабильности (*Assessment of Recent Forest Loss in Conflict Areas* // *CEOBS*. 2021. URL: <https://ceobs.org/assessment-of-recent-forest-loss-in-conflict-areas/> (дата обращения: 16.09.2025)). UNEP в своём докладе о послеконфликтной ситуации в Судане указывает, что загрязнение почв, разрушение инфраструктуры и утрата растительности превысили 50 % от довоенного уровня биоразнообразия, а восстановление экосистем может занять десятилетия (*Sudan Post-Conflict Environmental Assessment* // *UNEP*. 2024. URL: https://www.thegef.org/sites/default/files/ncsa-documents/UNEP_Sudan_1_89_0.pdf (дата обращения: 16.09.2025)). В восточной части ДР Конго, где продолжаются столкновения с участием группировки M23, темпы уничтожения лесов в 2021–2022 гг. достигли примерно 22 % в наиболее пострадавших районах (*DR Congo conflict fuels forest loss* // *Reuters*. 17.07.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/dr-congo-conflict-fuels-forest-loss-2024-07-17/> (дата обращения: 16.09.2025)).

Таким образом, экологические последствия современных вооружённых конфликтов приобретают трансграничный и долговременный характер. Разрушение инфраструктуры, пожары, загрязнение воды и почв приводят не только к непосредственным гуманитарным кризисам, но и к масштабным изменениям экосистем, требующим десятилетий для восстановления. Эти примеры подтверждают необходимость укрепления международно-правовых механизмов охраны окружающей среды в условиях войн и вооружённых столкновений.

Представляется целесообразным проследить эволюцию международно-правовых норм, содержащих положения об охране окружающей среды в условиях вооружённых конфликтов, начиная с 1970-х гг. и до начала XXI века и на их основе выявить наиболее актуальные направления совершенствования международного права в рассматриваемой сфере с учетом приведенных вызовов и угроз.

Наиболее ярким примером экологического ущерба, вызванного применением военной силы, является использование американской армией дефолиантов, в том числе «Agent Orange», во время войны во Вьетнаме (1961–1971 гг.). Массовое распыление химических веществ привело к уничтожению около 20 % лесного покрова Южного Вьетнама, деградации почв, отравлению водных ресурсов и массовым заболеваниями местного населения [3]. Именно этот пример впервые поставил в международной повестке вопрос о том, может ли экологический ущерб от военных действий рассматриваться как нарушение норм международного права [4].

В ответ на подобные вызовы в 1970-х гг. был принят целый ряд документов, направленных на защиту окружающей среды во время войн. Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (ENMOD, 1977 г.) прямо запрещает применение технологий, связанных с искусственным изменением погоды или климата в военных целях (*Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (ENMOD), 1977 // UNODA. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml* (дата обращения: 08.09.2025)). В научной литературе эта Конвенция справедливо рассматривается как своеобразный «спящий гигант» международного права, который, несмотря на редкое практическое применение, задаёт предельные рамки допустимого воздействия на окружающую среду в ходе военных действий [5][6].

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1977 г. закрепил запрет на методы ведения войны, которые могут причинить «широкий, длительный и серьезный ущерб природной среде» (*Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949 (Protocol I), 1977 // ICRC. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.34_AP-I-EN.pdf* (дата обращения: 08.09.2025)). Позднее, в 1998 г., в Римском статуте Международного уголовного суда было закреплено, что умышленное причинение масштабного ущерба окружающей среде в ходе вооруженного конфликта может квалифицироваться как военное преступление (*Rome Statute of the International Criminal Court, 1998 // ICRC. URL: https://legal.un.org/icc/statute/99_corr/cstatute.htm* (дата обращения: 08.09.2025)).

В работе последовательно прослеживается влияние крупных исторических прецедентов – от войны во Вьетнаме до конфликтов в Кувейте и Югославии – на формирование международно-правовых норм охраны окружающей среды. Анализ включает рассмотрение ключевых международных договоров и механизмов, таких как Конвенция ENMOD 1977 г., Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям и Римский статут Международного уголовного суда. Особое внимание уделяется выявлению пробелов, сохраняющихся в существующей системе регулирования, а также значению этих процессов для современных дискуссий о необходимости дальнейшего развития и реформирования международного права в экологической сфере.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой анализ, который позволил выявить закономерности эволюции международно-правовых норм в сфере охраны окружающей среды в условиях вооружённых конфликтов, и сравнительно-правовой метод, который дал возможность сопоставить различные международные договоры и механизмы, а также оценить их эффективность в контексте конкретных исторических прецедентов.

Закрепление требований о необходимости обеспечения охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов в международном праве существует уже на протяжении довольно длительного периода времени. Проблема экологических последствий вооруженных конфликтов впервые вышла на передний план именно во второй половине XX века. Одним из важнейших прецедентов стала война во Вьетнаме (1961–1975 гг.), в ходе которой вооруженные силы США в рамках операции «Ranch Hand» применяли дефолианты и гербициды для уничтожения лесного покрова и посевов. Одним из которых был химикат под названием «Agent Orange», содержащий диоксин и обладающий высокой токсичностью и способностью вызывать генетические изменения. В результате применения этих веществ было уничтожено около 20 % лесов Южного

Вьетнама, серьезно повреждены сельскохозяйственные угодья, отравлены водные экосистемы. Массовое воздействие на природу вызвало и долгосрочные последствия для здоровья местного населения, включая рост онкологических заболеваний и врожденных патологий [2].

Именно экологические последствия Вьетнамской войны впервые обусловили необходимость закрепления норм, направленных на защиту окружающей среды в условиях военных действий. На платформах различных международных организации, включая ООН, начались обсуждения допустимости применения подобных средств с учетом их возможных последствий для мирного населения как в период активных боевых действий, так и после завершения конфликта. В результате в 1977 г. была подписана Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (ENMOD) (*Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (ENMOD)*, 1977 // UNODA URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 08.09.2025) // Россия является её участником с 1978 г.). Данный договор запрещает использование климатических, геофизических и иных технологий изменения окружающей среды в качестве оружия. В статье I закреплено: «Каждая Договаривающаяся Сторона обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию технологий изменения окружающей среды, имеющих широкие, длительные или тяжёлые последствия, в качестве средства разрушения, причинения ущерба или вреда другой Договаривающейся Стороне». В статье II даётся определение ключевого понятия: «Под „технологией изменения окружающей среды“ понимается любая технология изменения – посредством сознательного манипулирования естественными процессами – динамики, состава или структуры Земли, включая её биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, либо космического пространства». Таким образом, под запрет попадают, в частности, искусственное вмешательство в погодные условия, климат, океанические течения, создание искусственных осадков, а также провоцирование цунами или землетрясений, если подобные действия способны повлечь разрушения или ущерб для других государств. (*Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 года*).

В научной литературе Конвенция ENMOD неоднократно оценивалась как «спящий гигант»: обладая высоким потенциалом регулирования, она редко применялась на практике. Тем не менее ее значение заключается в том, что это первый международный договор, прямо ограничивающий использование природной среды как оружия [3].

Параллельно с этим в этом направлении развивались и нормы международного гуманитарного права. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1977 г. закрепил принцип защиты природной среды, прямо запрещая методы ведения войны, которые могут нанести «широкий, длительный и серьезный ущерб окружающей среде» (в какой статье или части или пункте). Кроме того, в протоколе указывалось, что подобные действия могут рассматриваться как нарушение международного гуманитарного права, если они наносят ущерб не только природе, но и здоровью населения в какой статье или части, или пункте) (*Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949 (Protocol I)*, 1977 // ICRC. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.34_AP-I-EN.pdf (дата обращения: 08.09.2025)).

Таким образом, к концу 1970-х гг. международное сообщество предприняло первые шаги к формированию самостоятельного направления в международном праве, посвященного охране окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов. Хотя эффективность этих норм оставалась ограниченной, их появление стало важной вехой в развитии правового регулирования, а сами документы заложили основу для последующих международных дискуссий и договоров.

Несмотря на закрепление в международных договорах базовых ограничений на методы ведения войны, касающихся предотвращения загрязнения окружающей среды, уже в конце XX в. мировое сообщество столкнулось с новыми примерами масштабного экологического ущерба, вызванного вооруженными конфликтами. Эти события стали серьезным испытанием эффективности существующих международно-правовых норм, выявив их слабые стороны.

Одним из наиболее ярких примеров стала экологическая катастрофа, вызванная поджогом нефтяных скважин в Кувейте отступающими войсками Ирака во время войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.). В результате подрыва более 700 скважин и возникшего возгорания около 500 млн баррелей нефти, продукты горения образовали в атмосфере гигантские облака дыма, а в Персидский залив попали миллионы тонн углеводородов. Это привело к масштабному загрязнению воздуха, почв и морской среды, гибели флоры и фауны региона [71].

Данный эпизод стал предметом международного разбирательства: Совет Безопасности ООН в резолюции № 687 (1991) признал Ирак ответственным за причиненный ущерб и обязал его выплатить компенсации. Для рассмотрения претензий был создан Компенсационный комитет ООН, который удовлетворил более 2,6 млн требований на общую сумму порядка 52,4 млрд долларов США. Все выплаты были произведены самим Ираком за счёт обязательных отчислений от экспорта нефти и нефтепродуктов, установленных Советом Безопасности, что обеспечило устойчивое финансирование механизма. К январю 2022 г. Компенсационная комиссия завершила свою работу, зафиксировав полное исполнение обязательств, что подтверждено решением Совета управляющих и официальным пресс-релизом ООН (*United Nations Compensation Commission. Press Release PR/2022/1. Geneva, 13 January 2022. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/press-release/2022/01/united-nations-compensation-commission-pays-out-final-compensation> (дата обращения: 16.09.2025)*). Этот прецедент продемонстрировал, что международно-правовой механизм компенсации экологического и материального ущерба может быть реализован в полном объёме при условии наличия чётких обязательств, прозрачных процедур и действенного контроля со стороны международных организаций [81].

Другим примером, продемонстрировавшим уязвимость международных норм в рассматриваемой сфере, стали события в ходе вооружённого конфликта в Югославии в 1999 году. В результате авиаударов НАТО по химическим и нефтехимическим предприятиям (в частности, в г. Панчево) произошли выбросы хлора, ртути и диоксинов в реку Дунай и атмосферу. Международный комитет Красного Креста (МККК) зафиксировал факты широкого загрязнения окружающей среды, вызвавшие угрозу здоровью мирного населения (*I C R C .Environment and Warfare. URL: <https://www.icrc.org/en/law-and-policy/environment-and-warfare> (дата обращения: 08.09.2025)*). Отдалённые последствия сохраняются: районы Панчево, Нови Сад и Бор были признаны «горячими точками» загрязнения по оценке UNEP/Balkans Task Force, где были обнаружены стойкие загрязнители в почве и в осадках, ухудшение качества

питьевой воды и длительные риски для здоровья (*United Nations Environment Programme. The environmental consequences of the Kosovo conflict. Report to the Committee on the Environment, Agriculture and Local and Regional Affairs. Strasbourg: Council of Europe, 1999.* URL: <https://rm.coe.int/the-environmental-consequences-of-the-kosovo-conflict/16807188c5> (дата обращения: 16.09.2025)).

Впоследствии Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) рассматривал вопрос о возможности возбуждения дел, связанных с экологическим ущербом, однако не было принято решений о привлечении к ответственности, что показало слабость международного механизма возмещения экологического вреда, поскольку даже при причинении очевидного ущерба окружающей международной право не обеспечивало действенной ее защиты [9] [10].

На фоне этих событий усилились дискуссии о необходимости введения новой категории международного преступления – экоцида. В научной литературе и на форумах ООН звучали предложения дополнить Римский статут Международного уголовного суда положениями о защите природы от военных и мирных разрушений [11]. Хотя термин не был включен в международные договоры, сама постановка вопроса стала прямым следствием опыта Вьетнама, Кувейта и Югославии.

Таким образом, прецеденты конца XX века выявили два ключевых направления развития международного права: во-первых, необходимость укрепления международных механизмов возмещения экологического ущерба (пример Ирака и Кувейта), а во-вторых – очевидную уязвимость существующих юридических средств защиты окружающей среды (пример Югославии). Эти уроки стали основой для дальнейших шагов в развитии нормативной базы, включая принятие Римского статута Международного уголовного суда (1998 г.), который стал ключевым этапом в становлении международно-правовой охраны окружающей среды. Статья 8(2)(b)(iv) Статута закрепила, что военным преступлением может считаться «умышленное осуществление нападения с осознанием того, что оно вызовет широкомасштабный, долговременный и серьезный ущерб природной среде, явно несоразмерный с ожидаемым конкретным и непосредственным военным преимуществом» (*Rome Statute of the International Criminal Court. 1998 // United Nations Treaty Collection.* URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1998/07/19980717%2005-13%20PM/Ch_XVIII_10p.pdf (дата обращения: 16.09.2025)). Несмотря на высокую значимость данной нормы, её применение остаётся ограниченным: Международный уголовный суд пока не рассматривал дел, напрямую связанных с экологическим ущербом, вызванным военными действиями. Это объясняется как сложностями доказательства масштаба последствий, так и высоким порогом квалификации, закреплённым в Статуте («широкий, длительный и серьезный ущерб») [12].

В XXI веке активную роль в разработке подходов к защите природы во время войн продолжает играть Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает резолюции, посвященные защите окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов. Так, в 2016 году была принята резолюция A/RES/71/246 «Защита окружающей среды в районах вооруженных конфликтов», в которой подчеркивалась необходимость усиления международных механизмов контроля. Значительный вклад в развитие правоприменительной практики вносит Международный комитет Красного Креста (МККК). В 2020 г. МККК опубликовал «Руководство по защите окружающей среды в вооруженных конфликтах», в котором систематизировал нормы обычного и договорного права, а также представил рекомендации по их применению (*ICRC. Guidelines on the Protection of the Natural Environment in Armed Conflict 2020.*

URL: <https://www.icrc.org/en/document/guidelines-protection-natural-environment-armed-conflict> (дата обращения: 08.09.2025) / В «Руководстве по защите окружающей среды в вооружённых конфликтах» (2020) МККК систематизировал 32 положения международного гуманитарного и экологического права, касающиеся охраны природы во время войн. В документе подчёркивается, что окружающая среда должна рассматриваться как объект гражданской защиты, а стороны конфликта обязаны учитывать принципы пропорциональности и предосторожности, воздерживаясь от атак, способных вызвать чрезмерный экологический ущерб.)

Несмотря на формальное наличие отдельных норм, их практическое применение в международных судах остается крайне ограниченным. Пример Югославии 1999 года показал, что даже при масштабном экологическом ущербе международные трибуналы не готовы рассматривать его как самостоятельное основание для уголовной ответственности. Аналогичная ситуация наблюдается и в других конфликтах начала XXI века: экологический ущерб фиксируется, но не становится предметом международного судебного преследования и не приводит к решениям о компенсации причиненного ущерба на уровне государств, как субъектов ведения военных конфликтов. На практике это связано с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, неопределенность юридических критериев препятствует квалификации: такие термины, как «широкий, длительный и серьезный ущерб», остаются оценочными категориями и не имеют достаточного уровня конкретизации. Дополнительную сложность создает отсутствие международно признанных методик для фиксации и измерения экологических последствий военных действий, что серьезно осложняет процесс доказывания [13]. Наконец, немаловажную роль играет и политический фактор: государства, даже обладая данными о причиненном ущербе, редко проявляют готовность передавать такие дела в компетенцию международных инстанций, опасаясь создания прецедента, который в будущем может быть обращен против них самих.

Таким образом, современная практика показывает, что при наличии правовой базы в виде отдельных норм – статьи I и II Конвенции ENMOD (1977), статей 35(3) и 55 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям (1977), статьи 8(2)(b)(iv) Римского статута Международного уголовного суда (1998), резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/246 (2016), а также 32 руководящих положений «Руководства по защите окружающей среды в вооружённых конфликтах» МККК (2020) – защита окружающей среды и предотвращение экологического ущерба в условиях вооружённых конфликтов остаётся скорее декларативной, чем реально действующей.

К примеру, с одной стороны, нормы международного гуманитарного права и положения Римского статута МУС фиксируют запрет на нанесение масштабного экологического ущерба. С другой стороны, отсутствие четких критериев для их применения, недостаточная разработанность процедур фиксации последствий военных действий и очевидная политическая сдержанность государств приводят к тому, что эти нормы фактически не работают. В результате современное международное право создает впечатление развитой системы защиты, которая в действительности остается лишь набором потенциальных инструментов, редко выходящих за пределы бумажных деклараций.

Международное право традиционно испытывает трудности с обеспечением исполнения своих норм, однако ряд сфер демонстрирует наличие действенных инструментов. Одним из наиболее показательных примеров является международное морское право, где предусмотрены как судебные, так и административные механизмы. Так, Конвенция ООН

по морскому праву 1982 г. (ЮНКЛОС. *United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982*) закрепляет обязательность разрешения споров государств-участников посредством Международного трибунала по морскому праву (ИТЛОС), арбитражей или Международного суда ООН). Показательным является дело «Сайга» (M/V Saiga, 1997–1999 гг.), когда ИТЛОС обязал немедленно освободить задержанное судно и экипаж на основании статьи 292 ЮНКЛОС. Не менее эффективно действует система портового государственного контроля (PSC), при которой иностранные суда подвергаются проверке на соответствие конвенциям Международной морской организации (MARPOL, SOLAS и др.). Нарушения фиксируются в форме задержаний и даже запретов на заход в порты, что создаёт для судовладельцев ощутимые экономические последствия (*Paris Memorandum of Understanding on Port State Control, Annual Report 2022*).

Схожие примеры можно найти и в области международного экологического права. Наиболее эффективным инструментом считается Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1987 г.). Он сочетает мягкие механизмы содействия и жёсткие меры воздействия. Наряду с процедурой несоблюдения и работой специализированного комитета документ предусматривает возможность применения торговых ограничений в отношении государств, не выполняющих обязательства (*Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer, 1987*). Именно сочетание поддержки (финансирование и техническая помощь) и санкций обеспечило высокий уровень соблюдения Протокола, который стал «золотым стандартом» международных экологических соглашений. Аналогичным образом действует Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES, 1973 г.). Её Постоянный комитет обладает полномочиями приостанавливать коммерческую торговлю с государством-нарушителем до момента восстановления им соблюдения обязательств (*CITES Resolution Conf. 14.3, Compliance Procedures, 2007*).

Эффективные механизмы также демонстрирует система Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). В отличие от многих других международных органов, решения ЕСПЧ носят обязательный характер (статья 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), а их исполнение находится под постоянным контролем Комитета министров Совета Европы (*European Convention on Human Rights, 1950*). Государства обязаны принимать как индивидуальные, так и общие меры для исполнения постановлений суда, включая изменения в национальном законодательстве. До момента их выполнения дело не закрывается, а репутационные и политические издержки невыполнения решений оказываются весьма существенными (*Council of Europe. Supervision of the Execution of Judgments and Decisions of the European Court of Human Rights, Annual Report 2022*). Хотя юрисдикция ЕСПЧ напрямую связана с правами человека, его практика давно охватывает экологическую проблематику: рассматривались дела о загрязнении воздуха, нарушениях санитарных норм и угрозах здоровью населения (например, дело «Фадеева против России», 2005 г.) (*Case of Fadeyeva v. Russia, Application no. 55723/00, ECHR Judgment, 9 June 2005*).

В системе ООН в настоящее время отсутствует специализированный судебный орган в сфере экологии, однако в её структуре можно найти элементы, которые потенциально могли бы быть объединены в целостный механизм. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) располагает значительным институциональным потенциалом: её руководящий орган – Ассамблея ООН по окружающей среде (UNEA) – формирует глобальную экологическую повестку, а Комитет постоянных представителей осуществляет надзор за реализацией решений (*United Nations Environment Assembly*,

Rules of Procedure, 2014). В составе ЮНЕП действует Департамент права, координирующий международно-правовые инициативы, а также подразделения, занимающиеся последствиями вооружённых конфликтов для природы (*UNEP Law Division. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/environmental-rights-and-governance>*). На уровне принципов важным шагом стало признание в 2022 году Генеральной Ассамблеей ООН права на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду (резолюция *A/RES/76/300*) (*UN General Assembly Resolution A/RES/76/300, 28 July 2022*).

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность создания в рамках ООН специализированного органа – условного «Совета по правам окружающей среды». Такой орган мог бы объединять черты различных успешных механизмов: судебно-арбитражные функции ЮНКЛОС, административно-контрольные элементы портового надзора, комплаенс-механизмы Монреальского протокола и санкционные рычаги CITES. В его структуре мог бы действовать Комитет по соблюдению, уполномоченный рассматривать случаи нарушений и рекомендовать комплекс мер – от технической помощи до ограничения доступа к международному финансированию. Отдельный подкомитет мог бы специализироваться на экологической защите в условиях вооружённых конфликтов, опираясь на наработки Международного комитета Красного Креста и ЮНЕП. Такой орган стал бы логическим продолжением признания права на здоровую окружающую среду и мог бы превратиться в действенный инструмент глобального экологического управления.

Таким образом, анализ истории формирования международно-правовых норм охраны окружающей среды в условиях вооружённых конфликтов показал, что данная сфера права развивалась преимущественно реактивно, отвечая на вызовы конкретных исторических событий. Так, в ответ на события Войны во Вьетнаме, сопровождавшиеся применением дефолиантов и гербицидов, ставшими первыми масштабными сигналами о необходимости включения вопросов экологии в международную повестку, международное сообщество приняло Конвенцию ENMOD (1977 г.), направленную на ограничение использования природной среды как оружия, а также закрепило в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям принцип запрета методов ведения войны, причиняющих широкий и длительный ущерб природе. Эти документы стали важным шагом в институционализации идеи защиты окружающей среды в международном праве.

Опыт последующих десятилетий демонстрирует, что сам по себе факт закрепления соответствующих норм в международных документах разного уровня (*Конвенция ENMOD 1977 г., Дополнительный протокол I 1977 г., резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Руководство МККК 2020 г.*) ещё не гарантирует их реального применения. Экологическая катастрофа в Кувейте 1991 г., вызванная поджогом нефтяных скважин, привела к созданию уникального механизма компенсации ущерба через Компенсационный комитет ООН, однако ответственность в данном случае была реализована исключительно в финансовой форме.

События в Югославии 1999 г., когда удары по промышленным объектам вызвали массовое загрязнение экосистем, выявили полную неготовность международных трибуналов рассматривать экологический ущерб как самостоятельное основание для уголовного преследования. Эти примеры продемонстрировали ограниченность существующих инструментов и подтвердили необходимость их дальнейшего развития ^[14].

Принятие Римского статута Международного уголовного суда в 1998 г. стало новым рубежом: в нём закреплено, что умышленное нанесение масштабного, длительного и

серьёзного ущерба окружающей среде может квалифицироваться как военное преступление. Однако на практике данная норма так и не была реализована: отсутствие чётких критериев, трудности фиксации последствий и нежелание государств создавать опасный для себя прецедент сделали её скорее символическим, чем действенным инструментом. Попытки восполнить пробелы нашли отражение в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и в практических рекомендациях Международного комитета Красного Креста, но их правоприменительный потенциал остаётся ограниченным (например, резолюция ГА ООН A/RES/71/246 «Protection of the environment in areas affected by armed conflict» от 2016 г.; резолюция A/RES/76/300 «The human right to a clean, healthy and sustainable environment» от 2022 г.; *ICRC. Guidelines on the Protection of the Natural Environment in Armed Conflict. Geneva: ICRC, 2020. URL: <https://www.icrc.org/en/document/guidelines-protection-natural-environment-armed-conflict>* (дата обращения: 16.09.2025)).

Таким образом, развитие международного права в рассматриваемой сфере прошло путь от первых декларативных шагов 1970-х гг. до более комплексных договоров (например, Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1977 г.; Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.; Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.) конца XX века. Однако ключевая проблема остается неизменной: формальное наличие норм не сопровождается их эффективной реализацией [15]. В этом заключается основное противоречие современного состояния международного права в области охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов.

Ретроспективный анализ показывает, что право формировалось постепенно, под влиянием конкретных инцидентов в ходе ведения военных действий, и зачастую не носило упреждающего характера. Основной проблемой на современном этапе является то, что несмотря на наличие норм, международное сообщество не располагает работающими механизмами привлечения к ответственности за экологический ущерб войны. В настоящее время международное сообщество продолжает искать новые пути реагирования на угрозы, которые были осознаны еще полвека назад.

В заключение хотелось бы отметить, что эволюция международно-правовой охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов представляет собой не завершённый процесс, а скорее открытый вектор развития. Будущее покажет, сможет ли международное сообщество превратить накопленные нормы в реально работающий механизм защиты природы от разрушительных последствий войн.

Библиография

1. Дубовик, О. Л. Уголовное право и охрана окружающей среды: реальный потенциал и ограниченные возможности в условиях современных экологических кризисов / О. Л. Дубовик // Юридические исследования. – 2020. – № 8. – С. 30-38. EDN: HMWTZE
2. Бринчук, М. М. Особенности природы как объекта экологических отношений / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2023. – № 10. – С. 100-109. DOI: 10.31857/S102694520028118-0 EDN: UZOMSY
3. Cusato E. Agent Orange and International Law // University of Melbourne Law School. – Vol. 19. – P. 27. – 2015.
4. Бутрим, И. И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества / И. И. Бутрим, А. И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 156-170. DOI: 10.31857/S102694520029370-8 EDN: QDMKWI
5. Jarose, J. A Sleeping Giant? The ENMOD Convention as a Limit on Intentional

- Environmental Harm in Armed Conflict and Beyond // American Journal of International Law. – 2024. – Vol. 118, № 3. – P. 468-511. DOI: 10.1017/ajil.2024.15 EDN: CCQKTI
6. Батырь, В. А. Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву / В. А. Батырь // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 8(213). – С. 85-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111 EDN: CBVQXT
7. Дубовик, О. Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов) / О. Л. Дубовик. – Москва: Юридическое издательство "Норма", 2019. – 280 с. EDN: OEKEXU
8. Пономарев, М. В. Международные и национальные правовые механизмы разрешения климатических конфликтов / М. В. Пономарев // Право между Востоком и Западом. – 2024. – № 4. – С. 45-55. EDN: VDRCXF
9. Dienelt, A. Armed Conflicts and the Environment: Complementing the Laws of Armed Conflict with Human Rights Law and International Environmental Law. – P. 154-160. – 2022.
10. Батырь, В. А. Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву / В. А. Батырь // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 8(213). – С. 85-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111 EDN: CBVQXT
11. Zierler, D. The Invention of Ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the Scientists Who Changed the Way We Think About the Environment. – University of Georgia Press, 2011. – P. 8.
12. Haidar, A. William A. Schabas, An Introduction to the International Criminal Court // Windsor Yearbook of Access to Justice. – 2008. – Vol. 26. – P. 204. DOI: 10.22329/wyaj.v26i1.4554.
13. Дубовик О.Л., Аверина К.Н. Значение Парижского соглашения для охраны климата: крупномасштабные планы и проблемы с их реализацией // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2018. № 4. С. 18-27. DOI: 10.7256/2454-0633.2018.4.27597 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27597
14. Редникова, Т. В. Современные тенденции развития правового регулирования в сфере охраны климата на международно-правовом и национальном уровнях / Т. В. Редникова // Экологическое право. – 2024. – № 1. – С. 31-36. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-1-31-36 EDN: LGMONQ
15. Савенков, А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права / А. Н. Савенков // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 5-19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7 EDN: ZHEIRF

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Составляет изучение исторического процесса формирования и развития международных норм по охране окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов. Автором подробно исследуется исторический период с конца XX до начала XXI веков. Выбор отправной точки исследования обусловлен тем, что до 70-х годов XX века

в международных договорах напрямую не упоминалась окружающая среда в качестве

объекта защиты во время вооруженных конфликтов. Тем не менее ущерб, нанесенный окружающей среде во время ряда военных действий и вооруженных конфликтов, заставил мировое сообщество обратить серьезное внимание на изучаемую проблему. В результате нормы о защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов были закреплены в ряде международных нормативных правовых документов. Предмет научной статьи автором заявлен и раскрыт по ее тексту достаточно четко и полно.

Методология исследования. Автор в отдельном абзаце научной статьи говорит об использовании при написании научной статьи двух методов: историко-правового анализа и сравнительно-правового. Использование каждого из методов автором раскрывается более подробно. В указанном аспекте необходимо указать, что использование двух научных методов при написании научной статьи является не совсем достаточным, либо автор

не заявляет о том, что он применял, например методы анализа, индукции, дедукции, синтеза. Анализ текста научной статьи говорит о применении некоторых из указанных методов.

Актуальность. Не вызывает сомнений. Актуальность международной охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтах связана прежде всего со следующими факторами: 1) угроза усугубления планетарного кризиса. Вооруженные конфликты могут приводить к загрязнению воды, воздуха и почвы, а также ускорять деградацию окружающей среды

из-за последствий войны, таких как перемещение населения или истощение природных ресурсов; 2) изменение характера вооруженных столкновений.

Все чаще место межгосударственных войн занимают внутригосударственные конфликты и военные операции против негосударственных субъектов.

При этом окружающая среда все чаще становится не только ландшафтом боевых действий, но и их причиной и целью; 3) развитие военных технологий. Экологический ущерб, наносимый во время вооруженных конфликтов, становится настолько большим, что угрожает катастрофическими последствиями для целых народов. Автором актуальность темы научной статьи обозначена достаточно ярко, в том числе с упоминанием примеров отдельных современных военных конфликтов и их экологического ущерба.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье научный. Материал излагается логично и последовательно. Статья не разделена на самостоятельные разделы. Представляется целесообразным выстроить структуру научной статьи в соответствии с разделами, предусмотренными международным стандартом IMRAD: аннотация, введение, методы, результаты, обсуждение и заключение. Указанная структура статьи позволит наиболее полно раскрыть заявленную тематику, а также сделать изложенный в ней материал более доступным для читателя. Содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография. Включает 15 источников, в том числе изданных за последние пять лет. Некоторые из приведенных источников индексируются в ядре РИНЦ и международных базах цитирований. В целом соответствует необходимым требованиям. Автор в научной статье использует данные интернет-ресурсов, в частности зарубежных изданий. В указанном аспекте необходимо проверить материал, содержащийся в указанных ресурсах

на предмет соответствия требованиям и этическим принципам журнала. Обратить внимание на то, не являются ли указанные издания иноагентами или нежелательными изданиями, и при необходимости сделать необходимое упоминание об этом. В целом считаем, что перечень из 15 научных источников не является достаточным его необходимо увеличить минимум на 5 источников.

Апелляция к оппонентам. В статье не приводится апелляция к оппонентам. Автор не анализирует подходы ученых по тем или иным вопросам правовой регламентации международной охраны окружающей среды в условиях вооруженных конфликтов за указанный в названии научной статьи исторический период. При доработке статьи на это необходимо обратить внимание. Апелляция к оппонентам является одним из обязательных разделов (элементов) научной статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Международное право и международные организации», после устранения рекомендуемых рецензентом замечаний. Интерес читательской аудитории к заявленной в статье теме представляется весьма высоким и определяется ее актуальностью, а также качеством излагаемого в статье материала.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю., Гончаров В.В. «Jus cogens» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 195-215. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75068 EDN: KSZPSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75068

«Jus cogens» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

Директор, Научно-исследовательского института проблем глобализации, экономики и развития гражданского общества

350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Гаражная, 93

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75068

EDN:

KSZPSU

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Современное конституционное право сталкивается с необходимостью

переосмысления традиционной иерархии норм в условиях транснационализации правового регулирования. Ведущим вызовом классической модели правопорядка становится интеграция норм *jus cogens* – императивных норм международного права, обладающих высшей юридической силой и универсальной обязательностью. Эти нормы начинают выполнять роль своеобразного трансцендентного критерия, воздействующего на пределы допустимости как законодательства, так и конституционных преобразований. Особенно остро эта проблема встаёт в странах с формализованной доктриной верховенства конституции, где *jus cogens* начинают конкурировать с основополагающими национальными нормами. Обращение к ним в практике конституционных судов и международных инстанций демонстрирует сдвиг от вертикально-суверенной к аксиологически ориентированной модели права. Примеры Германии, Италии, Франции и Колумбии свидетельствуют о становлении более гибких, полицентричных правовых конструкций, в которых *jus cogens* интерпретируются как составная часть конституционного порядка. Предметом исследования становится трансформация иерархии правовых норм и институтов под влиянием *jus cogens* в условиях формирующегося глобального правопорядка. Методологическая база исследования включает юридическую герменевтику, аксиологический анализ и сравнительно-правовой подход. Эти методы позволяют выявить, как изменяется структура и логика конституционного регулирования в контексте взаимодействия национального и международного права. Научная новизна исследования заключается в интерпретации *jus cogens* не только как международной категории, но и как аксиологического предела национального правотворчества. В условиях эрозии классической нормативной пирамиды наблюдается формирование постиерархичной модели, в которой *jus cogens* становятся нормативным ориентиром, не вписывающимся в прежние рамки суверенитета. Это требует не отказа от национального конституционализма, а его концептуального обновления. Выводы исследования ориентированы на развитие идеи правового диалога между различными уровнями нормативности, включая возможность квазиконституционного сосуществования *jus cogens* и национальных основ. Установлено, что в ряде правовых систем уже реализуются модели, допускающие такую координацию. Предлагаемая концепция может быть положена в основу дальнейших доктринальных и институциональных преобразований. Статья вносит вклад в формирование новой онтологии глобального конституционализма.

Ключевые слова:

jus cogens, императивные нормы, конституционное право, иерархия норм, транснационализация, правовой суверенитет, аксиология права, правовая онтология, глобальный правопорядок, международное публичное право

Введение

Современное развитие правовых систем всё чаще оказывается на пересечении двух нормативных реальностей — внутренней и международной, взаимодействие которых уже не может быть охарактеризовано как одностороннее или иерархически упорядоченное в традиционном национал-центристском понимании. В условиях ускоренной глобализации, транснациональной правовой интеграции и расширения компетенций международных судебных и квазисудебных органов особое внимание привлекает феномен «*jus cogens*» — императивных норм международного права, обладающих высшей юридической

обязательностью и универсальной применимостью. Эти нормы, исходя из положений ст. 53 и 64 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, признаются недопустимыми к отступлению и не могут быть отменены соглашением сторон, что придаёт им квазиконституционный статус в международном правопорядке.

Однако в XXI веке обсуждение «*jus cogens*» всё чаще выходит за пределы классического международно-правового дискурса, становясь предметом внимания и национальных конституционных судов, и правоведов, специализирующихся на публичном праве. Причина этого интереса кроется не только в растущем числе дел, в которых внутренние суды, в том числе конституционные, апеллируют к нормам «*jus cogens*» (например, в делах, касающихся запрещения пыток, рабства, преступлений против человечности), но и в более общем сдвиге в правовом мышлении: от замкнутого, суверенно-иерархического к открытому, взаимосвязанному и аксиологически ориентированному правопорядку. Особенно ярко это проявляется в европейской правовой традиции, где, начиная с рубежа XX–XXI веков, национальные суды всё чаще признают приоритет определённых международных норм даже перед нормами собственной конституции. Примером может служить решение Конституционного совета Франции по делу № 2004-496 DC, где был признан особый статус «*jus cogens*» в контексте международных обязательств Франции.

В этом контексте становится очевидной необходимость правового осмысления природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права. Если «*jus cogens*» действительно представляет собой универсальные императивы, пронизывающие весь правопорядок, то возникает вопрос о пределах национального правотворчества и судебного усмотрения: может ли конституция, выражающая суверенную волю народа, вступать в противоречие с нормами, носящими универсальный характер? Или же, напротив, «*jus cogens*» — это лишь внешняя проекция универсалистской догмы, навязываемая суверенитету в логике глобального правового неоколониализма, как утверждают некоторые критики, в частности, М. Koskeniemi [\[1\]](#)? Эти вопросы нельзя свести к простой юридической технике — они затрагивают основы современной правовой онтологии и требуют обращения к аксиологическим, институциональным и сравнительно-правовым методам.

Исследование также предполагает анализ направлений трансформации иерархии правовых норм и институтов, вызванной признанием «*jus cogens*» в национальных правопорядках. Уже в настоящее время можно наблюдать сдвиг от классической вертикали, в которой конституция стояла на вершине нормативной пирамиды, к более сложным, гибридным и полицентричным моделям. Так, в доктринальной и судебной практике Германии и Австрии фиксируются попытки рассматривать «*jus cogens*» как компонент конституционного порядка в его материальном измерении — как совокупность фундаментальных ценностей, лежащих в основе не только международного, но и национального права [\[2\]](#). В российской научной литературе эта проблема получает всё большее внимание, особенно в контексте соотношения Конституции РФ с международными обязательствами в свете изменений, внесённых в Основной закон в 2020 году [\[3, 4\]](#).

Методологически данное исследование основывается на синтезе юридической герменевтики, позволяющей интерпретировать тексты конституций и международных актов в их историко-культурном контексте; сравнительно-правового анализа, дающего возможность выявить общие и отличительные черты включения «*jus cogens*» в национальные правопорядки; а также аксиологического подхода, предполагающего

рассмотрение правовых норм не только как формально-юридических предписаний, но и как выражения базовых ценностей правового сообщества. Институциональный подход, в свою очередь, позволяет оценить, каким образом взаимодействуют органы конституционного контроля, законодательные власти и международные судебные инстанции при разрешении коллизий между внутренними и международными нормами.

Научная новизна исследования заключается в попытке переосмысления традиционного представления об иерархии правовых норм и институтов через призму «*jus cogens*» как аксиологического маркера глобального правопорядка. В отличие от классической модели, в которой конституция выступает в роли нормативной вершины, подчиняющей все иные акты, современные реалии указывают на появление новой структуры — диффузной, плюралистичной и, возможно, постиерархичной, где «*jus cogens*» выполняет функцию предельного критерия легитимности и допустимости, в том числе и для самой конституции. Это не означает отмену национального суверенитета, но требует его новой интерпретации в условиях глобального нормативного взаимопереплетения. Возникает вопрос о возможности правового синтеза, при котором «*jus cogens*» и национальная конституция будут сосуществовать не в режиме подчинения или соподчинения, а в логике диалога, взаимного признания и обогащения правового содержания. Это направление, ещё недостаточно исследованное в правоведении, представляется исключительно перспективным для дальнейшей разработки как в доктринальном, так и в прикладном аспекте.

Юридическая природа «*jus cogens*»: от международного к транснациональному измерению

Понятие «*jus cogens*», прочно закреплённое в международном праве в XX веке, изначально формировалось как реакция на пределы договорной свободы государств, выраженные в наиболее крайних формах — от заключения пактов о ненападении с тоталитарными режимами до оправдания геноцида, колониализма и иных форм системного насилия. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года, в ст. 53 и 64, юридически закрепила доктрину императивных норм общего международного права, признавая за ними статус норм, от которых «не допускается отступление» и которые могут быть изменены только последующей нормой, имеющей такой же характер. С этого момента «*jus cogens*» обрело формальный статус категории, способной отменить международный договор, противоречащий его содержанию, тем самым провозгласив высший уровень нормативного императива, превалирующего над вольным волеизъявлением субъектов международного права. Однако даже в момент своего кодификационного закрепления, понятие «*jus cogens*» оставалось открытым, во многом неопределённым, а потому — глубоко политически и ценностно нагруженным.

Правовая наука не пришла к единому пониманию перечня "*jus cogens*" и методов их определения. Международный суд ООН в деле «*Concerning Barcelona Traction, Light, and Power Company, Ltd*» (1970) лишь обозначил общее направление, указав на «обязанности erga omnes» как на обязательства, вытекающие из норм, защищающих фундаментальные ценности международного сообщества. Развитие этой идеи в последующих решениях, включая «*Jurisdictional Immunities of the State*» (Germany v. Italy), вновь продемонстрировало колебания между попыткой юридической конкретизации и сохранением аксиологической неопределённости. Тем не менее, в практической плоскости складывается относительно стабильный консенсус относительно содержания некоторых норм «*jus cogens*» — это, прежде всего, запрет агрессии, пыток, рабства, геноцида, преступлений против человечности, пиратства и апартеида. Но даже в рамках этого ядра ведутся дискуссии: так, некоторые исследователи, включая М.М.

Venkatachalam ^[5], предлагают рассматривать в качестве «*jus cogens*» также запрет расовой дискриминации и право на самоопределение. Тогда как иные как, например, P. Sellers ^[6], склонны ограничивать перечень лишь нормами, обладающими абсолютной универсальностью и недопустимостью оговорок.

Ключевая характеристика «*jus cogens*» — их императивность, не допускающая отступлений ни при каких условиях, даже по взаимному согласию сторон. Это радикально отличает их от всех прочих норм международного права, основанных на принципе «*pacta sunt servanda*» и предполагающих свободу воли государств. В сущности, «*jus cogens*» реализует идею надгосударственного морального и правового ядра, существующего независимо от признания со стороны конкретного субъекта. Это придаёт им характер своеобразной «нормативной совести» международного сообщества, причём вне зависимости от того, насколько разрозненным или поляризованным является реальное сообщество государств. Здесь возникает значимое противопоставление: с одной стороны, «*jus cogens*» выступает как средство универсализации правовых ценностей; с другой — как источник напряжённости в условиях плюралистичного и фрагментированного мирового правопорядка, где универсализм сам по себе становится объектом спора.

Однако в XXI веке как концепт «*jus cogens*» всё более уверенно выходит за пределы международно-договорного контекста, принимая форму компонента транснационального правового порядка. В отличие от классического международного права, сосредоточенного на отношениях между государствами, транснациональное право охватывает также взаимодействие между государствами, частными субъектами и международными организациями, часто в формах, не укладывающихся в традиционную модель горизонтальной координации суверенов. Именно в этой парадигме «*jus cogens*» начинает функционировать как регулятор не только международных договоров, но и внутренней нормативной и судебной практики. Так, в решениях национальных судов можно наблюдать прямые ссылки на «*jus cogens*» как на критерий оценки конституционных и подзаконных норм. В частности, в ряде решений Федерального конституционного суда Германии «*jus cogens*» рассматривается как внеисторическая и внеправовая граница позитивного права, нарушение которой влечёт утрату легитимности норм внутреннего права.

Феномен транснационализации «*jus cogens*» особенно отчётливо проявляется в контексте глобализации прав человека и усиления трансграничной судебной кооперации. Европейский суд по правам человека в ряде дел, таких как «*Al-Adsani v. United Kingdom*» и «*Ould Dah v. France*», ссылаясь на «*jus cogens*» как источник, имеющий приоритет даже над принципами государственного иммунитета. Это свидетельствует о становлении новой логики нормативной иерархии, при которой «*jus cogens*» играет роль своеобразной «высшей границы допустимого», охватывающей как международные, так и внутригосударственные нормы. В то же время критики, такие как J. d'Aspremont и E. de Brabandere указывают на то, что транснационализация «*jus cogens*» чревата подменой демократического волеизъявления нормативной диктатурой неопределённых универсалий ^[7], нередко интерпретируемых в интересах доминирующих политических центров.

Нельзя игнорировать и внутреннее измерение транснационального действия «*jus cogens*», которое проявляется в нарастающем давлении на национальные конституционные системы. Признается, что попытка встроить «*jus cogens*» в рамки национального публичного права неизбежно вызывает напряжение между принципами

народного суверенитета и универсалистской правовой догматикой [8]. Особенно остро эта проблема встаёт в государствах, где существует выраженное стремление к сохранению конституционного суверенитета (например, поправки 2020 года в Конституцию РФ, введшие положение о приоритете Конституции над международными актами, вступающими в противоречие с ней). В этих условиях «*jus cogens*» либо становится инструментом правового диалога, предполагающего взаимную коррекцию и обогащение, либо источником конфликта, подрывающего внутреннюю нормативную автономию. Институциональные последствия этого сдвига пока не получили исчерпывающего анализа, но уже сегодня можно говорить о постепенном формировании новой архитектуры правового регулирования, в которой «*jus cogens*» перестаёт быть исключительно внешним ориентиром и становится частью внутреннего правового порядка.

Таким образом, юридическая природа «*jus cogens*» трансформируется: от кодифицированной нормы международного договорного права к элементу глобальной правовой инфраструктуры, обладающему не только вертикальной обязательностью, но и горизонтальной нормативной притягательностью. В этом контексте становится актуальным вопрос о степени и формах включения «*jus cogens*» в национальные правовые системы — через доктринальную рецепцию, судебную практику или конституционные интерпретации.

"Jus cogens" как фактор трансформации иерархии правовых норм в национальных правовопорядках

В рамках классической правовой догматики иерархия нормативных актов в национальных правовопорядках традиционно выстраивается по восходящей логике от Конституции как высшего закона до подзаконных актов, административных инструкций и локальных регламентов. Такая модель, унаследованная от нормативистской школы Г. Кельзена [9] и институционализированная в большинстве европейских правовопорядков, предполагает внутреннюю автономию национального права, в которой международные нормы, включая договорные обязательства, интегрируются в правовую систему исключительно на условиях, предусмотренных самой Конституцией. Суверенитет в данном контексте выступает не столько политической категорией, сколько юридическим постулатом: высшая юридическая сила принадлежит Конституции, и ни одна внешняя норма не может быть признана обязательной, минуя её фильтр легитимации.

Однако с развитием международного публичного права, особенно в сфере прав человека и гуманитарных стандартов, эта вертикальная структура стала испытывать давление со стороны норм, не укладывающихся в рамки договорной рецепции, но претендующих на универсальность и императивность. Среди таких норм — «*jus cogens*», чья природа ставит под вопрос допустимость существования в национальном праве даже конституционных положений, противоречащих базовым принципам международной нравственности и правового порядка. В этой связи в юридической теории обозначились две конкурирующие концепции, отражающие различное понимание соотношения между «*jus cogens*» и внутренним правом: концепция конституционалистского приоритета и доктрина юридического плюрализма.

Сторонники первого подхода утверждают, что «*jus cogens*» может быть учтено и реализовано в национальном правовопорядке исключительно в границах, очерченных конституцией. Конституция, как выражение высшей воли суверена, устанавливает юридические рамки для имплементации любых внешних источников, включая нормы международного права. Этот подход представлен в решениях Конституционного Суда

Российской Федерации, в которых подчёркивается, что международные обязательства, в том числе вытекающие из «*jus cogens*», не могут реализовываться вопреки основополагающим конституционным принципам (Постановление КС РФ от 14 июля 2015 года №21-П; Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О). Подобная позиция корреспондирует с понятием «конституционного фильтра», сквозь который должны проходить любые нормы внешнего происхождения — будь то решения ЕСПЧ, резолюции международных организаций или даже универсальные морально-правовые императивы.

В противоположность этому взгляду доктрина юридического плюрализма, активно развиваемая в англосаксонской правовой традиции и международной правовой науке (напр., работы N. Krisch [\[10\]](#), A. Peters и др. [\[11\]](#)), предполагает признание «*jus cogens*» как норм, стоящих выше любых национальных источников, включая Конституции. Согласно данной концепции, «*jus cogens*» не нуждается в интернализации или ратификации: его обязательность возникает «*ex lege*», по факту принадлежности к международному сообществу и признания фундаментальных норм цивилизованного общежития. Практические проявления этого подхода можно увидеть, например, в решении Верховного суда Канады по делу «*Nevsun Resources Ltd. v. Araya*» (2020), где суд признал возможность прямого действия норм «*jus cogens*» в частноправовом споре на территории государства, без необходимости их имплементации в национальное законодательство. Аналогичную логику демонстрирует правоприменительная практика Конституционного Суда ФРГ, особенно в решениях, касающихся запрета экстрадиции в государства, где существует угроза пыток (см. BVerfGE 104, 337 – *Bosphorus*), где суд прямо апеллирует к объективной ценностной системе основного закона, совпадающей с содержанием «*jus cogens*».

Таким образом, судебная практика различных государств и наднациональных структур обнаруживает фундаментальные различия в подходах к иерархии норм. Европейский суд по правам человека, в ряде дел — например, «*Al-Adsani v. United Kingdom*», «*Kalogeropoulou et al. v. Greece*» — исходил из признания «*jus cogens*» как основы международного публичного порядка, способной преодолеть даже иммунитет государств. При этом ЕСПЧ оставлял национальным судам пространство усмотрения в интерпретации механизмов имплементации, что порождает амбивалентную правовую ситуацию: формальное признание верховенства «*jus cogens*» соседствует с институциональной зависимостью от национальных фильтров легитимации.

Существенный практический вопрос возникает в связи с так называемыми конституционными блоками — комплексами норм, обладающих повышенным уровнем устойчивости (например, нормы, не подлежащие пересмотру, или ядро конституционного строя, как в ст. 1–2 Основного закона Германии или в преамбуле и главах 1, 2 Конституции РФ). Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, может ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка? Некоторые правоведы, в частности, W. Friedmann, указывал, что развитие доктрины «*juscogens*» и обязательств «*erga omnes*» создало иерархическую систему норм международного и национального права, где нарушение «границы» *juscogens* разрушает презумпцию правового порядка и предполагает международную ответственность.

Ещё один уровень сложности возникает при рассмотрении конституционных фильтров в условиях институциональной полицентричности: если государственные суды

отказываются признавать приоритет «*jus cogens*», возможно ли прямое действие этих норм через международные и наднациональные механизмы? Прецеденты решений Международного уголовного суда, Международного трибунала по бывшей Югославии, а также использование принципа универсальной юрисдикции (как в деле против А. Пиночета в Великобритании) свидетельствуют о возможности «обхода» национального суверенитета в целях защиты «*jus cogens*». Однако подобная практика вызывает острую критику со стороны государств, ориентированных на сохранение правового и политического суверенитета, поскольку формирует ситуацию, в которой внешний актор может подменить внутреннюю волю, прикрываясь универсальными правовыми ценностями.

В итоге формируется новая, ещё не устоявшаяся модель нормативной иерархии, где «*jus cogens*» выполняет двойственную функцию: с одной стороны — аксиологического маркера легитимности права, с другой — инструмента давления и трансформации внутренней нормативной логики. В одних юрисдикциях наблюдается тенденция к инкорпорации этих норм в систему внутреннего права с приравниванием их к принципам конституционного строя (например, в Испании, Нидерландах, Южной Африке), в других — к конституционному отторжению и заявлению о приоритете национального суверенитета (например, Россия, Венгрия, Польша). Таким образом, вопрос о том, может ли Конституция ограничивать применение «*jus cogens*», остаётся не только юридическим, но и глубоко политико-философским, затрагивающим природу права в условиях глобального нормативного многоуровневого порядка.

Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правопорядок

Воздействие «*jus cogens*» на архитектуру современного конституционного правопорядка не ограничивается сферой абстрактной нормативной теории, но проявляется и на уровне функционирования институтов, призванных обеспечивать стабильность и легитимность системы — прежде всего конституционных судов. Именно они, выступая в качестве хранителей и интерпретаторов основного закона, оказываются в эпицентре противоречия между обязательствами, вытекающими из императивных норм международного права, и положениями собственной конституции, не всегда способной оперативно откликаться на вызовы транснационального правопорядка. Таким образом, перед конституционными юрисдикциями открывается двойственная задача: с одной стороны, защищать суверенитет и системную целостность внутреннего права, с другой — интегрировать в национальную правовую ткань нормы, претендующие на абсолютный характер и превосходящий статус.

Роль конституционного суда в этом процессе приобретает не просто правовое, но цивилизационно-ценностное измерение. Так, в ряде государств именно высшие конституционные инстанции первыми включили в свою доктрину «*jus cogens*» как категорию, обладающую способностью влиять на внутреннюю нормативную иерархию. Например, Конституционный суд Колумбии в решении C-578/2002 по делу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда рассматривал «*jus cogens*» как нормативную основу, позволяющую определить допустимость ограничения суверенных функций. Аналогично и Верховный суд Израиля (дело *Public Committee against Torture in Israel v. Government of Israel et al.*, 2006) признавал «*jus cogens*» как универсальные морально-правовые ориентиры, обязующие даже в отсутствии прямого нормативного закрепления в конституции. В обоих случаях суды взяли на себя ответственность за проведение ценностной гармонизации — за согласование духа конституции с универсалиями международного порядка, что предполагает отход от чисто

позитивистской трактовки полномочий.

Однако в более жёстких правовых системах, особенно в государствах, исповедующих концепцию сильного конституционного суверенитета, ситуация складывается диаметрально противоположным образом. Например, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 года №21-П занял позицию, согласно которой даже приоритет международных договоров ограничен рамками конституционного контроля, а нормы, в том числе «*jus cogens*», не могут применяться, если они противоречат фундаментальным принципам конституционного строя. Эта доктрина «суверенного конституционализма» предельно ясно артикулирует верховенство национального правового основания, включая интерпретацию прав человека, над транснациональными императивами. В определённой степени аналогичную позицию занимает Конституционный суд Польши, в своих решениях 2020 и 2021 годов (К 3/21), поставивший под сомнение обязательность решений Суда ЕС, если те выходят за пределы польской конституции.

Проблема юрисдикционного конфликта между национальными судами и международными правовыми органами, в особенности ЕСПЧ, Международным уголовным судом и Судом ЕС, становится в таких условиях не академической, а институциональной. Прецеденты прямого отказа от исполнения решений международных судов (например, дело «*Ananyev and Others v. Russia*», где ЕСПЧ обязал изменить систему пенитенциарного контроля) демонстрируют, что столкновение «*jus cogens*» и конституции — не только теоретический казус, но и реальность правовой практики. Юрисдикционные коллизии обостряются в тех системах, где международные договоры не обладают прямым действием или где предусмотрены особые механизмы конституционного контроля за ратифицированными соглашениями. Примером является институт предварительного конституционного анализа международных договоров, закреплённый в правовом порядке Франции (например, *Conseil Constitutionnel*, решение 98-408 DC), Германии и России, где Конституционный суд вправе заблокировать вступление международного акта в силу, если тот нарушает основной закон.

Для разрешения таких коллизий правовые системы начинают вырабатывать механизмы институциональной адаптации. Один из них — инициирование или проведение конституционных поправок с целью приведения внутреннего права в соответствие с «*jus cogens*». Здесь, однако, возникает парадокс: можно ли изменить Конституцию, чтобы она не противоречила «*jus cogens*», и что делать, если «*jus cogens*» противоречит положениям, не подлежащим пересмотру? В Германии и Италии, например, существует консенсус в доктрине о том, что базовые положения конституционного строя должны быть интерпретированы в духе универсальных прав и норм международного порядка, включая «*jus cogens*» ^[12]. Однако в государствах с жёсткими механизмами охраны конституционного ядра подобная адаптация оказывается затруднённой. Например, в статье 79(3) Основного закона ФРГ фактически закреплена т.н. «вечная оговорка», делающая невозможным пересмотр основ демократического правового порядка. Возникает необходимость не столько юридического пересмотра текста, сколько динамической интерпретации, ориентированной на ценностное сближение.

Другой механизм адаптации — закрепление приоритета «*jus cogens*» непосредственно в тексте конституции, как это сделано, например, в Конституции Эквадора (статья 424), где прямо указано, что международные договоры о правах человека и «*jus cogens*» имеют приоритет перед внутренними нормами. В Конституции Португалии аналогичная норма содержится в ст. 16, что позволяет судам использовать «*jus cogens*» как источник права

при рассмотрении дел внутренней юрисдикции. Этот путь — путь «встраивания императива» в тело основного закона — нацелен на снятие конфликта между универсальным и национальным, между моральным и позитивным, между внешним и внутренним источником легитимации.

Третий механизм — развитие института институциональных фильтров, позволяющих осуществлять предварительное конституционное рассмотрение не только международных договоров, но и решений международных органов, имеющих обязательную силу. Так, в ряде государств обсуждается возможность введения систематического механизма предварительной конституционной экспертизы решений ЕСПЧ или Суда ЕС, прежде чем они будут имплементированы или учтены в судебной практике. Такая процедура может выступать в роли «обратного фильтра», обеспечивающего защиту национального конституционного строя от чрезмерного экстерриториального давления [\[13\]](#). Однако критики указывают, что чрезмерное увлечение фильтрацией может превратить «*jus cogens*» из инструмента универсализации в объект произвольного исключения.

Таким образом, воздействие «*jus cogens*» на институциональную структуру конституционного государства уже невозможно воспринимать как внешний по отношению к системе фактор. Оно вызывает необходимость реформирования не только нормативного порядка, но и функционального устройства системы защиты конституции. Конституционные суды превращаются в площадку, где осуществляется не только контроль над законами, но и балансировка между локальной идентичностью и универсальными ценностями. Эта трансформация — не столько институциональный кризис, сколько симптом глубинных изменений в понимании суверенитета, легитимности и правового порядка в глобализирующемся мире.

Теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и национального конституционного права

Теоретико-доктринальный анализ соотношения норм «*jus cogens*» и национального конституционного права требует выхода за пределы традиционного нормативизма, поскольку речь идёт о взаимодействии двух по своей природе неполностью совпадающих систем, каждая из которых претендует на аксиологическое первенство и юридическую целостность. Основной концептуальной точкой, вокруг которой в настоящее время концентрируется научная дискуссия, становится модель так называемой «двойной вершины» (*dual apex theory*), предполагающая наличие двух равнозначных — но не идентичных — источников высшей юридической легитимации: с одной стороны, это конституция как выражение внутреннего народного суверенитета, с другой — «*jus cogens*» как выражение трансцендентных универсальных норм, восходящих к правовой природе человечества как такового. Данная теория получила развитие в работах таких исследователей, как E.-U. Petersmann [\[14\]](#) и P.-M. Dupuy [\[15\]](#), и представляет собой попытку преодолеть бинарную оппозицию между правовым суверенизмом и правовым космополитизмом через признание плюральной легитимности.

Согласно этой теории, в постсовременном правовом пространстве невозможно определить единственный источник «высшего права»: как конституция, так и «*jus cogens*» обладают чертами юридической верховности, но действуют в разных онтологических плоскостях. Конституция — это выражение воли народа, облечённой в юридическую форму через политический и процедурный процесс; «*jus cogens*» — это продукт глобального консенсуса о недопустимости определённых форм поведения, основанный не на договоре, а на признании всеобщих норм гуманности. Их взаимодействие не подчиняется логике простой иерархии, но требует согласования

ценностных ориентиров, где ни один из элементов не может быть абсолютным. Тем самым правовая система начинает напоминать дуальную конструкцию, в которой не существует окончательной инстанции, способной в одиночку разрешить коллизию.

Из этой конструкции вытекает вторая важная теоретическая дилемма: аксиологическая конкуренция между принципом национального суверенитета и универсальными ценностями «*jus cogens*». На уровне правовой философии речь идёт о столкновении двух парадигм легитимности. Первая — национально-позитивистская, в которой право выводится из политической воли народа, зафиксированной в конституции и институционализированной в рамках демократического процесса. Вторая — универсалистская, в которой право имеет трансграничный характер и основывается на моральной интуиции о всеобщей ценности человеческого достоинства и недопустимости тирании, геноцида, пыток и рабства независимо от национального контекста.

Данная конкуренция становится особенно острой в условиях правового плюрализма, когда международные и национальные суды выносят противоречивые решения, и не существует централизованного арбитра, способного расставить приоритеты. Это проявляется, например, в ситуациях, когда суды признают недействительными положения договоров, ранее прошедших все этапы национальной ратификации, исключительно на основании их несоответствия «*jus cogens*» (см. дело *Saramati* в международной практике по Косово). Возникает вопрос: если *jus cogens* может отменить волю народа, выраженную в конституционном акте, то не подрывает ли это демократический суверенитет? С другой стороны, если конституция может разрешить поведение, нарушающее «*jus cogens*», то можно ли признать такую систему легитимной в глазах международного сообщества?

Частичное решение этой дилеммы предложено в концепции адаптивного конституционализма [\[16\]](#), разрабатываемой на стыке теории многоуровневого права и герменевтики прав человека. Суть данной модели заключается в том, что конституционное право не должно рассматриваться как замкнутая и статичная система, но как живая структура, способная к перманентной адаптации в ответ на внешние и внутренние вызовы, включая воздействие «*jus cogens*». Эта концепция предполагает отказ от идеи закрытого конституционного канона и переход к моделям открытой нормативной системы, в которой базовые принципы не замыкаются на национальной юрисдикции, а вступают в «диалог» с универсалиями международного правопорядка. Такая модель предполагает развитие процедурных механизмов интернализации «*jus cogens*»: расширение полномочий конституционного правосудия, укрепление механизмов конституционного диалога, создание независимых экспертных комиссий по правам человека при парламенте и правительстве, а также инкорпорацию *jus cogens* в текст конституции либо через преамбулу, либо через специальные главы о международных обязательствах.

Примеры адаптивного конституционализма можно найти в ряде современных правопорядков. Так, в Южной Африке Конституционный суд в ряде решений (например, «*S v. Makwanyane*», 1995) интерпретировал конституционные нормы о праве на жизнь и запрете жестокого обращения в свете «*jus cogens*», несмотря на отсутствие прямого упоминания этих категорий в тексте Конституции. В Колумбии практика так называемой «блок-де-конституциональности» позволяет включать в конституционную иерархию нормы международного права, в том числе «*jus cogens*», в качестве источника интерпретации и ограничения для законодательной власти [\[17\]](#). Аналогичные механизмы выстраиваются в Испании и Португалии, где конституционные суды вырабатывают

доктрины интеграции «*jus cogens*» как основы «общеевропейского конституционного порядка».

Таким образом, теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и конституционного права развиваются в направлении отказа от жесткой иерархии и перехода к моделям аксиологического равновесия. «*Jus cogens*» уже не воспринимается как угроза суверенитету или вмешательство во внутренние дела, а скорее как внешний ориентир, с которым необходимо соотносить внутренние нормы, чтобы сохранить правовую легитимность в глобальном пространстве. Конституция, в этой логике, не столько устанавливает границы допустимого, сколько формирует рамки для согласования внутреннего и универсального, локального и глобального. Такой подход требует не только институциональных усилий, но и переосмысления самой природы конституционализма — как динамического, гибкого, открытого и способного к самоограничению ради поддержания базовых стандартов человеческой цивилизации.

Юридические последствия взаимодействия норм "*jus cogens*" и национального конституционного права: практическое измерение

Практическое измерение взаимодействия норм «*jus cogens*» и национального конституционного права приобретает всё более существенное значение в условиях глобализации правовых стандартов и усложнения правового взаимодействия между государствами. Эта значимость становится особенно очевидной в повседневной практике правоприменения, где юридическая коллизия между императивными нормами международного права и положениями национального законодательства перестаёт быть абстрактной теорией и становится конкретной проблемой, требующей правового разрешения. Одним из наиболее острых вопросов в этой связи остаётся проблема приоритета в судебной практике: что именно должен учитывать судья при решении дела, затрагивающего фундаментальные права человека, если норма национального права, в том числе даже конституционная, входит в очевидное противоречие с нормой «*jus cogens*»?

Так, в делах, связанных с экстрадицией, применением пыток, международными преступлениями (включая преступления против человечности и геноцид), суды национального уровня всё чаще оказываются перед необходимостью оценивать правомерность применения положений национального законодательства через призму международных императивов. При этом позиция Конституционного Суда ФРГ, выраженная в решении по делу "Görgülü" (BVerfGE 111, 307), демонстрирует, что даже в правовых системах с высоким уровнем защиты национального суверенитета возможна юриспруденция, при которой нормы *jus cogens* воспринимаются не просто как внешние ориентиры, но как часть общей системы правовой ценности, подлежащая уважению на уровне конституционного контроля. В то же время, подход Конституционного Суда Российской Федерации, закреплённый в постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П, где утверждается приоритет конституционного строя России над обязательствами по решениям ЕСПЧ, указывает на обратную тенденцию — выстраивание своеобразного «фильтра» национальной идентичности, даже в случаях, когда речь идёт о нормах высшего международного порядка.

Такое расхождение в подходах обуславливает необходимость доктринального и прикладного осмысления того, каким образом можно и должно учитывать «*jus cogens*» в процессе правотворчества. В условиях трансформации правового пространства и возникновения новых вызовов — от биотехнологических вмешательств до алгоритмического регулирования — перед национальными законодателями встаёт

задача не только не нарушать императивные нормы, но и интегрировать их в общий конституционный дискурс. Это предполагает необходимость предварительной правовой оценки совместимости будущих законопроектов с международными обязательствами в области «*jus cogens*», создание экспертных механизмов оценки соответствия, а также закрепление процедурного требования об обязательной правовой экспертизе соответствующих проектов с точки зрения их соответствия нормам международного публичного права.

В контексте конституционных реформ эта задача приобретает особую остроту. Речь идёт не только о формальной совместимости, но о содержательном восприятии «*jus cogens*» как аксиологической рамки, задающей пределы допустимой конституционной модификации. Например, в проектных инициативах, касающихся изменения принципов судебной независимости, ограничений прав человека, расширения полномочий исполнительной власти, «*jus cogens*» может служить не только предостережением от произвола, но и нормативным «якорем» стабильности, не позволяющим разрушить базовые правовые ориентиры. Следовательно, для правотворца, особенно в переходных и турбулентных правовых системах, становится необходимым не столько механическое воспроизведение международных формул, сколько осознанное их внедрение в ткань национального правопорядка с опорой на соответствующие процедуры легитимации.

Международное значение «*jus cogens*» выходит далеко за рамки профессионального юридического измерения и становится предметом политико-правового и дипломатического взаимодействия. Здесь проявляется двойственный характер «*jus cogens*»: с одной стороны, как инструмент гарантии цивилизованного ядра международного права, выражающего недопустимость рабства, геноцида, агрессивной войны и других преступлений против человечности; с другой — как элемент «мягкой силы», применяемый государствами или международными организациями с целью придания определённой нормативной направленности внутренним правопорядкам. Так, ссылки на нарушение норм «*jus cogens*» становятся аргументами в обосновании международных санкций, разрыва договоров, отказа от сотрудничества. Одновременно, в условиях усиления конкуренции правовых систем, наблюдается тенденция к инструментализации норм «*jus cogens*» как части дискурса «морального превосходства», где международные правовые нормы используются в качестве рычага легитимации односторонних внешнеполитических шагов, претендующих на универсальность.

Такое расширительное понимание функций «*jus cogens*» требует предельной аккуратности и юридической добросовестности, поскольку неосторожное или политически мотивированное применение этих норм может привести к подрыву их авторитета. В этом смысле, как справедливо отмечает М. Е. О'Connell, «*jus cogens*» — это, прежде всего, морально-правовые нормы, явно выделенные как высшие, которые «признают недействительными прямо противоречащие друг другу международные или национальные законы» [\[18\]](#). Так же и D. Shelton определяет «*jus cogens*» как высшие этические нормы, включая не только запрещения преступлений, но и ясные моральные ограничения, применяемые осторожно и обоснованно [\[19\]](#). Только признание их универсального характера всеми участниками международного сообщества позволяет поддерживать их нормативную значимость и обеспечивать реальное действие. Следовательно, необходимо развивать как внутригосударственные, так и международные механизмы защиты целостности и нейтральности «*jus cogens*», не допускающие их политизации и произвольного использования в ущерб конституционному равновесию.

Таким образом, практическое значение «*jus cogens*» в современной юриспруденции и

правотворчестве выходит за пределы классического деления на национальное и международное право, формируя пространство пересечения норм, институтов и ценностей. Для обеспечения устойчивости этого пространства требуется не только правовая техника, но и культурная восприимчивость, готовность к диалогу и признание того, что в эпоху глобального правопорядка «*jus cogens*» перестаёт быть только частью международного регулирования и становится фактором, влияющим на внутреннюю легитимность и развитие конституционного строя как такового.

Заключение

В заключение проведённого исследования невозможно не отметить, что концепция «*jus cogens*», некогда воспринимавшаяся преимущественно как сугубо международно-правовая категория, в настоящее время всё в большей степени проявляет себя как системный правовой феномен, оказывающий реальное и глубинное влияние на архитектуру национальных правопорядков, особенно на уровень конституционного регулирования. Нормы императивного характера, благодаря своей универсальности, ненарушаемости и морально-правовой очевидности, постепенно проникают в сферы, которые ранее традиционно принадлежали исключительно к юрисдикции национального законодателя и конституционного правотворчества. Этот процесс нельзя считать ни односторонним, ни механическим: он представляет собой сложное, зачастую противоречивое взаимодействие нормативных уровней, включающее элементы диалога, конфликта и адаптации.

Анализ текущих тенденций свидетельствует о том, что «*jus cogens*» не просто претендует на включённость в иерархию правовых норм, но фактически реорганизует её внутреннюю логику. Концепция верховенства конституции, являвшаяся аксиомой для классических моделей конституционного права, всё чаще сталкивается с вызовом, когда именно внеконституционные источники (в первую очередь международно-правовые) начинают задавать пределы допустимости законодательных и даже конституционных преобразований [\[20\]](#). Такой подход получил развитие, например, в решениях Верховного суда Канады («*Re Secession of Quebec*», 1998), где подчёркивается примат фундаментальных принципов, включая уважение прав человека, над формальной волей большинства, выраженной в рамках даже корректных конституционных процедур. Похожее стремление к осмыслению «*jus cogens*» как координаты предельно допустимого в правовой эволюции проявляется и в немецкой, и в испанской, и в южноафриканской судебной доктрине.

В этом смысле, оправданным представляется тезис о возникновении качественно нового слоя нормативности, в котором «*jus cogens*» функционирует не только как юридический предохранитель от произвола, но и как методологическая категория, позволяющая конституционному праву сохранять ценностную преемственность и легитимность в эпоху ускоренных трансформаций. Вместе с тем, внедрение норм «*jus cogens*» в национальные системы не может и не должно быть насильственным, особенно если речь идёт о государствах с особыми историко-культурными, правовыми и политико-идеологическими традициями. Универсальность не равна унификации — именно в этом заключается тонкая грань между глобальным правопорядком и сохранением государственно-правовой идентичности.

Именно здесь возникает задача построения таких правовых механизмов, которые позволили бы национальным правопорядкам интегрировать нормы «*jus cogens*» не как внешнюю угрозу своему суверенитету, а как часть внутренне признанного правового ландшафта. Это, в частности, предполагает развитие доктрины адаптивного

конституционализма, способной примирить ценности универсализма и суверенного самоопределения. В условиях, когда нормы «*jus cogens*» всё чаще становятся частью практики международных судов, требований международных организаций и аргументации в трансграничных конфликтах, на первый план выходит вопрос о включении соответствующих стандартов в текст национальных конституций либо, по меньшей мере, в толкование их положений органами конституционного контроля.

Следует отметить, что подобный подход влечёт за собой существенную институциональную перестройку — усиление роли конституционных судов как посредников между внутренним и внешним правом, создание консультативных механизмов по предварительной проверке международных соглашений на предмет соответствия «*jus cogens*», развитие парламентского контроля в этой сфере. Все эти элементы могут быть объединены в единую правовую стратегию, направленную не на блокировку международных норм, а на их осознанное, легитимное и юридически выверенное внедрение в национальный контекст. При этом «*jus cogens*» в условиях трансформации глобального права становится не просто нормой, а индикатором зрелости правовой системы и её способности интегрироваться в мировое сообщество без утраты собственной идентичности.

Тем самым, можем утверждать, что перед нами не просто ещё один источник права, а новая правовая координата, влияющая на саму ткань современного конституционного мышления. «*Jus cogens*», обладая качествами аксиологического абсолютного минимума для правового порядка, формирует не только границы допустимого, но и проект возможного — нормативную рамку для развития национального конституционализма в XXI веке. Эта рамка не отменяет конституционного суверенитета, но предельно обостряет вопрос о его пределе, ответственности и соразмерности в условиях полицентричной правовой реальности. Таким образом, «*jus cogens*» превращается в своего рода «конституционную меру мер», по отношению к которой сверяется допустимость любых правовых и политических действий, имеющих последствия для человеческого достоинства и основных прав, независимо от их источника.

Библиография

1. Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge University Press, 2006. 704 p.
2. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7-14. EDN: TEKST
3. Кремнев П. П. Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 783-802. DOI: 10.21638/srbu14.2021.318 EDN: LRQQZF
4. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия "общепризнанные принципы и нормы международного права" и *jus cogens* // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 37-47. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.037-047 EDN: YRVHPV
5. Venkatachalam M. M. Jus Cogens v. State Sovereignty: The Battle of Discriminatory Citizenship Laws // Harvard International Law Journal. Dec 8. 2023.
6. Sellers P. Jus Cogens: Redux. AJIL Unbound. 2022. Vol. 116. P. 281-286. DOI: 10.1017/aju.2022.47 EDN: PJAOLC
7. d'Aspremont J., de Brabandere E. The Complementary Faces of Legitimacy in International Law: The Legitimacy of Origin and the Legitimacy of Exercise. Fordham International Law Journal. 2011. Vol. 34. P. 190-235.

8. Капустин А. Я., Бальхаева С. Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 4 (185). С. 117-127. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.117-127 EDN: VQMQFN
9. Kelsen H. Pure Theory of Law (Reine Rechtslehre). 1960.
10. Krisch N. Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law. Oxford University Press, 2010. 384 p.
11. Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford University Press, 2009. 414 p.
12. Talmon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished. Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25(4). P. 979-1002.
13. Pivoda M. Constitutional Courts Asking Questions: A Deliberative Potential of Preliminary Reference Mechanism. Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 2023. Vol. 25. P. 141-160.
14. Petersmann E.-U. International Economic Law in the 21st Century: Constitutional pluralism and multilevel governance of interdependent public goods. Oxford, Hart Publishing, 2012. 540 p.
15. Dupuy P.-M. Le "jus cogens", les mots et les choses: où en est le droit impératif devant la Cour Internationale de Justice près d'un demi-siècle après sa proclamation? In: Mélanges offerts à Charles Leben: droit international et culture juridique. Paris: Pedone, 2015. P. 77-99.
16. Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67-85.
17. Uprimny Y. R. El bloque de constitucionalidad en Colombia. Un análisis jurisprudencial y un ensayo de sistematización doctrinal. Ius Inkarrí. 2021. Vol. 3(3). P. 115-148.
18. O'Connell M. E. Jus Cogens: International Law's Higher Ethical Norms. In: Childress, III D. E., ed. The Role of Ethics in International Law. ASIL Studies in International Legal Theory. Cambridge University Press, 2011. P. 78-98.
19. Shelton D. Jus Cogens: Elements of International Law. OUP Oxford, 2021. 144 p.
20. Lusted M. Treaties, Peremptory Norms and International Courts: Is the Hierarchy Theory Treading Water? // LSE Law Review. 2020. Vol. 5. P. 209-218.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, «Jus cogens» и конституционное право. Автор сосредоточил внимание на анализе трансформации иерархии соответствующих норм и институтов в условиях глобального правопорядка. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологически данное исследование основывается на синтезе юридической герменевтики, позволяющей интерпретировать тексты конституций и международных актов в их историко-культурном контексте; сравнительно-правового анализа, дающего возможность выявить общие и отличительные черты включения «jus cogens» в национальные правопорядки; а также аксиологического подхода, предполагающего рассмотрение правовых норм не только

как формально-юридических предписаний, но и как выражения базовых ценностей правового сообщества. Институциональный подход, в свою очередь, позволяет оценить, каким образом взаимодействуют органы конституционного контроля, законодательные власти и международные судебные инстанции при разрешении коллизий между внутренними и международными нормами".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Однако в XXI веке обсуждение «*jus cogens*» всё чаще выходит за пределы классического международно-правового дискурса, становясь предметом внимания и национальных конституционных судов, и правоведов, специализирующихся на публичном праве. Причина этого интереса кроется не только в растущем числе дел, в которых внутренние суды, в том числе конституционные, апеллируют к нормам «*jus cogens*» (например, в делах, касающихся запрещения пыток, рабства, преступлений против человечности), но и в более общем сдвиге в правовом мышлении: от замкнутого, суверенно-иерархического к открытому, взаимосвязанному и аксиологически ориентированному правопорядку. Особенно ярко это проявляется в европейской правовой традиции, где, начиная с рубежа XX–XXI веков, национальные суды всё чаще признают приоритет определённых международных норм даже перед нормами собственной конституции. Примером может служить решение Конституционного совета Франции по делу № 2004-496 DC, где был признан особый статус «*jus cogens*» в контексте международных обязательств Франции. В этом контексте становится очевидной необходимость правового осмысления природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права. Если «*jus cogens*» действительно представляет собой универсальные императивы, пронизывающие весь правопорядок, то возникает вопрос о пределах национального правотворчества и судебного усмотрения: может ли конституция, выражающая суверенную волю народа, вступать в противоречие с нормами, носящими универсальный характер? Или же, напротив, «*jus cogens*» — это лишь внешняя проекция универалистской догмы, навязываемая суверенитету в логике глобального правового неокOLONIALИЗМА, как утверждают некоторые критики, в частности, М. Koskenniemi [1]? Эти вопросы нельзя свести к простой юридической технике — они затрагивают основы современной правовой онтологии и требуют обращения к аксиологическим, институциональным и сравнительно-правовым методам"; "Исследование также предполагает анализ направлений трансформации иерархии правовых норм и институтов, вызванной признанием «*jus cogens*» в национальных правопорядках. Уже в настоящее время можно наблюдать сдвиг от классической вертикали, в которой конституция стояла на вершине нормативной пирамиды, к более сложным, гибридным и полицентричным моделям. Так, в доктринальной и судебной практике Германии и Австрии фиксируются попытки рассматривать «*jus cogens*» как компонент конституционного порядка в его материальном измерении — как совокупность фундаментальных ценностей, лежащих в основе не только международного, но и национального права [2]. В российской научной литературе эта проблема получает всё большее внимание, особенно в контексте соотношения Конституции РФ с международными обязательствами в свете изменений, внесённых в Основной закон в 2020 году [3, 4]".

Научная новизна работы "... заключается в попытке переосмысления традиционного представления об иерархии правовых норм и институтов через призму «*jus cogens*» как аксиологического маркера глобального правопорядка" и проявляется в ряде заключений автора: "Однако в XXI веке концепт «*jus cogens*» всё более уверенно выходит за пределы международно-договорного контекста, принимая форму компонента транснационального правового порядка. В отличие от классического международного права, сосредоточенного на отношениях между государствами, транснациональное

право охватывает также взаимодействие между государствами, частными субъектами и международными организациями, часто в формах, не укладывающихся в традиционную модель горизонтальной координации суверенов. Именно в этой парадигме «*jus cogens*» начинает функционировать как регулятор не только международных договоров, но и внутренней нормативной и судебной практики"; "Таким образом, юридическая природа «*jus cogens*» трансформируется: от кодифицированной нормы международного договорного права к элементу глобальной правовой инфраструктуры, обладающему не только вертикальной обязательностью, но и горизонтальной нормативной притягательностью. В этом контексте становится актуальным вопрос о степени и формах включения «*jus cogens*» в национальные правовые системы — через доктринальную рецепцию, судебную практику или конституционные интерпретации"; "Таким образом, судебная практика различных государств и наднациональных структур обнаруживает фундаментальные различия в подходах к иерархии норм. Европейский суд по правам человека, в ряде дел — например, «*Al-Adsani v. United Kingdom*», «*Kalogeropoulou et al. v. Greece*» — исходил из признания «*jus cogens*» как основы международного публичного порядка, способной преодолеть даже иммунитет государств. При этом ЕСПЧ оставлял национальным судам пространство усмотрения в интерпретации механизмов имплементации, что порождает амбивалентную правовую ситуацию: формальное признание верховенства «*jus cogens*» соседствует с институциональной зависимостью от национальных фильтров легитимации"; "В итоге формируется новая, ещё не устоявшаяся модель нормативной иерархии, где «*jus cogens*» выполняет двойственную функцию: с одной стороны — аксиологического маркера легитимности права, с другой — инструмента давления и трансформации внутренней нормативной логики. В одних юрисдикциях наблюдается тенденция к инкорпорации этих норм в систему внутреннего права с приравниванием их к принципам конституционного строя (например, в Испании, Нидерландах, Южной Африке), в других — к конституционному отторжению и заявлению о приоритете национального суверенитета (например, Россия, Венгрия, Польша). Таким образом, вопрос о том, может ли Конституция ограничивать применение «*jus cogens*», остаётся не только юридическим, но и глубоко политико-философским, затрагивающим природу права в условиях глобального нормативного многоуровневого порядка"; "Таким образом, воздействие «*jus cogens*» на институциональную структуру конституционного государства уже невозможно воспринимать как внешний по отношению к системе фактор. Оно вызывает необходимость переформатирования не только нормативного порядка, но и функционального устройства системы защиты конституции. Конституционные суды превращаются в площадку, где осуществляется не только контроль над законами, но и балансировка между локальной идентичностью и универсальными ценностями. Эта трансформация — не столько институциональный кризис, сколько симптом глубинных изменений в понимании суверенитета, легитимности и правового порядка в глобализирующемся мире" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "Юридическая природа «*jus cogens*»: от международного к транснациональному измерению"; "*Jus cogens* как фактор трансформации иерархии правовых норм в национальных правовых порядках"; "Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правовая порядок"; "Теоретико-доктринальные основания взаимодействия «*jus cogens*» и национального конституционного права"; "Практическая значимость и юридические последствия". В

заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, один из заголовков разделов статьи выглядит следующим образом: "Институциональные последствия воздействия «*jus cogens*» на конституционный правопорядок" - "правопорядок" (опечатка).

Последний заголовок необходимо конкретизировать ("Практическая значимость и юридические последствия"). Если читать только заголовки разделов статьи, неясно, о чём пойдёт речь в данном разделе.

Автор пишет: "Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, возможно ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка?" - "Если «*jus cogens*» входит в коллизию с такими нормами, МОЖЕТ ли конституционное право изолироваться от императивного воздействия глобального правопорядка, или подобная изоляция влечёт утрату легитимности самого конституционного порядка?" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (М. Koskenniemi, J. d'Aspremont, E. de Brabandere, Г. Кельзен и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В заключение проведенного исследования невозможно не отметить, что концепция «*jus cogens*», некогда воспринимавшаяся преимущественно как сугубо международно-правовая категория, сегодня всё в большей степени проявляет себя как транссистемный правовой феномен, оказывающий реальное и глубинное влияние на архитектуру национальных правопорядков, особенно на уровень конституционного регулирования. Нормы императивного характера, благодаря своей универсальности, ненарушаемости и морально-правовой очевидности, постепенно проникают в сферы, которые ранее традиционно принадлежали исключительно к юрисдикции национального законодателя и конституционного правотворчества. Этот процесс нельзя считать ни односторонним, ни механическим: он представляет собой сложное, зачастую противоречивое взаимодействие нормативных уровней, включающее элементы диалога, конфликта и адаптации. Анализ текущих тенденций свидетельствует о том, что «*jus cogens*» не просто претендует на включённость в иерархию правовых норм, но фактически реорганизует её внутреннюю логику. Концепция верховенства конституции, являвшаяся аксиомой для классических моделей конституционного права, всё чаще сталкивается с вызовом, когда именно внеконституционные источники (в первую очередь международно-правовые) начинают задавать пределы допустимости законодательных и даже конституционных преобразований [20]. Такой подход получил развитие, например, в решениях Верховного суда Канады («*Re Secession of Quebec*», 1998), где подчёркивается примат фундаментальных принципов, включая уважение прав человека, над формальной волей большинства, выраженной в рамках даже корректных конституционных процедур. Похожее стремление к осмыслению «*jus cogens*» как координаты предельно допустимого

в правовой эволюции проявляется и в немецкой, и в испанской, и в южноафриканской судебной доктрине. В этом смысле, оправданным представляется тезис о возникновении качественно нового слоя нормативности, в котором «*jus cogens*» функционирует не только как юридический предохранитель от произвола, но и как методологическая категория, позволяющая конституционному праву сохранять ценностную преемственность и легитимность в эпоху ускоренных трансформаций. Вместе с тем, внедрение норм «*jus cogens*» в национальные системы не может и не должно быть насильственным, особенно если речь идёт о государствах с особыми историко-культурными, правовыми и политико-идеологическими традициями. Универсальность не равна унификации — именно в этом заключается тонкая грань между глобальным правопорядком и сохранением государственно-правовой идентичности" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье ««*Jus cogens*» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка» предметом исследования является соотношение норм конституционного и международного права на современном этапе развития права как социального регулятора. Особое внимание автор уделяет значению императивных норм международного права в регулировании общественных отношений.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический, сравнительного правоведения и др.

Актуальность исследования. Как правильно отмечает автор статьи, актуальность темы обусловлена, в том числе, тем фактом, что «...становится очевидной необходимость правового осмысления природы «*jus cogens*» с точки зрения не только международного, но и конституционного права». Указанные причины подтверждают необходимость доктринальных разработок в данной сфере с целью определения места императивных норм международного права в правовых системах суверенных государств и их конституционного устройства.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье также сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на значимость этого исследования для юридической

науки. Автор заявляет, что ««Jus cogens», обладая качествами аксиологического абсолютного минимума для правового порядка, формирует не только границы допустимого, но и проект возможного — нормативную рамку для развития национального конституционализма в XXI веке. Эта рамка не отменяет конституционного суверенитета, но предельно обостряет вопрос о его пределе, ответственности и соразмерности в условиях полицентричной правовой реальности». В статье содержатся и другие положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную юриспруденцию.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. Автором соблюдены требования к объему материала. В качестве положительной оценки можно отметить, что текст статьи написан научным стилем, использована специальная терминология, в том числе и юридическая (однако некоторые термины, являющиеся дискуссионными, автор уверенно использует, например, Конституция РФ не имеет официального названия «Основной закон», на это в своих работах обращали внимание ведущие российские конституционалисты - О.Е. Кутафин, Е.И. Козлова, С.М. Шахрай). Предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Во введении определена актуальность темы и предмет исследования. В заключении очень детально сформулированы итоги исследования. В основной части представлена аргументированная позиция автора со ссылками на авторитетные мнения ведущих специалистов в данной области научных знаний.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на имеющиеся научные публикации оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики автор корректно обращается к оппонентам. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья ««Jus cogens» и конституционное право: трансформация иерархии норм и институтов в условиях глобального правопорядка» может быть рекомендована к опубликованию. Статья отвечает тематике журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья написана на актуальную тему и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области конституционного права, международного права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Гончаров В.В., Поярков С.Ю., Савченко М.С. Конституционные системы под международными санкциями: правовая устойчивость и пределы автономии // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. С. 216-235. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.75368 EDN: KRHURZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75368

Конституционные системы под международными санкциями: правовая устойчивость и пределы автономии

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданского процесса и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Кубанский государственный университет"
заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения "Федеральный научный центр пищевых систем им. В.М. Горбатова" Российской академии наук

350042, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Колхозная, д. 3

✉ niipgergo2009@mail.ru

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

350007, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Химзаводская, 48, оф. 4

✉ niipg2025@mail.ru

Савченко Марина Станиславовна

доктор юридических наук

профессор, зав. кафедрой; кафедра государственного и международного права; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

✉ niipg2010@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.75368

EDN:

KRHURZ

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2025

Дата публикации:

08-10-2025

Аннотация: Настоящая научная статья посвящена публично-правовому анализу правовой устойчивости и пределов автономии национальных конституционных систем под международными санкциями. Данная научная тема представляет особую актуальность в настоящее время в свете того, что международные санкции из исключительного механизма международной ответственности трансформировались в регулярно применяемую форму геополитического давления, охватывающую широкий спектр воздействий: от ограничений на внешнеэкономическую деятельность до целенаправленных мер против отдельных институтов власти и публичных должностных лиц. В этом контексте возникает правомерный вопрос: в какой степени подобные меры затрагивают не только экономическую или дипломатическую сферу, но и фундаментальные параметры внутреннего правопорядка, прежде всего – конституционные системы государств, оказавшихся под внешним санкционным воздействием. В работе использовался ряд методов научного исследования, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод правовой герменевтики; кейс-стади. Целью настоящего исследования становится выявление масштабов, направлений и последствий воздействия международных санкций на конституционные системы государств. При этом речь идёт не только об общих теоретических конструктах, но и об эмпирически наблюдаемых институциональных реакциях, формирующихся в государствах, подвергшихся санкционным ограничениям со стороны таких субъектов, как Европейский союз, США, Совет Безопасности ООН или группы государств. Анализ правовых механизмов адаптации и противодействия в подобных условиях позволяет обнаружить как элементы деструкции – подрыв легитимности институтов, ослабление конституционного контроля, снижение прозрачности законодательства, – так и элементы трансформационной устойчивости, когда система, несмотря на давление, сохраняет базовые конституционные принципы, развивает механизмы внутреннего правового баланса и подтверждает автономию нормативной воли.

Ключевые слова:

конституционные системы, международные санкции, пределы автономии, правовая устойчивость, дуализм, монизм, Иран, Куба, Российская Федерация, Республика Польша

Введение

Проблематика формирования и развития конституционных систем в современных государствах мира детально исследована в работах Р. Айзекса, [\[1, с. 18-29\]](#) С. А. Белова, [\[4, с. 32-39\]](#) О. Н. Гришаевой, [\[11, с. 5-15\]](#) А. Ди Грегорио, [\[14, с. 241-251\]](#) Е. Ф. Ивашкевич, [\[17, с. 13-21\]](#) С. В. Кодавбович, [\[18, с. 19-24\]](#) Г. А. Майстренко, [\[19, с. 206-213\]](#) П. Смук, [\[28, с. 32-43\]](#) Л. Ш. Шарифзоды, [\[29, с. 319-324\]](#) Е. С. Щелковой, [\[30, с. 125-127\]](#) Э. Эфегил, [\[31, с. 107-115\]](#) М. Ярар, [\[32, с. 16-28\]](#) а также ряда иных авторов. В свою очередь, вопросы

международных санкций и их влияния на отдельные национальные государства широко изучены в произведениях А. Х. Алаамери, [\[2, с. 23-25\]](#) С. А. Афонцева, [\[3, с. 48-68\]](#) Ю. В. Блиновой, [\[6, с. 57-61\]](#) Е. В. Виноградовой, [\[8, с. 84-88\]](#) З. П. Джавад, [\[13, с. 612-625\]](#) Н. А. Екимовой, [\[16, с. 82-92\]](#) В. Мэн, [\[20, с. 1302-1312\]](#) А. В. Нестеренко, [\[21, с. 138-148\]](#) Н. В. Протасенко, [\[23, с. 240-245\]](#) И. А. Ракитской, [\[24, с. 65-69\]](#) Я. В. Редикульцева, [\[26, с. 399-402\]](#) Ш. А. Саторова, [\[27, с. 39-41\]](#) а также некоторых других ученых. В тоже время, как показывает анализ отечественной и зарубежной учебной и научной литературы, слабо исследована проблематика влияния международных санкций на статику и динамику развития национальных конституционных систем, чем и обусловлен выбор настоящей темы научного исследования, целью которой выступает не только анализу правовой устойчивости и пределов автономии конституционных систем под международными санкциями, но и выявление наиболее успешных форм развития национальных конституционных систем в условиях постоянного противостояния указанным международным санкциям.

Современный международный правопорядок демонстрирует устойчивую тенденцию к усилению инструментов экономического и политико-правового воздействия на государства, нарушившие, по мнению санкционирующих субъектов, нормы международного поведения. Международные санкции из исключительного механизма международной ответственности трансформировались в регулярно применяемую форму геополитического давления, охватывающую широкий спектр воздействий: от ограничений на внешнеэкономическую деятельность до целенаправленных мер против отдельных институтов власти и публичных должностных лиц. В этом контексте возникает правомерный вопрос: в какой степени подобные меры затрагивают не только экономическую или дипломатическую сферу, но и фундаментальные параметры внутреннего правопорядка, прежде всего — конституционные системы государств, оказавшихся под санкционным воздействием.

Особую остроту эта проблема приобретает в условиях, когда санкции де-факто влияют на нормативную способность, институциональную автономию и правотворческую устойчивость государств. Конституции, призванные быть высшими правовыми актами, оказываются под внешним давлением, побуждающим к адаптации, зачастую вне рамок традиционного конституционного процесса. Тем самым поднимается вопрос не только юридической, но и концептуальной устойчивости конституционного строя как системы координат, обеспечивающей баланс между публичной властью, правами граждан и международными обязательствами. Современные санкционные режимы, таким образом, становятся своеобразным стресс-тестом для конституционных механизмов, обнаруживая пределы автономии, пределы толкования и пределы устойчивости в условиях правового форс-мажора глобального масштаба.

Научный интерес к данной проблематике существенно ограничен рамками отраслевого анализа, преимущественно в плоскости международного публичного права или теории внешнеполитических отношений. Вместе с тем, системное воздействие санкций на внутренний правовой порядок требует иного подхода — комплексного междисциплинарного анализа, который позволил бы осмыслить санкции не как политико-дипломатическую реакцию, а как правовой вызов конституционной системе государства. Такой подход позволяет выдвинуть гипотезу о существовании особого феномена, условно называемого «конституциональным стрессом» — состоянием правовой системы, при котором устойчивость институциональной архитектуры ставится под сомнение в силу экзогенного давления, нарушающего стабильность нормативных и процедурных

механизмов.

Целью настоящего исследования становится выявление масштабов, направлений и последствий воздействия международных санкций на конституционные системы государств. При этом речь идёт не только об общих теоретических конструктах, но и об эмпирически наблюдаемых институциональных реакциях, формирующихся в государствах, подвергшихся санкционным ограничениям со стороны таких субъектов, как Европейский союз, США, Совет Безопасности ООН или группы государств. Анализ правовых механизмов адаптации и противодействия в подобных условиях позволяет обнаружить как элементы деструкции — подрыв легитимности институтов, ослабление конституционного контроля, снижение прозрачности законодательства, — так и элементы трансформационной устойчивости, когда система, несмотря на давление, сохраняет базовые конституционные принципы, развивает механизмы внутреннего правового баланса и подтверждает автономию нормативной воли.

Ключевым элементом данной проблематики становится понятие «правовой устойчивости» как комплексной характеристики способности конституционной системы сохранять свою нормативную идентичность в условиях внешнего давления. Этот концепт предполагает не только формальную сохранность текста конституции, но и реальную жизнеспособность её механизмов, способность к воспроизводству институциональной логики, функционированию конституционного контроля и поддержанию баланса прав и обязанностей, несмотря на санкционный стресс. В отличие от экономической или политической устойчивости, правовая устойчивость требует оценки глубинных параметров: роли конституционного суда, поведения ветвей власти, характера правотворческой адаптации и соотношения между международным и внутренним правом.

При этом перед исследователем встаёт также проблема определения пределов автономии конституционной системы — в частности, возможности государства ограничивать действие международных санкций или трансформировать их в акты внутреннего правоприменения без ущерба для собственного правопорядка. Здесь обнаруживается интересная правовая дихотомия. С одной стороны, международные обязательства, даже в санкционном формате, нередко приобретают характер прямого правового действия (например, резолюции Совбеза ООН обязательны для исполнения). С другой — существует доктрина конституционного суверенитета, выражающаяся в признании приоритета основного закона в случае конфликта с международным актом, особенно если последний не прошёл национальную имплементацию. Прецеденты, возникшие в конституционной практике РФ, Венгрии, Германии и Ирана, показывают неоднозначность этой коллизии и необходимость разработки адаптивных механизмов разрешения подобного противоречия.

Методологическая база настоящего исследования строится на сочетании сравнительно-правового и институционального подходов, что позволяет не только сопоставить различные модели адаптации, но и выявить структурные закономерности, определяющие степень устойчивости конституционных систем. В рамках исследования также используется метод кейс-стади: в качестве примеров рассматриваются кейсы Ирана, России, Венесуэлы, Зимбабве и Югославии, каждая из которых демонстрирует различные стратегии правовой реакции — от полной правовой изоляции до частичной правовой адаптации. Немаловажную роль играет и правовая герменевтика: санкции требуют переосмысления таких понятий, как правовая автономия, международная ответственность, иерархия норм, что, в свою очередь, влияет на общее доктринальное восприятие конституционного порядка в XXI веке.

Результаты работы могут быть практически полезны в процессе выработки нормативной и судебной политики, ориентированной на повышение адаптивности и правовой устойчивости в условиях международного давления. Конституционные суды, в частности, могут использовать результаты анализа при выработке доктрин о пределах допустимого ограничения прав человека, а также в определении иерархии правовых норм в условиях санкционного конфликта. Кроме того, данное исследование создаёт основу для разработки нового концептуального аппарата, способного более точно описывать современные трансформации конституционного правопорядка в условиях глобальной правовой фрагментации.

Теоретико-правовые основы воздействия международных санкций на конституционную систему

Международные санкции, выступающие сегодня одним из наиболее часто применяемых инструментов внешнеполитического воздействия, могут оказывать фундаментальное влияние на внутренние конституционные системы государств. В отличие от экономических последствий, которые являются предметом привычного анализа, правовая сторона вопроса — устойчивость конституционного порядка и пределы автономии государственных институтов — остаётся недостаточно разработанной. Однако именно в этом ключе формируется новое научное поле: исследование конституционной рефлексии под давлением санкций.

Прежде всего, нужно определить, что представляет собой международный санкционный институт. Санкции Совета Безопасности ООН на основании главы VII Устава являются обязательными для всех государств-членов и выражают волю международного сообщества к обеспечению мира и безопасности. Это довольно расширенный инструментарий, включающий эмбарго, блокирование активов, ограничение на технологическую продажу, направлен на политическую мобилизацию. Односторонние или региональные меры - такие как санкции ЕС или США - редко имеют международно-правовой характер, но широко действуют в глобальной экономике и часто стремятся достигнуть через *extraterritorial application* политических целей. Юридически санкции классифицируют по целям: от персональных (против конкретных лиц) до секторальных, технологических и экономических. По характеру действия - экономических, финансовых, технологических. Санкционный режим может быть настолько масштабным, что возникает эффект «конституционного стресса», когда нормы конституционного порядка становятся объектом давления.

В международном праве действует принцип «*pacta sunt servanda*» - договоры должны соблюдаться добросовестно. Однако этот принцип ограничен нормами *jus cogens*, нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Возникает вопрос: где находится граница между обязательностью санкций и правом государства сопротивляться во имя сохранения внутреннего конституционного строя? Теории монизма и дуализма дают разное представление: монизм предполагает автоматическую имплементацию международных норм во внутреннее право, а дуализм - необходимость явной рецепции. [\[7, с. 1247-1253; 12, с. 121-131; 25, с. 156-158\]](#) В то же время концепция «конституционного диалога» постепенно находит отражение в судебной практике, когда конституционные суды указывают на необходимость согласования международных стандартов с конституцией с учетом Конституции как «фильтра» международных обязательств.

В этой плоскости важна категория «правовой устойчивости» конституционной системы.

Она складывается из трёх компонентов:

- стабильности (способности соблюдать базовые правила);
- адаптивности (готовности реагировать на внешние вызовы, включая международные обязательства);
- целостности (способности удержать баланс между ветвями власти и защиту прав граждан).

Ключевыми факторами, влияющими на устойчивость, являются качество текста Конституции, эффективность институтов (суды, парламенты), уровень правовой культуры и гражданского согласия. Практически под санкционным риском конституционная система сталкивается с феноменом «конституционного стресса», проявляющегося в ограничении прав, снижении прозрачности власти, оказании давления на суды или законодательные органы.

Пределы автономии государства под санкциями складываются из внутреннего и внешнего измерений. Суверенитет конституционально измеряется способностью государства самостоятельно формировать правовые нормы и концептуальные рамки, однако санкции могут нарушать эту логику: международные ограничения, включая обязательность резолюций Совбеза ООН, становятся частью национального правопорядка. Внутренняя автономия - защита конституционного строя - вступает в конфликт с внешней - обязанностью выполнять международные обязательства. Доктрина «конституционной идентичности», развитая, например, в Германии (Федеральным конституционным судом), в венгерской и польской юриспруденции, рассматривает такие идентичностные нормы (часто конституционный «блок» вечных норм) как «барьер для внешнего вмешательства». [\[15, с. 202-209\]](#) Но насколько этот барьер устойчив, когда санкции оформлены как правоприменительные акты в глобальном правовом пространстве? Ответ зависит от позиции конституционного суда: либо он допускает рецепцию санкций через фильтр идентичности, либо блокирует их внедрение, ставя под угрозу международные обязательства, или наоборот — допускает ограничение внутренней автономии ради исполнения внешних норм.

Таким образом, теоретико-правовая конструкция взаимодействия санкций и конституционных норм представляет сложный гибрид: баланс между *normae jus cogens*, *pacta sunt servanda* и конституционным суверенитетом. Это пространство требует переосмысления традиционных моделей взаимодействия международного и национального права, перехода от бинарных схем монизм-дуализм к гибким моделям диалога, а также выработки критериев «конституционной устойчивости» и «автономии», способных дать государству инструменты защиты своих правовых основ без нарушения международных обязательств.

Влияние международных санкций на основные принципы и институты конституционного строя

В условиях действия международных санкций, особенно продолжительных и масштабных, неизбежно происходит пересмотр ключевых положений конституционного строя, как в юридическом, так и в доктринальном измерении. Санкционное давление, создавая экстраординарную ситуацию, требует от правовой системы государства поиска ответов в пределах действующего конституционного регулирования, а нередко - и за его

пределами, включая практики гибкой интерпретации или даже частичного отступления от установленных правовых стандартов. Это обстоятельство влечёт за собой изменения в функционировании фундаментальных принципов конституционного порядка и ставит под сомнение устойчивость привычных институтов.

Прежде всего подвергается трансформации принцип государственного суверенитета, который традиционно рассматривается как основа конституционного строя и юридическая формула верховенства власти на своей территории. Под действием международных санкций происходит значительное ограничение фискального и финансового суверенитета: блокируются государственные резервы, ограничивается доступ к международным платёжным системам, запрещаются трансграничные инвестиции, устанавливаются лимиты на экспорт и импорт ключевых товаров. Как следствие, конституционно закреплённые полномочия государства в бюджетной, налоговой и валютной политике начинают зависеть не от внутренней законодательной воли, а от внешне навязанных ограничений. Влияние на внешнеполитическую и оборонную автономию, хотя и осуществляется формально не через прямое вмешательство, но де-факто проявляется в необходимости корректировать приоритеты и перераспределять ресурсы - порой в ущерб долгосрочным целям внутреннего развития. Не менее значимым аспектом становится вынужденная адаптация национального законодательства к требованиям внешнеполитической конъюнктуры, при которой принимаются нормы, формально соответствующие внутреннему правопорядку, но фактически отражающие стратегию правового выживания в санкционном контексте.

Одним из наиболее чувствительных направлений воздействия является система разделения властей. Под влиянием санкционного кризиса происходит перераспределение властных полномочий в сторону исполнительной ветви. Именно она получает приоритетное право на быстрое реагирование, заключение международных соглашений, управление финансовыми потоками, издание нормативных актов в обход парламентской процедуры. Это наблюдается в ряде юрисдикций, включая страны с устойчивыми демократическими институтами, где экстраординарные обстоятельства служат обоснованием временной концентрации власти в руках исполнительной власти. Законодательная власть, с одной стороны, часто оказывается в роли легитимирующего органа, утверждающего уже свершившиеся факты, а с другой — может быть полностью оттеснена от процесса выработки стратегии реагирования на санкции. Вопросы полномочий парламента в условиях санкционной изоляции становятся предметом острых дискуссий, особенно в случаях, когда исполнительная власть действует посредством указов, временных мер или актов, носящих квазинормативный характер. [\[5, с. 11-20\]](#)

Судебная власть также сталкивается с вызовами - не только в части независимости, но и в методологии применения норм международного и национального права. Судьи оказываются перед необходимостью разрешения споров, в которых речь идёт о легитимности санкционных мер, правомерности блокировки активов, ограничений на предпринимательскую деятельность или обоснованности отказа в визе, что требует комплексного правового анализа и политической нейтральности при принятии решений.

Особое значение приобретает влияние санкционного режима на реализацию и защиту основных прав и свобод личности. Ограничения в сфере экономических, социальных и культурных прав становятся неизбежными: сокращается рынок труда, повышается стоимость жизни, ограничивается доступ к лекарствам, технологиям, образованию. Эти последствия, зачастую косвенные, тем не менее затрагивают конституционные гарантии, формируя дисбаланс между формальной защищённостью прав и их фактической

осуществимостью. Право на труд, свобода передвижения, право на достойный уровень жизни - все эти позиции приобретают новое значение, оказываясь в зоне риска. Особенно проблематично соблюдение процессуальных прав в условиях введения персональных санкций, когда лицо подвергается ограничениям без полноценной процедуры уведомления, без возможности судебного обжалования в адекватной юрисдикции, и без соблюдения принципов равенства и состязательности. При этом конституционные суды в отдельных государствах начинают играть активную роль в правовом контроле за действиями органов исполнительной власти, формируя устойчивую практику защиты прав граждан в условиях санкционного давления. Примером может служить юрисдикция Европейского суда справедливости, признавшего неправомерным введение санкций без достаточного доказательного обоснования (дело *Kadi v. Council*), а также решения Конституционного Суда ФРГ, настаивающего на соблюдении национального основного закона при имплементации внешних ограничений. [\[33, с. 229-240\]](#)

Не менее важным представляется и влияние санкционного давления на трансформацию конституционной доктрины и правовой культуры. В этих условиях меняется не только нормативная, но и идеологическая составляющая конституционализма. Происходит переосмысление роли государства в экономике: от нейтрального арбитра - к активному участнику и защитнику национальных интересов в условиях враждебной международной среды. Усиливаются позиции сторонников суверенистского подхода, акцентирующего необходимость опоры на внутренние ресурсы, самодостаточность правопорядка и изоляцию от внешних юридических влияний. [\[9, с. 37-44\]](#) В то же время возникают и встречные дискуссии: насколько легитимен отказ государства от части обязательств ради защиты своей «конституционной идентичности» и где пролегает граница между допустимой правовой самообороной и изоляционизмом? [\[10, с. 264-270\]](#) Эти противоречия находят отражение в изменении правовой риторики, в обновлённой практике конституционного толкования, в учебной и научной литературе. Под сомнение ставится универсализм прав человека, доктрина верховенства международного права, а вместо этого усиливается акцент на приоритете национальных конституционных ценностей, своеобразном правовом «патриотизме», который становится новым элементом правовой культуры. Всё это влияет на уровень доверия граждан к государственным институтам, особенно в условиях ограниченного доступа к информации, снижения прозрачности процедур и неопределённости судебной перспективы.

Таким образом, воздействие санкционного режима выходит далеко за пределы экономических моделей и требует системного переосмысления сущности и формы функционирования конституционного строя в условиях внешнего давления. Углублённый анализ этих процессов позволяет выявить не только уязвимости, но и ресурсы правовой устойчивости, важные для модернизации конституционного порядка и укрепления институциональной автономии.

Кейс-стади: Адаптация конституционных систем к условиям международных санкций

В случае Российской Федерации санкционные меры, введённые Западом с 2014 года и усилившиеся после 2022 года, привели не просто к экономическому давлению, но к существенным трансформациям конституционной системы. Была проведена серия поправок, среди которых важнейшую роль играют: ограничение гарантий иностранных юрисдикций; усиление роли Конституционного Суда РФ (особенно в вопросах приоритета Конституции над интернациональными актами); усиление prerogatives Президента России.

Практическая реакция Конституционного Суда РФ, выражавшаяся в постановлениях от 2015 и 2017 годов, подчёркивала исключительный статус основного закона и необходимость «фильтрации» международных обязательств. Более того, волна «дедолларизации» и стимулирование импортозамещения не только служили экономическими средствами, но стали конституционной стратегией, направленной на сохранение суверенитета и на усиление автономности правовой системы в условиях санкционного давления.

Перенесём внимание на исламскую республику Иран, где многолетние санкции США и международного сообщества вызвали институциональные и конституционные реакции. В период после 1979 года и особенно в XXI веке Иран постепенно выстраивал так называемую «экономику сопротивления» (*resistance economy*), фиксированную в стране как экономическая стратегия, направленная на снижение зависимости от нефти и обход ограничительных мер. [\[22, с. 1-20\]](#) Конституционный строй адаптировался через усиление контроля исполнительной власти и применение жёстких законов, направленных на поддержание национальной валюты и снижение проникновения иностранных инноваций. В то же время санкции затормозили развитие гражданских учреждений и порождали замкнутость власти, отчего стала заметна разрыв между формальной конституционной системой - с её законами и процедурами - и фактическим усилением квазирелигиозного и квазивоенного управления институтом власти.

Кейс Кубы, находящейся под эмбарго США с начала 1960-х годов - самый длительный пример санкционного воздействия. Конституции 1976 года, а затем реформы 1992 и 2019 годов создали нормативную основу для активного государственного регулирования экономики, включая совместные предприятия и привлечение иностранного капитала через Закон 118/2014. Однако вмешательство ограничений, закодированных во внутренних актах США (*Helms-Burton Act*, *CACR*), и резолюции ООН, объявлявшие эмбарго незаконным вмешательством в суверенитет Кубы, вынудили конституционную систему приспосабливаться: вводились правовые нормы по контролю валютных операций, максимизации экспорта и защите прав граждан при трудовых и социально-экономических ограничениях.

Сравнительный анализ показывает, что несмотря на разнообразие политических систем, общими чертами адаптации являются: укрепление исполнительной власти как реакция на внешние вызовы, активное вмешательство конституционных судов в соотношение между международным и национальным правом, а также создание специальных механизмов защиты прав личности. При этом Иран и Куба показали склонность к закрытой институциональной модели, противостоящей усилению внешних ограничений, а РФ и Куба - к активному использованию нормативной рецепции международных санкций, а вместе с ней к усилению правовой автономии через конституционные изменения.

Из этих кейс-стади вытекают важные уроки: во-первых, автономия конституционной системы зависит от сочетания гибкости правовых механизмов и устойчивости институтов; во-вторых, правовые меры адаптации - будь то импортозамещение, создание национальных платёжных систем или перераспределение властных функций - оказываются эффективными лишь при адекватной правовой институционализации; в-третьих, несмотря на различия политических моделей, везде наблюдается риск чрезмерной централизации защиты из-за внешнего давления, что требует балансирования между эффективностью и сохранением системы сдержек и противовесов.

Эти сравнительные данные могут быть полезны другим государствам, столкнувшимся с

санкционным давлением. Они демонстрируют: раннее и системное реагирование через конституционные механизмы, усиление легитимности институтов и баланс между суверенитетом и международной ответственностью служат ключом к правовой устойчивости.

Стратегии поддержания правовой устойчивости и автономии конституционной системы в условиях санкций

Стратегии поддержания правовой устойчивости и сохранения автономии конституционной системы государства в условиях международных санкций требуют системного и многоуровневого подхода, сочетающего элементы правовой теории, конституционной практики и международного диалога. В центре такой стратегии неизбежно оказывается необходимость переосмысления традиционных доктрин суверенитета, национального интереса и юридической ответственности государства, что, в свою очередь, требует адаптации как нормативной, так и институциональной архитектуры.

Одной из ключевых отправных точек становится разработка и нормативное закрепление доктрины «конституционной самозащиты» от внешнеполитического давления, проявляющегося в форме односторонних или многосторонних санкций, особенно в тех случаях, когда они не опираются на санкционирующие решения Совета Безопасности ООН и, следовательно, вызывают сомнения с точки зрения принципов международной законности. В этом контексте становится востребованным переосмысление роли конституционного правосудия не только как арбитра внутренних споров, но и как защитника конституционной идентичности государства в условиях вызовов извне. В частности, решения Конституционного Суда Российской Федерации (например, от 14.07.2015 № 21-П и от 19.01.2017 № 1-П) положили начало формированию российской доктрины верховенства Конституции в отношениях с международными институтами. Сходные идеи прослеживаются и в решениях Конституционного суда ФРГ (BVerfG, 2 BvR 2735/14), где подчёркивается право государства на охрану своей конституционной идентичности в контексте правового порядка Европейского союза.

Значимым направлением в рамках стратегии правовой устойчивости становится совершенствование механизмов имплементации международных обязательств с учётом необходимости защиты внутренних правовых основ. Здесь актуализируется не столько отказ от участия в международных правовых отношениях, сколько выстраивание предсказуемого и транспарентного механизма трансформации или адаптации международных норм в национальное законодательство. Важную роль играет конституционное ограничение, связанное с недопустимостью ухудшения правового положения граждан в результате имплементации санкционных режимов. Так, в практике Европейского суда по правам человека (дело «M.S.S. v. Belgium and Greece», 2011) подчёркивается обязанность государств обеспечивать соблюдение базовых прав даже при выполнении международных обязательств. С аналогичными дилеммами сталкиваются и национальные суды, как, например, Верховный суд Великобритании в деле «Bank Mellat v. HM Treasury» (2013), где было установлено, что санкции, нарушающие принцип пропорциональности, не соответствуют требованиям верховенства права.

Следующим элементом стратегии является законодательное и административное обеспечение адаптации. В условиях санкционного давления законодательные органы играют решающую роль в создании антисанкционных нормативных конструкций, обеспечивающих экономическую устойчивость и юридическую защищённость граждан. Примером служит принятие в Российской Федерации федеральных законов № 281-ФЗ (2018 г.) о мерах воздействия на недружественные действия иностранных государств и

№ 127-ФЗ (2020 г.) о противодействии иностранным санкциям. Эти акты не только юридически формализуют ответные меры, но и создают правовые рамки для хозяйственной адаптации. Исполнительная власть, в свою очередь, обеспечивает разработку программ стратегического планирования, создаёт координационные центры, взаимодействующие с частным сектором, правозащитниками и международными наблюдателями. В странах с развитым федерализмом подобные меры требуют особой согласованности между уровнями публичной власти, поскольку децентрализация не должна вести к правовой фрагментации или конфликту нормативных установлений.

Наконец, стратегическое значение приобретает активное участие институтов гражданского общества, которое в санкционных условиях играет одновременно роль буфера и катализатора правовой устойчивости. Поддержка правозащитных организаций, юридическое просвещение населения, создание платформ для правового диалога между гражданами и властью - все эти меры не только минимизируют деструктивный эффект от внешнего давления, но и укрепляют внутреннее единство правового сообщества. В условиях, когда доступ к международным площадкам ограничен, именно гражданское общество может выполнять функцию посредника в диалоге с иностранными институтами и оспаривании неправомерных санкций через международные суды и арбитражи. Кроме того, развитие правовой культуры, основанной на уважении к Конституции и осознании принципов правового государства, служит основой для общественного консенсуса по вопросам национальной безопасности и правового суверенитета, способствуя тем самым формированию адаптивного, но при этом принципиального конституционализма.

Таким образом, успешная стратегия правовой устойчивости в условиях международных санкций не может быть сведена к механической защите от внешнего вмешательства. Она требует органического сочетания уважения к международным обязательствам с активной защитой конституционного порядка, координации между ветвями власти, развития эффективных правовых институтов и консолидации гражданского общества. В совокупности все эти направления формируют основу для устойчивого функционирования государства в изменчивой и напряжённой международной правовой среде.

Заключение

В условиях нарастающего использования международных санкций как инструмента геополитического влияния возрастает значимость глубокого и многопланового осмысления их воздействия на конституционные системы государств. Санкции, выходя далеко за пределы экономических ограничений, затрагивают ядро публичной власти, подрывая не только операционную стабильность отдельных институтов, но и фундаментальные принципы национального конституционализма. Они становятся фактором структурного давления, влияющего на распределение властных полномочий, систему гарантий прав и свобод, юридическую интерпретацию международных обязательств, а в конечном счете - на саму идентичность конституционного строя. Современное государство, оказавшееся под санкционным режимом, оказывается перед необходимостью оперативного переосмысления границ своей автономии, пересмотра доктринального отношения к международному праву, а нередко и модернизации внутреннего конституционного порядка в целях укрепления его правовой устойчивости.

Обобщая результаты исследования, представляется возможным выделить несколько ключевых векторов.

Во-первых, санкции, особенно односторонние, демонстрируют высокий потенциал

дестабилизации, затрагивая не только финансово-экономическую сферу, но и создавая условия для перераспределения властных акцентов в пользу исполнительной власти, что может повлечь за собой конституционный дрейф от баланса к управляемому кризису.

Во-вторых, воздействие санкций приводит к правовому переформатированию конституционной среды - от экстренного нормотворчества до институциональной изоляции.

В-третьих, санкции тестируют зрелость правовой культуры общества и прочность публично-правовых институтов. Неэффективность судебной защиты, снижение прозрачности публичного управления, маргинализация законодательной функции - всё это может привести к эрозии доверия к самому механизму конституционного контроля. Однако именно в этих условиях возрастает роль конституционного правосудия как стража правопорядка, посредника в конфликтах между нормами разного происхождения и гарантии соблюдения минимальных стандартов правовой справедливости.

Представляется, что стратегии правового реагирования на санкции не должны ограничиваться мерами оборонительного характера. Необходимо последовательно выстраивать нормативный каркас «устойчивого конституционализма» - модели, способной органично сочетать элементы гибкости и принципиальности. Речь идет, с одной стороны, о совершенствовании конституционного законодательства в части механизма имплементации международных обязательств и ограничения их применения в случае их противоречия основам государственного устройства и правам граждан; с другой - об усилении роли судов и правозащитных институтов, призванных минимизировать произвольность применения санкционных норм и защитить уязвимые слои населения от их социально-экономических последствий. На этом фоне усиливается значение конструктивного диалога между государственными органами и гражданским обществом, где ключевым элементом становится институциональное признание ценности правовой информированности, публичного обсуждения и партиципативного участия в процессе правовой адаптации.

Не менее важной задачей становится развитие форматов международного сотрудничества, направленных на ограничение произвольности санкционных режимов и выработку универсальных стандартов их правомерности. Речь идет как о правовой оценке санкций с точки зрения принципов *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, так и об активном участии государств в создании новых механизмов разрешения споров, ориентированных на соблюдение прав человека в условиях ограничений. В данном контексте особое значение приобретает идея развития «регионального конституционного взаимодействия» - формирования платформы, на которой государства, подвергшиеся санкционному воздействию, могли бы обмениваться юридическим опытом, вырабатывать общие доктрины защиты правовой автономии и представлять свою позицию в международных инстанциях в виде коллективного требования уважения к суверенитету и конституционной идентичности.

Перспективы дальнейших научных исследований в обозначенной сфере предстают как исключительно актуальные. Представляется важным провести более детальный анализ санкционного влияния на федеративные государства, выявив различия в реакции субъектов и регионов в пределах одной национальной системы. Также необходим углубленный сравнительный анализ подходов к санкциям в рамках региональных объединений - таких как ШОС, ЕАЭС, МЕРКОСУР и др., с фокусом на их потенциал в противодействии деструктивным последствиям санкционного давления. Отдельного внимания заслуживает вопрос гуманитарных последствий санкций и необходимость

создания механизмов международной юридической помощи гражданскому населению в странах, находящихся под ограничительными мерами.

В конечном итоге, исследование санкционного давления на конституционные системы выходит за рамки традиционного юридического анализа и требует мультидисциплинарного подхода, где пересекаются конституционное право, международное публичное право, политология, социология и экономика. Такое междотраслевое понимание позволяет не только более точно оценить вызовы и риски, но и сформулировать продуктивные направления правовой трансформации, ориентированной на устойчивость, справедливость и сохранение национальной идентичности в условиях меняющегося глобального порядка.

Библиография

1. Айзекс Р. Процессы и результаты конституционной реформы в Казахстане: управление несогласием, ограничение рисков и консолидация власти // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 18-29. EDN: PWHENX.
2. Алаамери А. Х., Эриашвили Н. Д. К вопросу о теоретико-правовом понимании содержания понятия "санкции": международно-правовой аспект // Международный научный вестник. 2024. № 7. С. 23-25. EDN: DTOLVV.
3. Афонцев С. А. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03. EDN: XJNEVK.
4. Белов С. А. Вызовы прецедентного права конституционным судам Центральной и Восточной Европы // Журнал Конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 32-39. EDN: OCAFSS.
5. Боброва Н. А. Уникальность конституционной реформы 2020 года и ее последствия для будущего России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 2 (53). С. 11-20. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-2-11-20. EDN: THLCBX.
6. Блинова Ю. В. О понятии и видах международных санкций // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 1. С. 57-61. DOI: 10.14258/ralj(2024)1.12. EDN: XZQVUZ.
7. Бузанов Н. А., Воровская Д. В. Кто может нарушать международное право? Взаимосвязь национального и международного права. Монизм и дуализм. Влияние на российско-китайское стратегическое партнерства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 4 (68). С. 1247-1253. DOI: 10.35775/PSI.2021.68.4.032. EDN: JDZXVK.
8. Виноградова Е. В. Влияние международных экономических санкций на конституционное пространство современной России // Образование и право. 2022. № 2. С. 84-88. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-2-84-88. EDN: UZXTGY.
9. Гончаров В. В. Государственный суверенитет и глобальный конституционализм: вопросы соотношения // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 37-44. EDN: ZXYYBH.
10. Гончаров В. В. Влияние процессов глобализации на организацию и деятельность национальных политических элит // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 6 (3). С. 264-270. DOI: 10.15643/libartrus-2017.3.6. EDN: ZCSCBL.
11. Гришаева О. Н., Толочко А. В. Общее и особенное в становлении и развитии института президентства в постсоветских государствах // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 4 (10). С. 5-15. EDN: XRACTD.
12. Дерябина Е. М. Традиционные доктрины и подходы к решению вопроса о соотношении международного, внутригосударственного и общеевропейского права: монизм и дуализм // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 2. С. 121-131. EDN: TCSEIN.

13. Джавад З. П., Фарамарз З. П. Иран и Россия: взаимодействие в условиях международных санкций // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 3 (56). С. 612-625. DOI: 10.35775/PSI.2024.56.3.016. EDN: NZBXXZ.
14. Ди Грегорио А. Кризис верховенства закона в новых государствах-членах ЕС // Конфликтология / Nota Bene. 2016. № 4. С. 241-251. EDN: YPMGCZ.
15. Довгань Г. В. Границы действия принципа верховенства права ЕС относительно Конституции: *Acquis constitutionnel* Конституционного трибунала Польши // Проблемы законности. 2017. № 138. С. 202-209.
16. Екимова Н. А. Международные санкции в отношении России: неявные выводы // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 4. С. 82-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92. EDN: YPEJJJ.
17. Ивашкевич Е. Ф., Кабышко Н. В. Современные конституционные процессы в странах постсоветского пространства // Право. Экономика. Психология. 2020. № 3 (19). С. 13-21. EDN: JRXAKE.
18. Кодавбович С. В. Конституционные основы защиты прав и свобод человека и гражданина в Великобритании и США // Законодательство. 2017. № 1 (25). С. 19-24.
19. Майстренко Г. А., Майстренко А. Г. Конституционные системы РФ и США: сравнительный политико-правовой анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 1А. С. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2023.60.98.023. EDN: MRABBV.
20. Мэн В. Взаимодействие международных санкций на муниципальное управление и местное самоуправление в России и Китае // Научный аспект. 2024. Т. 11. № 8. С. 1302-1312. EDN: ASHHPY.
21. Нестеренко А. В. Международные санкции и их влияние на нормативно-правовые акты Российской Федерации // Новая наука: проблемы и перспективы. 2025. № 2. С. 138-148. EDN: WTGWZR.
22. Поярков С.Ю. Исламский конституционализм в условиях глобализации: трансформация правовых и политических институтов в контексте современной конституционной практики // Политика и Общество. 2025. № 3. С. 1-20. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.74063 EDN: EJTJXI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74063
23. Протасенко Н. В. Международные санкции как вид юридической ответственности // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. 2018. № 15. С. 240-245. EDN: YAUWST.
24. Ракитская И. А., Молчаков Н. Ю., Кремянская Е. А. Конституционно-правовое регулирование применения международных санкций в Швеции // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 65-69. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-5-65-69. EDN: FLNFGC.
25. Рассказов Л. Д. Методология изучения кризисных явления общества в эпоху глобализации как путь разрешения противоречий между монизмом и дуализмом в познании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-1 (24). С. 156-158. EDN: PBOGNP.
26. Редикульцев Я. В. Международные санкции как средство ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 399-402. EDN: MDNQML.
27. Сатторов Ш. А. Способы противодействия международным санкциям // Актуальные исследования. 2023. № 22-3 (152). С. 39-41. EDN: UXXEHY.
28. Смук П. Конституционные изменения и конституционная реальность в Венгрии // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5 (96). С. 32-43. EDN: RDRODP.

29. Шарифзода Л. Ш. Трансформационные процессы и проблемы укрепления государственности Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2020. № 6. С. 319-324. EDN: QYKGZU.
30. Шёлкова Е. С., Прохорова Н. А. Эволюция и современные тенденции конституционного права // Евразийский юридический журнал. 2024. № 7 (194). С. 125-127. EDN: PCKCAW.
31. Эфегил Э. Авторитарные / конституционные патримониальные режимы в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 107-115. EDN: PVPATJ.
32. Ярар М. Конституционные гарантии в странах Центральной Азии: основные гражданские права и свободы де-юре и их состояние де-факто // Право и политика. 2025. № 4. С. 16-28. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.4.74045 EDN: RXNXDM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74045
33. Barker J. C., Cardwell P. J., French D., White N. Decisions of International Courts and Tribunals (PDF) // International and Comparative Law Quarterly. 2009. № 58 (1). Pp. 229-240.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, конституционные системы под международными санкциями. Автор сосредоточил внимание на анализе их правовой устойчивости и пределов автономии. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическая база настоящего исследования строится на сочетании сравнительно-правового и институционального подходов, что позволяет не только сопоставить различные модели адаптации, но и выявить структурные закономерности, определяющие степень устойчивости конституционных систем. В рамках исследования также используется метод кейс-стади: в качестве примеров рассматриваются кейсы Ирана, России, Венесуэлы, Зимбабве и Югославии, каждая из которых демонстрирует различные стратегии правовой реакции - от полной правовой изоляции до частичной правовой адаптации. Немаловажную роль играет и правовая герменевтика: санкции требуют переосмысления таких понятий, как правовая автономия, международная ответственность, иерархия норм, что, в свою очередь, влияет на общее доктринальное восприятие конституционного порядка в XXI веке".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современный международный правопорядок демонстрирует устойчивую тенденцию к усилению инструментов экономического и политико-правового воздействия на государства, нарушившие, по мнению санкционирующих субъектов, нормы международного поведения. Международные санкции из исключительного механизма международной ответственности трансформировались в регулярно применяемую форму геополитического давления, охватывающую широкий спектр воздействий: от ограничений на внешнеэкономическую деятельность до целенаправленных мер против отдельных институтов власти и публичных должностных

лиц. В этом контексте возникает правомерный вопрос: в какой степени подобные меры затрагивают не только экономическую или дипломатическую сферу, но и фундаментальные параметры внутреннего правопорядка, прежде всего — конституционные системы государств, оказавшихся под санкционным воздействием.

Особую остроту эта проблема приобретает в условиях, когда санкции де-факто влияют на нормативную способность, институциональную автономию и правотворческую устойчивость государств. Конституции, призванные быть высшими правовыми актами, оказываются под внешним давлением, побуждающим к адаптации, зачастую вне рамок традиционного конституционного процесса. Тем самым поднимается вопрос не только юридической, но и концептуальной устойчивости конституционного строя как системы координат, обеспечивающей баланс между публичной властью, правами граждан и международными обязательствами. Современные санкционные режимы, таким образом, становятся своеобразным стресс-тестом для конституционных механизмов, обнаруживая пределы автономии, пределы толкования и пределы устойчивости в условиях правового форс-мажора глобального масштаба" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, теоретико-правовая конструкция взаимодействия санкций и конституционных норм представляет сложный гибрид: баланс между *normae jus cogens*, *pacta sunt servanda* и конституционным суверенитетом. Это пространство требует переосмысления традиционных моделей взаимодействия международного и национального права, перехода от бинарных схем монизм-дуализм к гибким моделям диалога, а также выработки критериев «конституционной устойчивости» и «автономии», способных дать государству инструменты защиты своих правовых основ без нарушения международных обязательств"; "Таким образом, воздействие санкционного режима выходит далеко за пределы экономических моделей и требует системного переосмысления сущности и формы функционирования конституционного строя в условиях внешнего давления. Углублённый анализ этих процессов позволяет выявить не только уязвимости, но и ресурсы правовой устойчивости, важные для модернизации конституционного порядка и укрепления институциональной автономии"; "Из этих кейс-стади вытекают важные уроки: во **первых**, автономия конституционной системы зависит от сочетания гибкости правовых механизмов и устойчивости институтов; во **вторых**, правовые меры адаптации - будь то импортозамещение, создание национальных платёжных систем или перераспределение властных функций - оказываются эффективными лишь при адекватной правовой институционализации; в **третьих**, несмотря на различия политических моделей, везде наблюдается риск чрезмерной централизации защиты **из-за** внешнего давления, что требует балансирования между эффективностью и сохранением системы сдержек и противовесов. Эти сравнительные данные могут быть полезны другим государствам, столкнувшимся с санкционным давлением. Они демонстрируют: раннее и системное реагирование через конституционные механизмы, усиление легитимности институтов и баланс между суверенитетом и международной ответственностью служат ключом к правовой устойчивости"; "Таким образом, успешная стратегия правовой устойчивости в условиях международных санкций не может быть сведена к механической защите от внешнего вмешательства. Она требует органического сочетания уважения к международным обязательствам с активной защитой конституционного порядка, координации между ветвями власти, развития эффективных правовых институтов и консолидации гражданского общества. В совокупности все эти направления формируют основу для устойчивого функционирования государства в изменчивой и напряжённой международной правовой среде" и др. Таким образом, статья вносит определенный

вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "Теоретико-правовые основы воздействия международных санкций на конституционную систему"; "Влияние международных санкций на основные принципы и институты конституционного строя"; "Кейс-стади: Адаптация конституционных систем к условиям международных санкций"; "Стратегии поддержания правовой устойчивости и автономии конституционной системы в условиях санкций". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В то же время возникают и встречные дискуссии: насколько легитимно отказ государства от части обязательств ради защиты своей «конституционной идентичности» и где пролегает граница между допустимой правовой самообороной и изоляционизмом? [4, с. 264-270] - "легитимен" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 9 источниками (научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Обобщая результаты исследования, представляется возможным выделить несколько ключевых векторов.

Во-первых, санкции, особенно односторонние, демонстрируют высокий потенциал дестабилизации, затрагивая не только финансово-экономическую сферу, но и создавая условия для перераспределения властных акцентов в пользу исполнительной власти, что может повлечь за собой конституционный дрейф от баланса к управляемому кризису.

Во-вторых, воздействие санкций приводит к правовому переформатированию конституционной среды - от экстренного нормотворчества до институциональной изоляции. В-третьих, санкции тестируют зрелость правовой культуры общества и прочность публично-правовых институтов. Неэффективность судебной защиты, снижение прозрачности публичного управления, маргинализация законодательной функции - всё это может привести к эрозии доверия к самому механизму конституционного контроля. Однако именно в этих условиях возрастает роль конституционного правосудия как стража правопорядка, посредника в конфликтах между нормами разного происхождения и гарантии соблюдения минимальных стандартов правовой справедливости. Представляется, что стратегии правового реагирования на санкции не должны ограничиваться мерами оборонительного характера. Необходимо последовательно выстраивать нормативный каркас «устойчивого конституционализма» - модели, способной органично сочетать элементы гибкости и принципиальности. Речь идет, с одной стороны, о совершенствовании конституционного законодательства в части механизма имплементации международных обязательств и ограничения их применения в случае их противоречия основам государственного устройства и правам граждан; с

другой - об усилении роли судов и правозащитных институтов, призванных минимизировать произвольность применения санкционных норм и защитить уязвимые слои населения от их социально-экономических последствий. На этом фоне усиливается значение конструктивного диалога между государственными органами и гражданским обществом, где ключевым элементом становится институциональное признание ценности правовой информированности, публичного обсуждения и партиципативного участия в процессе правовой адаптации. Не менее важной задачей становится развитие форматов международного сотрудничества, направленных на ограничение произвольности санкционных режимов и выработку универсальных стандартов их правомерности. Речь идет как о правовой оценке санкций с точки зрения принципов *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, так и об активном участии государств в создании новых механизмов разрешения споров, ориентированных на соблюдение прав человека в условиях ограничений. В данном контексте особое значение приобретает идея развития «регионального конституционного взаимодействия» - формирования платформы, на которой государства, подвергшиеся санкционному воздействию, могли бы обмениваться юридическим опытом, вырабатывать общие доктрины защиты правовой автономии и представлять свою позицию в международных инстанциях в виде коллективного требования уважения к суверенитету и конституционной идентичности. Перспективы дальнейших научных исследований в обозначенной сфере предстают как исключительно актуальные. Представляется важным провести более детальный анализ санкционного влияния на федеративные государства, выявив различия в реакции субъектов и регионов в пределах одной национальной системы. Также необходим углубленный сравнительный анализ подходов к санкциям в рамках региональных объединений - таких как ШОС, ЕАЭС, МЕРКОСУР и др., с фокусом на их потенциал в противодействии деструктивным последствиям санкционного давления. Отдельного внимания заслуживает вопрос гуманитарных последствий санкций и необходимость создания механизмов международной юридической помощи гражданскому населению в странах, находящихся под ограничительными мерами" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, международного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении небольших нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Конституционные системы под международными санкциями: правовая устойчивость и пределы автономии» предметом

исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере международного санкционного давления, а также автор уделяет внимание проблеме «выявления наиболее успешных форм развития национальных конституционных систем в условиях постоянного противостояния указанным международным санкциям».

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных приемов и способов научного познания, таких как: формально-логический, теоретико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и др.

Актуальность исследования. Полагаем, что тема данной статьи актуальна на сегодняшний день. Автор верно отмечает, что «... международные санкции из исключительного механизма международной ответственности трансформировались в регулярно применяемую форму геополитического давления, охватывающую широкий спектр воздействий: от ограничений на внешнеэкономическую деятельность до целенаправленных мер против отдельных институтов власти и публичных должностных лиц». Доктринальные разработки по данной тематике необходимы для совершенствования правового регулирования в целях «развития национальных конституционных систем в условиях постоянного противостояния указанным международным санкциям».

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье тоже сформулированы положения, которые указывают на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: «...стратегии правового реагирования на санкции не должны ограничиваться мерами оборонительного характера. Необходимо последовательно выстраивать нормативный каркас «устойчивого конституционализма» - модели, способной органично сочетать элементы гибкости и принципиальности. Речь идет, с одной стороны, о совершенствовании конституционного законодательства в части механизма имплементации международных обязательств и ограничения их применения в случае их противоречия основам государственного устройства и правам граждан; с другой - об усилении роли судов и правозащитных институтов, призванных минимизировать произвольность применения санкционных норм и защитить уязвимые слои населения от их социально-экономических последствий». В статье представлены и иные положения, которые можно расценивать как вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. Тема раскрыта. Можно отметить, что соблюдены автором требования по объему материала, а также тот факт, что статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автором удачно предпринята попытка структурировать статью: статья состоит из введения, в котором обоснована актуальность темы исследования, обозначены объект и предмет исследования и его методология; основной части и заключения. В основной части статьи представлена актуальная аргументированная позиция автора со ссылками на авторитетные мнения ведущих специалистов в данной области научных знаний. В заключительной части статьи представлены итоги исследования. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на научные публикации оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена

научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Конституционные системы под международными санкциями: правовая устойчивость и пределы автономии» рекомендована к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Право и политика». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области конституционного права, международного (публичного) права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

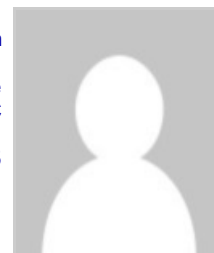
Change in the energy usage in EU countries: features of the implementation of the REPowerEU

Kozlov Albert Valerievitch

Postgraduate student; Department of Integration and European Law; Kutafin Moscow Law Institute
Leading Lawyer; Skif Consulting LLC

129345, Russia, Moscow, Losinoostrovsky district, Taininskaya str., 8, sq. 85

✉ albertkozlov27@gmail.com

Abstract. This article examines the energy policy of the European Union and its transformation in connection with the changing geopolitical situation. It outlines key challenges faced by the energy supply of the European Union, which necessitate the creation of reliability guarantees and the enhancement of energy efficiency and energy security. The author pays special attention to analyzing the existing energy consumption market in the European Union and the problems associated with specific energy sources. The article also analyzes the features of implementing the REPowerEU program, which aims to accelerate the transition to renewable energy sources and improve energy efficiency, as well as the impact of the geopolitical situation on these processes. In preparing this study, the author used formal-legal and systemic methods, as well as methods of induction, deduction, and analysis. The author also draws conclusions about the potential impact of internal measures taken under this program on the international community. The article emphasizes the need for effective management and control over these processes, and concludes about the irreversible nature of the current energy policy of the European Union. Among the most important recommendations, the author highlights the need to normalize business relations with global powers and the necessity of a more balanced transition to renewable sources. Notably, there is a recommendation to consider the interests of both the internal member states of the European Union and the interests of neighboring partner countries during the implementation of the current energy policy, including analyzing the potential consequences of the internal measures adopted by the European Union for the global energy community.

Keywords: green agenda, energy efficiency, Green Deal, EU energy strategy, gas supply diversification, REPowerEU program, renewable energy sources, transformation, energy security, EU energy policy

References (transliterated)

1. Kashkin, S. Yu. Pravo Evropeiskogo soyuza: uchebnik dlya vuzov / S. Yu. Kashkin; pod redaktsiei S. Yu. Kashkina. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2022. – 172 s.
2. Fazel'yanov, E. M. Energeticheskii krizis v Evrope i postavki rossiiskogo gaza // Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN. 2022. № 4. DOI: 10.15211/vestnikieran42022133142 EDN: OQNIXW.
3. Klimenko, D. V. Energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza // Geoekonomika energetiki. 2023. № 4 (24). – S. 101-118. DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_101 EDN: CAFHWU.
4. Drynochkin, A. V. "Kommunitarizatsiya" energeticheskoi politiki ES // Vestnik RGGU.

- Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo". 2022. № 3. Ch. 2. – S. 216-228. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-216-228 EDN: NFARRS.
5. Kovtun, O. I. Energeticheskaya politika ES cherez prizmu voprosov bezopasnosti // TsITISE. 2024. № 3. – S. 25-39. EDN: AQPKNY.
 6. European Electricity Review 2024 // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.apren.pt/contents/publicationsothers/ember-european-electricity-review-2024-compressed-1.pdf> (data obrashcheniya: 13.03.2025).
 7. Chuvychkina, I. A. Transformatsiya rossiisko-evropeiskikh otnoshenii v energetike v kontekste sanktsionnoi politiki // ESPR. 2023. № 2 (54).
 8. Budushchee ugol'noi industrii: rynek Rossii do 2050 g. // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/c18/2nb7m91l5ghtb62dp0m50e3hj0hssvnu/May_2023_coal_part_2.pdf (data obrashcheniya: 13.03.2025).
 9. Grishina, V. O. Problemy i perspektivy razvitiya vozobnovlyaemykh istochnikov energii v Evropeiskom soyuze // Innovatsii i investitsii. 2022. № 3. – S. 26-29. EDN: BUFMPL.
 10. Zhukov, S. V., Reznikova, O. B. Krizis elektroenergetiki v stranakh Evrosoyuza: dinamika, dvizhushchie sily i perspektivy // Problemy prognozirovaniya. 2024. № 1. DOI: 10.47711/0868-6351-202-90-104 EDN: MQZWFU.
 11. Energoberezhenie: deistviya ES po snizheniyu energopotrebleniya // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ru.eureporter.co/energy/2023/08/23/energy-saving-eu-action-to-reduce-energy-consumption/> (data obrashcheniya: 13.03.2025).
 12. REPowerEU – a new opportunity to finance energy transformation // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://bankwatch.org/wp-content/uploads/2023/03/2023-03-24_REPowerEU-factsheet.pdf (data obrashcheniya: 16.03.2025).
 13. Leonard, M., Pizani-ferri, Zh., Shapiro, D., Tal'yapietra, S., Vul'f, G. Geopolitika "zelenoi sdelki" Evropeiskogo soyuza // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2021. № 2. – S. 204-235. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10 EDN: MDGPXJ.
 14. Roginko, S. A. Klimaticheskaya povestka v sovremennoi situatsii: sovery dlya ekonomiki Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2022. № 4. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465 EDN: SOAZZA.
 15. Azis, A., Andrian, T. M., & Akhrianti, D. N. The REPowerEU: An EU Climate Ambitions and Its Implications On Russian-European Energy Geopolitics Stability. Journal of International Studies on Energy Affairs. 2022. Vol. 3. No. 2. – P. 152-165. DOI: 10.51413/jisea.vol3.iss2.2022.152-165 EDN: TXPFXA.

Public control over international non-governmental organizations: current state and development prospects

Zalesny Yatsek

Doctor of Law

Professor; Institute of Political Studies; University of Warsaw

67 Nowy Swiat St., Warsaw, 00927, Poland

✉ zalesny.yatsek@mail.ru

Savchenko Marina Stanislavovna

Doctor of Law

Professor, Head of the Department of State and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'I.T. Trublin Kuban State Agrarian University'

Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350040, Russia

✉ niipg2010@mail.ru

Potapenko Sergei Viktorovich

Doctor of Law

Professor of the Department of Civil Procedure and International Law, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ gw2025gw@mail.ru

Cheshin Andrei Vladimirovich

PhD in Economics

Associate Professor of the Department of Economics and Management at the Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) of the Orenburg State University

15-a Mira Street, Orsk, Orenburg region, 462419, Russia

✉ gw2025gw@mail.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the Kuban State University

Office 4, st. Stavropol, 149, Krasnodar Territory, 350040, Russia

✉ niipgergo2009@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state and prospects for the development of public control in relation to international non-governmental organizations. The necessity of organizing and exercising public control over international non-governmental organizations, their branches and representative offices in individual states is substantiated. Public control over international non-governmental organizations is hindered by a number of problems: the lack of consolidation and detailing of the institution of public control in the UN Charter; the lack of elaboration in the scientific legal doctrine of issues related to the organization and implementation of public control over international non-governmental organizations; controversial nature regarding the grounds and limits of the above-mentioned public control; absence in national legislation (for example Russia) consolidation of the legal foundations of the organization and implementation of public control over both international non-governmental organizations themselves and their branches and representative offices in Russia; weak powers of subjects of public control; underdevelopment of international associations and unions of public control. This article uses a number of scientific research methods, in particular: formal-logical; historical-legal; comparative-legal; statistical; sociological. The solution to these problems will require: consolidation in international legislation of the institute of public control (control of civil society); conducting, with the support of the United Nations, as well as structures controlled by it, scientific and practical research on the organization and implementation of public control in relation to international non-governmental organizations, their branches and representative offices; consolidation in Russian legislation as objects of public control over the activities, acts and decisions of international non-governmental organizations, their branches and representative offices operating in Russia; granting real powers to subjects of public control over the above-

mentioned facilities (up to the possibility of temporary suspension of the activities of these organizations); adoption of federal programs dedicated to the development of international associations and unions of public control and the participation of Public Chambers of Russia.

Keywords: branches, foreign agent, UN, Russian Federation, development prospects, current state, non-governmental organizations, international, public control, representative offices

References (transliterated)

1. Avdalyan A. V. Rol' mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii v sovremennykh politicheskikh protsessakh // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii). 2016. № 3 (32). S. 25-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26940597_87375008.pdf.
2. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. T. 12. № 4. S. 3454-3463.
3. Bagiryan G. A. Grazhdanskoe obshchestvo v konstitutsiyakh zarubezhnykh stran // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2024. T. 19. № 3 (160). S. 180-194. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194>.
4. Goncharov V. V. Obshchestvennyi kontrol' za filialami i predstavitel'stvami mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii na territorii Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 7 (120). S. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
5. Goncharov V. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sub"ektiv obshchestvennogo kontrolya: k postanovke problemy // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2023. № 4. S. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Goncharov V. V., Maksimova S. M., Petrenko E. G., Poyarkov S. Yu. O problemakh i perspektivakh razvitiya informatsionnogo obespecheniya obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (217). S. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
7. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A., Tolmacheva L. V., Dmitrieva I. A. Sistema sotsial'nogo doveriya (sotsial'nogo reitinga) v KNR: problemy i perspektivy vnedreniya v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Dzhantaev Kh. M. Status rossiiskikh nepravitel'stvennykh organizatsii v svete mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh norm prava // Aktual'nye problemy sovremennoi nauki. 2013. № 6 (74). S. 149-152.
9. Domrin A. N. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii v kontekste global'nogo krizisa nepravitel'stvennykh organizatsii // Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2014. T. 7. № 2. S. 24-50. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21480179_69978158.pdf.
10. Kazarinova D. B. Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v formirovanii global'nogo grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2010. № 4. S. 116-132. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15273740_29261453.pdf.
11. Kanshaova N. R. Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii kak institut grazhdanskogo obshchestva: kontseptual'nye podkhody issledovaniya // Sovremennaya nauka i innovatsii. 2016. № 1 (13). S. 178-182.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26186817_79639260.pdf.

12. Kokoreva O. M. Nekommercheskie i nepravitel'stvennye organizatsii kak instituty grazhdanskogo obshchestva i sootnoshenie etikh ponyatii v yuridicheskoi nauke, natsional'nom zakonodatel'stve i mezhdunarodnom prave // Gumanitarnaya planeta. 2009. № 2. S. 52-59.
13. Konovalov V. A. Nepravitel'stvennye pravozashchitnye organizatsii v stanovlenii i razvitii grazhdanskogo obshchestva Rossiiskoi Federatsii // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2019. № 39. S. 26-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38555374_14094827.pdf.
14. Mikheeva T. N. Obshchestvennyi kontrol': «vtoroe dykhanie» (k 10-letiyu prinyatiya Federal'nogo zakona «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii») // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2024. № 3. S. 26-29. URL: <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2024-3-26-29>.
15. Nezhenets O. V., Petrenko E. G. OON kak posrednik v uregulirovanii mezhdunarodnykh konfliktov // Epomen. 2020. № 35. S. 230-235.
16. Nefed'ev A. V. Nepravitel'stvennye obshchestvennye organizatsii v global'nom mezhdunarodnom gumanitarnom vzaimodeistvii // Vlast'. 2010. № 7. S. 174-175. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15115649_10386941.pdf.
17. Petrenko E. G., Kuleshova E. D. Problemy zashchity zhertv voennogo konflikta na Vostoke Ukrainy // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 86-89.
18. Redkous V. M. Zakonodatel'noe regulirovanie obshchestvennogo kontrolya v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4 (232). S. 147-149. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_147.
19. Sutyurin V. V. Nepravitel'stvennye organizatsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: zakat kontseptsii grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2020. № 3. S. 39-61. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43067650_65834939.pdf.
20. Tikhovodova A. V. Funktsii institutov global'nogo grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 2. S. 63-69. URL: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.020>.
21. Fastovich G. G. K voprosu o roli gosudarstvennoi politiki v sisteme obshchestvennogo kontrolya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4 (232). S. 8-10. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_8.
22. Chebotarev G. N., Petelin A. L. Uchastie grazhdan v osushchestvlenii obshchestvennogo kontrolya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2024. № 2. S. 23-26. URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-23-26>.
23. Shilov Yu. V. Obshchestvennyi kontrol' cherez prizmu povysheniya effektivnosti deyatel'nosti v sisteme publichnoi vlasti // Nauchnyi aspekt. 2024. T. 19. № 4. S. 2421-2425. URL: <https://na-journal.ru/4-2024-pravo/10565-obshchestvennyi-kontrol-cherez-prizmu-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-v-sisteme-publichnoi-vlasti>.
24. Shitova A. V. Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii (MNPO) v sobyitiyakh «arabskoi vesny» v Egipte: rol', mekhanizmy vmeshatel'stva i rezul'taty // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. № 4. S. 749-759. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759>.
25. Yakimenko A. A. Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii. Monografiya. Lugansk. 2025. 190 s.

26. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://topwar.ru/89340-kto-finansiruet-cvetnye-revolyucii-na-postsovetskom-prostranstve.html?ysclid=m5gqtqtoa2353873916> (data obrashcheniya: 03.01.2025).

International legal order and the transformation of the paradigm of constitutionalism: from internal sovereignty to global normativity

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

140570, Russia, Moscow region, Mendeleevo village, industrial zone VNIIFTRI, 11

✉ psu70@bk.ru

Abstract. Contemporary processes of globalization and the expansion of transnational legal interactions intensify the discussion about the limits of sovereignty and the legitimacy of power in the context of increasing international normativity. The focus is on the international legal order, which gradually loses the features of exclusively intergovernmental regulation and increasingly influences domestic legal systems. Constitutionalism, traditionally relying on the idea of internal sovereignty, undergoes a qualitative transformation under the influence of international law norms, including soft law and the practices of international jurisdictions. The subject of this research is the paradigmatic shift in the understanding of constitutionalism: from a closed state form to an open model oriented towards universal principles of human rights, legal justice, and global legitimacy. Special attention is paid to the reconsideration of the relationship between national and international law in the practice of constitutional courts in European countries. The relevance of the topic is determined by the need for theoretical understanding of the ongoing changes and the development of new approaches to assessing legitimacy and sovereignty in the context of post-national legal order. The methodological basis of the study comprises dialectical and systemic-structural approaches, allowing for the analysis of the interaction between different levels of legal regulation. Comparative legal, historical-legal, and formal-legal methods, as well as case analysis of the practices of international and national courts, were employed. The novelty of the research lies in the conceptualization of the international legal order as a form of post-sovereign regulation, where constitutionalism acquires supranational characteristics. It has been revealed that international law norms become not only external limitations but also internally significant elements of national justice. For the first time, the role of soft law in shaping a transnational constitutional canon that influences the domestic legal order outside formal implementation mechanisms has been demonstrated. The author concludes that a model of "open constitutionalism" is emerging, suggesting a dialogue of legal systems based on universal standards. The need to rethink the concept of sovereignty in terms of interaction rather than opposition is substantiated. The study shows that international argumentation becomes an integral part of the legitimization of constitutional decisions. The results can be used in legislative and expert activities aimed at harmonizing national legal systems with international standards.

Keywords: human rights, legal legitimacy, transnational law, soft law, global normativity, sovereignty, constitutionalism, international legal order, international courts, legal integration

References (transliterated)

1. Widlak, T. Polycentric vs. fragmented: a Neo-Kelsenian order of global law // *Transnational Legal Theory*. 2019. Vol. 10, No. 2. Pp. 229-251.
2. Khabrieva, T.Ya. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: poisk natsional'noi identichnosti // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2020. T. 90, № 3. S. 273-282.
3. Peters, A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16, No. 2. Pp. 397-411.
4. Kumm, M. Global Constitutionalism: History, Theory and Contemporary Challenges // *Revista Direito e Práxis*. 2022. Vol. 13, No. 4. Pp. 2732-2773. DOI: 10.1590/2179-8966/2022/70784 EDN: KPOFJU.
5. Rosenfeld, M. Is Global Constitutionalism Meaningful or Desirable? // *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25, No. 1. Pp. 177-199.
6. Lokk, Dzh. Dva traktata o pravlenii: monografiya / Dzh. Lokk ; per. s angl. E. S. Lagutina, Yu. V. Semenova. – 4-e izd. – Moskva ; Chelyabinsk : Sotsium, 2020. – 496 s.
7. Antsiferova, N.A. Mezhdunarodno-pravovoi poryadok: teoretiko-pravovaya kharakteristika // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2009. № 4. S. 131-134. EDN: PXYRPP.
8. Brunnée, J., Toope, S. J. *Legitimacy and Legality in International Law: An Interactional Account*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
9. Peters, A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16, No. 2. Pp. 397-411.
10. Held, D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press, 1995. 324 p.
11. Koskenniemi, M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870-1960*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
12. Seibert-F, A., Villiger, M.E. *Judgments of the European Court of Human Rights – Effects and Implementation*. Farnham: Ashgate Publishing, 2015.
13. Sandholtz, W. Human rights courts and global constitutionalism: Coordination through judicial dialogue // *Global Constitutionalism*. 2020. Vol. 10. Pp. 1-26.
14. Besson, S. Human Rights as Transnational Constitutional Law // *Handbook on Global Constitutionalism* / ed. by S. Besson, J. T. V. P. Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 234-247.
15. Hailbronner, M. Constructing the Global Constitutional Canon: Between Authority and Criticism // *University of Toronto Law Journal*. 2019. Vol. 69, No. 2. Pp. 248-274.
16. Ștefan, O. Preserving the Rule of Law Through Transnational Soft Law: The Cooperation and Verification Mechanism // *Hague Journal on the Rule of Law*. 2024. Vol. 16, No. 3. Pp. 671-692.
17. Krisch, N. Entangled Legalities in the Postnational Space // *International Journal of Constitutional Law*. 2022. Vol. 20, No. 3. Pp. 476-506. DOI: 10.1093/icon/moac018 EDN: XMBGUC.
18. Choudhry, S. Globalization in Search of Justification: Toward a Theory of Comparative Constitutional Interpretation // *Indiana Law Journal*. 1999. Vol. 74, No. 3. Pp. 819-892.
19. Kucina, I. Polish Constitutional Tribunal's Judgement Regarding Supremacy of the Polish Constitution Over EU Law: The Next-Level Debate on the "Last Word" // *Journal of the University of Latvia. Law*. 2022. Vol. 15. Pp. 204-214.
20. Drinóczi, T. Hungarian Constitutional Court: The Limits of EU Law in the Hungarian

Legal System // ICL Journal. 2016. Pp. 139-151.

21. Gliszczyńska-Grabias, A., Sadurski, W. Is It Polexit Yet? Comment on Case K 3/21 of 7 October 2021 by the Constitutional Tribunal of Poland // European Constitutional Law Review. 2023. Vol. 19. Pp. 1-19.
22. Walker, N. The Idea of Constitutional Pluralism // The Modern Law Review. 2002. Vol. 65, No. 3. Pp. 317-359.
23. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 674 p.
24. Fassbender, B. The United Nations Charter as Constitution of the International Community // Columbia Journal of Transnational Law. 1998. Vol. 36, No. 3. Pp. 529-619.
25. Kononov, A.P. Problemy sushchnosti, tipa i formy pravleniya postsotsialisticheskogo rossiiskogo gosudarstva: Uchebnoe posobie. – M., 2005.
26. Medushevskii, A.N. Naskol'ko universal'ny "universal'nye standarty" prav cheloveka: pereotsenka kriticheskoi shkoly mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2022. № 1 (41). S. 3-31. EDN: AFXICR.

On the issue of international legal principles regarding the use of space resources.

Balichevsky Dmitry

PhD student of the Department of International Law at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119021, Russia

✉ d-balichevskiy1996@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the system of international legal principles for the use of space resources in the context of modern challenges in the development of commercial space activity. The object of the research consists of international legal relations that arise in the process of applying universal principles of international law, sectoral principles of international space law, and developing specific principles for regulating activities related to the extraction and exploitation of space resources. The study aims to systematize the three-level structure of international legal principles, identify their regulatory potential in the context of gaps in specific international legal regulation, and justify the conceptual foundations of the future international legal regime for space resources. Special attention is given to analyzing attempts to circumvent key principles of international space law through national legislation and regional agreements, as well as developing a system of specific principles that can ensure a balance between commercial interests and the imperatives of the common good of humanity. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, including a systematic approach to analyzing the principles of international law, comparative legal analysis of various approaches to the regulation of space resources, as well as the formal-legal method in studying the content of international legal norms. The scientific novelty of the research is determined by the formation of a concept of a three-level system of international legal principles for the use of space resources and the development of an author's system of specific principles in this area of activity. For the first time, a comprehensive analysis of the applicability of universal principles of international law to the use of space resources has been conducted, revealing systemic violations in contemporary state practice. The concept of functional non-appropriation has been justified as an evolution of the classical prohibition of appropriation with respect to modern forms of

space activity. It has been established that contemporary state practice demonstrates attempts to circumvent the principle of non-appropriation by empowering private entities with ownership rights, which contradicts the systemic interpretation of the Outer Space Treaty. Practical mechanisms for implementing specific principles have been proposed, including the establishment of an international body for coordinating and licensing activities. It is concluded that there is a need to form an international legal regime for space resources exclusively within the framework of universal international organizations with the participation of all states parties to the Outer Space Treaty.

Keywords: international legal regulation, space activities, international cooperation, functional non-appropriation, national appropriation, Outer Space Treaty, principles of international law, space resources, international space law, sovereign equality

References (transliterated)

1. Balychevskii D. N. Aktual'nye tendentsii v oblasti formirovaniya mezhdunarodno-pravogo rezhima ispol'zovaniya kosmicheskikh resursov // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2024. – № 11 (198). – S. 17-21. EDN: AMYVDG.
2. Chernichenko S. V. Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy. M.: Nauchnaya kniga, 2014. 592 s.
3. Tunkin G. I., Shestakov L. N. Teoriya mezhdunarodnogo prava: monografiya. M.: Zertsalo-M, 2016. 416 s. EDN: XMZJRD.
4. Vylegzhanin A. N., Yuzbashyan M. R., Alekseev M. A. Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SShA: priglashenie k utochneniyu statusa prirodnykh resursov nebesnykh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? // Mezhdunarodnye protsessy. 2023. T. 21. № 3. S. 6-30. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.5 EDN: CTAWXO.
5. Abashidze A. Kh., Chernykh I. A. Politika i zakonodatel'stvo SShA v oblasti osvoeniya prirodnykh resursov nebesnykh tel (mezhdunarodno-pravovye aspekty) // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2022. № 1. S. 158-180. DOI: 10.21638/spbu14.2022.109 EDN: GIEJAD.
6. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: uchebnik / pod red. G. P. Zhukova, A. Kh. Abashidze. 2-e izd. M.: Yurait, 2025. 466 s.
7. Kolosov Yu. M. Pravovoi rezhim prirodnykh resursov Lunny i drugikh nebesnykh tel / Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovaniya // Otv. redaktor Vylegzhanin A. N. – M.: NORMA, 2007.
8. Balychevskii D.N. Ogranichitel'naya i rasshiritel'naya interpretatsiya Dogovora po kosmosu 1967 goda v kontekste ispol'zovaniya kosmicheskikh resursov // Mezhdunarodnoe pravo. 2025. № 3. S. 13-31. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74629 EDN: WABNVN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74629
9. Mizushima A. What is an Appropriate Interaction between International Law and Domestic Legal Systems to Promote Space Resources Development? // Air and Space Law. – 2017. – Vol. 42. – № 11. – URL: <https://www.nishimura.com/en/knowledge/publications/20171101-22946> (Data obrashcheniya: 28.05.2025).
10. Vylegzhanin A. N., Kiseleva O. A., Shtodina I. Yu. Sostyazatel'noe soblyudeniye Rossiei i SShA Dogovora po kosmosu 1967 g. // Pravoprimereniye. 2023. T. 7, № 3. S. 145-154. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).145-154 EDN: UEJSDN.
11. De Man P. Interpreting the UN Space Treaties as the basis for a sustainable regime of space resource exploration / Philip De Man // The Space Treaties at Crossroads:

- Considerations de Lege Ferenda / ed. by George D. Kyriakopoulos, Maria Manoli. – Cham: Springer, 2019. – P. 15-33.
12. Hobe S. Article I / Stephan Hobe // Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty. Vol. 1 / ed. by Stephan Hobe, Bernhard Schmidt-Tedd, Kai-Uwe Schrogl. – Berlin: De Gruyter, 2009. – P. 93-122.
 13. Gorove S. Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. – 1971. – Vol. 1, № 1. – P. 93-107.
 14. Popova O. A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva v mirnykh tselyakh: osnovnye kontseptsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2020. T. 15. № 7. S. 129-144. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.129-144 EDN: QRQODQ.
 15. Kamenetskaya E. P. Sotrudnichestvo gosudarstv v osvoenii kosmosa v ramkakh mezhdunarodnykh organizatsii (mezhdunarodno-pravovye problemy): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1976. 201 s.
 16. Chernykh I. A. Vliyanie epistemicheskikh soobshchestv na razrabotku budushchego mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti na Lune // RUDN Journal of Law. – 2024. – T. 28. – № 1. – S. 215-230. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230 EDN: RBDTEL.
 17. Cheney T. There's No Rush: Developing a Legal Framework for Space Resource Activities // Space Law Journal. – 2019. – URL: <https://oro.open.ac.uk/69653/1/Cheney%20-%20%20Space%20Law%20Article%20-%202.9.19.pdf> (Data obrashcheniya: 28.05.2025).

New forms of intervention in the freedom of beliefs: international legal doctrine in the context of digital transformation

Kulov Stanislav Sergeevich

Postgraduate student; Department of International Law; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Lawyer; Karachay-Cherkess Republican Bar Association

115035, Russia, Moscow, Yakimanka district, 3rd Kadashevsky lane, 5 p. 5

✉ staskulov@gmail.com

Abstract. The article explores new forms of interference with freedom of beliefs arising in the context of digital transformation from the perspective of international law. Special attention is given to the analysis of changes in the understanding of forum internum—the internal sphere of beliefs, which is subject to absolute protection under international standards. The author examines the impact of digital technologies—behavioral analytics, personalization algorithms, mass surveillance, neuro-technologies, and emotion recognition systems—on an individual's ability to freely form and maintain their beliefs. Based on an analysis of doctrine, the practices of international bodies, and recent recommendations, it is revealed that the existing international legal system faces the necessity of adapting to new risks associated with artificial intelligence and digital oversight. The subject of the research is international legal standards and the doctrine of freedom of beliefs; the object is new forms of digital intervention and the reactions of international bodies and the scientific community. The work argues for the need to introduce new categories such as cognitive freedom and mental autonomy and suggests directions for improving international mechanisms for the protection

of freedom of beliefs. The methodological foundation of the research includes comparative legal, formal legal, systemic, and structural-functional methods, as well as case analysis of decisions made by international bodies. Materials from UN reports, the "neuro-rights" doctrine, and developments in cognitive freedom have been used. For the first time in the scientific literature, a comprehensive analysis of digital threats to the forum internum as an international legal category is conducted. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive international legal analysis of digital threats to freedom of beliefs and the justification of the need to develop a new category – "cognitive rights" – as a response to the challenges posed by AI and algorithmic oversight. The scientific approach and the practice of international bodies are already laying the groundwork for a new doctrine—the doctrine of protecting freedom of thought in the digital world. Its implementation will require efforts at both the universal and national levels, a revision of legislation, and the development of cooperation between states and technology companies. Approaches to clarifying the content of the forum internum in the context of the digital age are proposed.

Keywords: cognitive rights, mental autonomy, interference, international law, freedom of thought, neuro-rights, artificial intelligence, digital transformation, forum internum, freedom of belief

References (transliterated)

1. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" (postateinyi) / Avt. koll.: Shakhov M.O., Chernega O.A., Ryakhovskii V.V., Vagina T.V., Sebentsov A.E. i dr.; pod obshch. red. Maranova R.V. – M.: Slavyanskii pravovoi tsentr, 2011. – 624 s.
2. Kokkinakis protiv Gretsii – Kokkinakis v. Greece, ECtHR, Judgment of 25 May 1993 // Reports 1993. Series A, no. 260-A.
3. Shaheed A. Interim Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief: *Freedom of Thought*. U.N. Doc. A/76/380 (5 Oct 2021).
4. Alegre S. *Rethinking Freedom of Thought for the 21st Century*. – European Human Rights Law Review, 2017, No. 3, pp. 221-233.
5. Guzmán L. Chile: Pioneering the protection of neurorights // *The UNESCO Courier*, 21 March 2022.
6. Alegre S. Protecting Freedom of Thought in the Digital Age // CIGI Policy Brief. 2021. No. 165. 7 p.
7. EDPB-EDPS Joint Opinion 5/2021 on the proposal for an Artificial Intelligence Act, 18 June 2021.
8. Access Now. Submission to the UN Special Rapporteur on Freedom of Religion or Belief: *Freedom of Thought in the Digital Age* (2021).
9. Alegre S. Regulating around freedom in the 'forum internum' // ERA Forum. 2020. Vol. 21, No. 4. P. 511-527.
10. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum // CIGI Policy Brief. 2022. No. 176. 8 p.
11. Alegre S. *Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds*. London: Atlantic Books, 2022. 320 p.
12. Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández. Neuro-Rights and New Charts of Digital Rights: A Dialogue Beyond the Limits of the Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Indiana University Press. Volume 30, Issue 1, 2023. pp. 15-37.

13. Lighthart S. et al. Minding Rights: Mapping Ethical and Legal Foundations of 'Neurorights' // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2023. – Publ. online 15 May. – P. 1-21. – DOI: 10.1017/S0963180123000245. EDN: HOIJVM.
14. Spichak S. The Controversial Push for New Brain and Neurorights / Spichak S. // JMIR Publications. – 2025. – Vol. 27, J Med Internet Res 2025;27:e72270.
15. Klosek J., Tene O., Krystal L. Colorado's Neural Privacy Law: A Game Changer for Tech / Goodwin Law. – 2024. – 25 September. – URL: <https://www.goodwinlaw.com/en/insights/publications/2024/09/insights-technology-dpc-colorados-neural-privacy-law-is-a-game> (data obrashcheniya: 10.06.2025).
16. Chessa S. Human rights: advances in neurotechnologies lead to calls for protection against abuse of 'brain data' / International Bar Association. – 2023. – 26 October. – URL: <https://www.ibanet.org/neurotechnologies-protection-against-abuse-of-brain-data> (data obrashcheniya: 10.06.2025).
17. Romero O.G. Cognitive liberty and the psychedelic humanities / Frontiers in Psychology. – 2023. – Vol. 14. – Article 1128996.
18. Muñoz J.M., Marinaro J.A. Neurorights as reconceptualized human rights / Frontiers in Political Science. – 2023. – Vol. 5. – Article 1322922.
19. EU Artificial Intelligence Act | Regulation (EU) 2024/1689. – Brussels : European Commission, 2024. – URL: <https://artificialintelligenceact.eu> (data obrashcheniya: 10.06.2025).
20. Hertz N. Neurorights – Do We Need New Human Rights? A Reconsideration of the Right to Freedom of Thought / Hertz N. // SSRN Electronic Journal. – 2024. – 13 March. – DOI: 10.2139/ssrn.4726652.
21. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum / S. Alegre // CIGI Policy Brief. – 2022. – № 176. – 8 p.
22. Ruiz S., Valera L., Ramos P., Sitaram R. Neurorights in the Constitution: from neurotechnology to ethics and law in Chile / Philosophical Transactions of the Royal Society B. – 2024. – Vol. 379. – Article 20230098.
23. Farahany N.A. Cognitive Liberty and the Need for New Human Rights Protections / N.A. Farahany // Submission to UN Human Rights Council Advisory Committee. – Geneva : OHCHR, 2023. – 15 July.
24. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds / S. Alegre. – London : Atlantic Books, 2023. – 400 p.

Monetary Relations of France with the Countries of West Africa: Full-Texts Database on the "Last Colonial Currency" of Africa

Degterev Denis Andreevich

Principal Research Fellow; Center for the Study of Transition Economy Problems; Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences

30/1 Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russia

✉ ddegterev@inafr.ru

Stepanova Veronika Sergeevna

Abstract. The issues of monetary cooperation between France and the member states of the West African Monetary Union (WAMU) have received wide coverage in academic literature. However, the phenomenon of the CFA franc as the "last colonial currency" of Africa is considered mainly in a journalistic vein, in a political and historical context, less often – in an economic context. In order to identify the real structural framework of financial neocolonialism, its "drive belts", an in-depth analysis of the legal aspects of this cooperation is necessary through the prism of the theory of unequal treaties. In this regard, a database of documents on France's relations with the WAMU countries in the monetary sphere was formed and uploaded on the database portal of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (<https://data.inafran.ru>), and this article presents its analytical review. The methodological basis of the study includes, among others, the historical-legal and formal-legal approaches which made possible to trace the dynamics of legal regulation of currency relations within the CFA franc zone at three key stages: colonial, postcolonial and post-bipolar. Based on the analysis of an extensive legal framework, it is shown how flexible adaptation to changing economic and legal realities has allowed the main mechanism of French financial neocolonialism in Africa to "keep afloat" for many years. A conclusion is made about the predominantly political nature of the WAMU, which, while being one of the key instruments of "FranceAfrique", from an economic point of view does not meet the main criteria of optimal currency zones, which is manifested, for example, in the insignificant share of intra-regional trade in the total trade turnover within the WAEMAU. The results of the study may be of interest to specialists in economics, history, international law and international relations. The findings will be especially valuable for experts in the field of French African policy and specialists in African currency zones.

Keywords: Abidjan Agreement, West Africa, structural power, FrancAfrique, Operations Account, monetary zone, BCEAO, WAMU, financial neocolonialism, franc CFA

References (transliterated)

1. Bokeriya S. A., Davidchuk A. S., Degterev D. A., Dubrovskii I. R. i dr. Sovetskie issledovaniya neokolonializma // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 22. № 4. S. 671-687. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687. EDN: GYGFFS.
2. Davidchuk A. S., Degterev D. A., Sidibe O. Voennoe prisutstvie Frantsii v Mali: strukturnaya vlast' subimperii "kollektivnogo Zapada" // Aktual'nye problemy Evropy. 2022. № 4. S. 50-78. DOI: 10.31249/ape/2022.04.03. EDN: ZUUBRH.
3. Degterev D. A., Abramova E. A. Arkhitektory "Fransafrik"? Ekspertno-analiticheskoe obespechenie sovremennoi politiki Frantsii v Afrike // Sovremennaya Evropa. 2024. № 5. S. 74-87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. EDN: KCHNTQ.
4. Degterev D. A. Zapadnoafrikanskaya "vos'merka" nabiraet oboroty // Aziya i Afrika segodnya. 2003. № 12. S. 28-31.
5. Degterev D. A. OKhADA – Organizatsiya po garmonizatsii kommercheskogo prava v Afrike // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2005. № 1. S. 95-106. DOI:

- 10.24833/0869-0049-2005-1-95-106. EDN: JQCNJM.
6. Zhambikov A. M. EKOVA i vvedenie edinoi valyuty v Zapadnoi Afrike: problemy i perspektivy // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 3. S. 54-58. DOI: 10.31857/S032150750008721-5. EDN: HOOZNI.
7. Korenchuk E. G. Ideologicheskaya ekspansiya frantsuzskogo neokolonializma v Tropicheskoi Afrike (1958–1972 gg.). M.: Universitet družhby narodov, 1979. 103 s.
8. Obichkina E. O. Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollia do Sarkozi (1940–2012). M.: Aspekt Press, 2012. 382 s. EDN: PHEMPV.
9. Rodni U. Chernaya dyra. Kak Evropa sdelala Afriku nishchei. M.: Rodina, 2022. 320 s.
10. Stat'i soglasheniya MVF, prinyaty 22.07.1944 g. v Bretton-Vudse (s uchetom popravok, vstupivshikh v silu v 1969, 1978, 1992, 2009, 2011, 2016). 2020. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/pdf/aa.pdf> (data obrashcheniya: 15.04.2025).
11. Talalaev A. N. Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Tom 1. Obshchie voprosy. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1980. 312 s.
12. Filippov V. R. Fenomen "Fransafrik" v zerkale frantsuzskoi istoriografii // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2022. № 3(60). S. 73-87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87. EDN: AABVOM.
13. Accord de coopération entre la République française et les Républiques membres de l'Union monétaire ouest-africaine. La Banque de France. 2020. URL: <https://www.banque-france.fr/system/files/2023-08/Banque%20de%20France%20-%20Accord%20de%20coopération%20France%20UMOA.pdf> (accessed: 16.04.2025).
14. Amin S. A Critique of the World Bank Report entitled "Accelerated Development in Sub-Saharan Africa". Africa Development / Afrique et Développement. 1982. Vol. 7. № 1/2. P. 23-30.
15. Amin S. La question du franc CFA. 2016. URL: https://gabrielperi.fr/wp-content/uploads/2019/03/CFA_SAMIR.pdf (accessed: 30.04.2025).
16. Amin S. Neocolonialism in West Africa. New York: Monthly Review Press, 1973. 298 p.
17. Banque du Sénégal et dépendances. Lois, statuts et documents divers. Paris: Imprimerie administrative de Paul Dupont, 1854. 169 p.
18. BCEAO. Histoire de l'Union Monétaire Ouest Africaine. En 3 Vol. Vol. 1. Des origines à 1958. Paris: Georges Israël Editeur, 2000. 554 p.
19. Bian S. A balance sheet analysis of the Banque de l'Afrique Occidentale. Turkish Economic Review. 2022. Vol. 9. № 2. P. 80-103. DOI: <https://doi.org/10.1453/ter.v9i2.2328>.
20. Communiqué de presse. Le retrait du Burkina Faso, de la République du Mali et de la République du Niger de la CEDEAO prend effet à compter de ce jour, le 29 janvier 2025. X.com. ECOWAS-CEDEAO, 2025. URL: https://x.com/ecowas_cedeao/status/1884495077130522787 (accessed: 18.04.2025).
21. Convention de garantie entre la Banque centrale des États de l'Afrique de l'Ouest et la République française. La Direction générale du Trésor. 2020. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/06d54ebb-0e82-402f-ac48-cc0206f1c923/files/59508a46-5ef3-40a7-ac7b-fbdf02147108> (accessed: 16.04.2025).
22. Council Decision № 98/683/EC of 23 November 1998 concerning exchange rate matters relating to the CFA Franc and the Comorian Franc // Official Journal of the European Communities. 28 November 1998. Vol. 41. № L 320. P. 58-60.
23. Council Regulation (EC) № 2866/98 of 31 December 1998 on the conversion rates between the euro and the currencies of the Member States adopting the euro // Official

- Journal of the European Communities. 31 December 1998. Vol. 41. № L 359. P. 2.
24. Dembélé D. M. Colloque sur la réforme du franc CFA en Afrique de l'Ouest: La lutte pour la souveraineté monétaire en Afrique de l'Ouest. *Afromicslaw*. 2022. URL: <https://www.afromicslaw.org/category/analysis/colloque-sur-la-reforme-du-franc-cfa-en-afrique-de-louest-la-lutte-pour-la> (accessed: 05.05.2025).
 25. Diallo O. L'arrimage du franc CFA à l'euro: Conséquences pour l'intégration sous-régionale ouest-africaine. Genève: Institut européen de l'Université de Genève, 2002. 96 p.
 26. Dupont S. Les Quinze s'engagent sur l'avenir du franc CFA. *LesEchos*. 1998. URL: <https://www.lesechos.fr/1998/09/les-quinze-sengagent-sur-lavenir-du-franc-cfa-799636> (accessed: 17.04.2025).
 27. Feuer G. La révision des accords de coopération franco-africains et franco-malgaches // *Annuaire Français de Droit International*. 1973. № 19. P. 720-739. DOI: 10.3406/afdi.1973.2234.
 28. Feuille de route pour la création de la monnaie unique de la CEDEAO. L'Agence Monétaire de l'Afrique de l'Ouest. 2020. URL: <https://amao-wama.org/wp-content/uploads/2022/02/Feuille-de-Route-pour-PCMC-2020-publication-19Jan22.pdf> (accessed: 17.04.2025).
 29. Gadha M. B., Kaboub F., Koddenbrock K., Mahmoud I., Sylla N. S. *Economic and Monetary Sovereignty in 21st Century Africa*. London: Pluto Press, 2021. 318 p. DOI: 10.2307/j.ctv244ssnb.
 30. Galy M., Hadjimichael M. T. *The CFA Franc Zone and the EMU*. Working Paper of the International Monetary Fund № WP/97/156. Washington DC: International Monetary Fund, 1997. 38 p.
 31. La signature de l'Accord de coopération entre le Gouvernement de la République française et les Gouvernements des Etats membres de l'Union monétaire ouest-africaine le 21 Décembre 2019 à Abidjan. La Présidence de la République française (L'Élysée), 2019. *videoversiya 00:32:07-00:33:46 (vremya vosproizvedeniya)*. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/21/a-abidjan-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-avec-alassane-ouattara-president-de-la-republique-de-cote-divoire> (accessed: 06.05.2025).
 32. Le franc CFA toujours contrôlé par Paris. *Ouvertures*. 2009. URL: <https://www.ouvertures.net/le-franc-cfa-toujours-controle-par-paris/> (accessed: 30.04.2025).
 33. Lô Diatta M. *Les unions monétaires en droit international*. Graduate Institute Publications. 2007. URL: <https://doi.org/10.4000/books.iheid.1109>. (accessed: 06.05.2025).
 34. Masaki T. The Management of the Bank of Senegal and the Formation of a Colonial Economy, 1840s–1901 // *African Studies Review*. 2023. Vol. 66. № 3. P. 595-617. DOI: 10.1017/asr.2022.173. EDN: OEPPOX.
 35. Nana C. N. Currency Relations between the Global South and the Global North: The Case of the CFA Franc // *Beijing Law Review*. 2024. Vol. 15. № 1. P. 35-53. DOI: 10.4236/blr.2024.151002. EDN: PGHQDG.
 36. Pigeaud F., Sylla N. N. *Africa's Last Colonial Currency. The CFA Franc Story*. London: Pluto Press, 2021.
 37. *Projet de loi de finances pour 2006*. Notes de présentation par Charasse M. Le Sénat. 2006. URL: https://www.senat.fr/rap/np07_04ami/np07_04ami2.html (accessed: 05.04.2025).

38. Rapport N° 289 du 20 janvier 2021 fait au nom de la commission des finances sur le projet de loi, adopté par l'Assemblée nationale, autorisant l'approbation de l'Accord de coopération entre le Gouvernement de la République française et les Gouvernements des États membres de l'Union monétaire ouest-africaine. Le Sénat, 2021. URL: <https://www.senat.fr/rap/I20-289/I20-2891.pdf> (accessed: 07.04.2025).
39. Recommendation of the Commission of the European Communities N° COM(1998)412 of 1 July 1998 for a Council Decision concerning exchange rate matters relating to the CFA franc and the Comorian franc. EUR-lex. 1999. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51998PC0412> (accessed: 25.04.2025).
40. Resolution of the European Parliament on the recommendation for a Council Decision concerning exchange rate matters relating to the CFA franc and the Comorian franc (COM(98)0412-C4-0558/98) of 1 December 1998. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-4-1998-0484_EN.html#_part4_def2 (accessed: 25.04.2025).
41. Strange S. State and markets. London: Continuum, 1994. 256 p.
42. Sylla N. S. Fighting monetary colonialism in francophone Africa: Samir Amin's contribution // Review of African Political Economy. 2021. Vol. 48. N° 167. P. 32-49. DOI: 10.1080/03056244.2021.1878123. EDN: JWEDEC.
43. Taylor I. France à fric: the CFA zone in Africa and neocolonialism // Third World Quarterly. 2019. N° 40(6). P. 1064-1088. DOI: 10.1080/01436597.2019.1585183.
44. Traité instituant la Communauté Économique Européenne et documents annexes, signés le 25 mars 1957. EUR-lex. 2017. 345 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT> (accessed: 29.04.2025).
45. Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities. 29 July 1992. Vol. 35. N° C 191. 121 p.
46. Zay E. Histoire monétaire des colonies françaises d'après les documents officiels avec 278 figures par le membre de la Société française de numismatique. Paris: Typographie de J. Montorier, 1892. 380 p.

Problems and prospects of international and national legal regulation of technologies using artificial intelligence

Svetkiy Arseniy Vladimirovich

Junior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia

✉ arseniy1107@gmail.com

Abstract. In the context of the rapid development of artificial intelligence technologies, issues related to its legal regulation at the national and international levels are becoming particularly relevant. This article is dedicated to analyzing current challenges and the prospects for the formation of global legal standards in this area. Key problems related to the implementation of artificial intelligence are discussed, including questions of liability for the actions of autonomous systems, the protection of personal data, the environmental consequences of operating artificial intelligence systems, and the risks of misinformation dissemination. Special attention is given to the contradictions between the necessity of ensuring the transparency of algorithms and the protection of developers' intellectual property. Additionally, the ethical aspect of artificial intelligence application is reviewed, including the issue of algorithmic discrimination and the risks associated with the use of automated

systems in contemporary realities. The paper analyzes the current state of international law in the field of artificial intelligence, including initiatives from bodies such as WIPO and OECD, and presents a comparative analysis of national approaches to regulation using the EU, China, and France as examples. The significance of the European Regulation on Artificial Intelligence, adopted in 2024, is emphasized, marking the first establishment of a risk-oriented regulatory model for artificial intelligence technology. The paper concludes that there are no unified international standards, creating legal conflicts, especially in cross-border aspects of artificial intelligence application. Proposed directions for future development include harmonization of legislation, creation of control mechanisms, and adaptation of environmental law to modern trends in digitalization. In addition to the mentioned shortcomings, the article notes positive trends in the development of legal norms in the field of artificial intelligence application. The importance of international cooperation for minimizing technological and regulatory gaps between countries with varying levels of digital infrastructure development is emphasized. Existing differences in approaches to AI regulation should not hinder cooperation between states with differing methods but rather facilitate the exchange of experience in this matter.

Keywords: information technology, environmental law, digital transformation, international organizations, intellectual property, personal data, national law, legal regulation, environmental situation, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Nikishin V.V. Etapy i perspektivy razvitiya robotov // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2017. № 10(78). S. 8. EDN: ZRERTR.
2. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava // *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2018. T. 22. № 1. S. 91-109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109 EDN: YVXKVA.
3. Krimers R., Vebster G. Zakon Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o zashchite lichnoi informatsii. Stendfordskii universitet. 2021. 20 avgusta.
4. Talimonchik V. Yavlyaetsya li iskusstvennyi intellekt ob'ektom mezhdunarodno-pravovoi okhrany? // *Intellektual'naya sobstvennost'*. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2020. № 12. S. 17-24. EDN: VCSICO.
5. Gorbunov A.V. Iskusstvennyi intellekt v rabote patentnykh vedomstv // *Transformatsiya sfery intellektual'noi sobstvennosti v sovremennykh usloviyakh: tezisy dokladov uchastnikov XXIV Mezhdunarodnoi konferentsii Rospatenta, Moskva, 20-21 oktyabrya 2020 goda*. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie "Federal'nyi institut promyshlennoi sobstvennosti", 2020. S. 99-104. EDN: GSYDJA.
6. Medvedev A.I. Pravovye aspekty iskusstvennogo intellekta i smezhnykh tekhnologii // *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2022. Vyp. 4 (38). S. 48-63. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_48. EDN: CJMVTD.
7. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opyt Kitaya // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. T. 2, № 1. S. 46-73. DOI: 10.21202/jdtl.2024.4. EDN: AWEFAY.
8. Lipina S.A., Agapova E.V., Lipina A.V. Zelenaya ekonomika. Global'noe razvitie. Moskva: Izd-vo Prospekt, 2016. S. 234. EDN: WCGNPB.
9. Marchenko A.Yu. Pravovoi analiz noveishego zakonodatel'stva ES o primenenii tekhnologii iskusstvennogo intellekta: spetsial'nost' 12.00.10. Mezhdunarodnoe pravo; Evropeiskoe pravo: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Marchenko Anna Yur'evna. Moskva, 2022. S. 208. EDN: YNODSA.

10. Kartskhiya A.A. Pravovye problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta v Rossii // Pravovaya informatika. 2024. № 1. S. 4-19. DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19. EDN: NONHLC.
11. Savenkov A.N. Natsional'noe politiko-pravovoe razvitie i osnovnye idei filosofii prava v Rossii (chast' I) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2024. № 4. S. 17-43. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-17-43. EDN: QMXTIM.
12. Naumov V.B. Obshchie vyzovy prava i gosudarstvennogo upravleniya v tsifrovuyu epokhu // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 1(55). S. 43-57. EDN: POJRNG.
13. Serl Dzh. Argument kitaiskoi komnaty. – Entsiklopediya kognitivnykh nauk Massachusetnskogo tekhnologicheskogo instituta. – MIT Press, 2001. – S. 115-116.

Approaches of international organizations to the regulation of artificial intelligence

Andrianova Natalia Gennadievna

PhD in Law

Senior Researcher, Department of Administrative Law and Administrative Process; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

Abstract. The technology of artificial intelligence is a progressive and groundbreaking technology. The issues of regulating the use of artificial intelligence are actively researched by foreign and domestic scientists. At the same time, the questions of regulating artificial intelligence at the international level have remained insufficiently studied to date. In this article, the author analyzes the approaches of the Organization for Economic Cooperation and Development, the United Nations, the World Bank Group, and the Commonwealth of Independent States regarding the regulation of artificial intelligence. The main documents developed by these international organizations in the field of regulating artificial intelligence are analyzed. The conducted analysis of the approaches of international organizations to the regulation of artificial intelligence revealed that general terminological approaches to understanding the technology of artificial intelligence and systems based on artificial intelligence are being developed at the international level. The research employed general scientific methods (dialectical method of scientific cognition, systemic method, methods of analysis, synthesis, generalization, induction, deduction, observation, explanation, interpretation, and classification, description of concepts and terms) and specific legal methods (in particular, formal-legal and comparative-legal). It was established that alongside the establishment of terminological foundations, international organizations are developing legal and ethical principles of regulation. Along with legal regulatory principles in the field of artificial intelligence usage, ethical regulation developed at the national level, taking into account general principles formulated at the international level, is of great significance. Maintaining an optimal balance between public and private interests is a fundamental task in creating optimal legal regulation of artificial intelligence technology at both the international and national levels. It should be noted, however, that the issue of allocating responsibility in the use of artificial intelligence technology has still not received sufficient attention at the international level. It is proposed to create a common approach at the international level regarding the regulation of obligations in the use of artificial intelligence and the resultant liability for breaches of the established obligations, with defined limits of liability distribution among those involved in the functioning of artificial intelligence technology.

Keywords: soft law, international law, digitalization, digital technologies, international organizations, private interests, legal regulation, public interests, artificial intelligence, law

References (transliterated)

1. Begishev I.R. Mezhdunarodno-pravovye osnovy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2021. N 1. S. 37-40. DOI: 10.18572/1812-3910-2021-1-37-40 EDN: YWSPLF.
2. Lyannoi G.G. Administrativno-pravovoe regulirovanie razrabotki i ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2024. N 3. S. 336-352. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352 EDN: KODSGK.
3. Shamraev A.V. Mezhdunarodnye podkhody k regulirovaniyu virtual'nykh bankov, sistem algoritmicheskoi trgovli i iskusstvennogo intellekta pri sovershenii finansovykh sdelok // Bankovskoe pravo. 2020. N 6. S. 58-72. DOI: 10.18572/1812-3945-2020-6-58-72 EDN: EVBFMF.
4. Vlasova V.Yu., Yastrebova A.I. Mezhdunarodno-pravovye osnovy ponyatii "iskusstvennyi intellekt" i "neiroset" // Sovremennoe pravo. 2024. N 6. S. 86-93. EDN: HKMSHY.
5. West D.M., Allen J.R. How artificial intelligence is transforming the world // URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-artificial-intelligence-is-transforming-the-world/>.
6. Tai M.C. (2020). The impact of artificial intelligence on human society and bioethics // Tzu Chi Med J. 32(4), 339-343. DOI: 10.4103/tcmj.tcmj_71_20 EDN: QMNOCS.
7. Adib B.R., Ashfakul K.K. (2024). AI revolutionizing industries worldwide: A comprehensive overview of its diverse applications // Hybrid Advances, Volume 7.
8. AI-The good, the bad, and the scary // URL: <https://eng.vt.edu/magazine/stories/fall-2023/ai.html>.
9. Hirsch-Kreinsen H. (2024). Artificial intelligence: a "promising technology" // AI & Soc. 39, 1641-1652.
10. In AI We Do Not Trust: Survey // URL: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2023/06/05/in-ai-we-do-not-trust-survey/?sh=2ee76a171794>.
11. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet, 2025. EDN: DFEHIA.
12. Nosov S.I. Izmenenie predelov i predmeta pravovogo regulirovaniya v epokhu tsifrovizatsii // Yurist. 2021. N 12. S. 63-69.
13. Savina A.V. Osobennosti i predely pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v finansovo-pravovoi sfere // Finansovoe pravo. 2025. N 4. S. 9-12. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-4-9-12 EDN: CHGYHE.
14. Osnovnye napravleniya razvitiya finansovykh tekhnologii na period 2025–2027 godov (odobreny Sovetom direktorov Banka Rossii) // URL: <https://www.cbr.ru/>.
15. Tomashevskii K.L. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta pri trudovom naime (analiz Reglamenta Evropeiskogo soyuza 2024/1689) // Khozyaistvo i pravo. 2025. N 7. S. 85-97. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-7-85-97 EDN: EIZGUQ.
16. Rybakova S.V. Platformennaya ekosistema kak finansovo-pravovoi fenomen // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2024. N 1. S. 133-140. DOI:

10.34076/20713797_2024_1_133 EDN: JLOAIT.

17. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // URL:
<https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.
18. Membership list // URL: <http://www.oecd.org/going-digital/ai/oecd-aigo-membership-list.pdf>.
19. United Nations Secretary-General's Roadmap for digital cooperation // URL:
<https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/>.
20. Tools for Identifying the Human Rights Impact and Algorithmic Accountability of Artificial Intelligence in World Bank Operations // URL: <https://globalpolicy.ai/en/wbg/>.
21. Harnessing Artificial Intelligence for Development on the Post-COVID-19 Era: A Review of National AI Strategies and Policies // URL:
<https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/54526b85-6e91-58f4-ac27-fe9cbbc6bdbb>.
22. V stranakh SNG razrabatyvayut edinye pravila dlya iskusstvennogo intellekta // URL:
<https://www.pnp.ru/politics/v-stranakh-sng-razrabatyvayut-edinye-pravila-dlya-iskusstvennogo-intellekta.html>.
23. Popova A.V. Myagkoe pravo kak strukturnaya chast' otrasli rossiiskogo zakonodatel'stva v sfere pravovoi reglamentatsii iskusstvennogo intellekta // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021.
24. Ibragimov R.S., Suragina E.D., Churilova D.Yu. Etika i regulirovanie iskusstvennogo intellekta // Zakon. 2021. N 8. S. 85-95. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-8-85-95 EDN: UHZTMZ.

The influence of the constitutionalism transformation on the implementation of international humanitarian law norms in national legal orders

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

140570, Russia, Moscow region, Mendeleev village, industrial zone VNIIFTRI, 11

✉ psu70@bk.ru

Abstract. The current constitutionalism transformation significantly influence the dynamics of implementing international humanitarian law (IHL) norms into national legal systems. In the context of globalization, the erosion of traditional notions of state sovereignty, and increasing interactions between international and domestic law, new forms of adaptation of humanitarian norms are observed. The transformation of constitutional frameworks generates both additional guarantees for the adherence to IHL and risks of weakening its provisions during periods of constitutional reforms or political instability. The subject of this research is the processes of interaction between international humanitarian law norms and the transforming constitutional systems of contemporary states. Constitutionalism, traditionally viewed as an expression of state stability and legal order, is currently undergoing substantial transformations influenced by both internal and external factors. These changes affect not only the structure and functions of state institutions but also the mechanisms of perceiving and implementing international obligations, including in the field of international humanitarian law (IHL). The impact of the transformation of constitutionalism on the processes of

implementing IHL norms becomes particularly significant in the face of growing challenges associated with globalization, regionalization, and the changing nature of modern armed conflicts. The methodological foundation of the research comprises systemic, comparative-legal, and historical-legal approaches, allowing for a comprehensive examination of constitutionalism evolution in the context of the development of international humanitarian law. The novelty of the research lies in identifying stable patterns of transformation of constitutional mechanisms for the implementation of international humanitarian law across various legal systems. It is shown that changes in the constitutional structure of states can both facilitate and hinder the effective fulfillment of humanitarian obligations. The research findings emphasize the need for the establishment of stable constitutional guarantees for the protection of IHL norms. The significance of constitutional justice in maintaining international humanitarian standards during reforms is underscored. During this research, a deep analysis of the transformation of national constitutional systems in the context of implementing international humanitarian law (IHL) norms was conducted, identifying key regularities and factors determining the effectiveness of these processes across different legal systems. Based on the conducted analysis, it was concluded that constitutional law, in its current form, is insufficiently effective in addressing the issue of implementing IHL norms.

Keywords: humanitarian obligations, legal harmonization, state sovereignty, constitutional reforms, national legal orders, globalization, implementation of norms, international humanitarian law, transformation of constitutionalism, constitutional justice

References (transliterated)

1. Loughlin, M. The Erosion of Sovereignty // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016. Vol. 45. P. 57-81.
2. Berman P.S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge University Press, 2012. P. 3-33.
3. Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck. Customary International Humanitarian Law. Cambridge University Press, 2005.
4. Casey-Maslen S. The Prohibitions of Torture and Other Ill-Treatment in Armed Conflict under International Humanitarian Law // The Prohibition of Torture and Ill-Treatment under International Law. Cambridge University Press, 2025. P. 237-265.
5. Young R. Internationally recognized human rights' before the international criminal court // The International and Comparative Law Quarterly. 2011. Vol. 60, No. 1. P. 189-208.
6. Kolb R. Advanced Introduction to International Humanitarian Law. Edward Elgar Publishing, 2014. 232 p.
7. Hayo B., Voig S. Determinants of constitutional change: Why do countries change their form of government? // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38, Issue 3. P. 283-305.
8. Adegalu F., Mitchell T. The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level in South Africa // The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On. 2024. P. 1077-1146.
9. Spirkina T.A. Tekhnika implementatsii norm i printsipov mezhdunarodnogo prava v zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii kak instrument globalizatsii // Kontentus. 2019. № 8 (85). S. 21-30. EDN: RRHWWC.
10. Criddle E.J., Fox-Decent E. Human Rights, Emergencies, and the Rule of Law // Human Rights Quarterly. 2012. Vol. 34. P. 39-87.

11. Peters A. Proportionality as a Global Constitutional Principle // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper No. 2016-10, 2016.
12. Weill S. Building respect for IHL through national courts // International Review of the Red Cross. 2014. Vol. 96, No. 895/896. P. 859-879.
13. Calliess C. Die neue Europäische Union nach dem Vertrag von Lissabon. Mohr Siebeck, Tübingen, 2010. 525 p.
14. Chirkin V.E. Integratsionnye mezhgosudarstvennyye protsessy, konstitutsii i gosudarstvennyi suverenitet // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 3 (76). S. 5-19. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.1 EDN: WZYKHO.
15. Osvetimskaya Iya.I. Gosudarstvennyi suverenitet: sodержanie i preobrazovanie v usloviyakh globalizatsii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2017. № 2 (331). S. 150-167. EDN: ZHASJP.

Contributions of International Organizations to Addressing Dark and Quiet Skies for Science and Society

Chernykh Irina Alekseevna

PhD in Law

Associate Professor; Department of International Law; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ chernykh_ia@pfur.ru

Protasevich Fedor Aleksandrovich

Graduate of the Bachelor's degree in International Law from Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ Finiklay2@gmail.com

Dmitrieva Mariya Mihailovna

Graduate of the Bachelor's degree in International Law from Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, student at Toyo Language School (Japan)

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ dmitrieva_mm02@mail.ru

Abstract. Astronomical research has always been an integral part of the study of our Universe, long before humans entered outer space. However, with the advent of active space activities, in particular the deployment of large and mega-constellations of satellites in low Earth orbit, access to dark and quiet skies has become threatened. In this regard, many international organizations have turned their attention to this problem to prevent the situation from worsening. The International Astronomical Union (IAU) and the International Institute of Space Law (IISL), as well as the UN, represented by the subsidiary body of the General Assembly - the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space (COPUOS), are the most active in this regard. That is why this study is devoted to studying their initiatives for the legal assessment of the solutions they propose and identifying additional options that can be implemented in practice. To achieve the stated goal, general scientific (analysis, synthesis) and special legal methods were used: formal legal (study of documents of international organizations), comparative legal (comparison of approaches of the IAU, UN, IISL), historical

legal (evolution of discussions, starting from 2007) and forecasting (justification of the need to develop a special legal regime). This topic has been comprehensively analyzed for the first time in the Russian science of international law. It has been revealed that the main initiator in discussing the issue of dark and quiet skies is the IAU. COPUOS began studying this topic in 2017 within the framework of the Scientific and Technical Subcommittee and has now approved a long-term action plan until 2029. IISL outlined its vision in 2023 in its final report and submitted a review of it to the Legal Subcommittee of COPUOS in 2024. At the same time, the authors came to the conclusion that there is no direct goal to develop an international regime that takes into account the interests of all parties today. Also, issues related to the rights of indigenous peoples regarding access to the sky are not discussed in the Scientific and Technical Subcommittee at the proper level. At the same time, the article emphasizes the important role of international organizations in solving the problem and substantiates the need to develop a special legal regime with an emphasis on human rights issues.

Keywords: indigenous peoples rights, IISL, light pollution, COPUOS, International Astronomical Union, satellite constellations, quiet skies, astronomy, dark skies, space activities

References (transliterated)

1. Abashidze A., Chernykh I., Mednikova M. Satellite constellations: International legal and technical aspects // *Acta Astronautica*. 2022. Vol. 196. P. 176-185. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.04.019.
2. Waldek S. Scientists analyze 76 million radio telescope images, find Starlink satellite interference 'where no signals are supposed to be present'. July 28, 2025. // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.space.com/astronomy/scientists-analyze-76-million-radio-telescope-images-find-starlink-satellite-interference-where-no-signals-are-supposed-to-be-present?utm_term=6D6AF856-6544-4635-8181-BB010A74AD6B&lrh=8648cf867aa82cb370c7fccaadf74ca41c4ab520b64cbe1dfa51a8c1d6c2f017&utm_campaign=58E4DE65-C57F-4CD3-9A5A-609994E2C5A9&utm_medium=email&utm_content=93C796A9-5A50-4D66-9C7A-C7B180CF7312&utm_source=SmartBrief (data obrashcheniya: 29.07.2025).
3. SETI Institute and SpaceX Collaborate to Minimize Satellite Interference on Radio Astronomy // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.seti.org/news/seti-institute-and-spacex-collaborate-to-minimize-satellite-interference-on-radio-astronomy/?utm_source=ActiveCampaign&utm_medium=email&utm_content=Starship%20explodes%20on%20the%20test%20stand&utm_campaign=FIRST%20UP%202025-06-19 (data obrashcheniya: 13.06.2025).
4. Watson F. Dark and Quiet Skies: An Australian perspective // UNOOSA, 2023.
5. Volynskaya O. A. Kosmos i biznes: mezhdunarodno-pravovye problemy // *Pravo i gosudarstvo*. 2022. № 3(96). S. 33-54. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_3_33.
6. Shinkaretskaya G. G. Obespechenie bezopasnosti gosudarstv i negosudarstvennykh aktorov v protsesse kosmicheskoi deyatel'nosti // *Sovremennoe pravo*. 2021. № 5. S. 105-112. DOI: 10.25799/NI.2021.56.56.018.
7. Murashkina S. I., Shtele O. E., Shul'gin P. M. Astronomicheskoe nasledie v spiske Vsemirnogo naslediya YuNESKO // *Nasledie i sovremennost'*. 2020. № 3(1). S. 7-29.
8. Rotola G., Williams A. Regulatory Context of Conflicting Uses of Outer Space: Astronomy and Satellite Constellations // *Air & Space Law*. 2021. № 4&5. P. 545-568.

DOI: 10.54648/aila2021031.

9. Downer B., Gonzalez J. R., Canas L., Russo P., Cheung S.-L., van Dishoeck E., Ivanova N. Public Engagement Strategies for Global Projects of the International Astronomical Union's 100th Anniversary Celebrations (IAU100) // International Astronautical Congress 2019. ID Paper 50005.
10. Bharadwaj T. Protecting the Dark skies of the Earth from Satellite Constellations under International Space Law // International Astronautical Congress 2020. Paper ID 60406.
11. Walker C. The impacts of satellite constellations on optical astronomy: the good, the bad and the ugly // International Astronautical Congress 2021. Paper ID 67137.
12. Brouma P., Liameiti Th. Sky Full of Stars or Satellites: The Impact of Mega-Constellations on Ground-based Astronomy // International Astronomical Congress 2022. Paper ID 73791.
13. Skinner M. A., Coursey C., George E. Dark and Quiet Skies: A predictive technique to mitigate the impact of satellite reflections on astronomical observatories // International Astronautical Congress 2023. Paper ID 75559.
14. Von Der Ohe M., Jah M., Jorgenson C., Caraveo P. A Transdisciplinary Approach to Protect the Dark and Quiet Sky: A New IAA Study // 37th IAA Symposium on Space Policy, Regulations and Economics. 14-18 October 2024, Milan, Italy. P. 317-324. DOI: 10.52202/078380-0033.
15. Finnegan C. Indigenous Interests in Outer Space: Addressing the Conflict of Increasing Satellite Numbers with Indigenous Astronomy Practices // Laws. 2022. Vol. 11, № 2. P. 26. DOI: 10.3390/laws11020026.
16. Zashchita ekologicheskikh prav cheloveka : *Uchebnoe posobie* / pod red. A. M. Solntseva. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. – Moskva : RUDN, 2015. – 468 s.
17. Astronomy and World Heritage Thematic Initiative // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/astronomy/> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
18. Dark and Quiet Skies for Science and Society // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2020/2020_dark_skies.html (data obrashcheniya: 13.06.2025).
19. Dark and Quiet Skies for Science and Society // [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2021/2021_dark_skies.html (data obrashcheniya: 13.06.2025).
20. Group of Friends // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://cps.iau.org/group-of-friends/> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
21. UN/SKAO Workshop on Dark and Quiet Skies for Science and Society 2025 // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/psa/schedule/2025/UN-SKAO-dark-and-quiet-skies-2025.html> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
22. Regan D. DarkSky endorses the Dark and Quiet Skies Act. September 4, 2024. // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://darksky.org/news/darksky-endorses-the-dark-and-quiet-skies-act/> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
23. IISL Working Group on Light Pollution // [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://iisl.space/iisl-working-group-on-light-pollution/> (data obrashcheniya: 13.06.2025).

The formation of international environmental standards in the context of armed conflict: the experience of the late XX –

early XXI centuries

Petuhov Danila Vital'evich

Laboratory Researcher; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Chistoprudnyb-r, 7/2, kv 26

✉ pdv982002@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the evolution of international legal norms governing environmental protection in the context of armed conflict. The object of the study is a set of international treaties, resolutions and practices of international organizations aimed at protecting the natural environment in times of war. The author examines in detail such aspects of the topic as the consolidation of environmental norms in international humanitarian law in the 1970s, including the Vietnam War and its consequences, the adoption of the ENMOD Convention and Additional Protocol I to the Geneva Conventions. Special attention is paid to the analysis of the major environmental disasters of the late 20th century – the burning of oil wells in Kuwait in 1991 and the bombing of industrial facilities in Yugoslavia in 1999, as well as their impact on the development of international law. The article examines the provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court, as well as the activities of the United Nations and the International Committee of the Red Cross in the field of environmental protection in the context of war. The methodological basis of the research consists of historical and legal analysis, which made it possible to identify the evolution of legal norms, and the comparative legal method, which provided a comparison of various international treaties and their implementation mechanisms. The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the consideration of international standards governing environmental protection in armed conflicts. The author summarizes the experience of the second half of the 20th century, showing that individual international treaties and resolutions, despite the importance of their formal consolidation, often remain declarative and insufficiently effective in practice. The article identifies gaps in international law, including the lack of generally accepted criteria for assessing environmental damage and weak enforcement mechanisms. At the same time, the importance of the practice of the UN Compensation Committee is emphasized as an example of the successful implementation of the international mechanism of compensation for damages. It is concluded that there is a need for further development of international law in this area, including the development of unified methods for assessing damage and strengthening the role of international organizations in ensuring environmental protection during wars.

Keywords: environmental damage, The Rome Statute, The Geneva Conventions, The ENMOD Convention, environmental protection, armed conflicts, international law, Kuwait, Yugoslavia, ecocide

References (transliterated)

1. Dubovik, O. L. Ugolovnoe pravo i okhrana okruzhayushchei sredy: real'nyi potentsial i ogranichennye vozmozhnosti v usloviyakh sovremennykh ekologicheskikh krizisov / O. L. Dubovik // Yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – № 8. – S. 30-38. EDN: HMWTZE
2. Brinchuk, M. M. Osobennosti prirody kak ob"ekta ekologicheskikh otnoshenii / M. M. Brinchuk // Gosudarstvo i pravo. – 2023. – № 10. – S. 100-109. DOI: 10.31857/S102694520028118-0 EDN: UZOMSY

3. Cusato E. Agent Orange and International Law // University of Melbourne Law School. – Vol. 19. – P. 27. – 2015.
4. Butrim, I. I. Ispol'zovanie zapreshchennykh sredstv i metodov vedeniya voyny kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva / I. I. Butrim, A. I. Chuchaev // Gosudarstvo i pravo. – 2023. – № 12. – S. 156-170. DOI: 10.31857/S102694520029370-8 EDN: QDMKWI
5. Jarose, J. A Sleeping Giant? The ENMOD Convention as a Limit on Intentional Environmental Harm in Armed Conflict and Beyond // American Journal of International Law. – 2024. – Vol. 118, № 3. – P. 468-511. DOI: 10.1017/ajil.2024.15 EDN: CCQKTI
6. Batyr', V. A. Osobennosti osushchestvleniya mezhdunarodnogo kontrolya za soblyudeniem gosudarstvami obyazatel'stv po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu / V. A. Batyr' // Lex Russica (Russkii zakon). – 2024. – T. 77, № 8(213). – S. 85-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111 EDN: CBVQXT
7. Dubovik, O. L. Ekologicheskaya konfliktologiya (preduprezhdenie i razreshenie ekologo-pravovykh konfliktov) / O. L. Dubovik. – Moskva: Yuridicheskoe izdatel'stvo "Norma", 2019. – 280 s. EDN: OEKEXU
8. Ponomarev, M. V. Mezhdunarodnye i natsional'nye pravovye mekhanizmy razresheniya klimaticheskikh konfliktov / M. V. Ponomarev // Pravo mezhd Vostokom i Zapadom. – 2024. – № 4. – S. 45-55. EDN: VDRCXF
9. Dienelt, A. Armed Conflicts and the Environment: Complementing the Laws of Armed Conflict with Human Rights Law and International Environmental Law. – P. 154-160. – 2022.
10. Batyr', V. A. Osobennosti osushchestvleniya mezhdunarodnogo kontrolya za soblyudeniem gosudarstvami obyazatel'stv po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu / V. A. Batyr' // Lex Russica (Russkii zakon). – 2024. – T. 77, № 8(213). – S. 85-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111 EDN: CBVQXT
11. Zierler, D. The Invention of Ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the Scientists Who Changed the Way We Think About the Environment. – University of Georgia Press, 2011. – P. 8.
12. Haidar, A. William A. Schabas, An Introduction to the International Criminal Court // Windsor Yearbook of Access to Justice. – 2008. – Vol. 26. – P. 204. DOI: 10.22329/wyaj.v26i1.4554.
13. Dubovik O.L., Averina K.N. Znachenie Parizhskogo soglasheniya dlya okhrany klimata: krupnomasshtabnye plany i problemy s ikh realizatsiei // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. 2018. № 4. S. 18-27. DOI: 10.7256/2454-0633.2018.4.27597 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27597
14. Rednikova, T. V. Sovremennye tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany klimata na mezhdunarodno-pravovom i natsional'nom urovnyakh / T. V. Rednikova // Ekologicheskoe pravo. – 2024. – № 1. – S. 31-36. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-1-31-36 EDN: LGMONQ
15. Savenkov, A. N. Global'nyi krizis sovremennosti kak predmet filosofii prava / A. N. Savenkov // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 4. – S. 5-19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7 EDN: ZHEIRF

"Jus cogens" and constitutional law: Transformation of the hierarchy of norms and institutions in the context of global law and order

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

140570, Russia, Moscow region, Mendeleevo village, industrial zone VNIIFTRI, 11

✉ psu70@bk.ru

Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Director, Scientific Research Institute of Globalization, Economics and Civil Society Development

350000, Russia, Krasnodar territory, Krasnodar, ul. Garazhnaya, 93

✉ niipgergo2009@mail.ru

Abstract. Modern constitutional law is faced with the need to rethink the traditional hierarchy of norms in the context of the transnationalization of legal regulation. The leading challenge to the classical model of law and order is the integration of jus cogens norms, peremptory norms of international law that have the highest legal force and universal obligation. These norms begin to play the role of a kind of transcendent criterion that affects the limits of the permissibility of both legislation and constitutional reforms. This problem is particularly acute in countries with a formalized doctrine of the supremacy of the constitution, where jus cogens begins to compete with fundamental national norms. The appeal to them in the practice of constitutional courts and international instances demonstrates a shift from a vertically sovereign to an axiologically oriented model of law. The examples of Germany, Italy, France, and Colombia indicate the emergence of more flexible, polycentric legal structures in which jus cogens is interpreted as an integral part of the constitutional order. The subject of the study is the transformation of the hierarchy of legal norms and institutions under the influence of jus cogens in the context of the emerging global legal order. The methodological basis of the research includes legal hermeneutics, axiological analysis and a comparative legal approach. These methods make it possible to identify how the structure and logic of constitutional regulation is changing in the context of the interaction of national and international law. An institutional approach has also been applied to evaluate regulatory conflict resolution mechanisms. The scientific novelty of the study lies in the interpretation of jus cogens not only as an international category, but also as the axiological limit of national lawmaking. In the context of the erosion of the classical normative pyramid, a post-hierarchical model is being formed, in which jus cogens becomes a normative reference point that does not fit into the previous framework of sovereignty. This requires not the abandonment of national constitutionalism, but its conceptual renewal. The conclusions of the study are focused on the development of the idea of a legal dialogue between different levels of normativity, including the possibility of quasi-constitutional coexistence of jus cogens and national foundations. It has been established that models allowing for such coordination are already being implemented in a number of legal systems. The proposed concept can be used as a basis for further doctrinal and institutional transformations. The article contributes to the formation of a new ontology of global constitutionalism.

Keywords: Constitutional law, jus cogens, mandatory norms, Global legal order, legal ontology, the axiology of law, Legal sovereignty, Transnationalization, hierarchy of norms, Public international law

References (transliterated)

1. Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge University Press, 2006. 704 p.
2. Ispolinov A. S. Normy jus cogens v resheniyakh mezhdunarodnykh i natsional'nykh sudov // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. № 6. S. 7-14. EDN: TEKST
3. Kremnev P. P. Obshchepriznannye printsipy i normy jus cogens i obyazatel'stva erga omnes: yuridicheskaya priroda i ierarkhiya v rossiiskoi pravovoi sisteme // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. T. 12. № 3. S. 783-802. DOI: 10.21638/spbu14.2021.318 EDN: LRQQZF
4. Anufrieva L. P. Konstitutsiya RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskii vzglyad na ponyatiya "obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava" i jus cogens // Lex Russica (Russkii zakon). 2018. № 12 (145). S. 37-47. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.037-047 EDN: YRVHPV
5. Venkatachalam M. M. Jus Cogens v. State Sovereignty: The Battle of Discriminatory Citizenship Laws // Harvard International Law Journal. Dec 8. 2023.
6. Sellers P. Jus Cogens: Redux. AJIL Unbound. 2022. Vol. 116. P. 281-286. DOI: 10.1017/aju.2022.47 EDN: PJAOLC
7. d'Aspremont J., de Brabandere E. The Complementary Faces of Legitimacy in International Law: The Legitimacy of Origin and the Legitimacy of Exercise. Fordham International Law Journal. 2011. Vol. 34. P. 190-235.
8. Kapustin A. Ya., Bal'khaeva S. B. Konstitutsiya i mezhdunarodnoe pravo: novaya model' vzaimodeistviya // Lex Russica (Russkii zakon). 2022. T. 75. № 4 (185). S. 117-127. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.117-127 EDN: VQMQFN
9. Kelsen H. Pure Theory of Law (Reine Rechtslehre). 1960.
10. Krisch N. Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law. Oxford University Press, 2010. 384 p.
11. Klabbbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford University Press, 2009. 414 p.
12. Talmon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished. Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25(4). P. 979-1002.
13. Pivoda M. Constitutional Courts Asking Questions: A Deliberative Potential of Preliminary Reference Mechanism. Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 2023. Vol. 25. P. 141-160.
14. Petersmann E.-U. International Economic Law in the 21st Century: Constitutional pluralism and multilevel governance of interdependent public goods. Oxford, Hart Publishing, 2012. 540 p.
15. Dupuy P.-M. Le "jus cogens", les mots et les choses: où en est le droit impératif devant la Cour Internationale de Justice près d'un demi-siècle après sa proclamation? In: Mélanges offerts à Charles Leben: droit international et culture juridique. Paris: Pedone, 2015. P. 77-99.
16. Poyarkov S. Yu. Adaptivnyi konstitutsionalizm: kontseptual'nye osnovaniya i institutsional'nye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoi turbulentnosti // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2025. № 3. S. 67-85.
17. Uprimny Y. R. El bloque de constitucionalidad en Colombia. Un análisis jurisprudencial y un ensayo de sistematización doctrinal. Ius Inkarrí. 2021. Vol. 3(3). P. 115-148.
18. O'Connell M. E. Jus Cogens: International Law's Higher Ethical Norms. In: Childress, III D. E., ed. The Role of Ethics in International Law. ASIL Studies in International Legal

Theory. Cambridge University Press, 2011. P. 78-98.

19. Shelton D. Jus Cogens: Elements of International Law. OUP Oxford, 2021. 144 p.

20. Lusted M. Treaties, Peremptory Norms and International Courts: Is the Hierarchy Theory Treading Water? // LSE Law Review. 2020. Vol. 5. P. 209-218.

Constitutional systems under international sanctions: legal resilience and limits of autonomy

Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Kuban State University'
Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution 'Federal Scientific Center for Food Systems named after V.M. Gorbato' of the Russian Academy of Sciences

3 Kolkhoznaya str., Krasnodar Territory, 350042, Russia

✉ niipgergo2009@mail.ru

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, Federal State Unitary Enterprise 'All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements'

Office 4, Khimzavodskaya str., 48, Krasnodar Territory, 350007, Russia

✉ niipg2025@mail.ru

Savchenko Marina Stanislavovna

Doctor of Law

Professor, Head of the Department; Department of State and International Law; Kuban State Agrarian University named after I.T. Trublin

Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia

✉ niipg2010@mail.ru

Abstract. This scientific article is dedicated to the public law analysis of the legal sustainability and limits of the autonomy of national constitutional systems under international sanctions. This scientific topic is particularly relevant at present in light of the fact that international sanctions have transformed from an exceptional mechanism of international accountability into a regularly applied form of geopolitical pressure, encompassing a wide range of impacts: from restrictions on foreign economic activities to targeted measures against specific power institutions and public officials. In this context, a legitimate question arises: to what extent do such measures affect not only the economic or diplomatic sphere but also the fundamental parameters of the internal legal order, primarily the constitutional systems of states that find themselves under external sanctions? The study employs a range of research methods, in particular: formal-logical; comparative legal; historical-legal; statistical; sociological; legal hermeneutics; and case studies. The aim of this research is to identify the scale, directions, and consequences of the impact of international sanctions on the constitutional systems of states. This discussion involves not only general theoretical constructs but also empirically observable institutional reactions that are forming in states subjected to sanctions imposed by entities such as the European Union, the United States, the UN Security Council, or groups of states. The analysis of legal mechanisms for adaptation and resistance in such conditions allows us to discover both elements of destruction—such as undermining the legitimacy of institutions, weakening constitutional

control, and reducing the transparency of legislation—and elements of transformational resilience, where the system, despite pressure, maintains basic constitutional principles, develops mechanisms for internal legal balance, and confirms the autonomy of normative will.

Keywords: Russian Federation, Cuba, Iran, monism, dualism, limits of autonomy, legal stability, international sanctions, constitutional systems, Republic of Poland

References (transliterated)

1. Aizeks R. Protsessy i rezul'taty konstitutsionnoi reformy v Kazakhstane: upravlenie nesoglasiem, ogranichenie riskov i konsolidatsiya vlasti // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2008. № 1 (55). S. 18-29. EDN: PWHENX.
2. Alaameri A. Kh., Eriashvili N. D. K voprosu o teoretiko-pravovom ponimanii soderzhaniya ponyatiya "sanktsii": mezhdunarodno-pravovoi aspekt // Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik. 2024. № 7. S. 23-25. EDN: DTOLVV.
3. Afontsev S. A. Sanktsii i mezhdunarodnye instituty: perspektivy snizheniya sanktsionnykh riskov dlya Rossii // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2019. T. 14. № 3. S. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03. EDN: XJNEVK.
4. Belov S. A. Vyzovy pretsedentnogo prava konstitutsionnym sudam Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy // Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya. 2020. № 1. S. 32-39. EDN: OCAFSS.
5. Bobrova N. A. Unikal'nost' konstitutsionnoi reformy 2020 goda i ee posledstviya dlya budushchego Rossii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 2 (53). S. 11-20. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-2-11-20. EDN: THLCBX.
6. Blinova Yu. V. O ponyatii i vidakh mezhdunarodnykh sanktsii // Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal. 2024. № 1. S. 57-61. DOI: 10.14258/ralj(2024)1.12. EDN: XZQVUZ.
7. Buzanov N. A., Vorovskaya D. V. Kto mozhet narushat' mezhdunarodnoe pravo? Vzaimosvyaz' natsional'nogo i mezhdunarodnogo prava. Monizm i dualizm. Vliyanie na rossiisko-kitaiskoe strategicheskoe partnerstva // Voprosy politologii. 2021. T. 11. № 4 (68). S. 1247-1253. DOI: 10.35775/PSI.2021.68.4.032. EDN: JDZXBK.
8. Vinogradova E. V. Vliyanie mezhdunarodnykh ekonomicheskikh sanktsii na konstitutsionnoe prostranstvo sovremennoi Rossii // Obrazovanie i pravo. 2022. № 2. S. 84-88. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-2-84-88. EDN: UZXTGY.
9. Goncharov V. V. Gosudarstvennyi suverenitet i global'nyi konstitutsionalizm: voprosy sootnosheniya // Yuridicheskaya nauka. 2017. № 3. S. 37-44. EDN: ZXYYBH.
10. Goncharov V. V. Vliyanie protsessov globalizatsii na organizatsiyu i deyatel'nost' natsional'nykh politicheskikh elit // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2017. № 6 (3). S. 264-270. DOI: 10.15643/libartus-2017.3.6. EDN: ZCSCBL.
11. Grishaeva O. N., Tolochko A. V. Obshchee i osobennoe v stanovlenii i razvitii instituta prezidentstva v postsovetских gosudarstvakh // Problemy postsovetского prostranstva. 2016. № 4 (10). S. 5-15. EDN: XRACTD.
12. Deryabina E. M. Traditsionnye doktriny i podkhody k resheniyu voprosa o sootnoshenii mezhdunarodnogo, vnutrigosudarstvennogo i obshcheevropeiskogo prava: monizm i dualizm // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2010. № 2. S. 121-131. EDN: TCSEIN.
13. Dzhavad Z. P., Famaraz Z. P. Iran i Rossiya: vzaimodeistvie v usloviyakh

- mezhdunarodnykh sanktsii // Evraziiskii Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii. 2024. T. 13. № 3 (56). S. 612-625. DOI: 10.35775/PSI.2024.56.3.016. EDN: NZBXXZ.
14. Di Gregorio A. Krizis verkhovenstva zakona v novykh gosudarstvakh-chlenakh ES // Konfliktologiya / Nota Bene. 2016. № 4. S. 241-251. EDN: YPMGCZ.
 15. Dovgan' G. V. Granitsy deistviya printsipa verkhovenstva prava ES otnositel'no Konstitutsii: Acquis constitutionnel Konstitutsionnogo tribunala Pol'shi // Problemy zakonnosti. 2017. № 138. S. 202-209.
 16. Ekimova N. A. Mezhdunarodnye sanktsii v otnoshenii Rossii: neyavnye vyvody // Mir novoi ekonomiki. 2018. T. 12. № 4. S. 82-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92. EDN: YPEJJJ.
 17. Ivashkevich E. F., Kabysheko N. V. Sovremennye konstitutsionnye protsessy v stranakh postsovet'skogo prostranstva // Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. 2020. № 3 (19). S. 13-21. EDN: JRXAKE.
 18. Kodavbovich S. V. Konstitutsionnye osnovy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Velikobritanii i SShA // Zakonodatel'stvo. 2017. № 1 (25). S. 19-24.
 19. Maistrenko G. A., Maistrenko A. G. Konstitutsionnye sistemy RF i SShA: sravnitel'nyi politiko-pravovoi analiz // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2023. T. 12. № 1A. S. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2023.60.98.023. EDN: MRABBV.
 20. Men V. Vzaimodeistvie mezhdunarodnykh sanktsii na munitsipal'noe upravlenie i mestnoe samoupravlenie v Rossii i Kitae // Nauchnyi aspekt. 2024. T. 11. № 8. S. 1302-1312. EDN: ASHHPY.
 21. Nesterenko A. V. Mezhdunarodnye sanktsii i ikh vliyanie na normativno-pravovye akty Rossiiskoi Federatsii // Novaya nauka: problemy i perspektivy. 2025. № 2. S. 138-148. EDN: WTGWZR.
 22. Poyarkov S.Yu. Islamskii konstitutsionalizm v usloviyakh globalizatsii: transformatsiya pravovykh i politicheskikh institutov v kontekste sovremennoi konstitutsionnoi praktiki // Politika i Obshchestvo. 2025. № 3. S. 1-20. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.74063 EDN: EJTJXI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74063
 23. Protasenko N. V. Mezhdunarodnye sanktsii kak vid yuridicheskoi otvetstvennosti // Sinergetika prirodnykh, tekhnicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. 2018. № 15. S. 240-245. EDN: YAUWST.
 24. Rakitskaya I. A., Molchakov N. Yu., Kremyanskaya E. A. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie primeneniya mezhdunarodnykh sanktsii v Shvetsii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2024. № 5. S. 65-69. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-5-65-69. EDN: FLNFGC.
 25. Rasskazov L. D. Metodologiya izucheniya krizisnykh yavleniy obshchestva v epokhu globalizatsii kak put' razresheniya protivorechii mezhdunarodnykh monizmom i dualizmom v poznanii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 10-1 (24). S. 156-158. EDN: PBOGNP.
 26. Redikul'tsev Ya. V. Mezhdunarodnye sanktsii kak sredstvo ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii // Molodoi uchenyi. 2019. № 49 (287). S. 399-402. EDN: MDNQML.
 27. Sattorov Sh. A. Sposoby protivodeistviya mezhdunarodnym sanktsiyam // Aktual'nye issledovaniya. 2023. № 22-3 (152). S. 39-41. EDN: UXXEHY.
 28. Smuk P. Konstitutsionnye izmeneniya i konstitutsionnaya real'nost' v Vengrii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2013. № 5 (96). S. 32-43. EDN: RDRODP.
 29. Sharifzoda L. Sh. Transformatsionnye protsessy i problemy ukrepleniya

gosudarstvennosti Respubliki Tadjikistan // Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. 2020. № 6. S. 319-324. EDN: QYKGZU.

30. Shelkova E. S., Prokhorova N. A. Evolyutsiya i sovremennye tendentsii konstitutsionnogo prava // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2024. № 7 (194). S. 125-127. EDN: PCKCAW.
31. Efegil E. Avtoritarnye / konstitutsionnye patrimonial'nye rezhimy v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2006. № 5 (47). S. 107-115. EDN: PVPATJ.
32. Yarar M. Konstitutsionnye garantii v stranakh Tsentral'noi Azii: osnovnye grazhdanskie prava i svobody de-yure i ikh sostoyanie de-fakto // Pravo i politika. 2025. № 4. S. 16-28. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.4.74045 EDN: RXNXDM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74045
33. Barker J. C., Cardwell P. J., French D., White N. Decisions of International Courts and Tribunals (PDF) // International and Comparative Law Quarterly. 2009. № 58 (1). Pp. 229-240.